

Владислав Конюшевский Все зависит от нас

Попытка возврата – 2

Текст предоставлен издательством «Лениздат» <http://www.litres.ru>
«Все зависит от нас»: Лениздат; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-9942-0793-2

Аннотация

Военные приключения Ильи Лисова продолжаются. Зная будущее, он все-таки смог так изменить ход Великой Отечественной войны, что не произошло ни харьковской катастрофы, ни потери Крыма, ни Сталинграда. Так что теперь, к концу 1943 года, Красная Армия вышла к границам СССР и с боями двигается дальше, на запад. Илья, как и миллионы советских солдат, воюет, но совершенно не подозревает, что в один прекрасный момент люди из НКВД опять зададут ему вопрос: «Лисов, а вы кто?» И на этот раз придется отвечать честно...

Владислав Конюшевский Все зависит от нас

Глава 1

– Ххек!
Бум!
– Уй!

Ноги Жеки, высоко взлетев в воздух, описали красивую дугу, и он всей своей массой смачно впечатался в зеленую траву. Да так и остался лежать, пытаясь продышаться. Я не замедлил прокомментировать:

Если вас ударят в глаз, вы невольно вскрикнете.
Раз ударят, два ударят, а потом привыкнете.

После этих слов тело на земле несколько ожило и, не поднимаясь, показало мне дрожащую и невыразительную дулю. Это, наверное, значит, что не желают оне привыкать... А куда же ты денешься, родной?

Евгений Козырев, окончив диверсионную школу под Астраханью, считал себя круче яиц и выше звезд, пока не попал к нам. Вообще-то он должен был войти в личный состав террор-групп Четвертого Украинского фронта, но не срослось – как раз во время проверки пополнения там оказался Гусев. Поглядев на стрельбу бывшего курсанта, Серега, невзирая на возражения генерала Ордынцева, без долгих слов забрал чудо-стрелка с собой. Генерал возмущенно бухтел вслед, но против людей из спецгруппы ставки он не плясал, так что уже к вечеру мы познакомились с новым снайпером нашего подразделения, который сразу заполучил себе позывной – «Змей». Потому что стрелял, как герой из книги Фенимора Купера. Но Чингачгук – это слишком длинно, а вот Большой Змей – в самый раз. Правда, сразу решили, что двуспальная кличка для салабона это чересчур жирно, поэтому убрали первое слово. Так Женька и стал просто Змеем. Но стрелял парень действительно классно, даже лучше меня. И в остальном был неплох, только вот с рукопашкой существовали некоторые напряги. Стандартная подготовка бойца терроргруппы это, конечно, хорошо, но нашему уровню она не соответствовала. Поэтому срочно занялись подтягиванием новенького. Все понемногу. Сегодня, например, его дрессировал Марат, я же, валяясь возле дерева, наблюдал и комментировал.

К плотным тренировкам новенького удалось приступить только сейчас, так как у нас наконец наступило время отдыха. Группа всего три дня назад вернулась из удачного поиска, поэтому кто-то до сих пор отсыпался и отъедался, а свободные от сна и обжорства гоняли молодого. Был бы выход неудачным, сейчас бы шли разборы и раздача плюх, но все прошло штатно. Скажу больше – такие рыбные рейды за передок редко встречаются! Помимо стандартного капитана-связиста, приволокли еще штабного майора, который рассказал очень интересные вещи. Оказывается, после летнего и продолжающегося осеннего наступления Красной Армии партайгеноссе Адольф впал в полную невменяемость. Правда, было с чего – фронт двигался очень резво и совсем не так, как это происходило в моем времени. К 10 сентября 1943 года мы уже освободили Нарву и Псков на севере, Радомышль в центре и Николаев на юге. Сейчас Прибалтийский фронт активно рубится в районе Витебска, а наш нацеливается на Одессу. Так что тревога господина Шикльгрубера вполне обоснована. Причем эта тревога приобрела такие размеры, что он решил – хватит Роммелю в Африках загорать, когда фатерлянд в опасности! И теперь «Лис пустыни» лично прибыл на Восточный фронт, дабы исправить положение. Прибыл он, естественно, не один, а со всеми чадами, домочадцами и службой тыла. Так что скоро, наверное, придется лицезреть «Тигры» веселенькой желтовато-коричневой окраски.

Вообще, фрицы к середине войны подрастратили многое из своего легендарного аккуратизма, и теперь новые танки вполне могут не успеть переокрасить. Особенно после того, как 1-й и 2-й Белорусские фронты под Минском основательно пошупали немчуру за теплый волосатый сосок. Так что теперь у африканских героев не останется времени заниматься тюнингом техники, а сразу с колес их сунут в бой. Ну что ж, бывшие «львы пустыни» своей странноватой для наших мест расцветкой будут очень хорошо выделяться на общем фоне остальных войск. Заодно и поглядим, чему они там, в теплых странах научились. Мне кажется, здесь их ждет крайне неприятный сюрприз – встреча с бронированным танковым кулаком Красной Армии, это вам не англичан вокруг барханов гонять.

Кстати, при говорливом майоре был объемистый портфель с таким содержимым, ознакомившись с которым командир нашей спецгруппы, полковник Колычев еще позавчера лично взялся сопровождать документы в Москву. Так что теперь, будучи оставленные без начальственного присмотра, мы откровенно балдели. Сначала просто отсыпались, а вот сейчас показывали друг другу силушку молодецкую.

* * *

Шум подъехавшей и остановившейся за нашей хатой машины заставил приподнять голову.

– Боец, где тут химики расположились?

Голос невидимого пока крикуна мне сразу не понравился из-за сквозящих в каждом слове барственно-начальственных ноток. Что ему ответили, не услышал, но, поднявшись, стал отряхиваться, потому что прибыл неизвестный по наши души. Блин! Под кого нас только не маскировали... И пехотинцами были, и летчиками, и саперами. Сейчас вот, уже недели три, с тех пор как прибыли в эту деревню – считались химиками. Хорошо еще фамилии в документах оставляли прежними, а то бы уже давно не только немцев запутали, но и запутались сами.

Из-за угла показался «ХБВ», он же ГАЗ-64, с гордо восседающим лейтенантом и двумя солдатами. Увидев нас, летеха, не торопясь, вылез из джипа. Мельком оглядев рассупоненных и тяжело дышащих пацанов, он обратился ко мне:

– Эй, капитан, мне нужен... – Тут он сверился с бумажкой. – Шарафутдинов Марат Ильдарович.

М-да, давненько меня «эй капитаном» не называли... Правда, сразу предъявы оборзевшему в корень летехе кидать не стал, уже сообразив, из какой конторы он к нам явился, а вежливо попросил:

– Вы, товарищ лейтенант, представьтесь, а потом поговорим.

Криво ухмыльнувшись, тот сунул мне под нос красную книжечку с надписью СМЕРШ. Хм, похоже, орелик из штаба армии – в штабе фронта ребята из этой же организации в основном знакомые, да и таких нахальных не встречалось. Наверняка – новенький из шестого отдела...

Теперь, видимо, по задумке контрика, мне надо сильно-сильно испугаться и, виляя хвостиком, быстренько доставить Марата в его белые ручки. А анкер в корму не хочешь?

– Товарищ лейтенант, покажите, пожалуйста, удостоверение в развернутом виде.

Особист аж задохнулся от возмущения. Правда, орать не стал, а ткнул раскрытой «корочкой» мне в лицо и тут же ее убрал. Нервный какой. А ведь я ничего сногшибательного от него не требую. Этот козлик, наверное, из той части свежего пополнения, которое подобрали с тылов для усиления армейской контрразведки. Они понадобились, потому что, ввиду приближения фронтов к старой границе, ожидается резкое возрастание разного толка националистических элементов в тылах наступающей армии. Да и вражеских разведчиков всех мастей тоже хватает, так что все старички будут заняты оперативной работой. А новеньких, тех что потупее, пока использовали по принципу – подай то, принеси это и пошел на фиг. Вот как этого лейтенанта, который, до сих пор живя гражданскими понятиями, еще не уловил разницу между человеком у станка и человеком с ружьем. Но это ничего, такие быстро обламываются...

– Товарищ лейтенант, давайте проедем во-о-он к тому дому.

– Что, Шарафутдинов там?

– Там, там. – Я кивнул. – Все там.

Подмигнув мужикам, запрыгнул в машину, и мы покатили к хате, где располагались наши связисты. А самое главное, там был сейф, в котором хранилась моя мощная бумага порученца. Сейчас ее возьму и начну строить этого щегла. Можно, конечно, обойтись и без корочек, но это чревато травмами различной степени тяжести для приехавших контриков. Добром они не успокоятся, а я уже догадываюсь, почему они Марата ищут.

Еще неделю назад он письмо получил из дому. По очень туманным намекам понял, что его дядю, работающего в КБ на заводе, загребли. Вот теперь гэбисты и отрабатывают родственников. А мне на фиг не надо такого подрывника терять, да и вообще... Этот парень мне давно как родной стал, так что хрен его чекистам отдам. Пусть хоть до Берии дело

доводят. Тем более что сам Лучший Друг Советских Шахтеров в свое время сказал, мол, сын за отца не отвечает.

Вообще, усатый вождь стал потихоньку утомлять. Вроде вменяемый мужик, но ему очередной раз моча в голову вместе с горшком влетела. Говорят, снова потихоньку пошли аресты отпущенных было умельцев. Правда, их сажали не в лагеря, а в специально создаваемые «шарашки». Причем, блин, сажали за невесторженный образ мыслей. Дескать, ругают советскую власть. А чего им ее хвалить? Вместо того чтобы знания по специальности совершенствовать, они лес в тайге валили. Как жареным запахло, их поотпускали. Причем как будто так и надо – посадили с дикими обвинениями, потом отпустили со странными оправданиями. Теперь вот на фронтах выровнялось и опять, что ли, стали народ гнобить? Тоталитаризм, с одной стороны, хорошо, но вот с другой – смотря какой диктатор во главе государства окажется. У Виссарионыча, например, на старости лет различные мании и фобии, похоже, вконец разбушевались...

* * *

Под эти мысли подъехали к расположению связистов. На крыльце стоял Гусев, важный, расслабленный и довольный жизнью. Ночью он отделился от коллектива и предавался развратным действиям с певичками из бригады фронтовой самодеятельности, поэтому сейчас был похож на утомленного мартовского кота. Щурясь на солнце, он лениво лулгал семечки и только вопросительно поднял бровь, увидев меня в столь странной компании.

– Здравия желаю, товарищ майор!

Серега так удивился официальному обращению, что подавился семечком и закашлялся. Прокашлявшись, возмущенно спросил:

– Ты чего тут под руку орешь?

– Да я не ору. Просто вот смежники пожаловали. Шарафа арестовать хотят. Так что давай в хату – разбираться будем.

Лейтенант во время разговора стоял, недоуменно крутя головой. Видно, слова о смежниках, заставили его слегка напрячься. Я тронул СМЕРШевца за рукав и, показав на дверь, предложил:

– Ну что военный, пойдем, поговорим.

Сержант и рядовой, приехавшие с наглым контрразведчиком, сунулись было следом, но их тормознул Покатилов, который занимался охраной наших «маркони»:

– Так, бойцы. Вы – на месте. Ничего с вашим командиром не делается.

Спорить с ним те не рискнули. Видно, тоже почуяли необычность ситуации. Летеха только головой дернул, но права качать не стал и вошел в дом.

Вышел он мокрый и взъерошенный. Сначала я показал ему свою ксиву и поставил раком, то есть по стойке смирно. Потом мы связались с генералом Левиным, начальником контрразведки фронта. Он был один из немногих, кто знал, чем наша группа занимается. Обрисовали положение. Генерал, оказывается, был не в курсе того, что его подчиненные в нашу сторону такую бочку покатили, хотя с его стороны это косяк сильнейший. Ведь именно Левин должен был прикрывать и курировать нашу группу со стороны СМЕРШ. Предчувствуя неминуемое вставление кола от земли до неба, генерал молниеносно провел расследование и уже через двадцать минут все выяснилось. Оказывается, имела место случайная, хотя, как выразился перенервничавший главный контрразведчик фронта – «преступная» накладка. Просто не в меру ретивый цирик из штаба армии, получив бумагу на Марата и не обратив внимания на спецпометку в личном деле, решил сделать превентивный арест. Так сказать, для подстраховки. Вот и заслал своего подручного брать Шарафа, как будто тот, блин, всю жизнь немецким шпионом проработал. Ретивому я теперь не позавидую и, чем для него все закончится, даже предположить не могу, а вот летехе за непочтительное отношение к старшим по званию просто дали по зубам и отпустили с богом. Правда для

начала Гусев его запугал до мелкой тряски. Даже расписку взял о неразглашении. Контрик на гражданке, видно, совершенно не представлял, что в действующей армии с ним может приключиться такой конфуз, поэтому расписку написал без звука, да еще и благодарно поглядывая на нас. Ну правильно – сначала он послушал в трубке маты начальника следственного отдела СМЕРШ, а потом я предложил для сохранения военной тайны его самого превентивно арестовать и как следует расспросить, а не работает ли он на румынскую сигуранцу с целями ослабления особой группы ставки. Добавив, что для абвера лейтенант слишком тупой, а для румын – в самый раз такой агент будет. А после допроса, опять-таки во избежание распространения информации, изолировать контрразведчика на неопределенное время, тем более, такие полномочия у нас были. Так что лейтенант после прощального пинка пулей заскочил в свой ХБВ и унесся совершенно счастливый, что так легко отделался. Мы с Серегой переглянулись, наблюдая за суетливым бегством представителя карательных органов и заржали.

– Наградил же Бог фамилией!

Гусев даже прослезился от смеха.

– Задрыгайчик... Воистину задрыга и скачет зайцем.

А до меня дошло нежелание незваного гостя демонстрировать мне свое удостоверение в раскрытом виде. Этот хмырь собственной фамилии стесняется. Ну так поменял бы ее, что ли. Хотя с другой стороны, я вспомнил, как купец Желтобрюхов с похожей проблемой к одному нашему царю обратился. Тоже хотел поменять фамилию. Ну и стал не Желтобрюховым, как был, а с легкой царской руки – Синеврюховым. Лейтенант, видно, решил в данном вопросе судьбу не испытывать...

Хотя смех смехом, но вот симптом тревожный. Причем лично для меня. Одно дело слышать, что где-то кого-то замели, и совсем другое, когда вот так, ни за что – пытаются забрать твоего кореша. Тем более, не зря говорят – чем выше взлетишь, тем больнее падать. У меня же взлет – круче некуда. Очень мало кто может похвастать, что с Верховным чаи гонял. Значит, как только надобность в пророчествах отпадет, то ждет товарища Лисова в лучшем случае дорога дальняя, казенный дом. Причем это в самом лучшем случае. А вернее всего, шлепнут во внутренней тюрьме во избежание, так сказать, распространения информации. Виссарионыч сантиментами не страдает, да и добра, как я уже успел увидеть, не помнит. У него все направлено на достижение цели. Жить после таких правителей хорошо – страна, получившая мощный пинок, находится на подъеме, но вот жить во время их правления как-то страшновато.

А ведь поначалу он мне сильно понравился. Прямо в натуре – отец народов. И к аргументам прислушивался. Ведь дал приказ отпустить практически всех политических, необходимых для восстановления обороноспособности государства. Так что же он – по новой начал? Базара нет, именно Сталин вытянул СССР из той жопы, куда его столкнула война, но она уже движется к завершению. Даже сами немцы, после того как перемололи их лучшие танковые части под Масловкой, уже не верили в победу. Так что до конца войны осталось гораздо меньше чем полтора года. Если все такими темпами пойдет, то к концу лета сорок четвертого фрицев добьем. А дальше что? Я про те времена толком не знаю, но краем уха слышал, что после войны опять активные чистки начались. Это наверное, чтобы людей, своими глазами видевших изобилие Европы, слегка охладить и свое место указать. Выходит, уже пора думать, как бы самому под раздачу не попасть. Хотя сейчас я еще в фаворе. Последняя встреча с Верховным хоть и прошла скомканно, но кое-какую информацию к размышлению я ему все-таки подкинул. Так что в ближайший год, надеюсь, брать за цугундер меня не будут.

– Ты чего загрустил вдруг?

Тычок в плечо отвлек от невеселых мыслей.

– Да понимаешь, Серега, что-то вот о будущем задумался.

– А что тут думать, немца победим, эх как заживем!

Майор изобразил довольную морду и причмокнул губами.

– В том-то и вопрос, как заживем... Марата-то за что повязать хотели?

Гусев, сыграв желваками, очень странно взглянул на меня, но уже через секунду, став прежним развеселым головорезом, с улыбкой ответил:

– Но ведь не повязали? Так что, друг мой лепший, не журишь, я сказал – заживем, значит, заживем!

Тут дальние разрывы отвлекли нас от этого довольно странного, на мой взгляд, разговора. Интересно – что Сергей хотел этими словами сказать? Но уточнить не получилось. Майор сделал вид, что полностью поглощен немецкими самолетами, пытающимися бомбить какую-то цель километрах в трех от нас. Я тоже стал разглядывать пикировщики, которым вообще-то было уже не до бомбежки. Последнее время вражеские самолеты мы вообще видели редко. Это им не сорок первый. Теперь с «мессерами» и «фоккерами» на равных дрались «ЯК-3» и «Ла-7». Да и наземное зенитное прикрытие было на высоте. Так что самолеты люфтваффе спускали на землю быстрее, чем их успевали производить. Ну и конечно же – с горючим в Германии была огромная напряженка. Вот и сейчас из звена «юнкерсов», пытающихся чинно отбомбиться по русским, одного уже завалили с земли, а наперехват удиравших во все лопатки остальных с севера заходило несколько маленьких точек, которые наверняка были нашими истребителями.

Тут дверь открылась и на крыльце появился Мишка Северов.

– О, Илья, ты здесь! А я тебя искать уже собрался. Там шифровка пришла. Видно, опять в столицу вызывают... Пойдем, распишешься.

Расписавшись и прочтя послание, я удивился. Блин! Действительно, вспомни черта... Прозорливый Мишка оказался прав – надо лететь в Москву. Связавшись с транспортниками и выяснив, когда идет ближайший попутный борт, я поплелся в каптерку переодеваться. В полевой х/б хождение по первопрестольной, конечно, не возбраняется, но вид не тот. Поэтому, напялив свой китель с подполковничьими погонами и фуражку, я глянул на себя в большое зеркало от трюмо, которое где-то умыкнул домовитый каптерщик. Мда, непривычно... Хотя, конечно, вид стал гораздо солиднее. Такому важному дяде Змей бы уже поостерегся дули крутить. Даже морда стала как будто шире из-за высокого воротника, подпершего подбородок, и во взгляде появилась начальственная искра. Хотя какая в дупу начальственная? Люди с таким званием как минимум полками командуют, за тысячи жизней отвечают. А я его получил после переаттестации из гэбэшных званий в армейские и до сих пор себя так и ощущал – максимум капитаном. А уж чтобы за тысячи людей отвечать – увольте. Только за свою разведгруппу. Ну да – каждому свое, поэтому, накинув на плечи плащ-палатку, чтобы не нарушать режима секретности, двинул на выход. Там уже стояли наши мужики, и, прежде чем запрыгнуть в «виллис», я принял заказы на подарки. В основном народ требовал папирос фабрики Урицкого, целлулоидных подворотничков для форса, заводских вставок под погоны ну и прочего по мелочи.

– Вы мне, блин, еще список дайте! Как там?

Двум невесткам по ковру,
зятю заячью нору,
а сестре плевать чего,
но чтоб красиво!

Ребята эту песню уже слышали, потому рассмеялись, и, похлопав друзей на прощание по плечам, я наконец покати к летчикам. Правда, когда прибыл на аэродром, выяснилось, что торопился зря. Часа три проторчали, ожидая двух генералов из штаба армии. В общем, когда прилетели в Москву, был уже глубокий вечер. И хрен мне дали очухаться с дороги, удавы траншейные! Сразу пригласили в машину и покатали в известном, до оскомины, направлении. Так что уже через сорок минут, поправив фуражку, сделал три строевых шага и, вскинув руку к виску, сказал:

– Здравия желаю, товарищ Сталин!

– А, товарищ Лисов! Проходите, Илья Иванович, садитесь.

Верховный был подозрительно доволен и весел. Он, что, рассчитывает на очередной прогноз? А хи-хи не хо-хо? Нечем мне тебя обрадовать.... Но, похоже, он и не ждал, что сейчас начну пророчествовать. Наоборот, только я сел, сам стал говорить:

– Вы помните, когда в январе сорок второго у товарища Берии отмечали на карте возможное нахождение различных месторождений?

Ну еще бы не помнить. Два дня тогда просидел, вспоминая все МПИ¹, которые были известны. Не зря же на геофизика учился, кое-что в голове осталось. Что-то указывал приблизительно, что-то на мелкомасштабных картах достаточно точно. Особенно помню, тогда все удивились тому, что на территории СССР алмазы должны быть. Даже поругался со специально приглашенными для консультации геологами, доказывавшими, будто они все уже еще в конце тридцатых прошерстили и ни фиги не нашли. Точного же местонахождения кимберлитовых трубок я не помнил. В памяти крутилось только название реки, то ли Ляха, то ли Дьяхта. А там этих рек столько.... В общем, погавкавшись с поисковиками, карты сдал и со временем об этом не то что забыл, но как-то все ушло на второй план. Тем более что нефтяные, бокситовые и урановые месторождения указал достаточно верно. Проводи съемку, оценивай да и закладывай предприятия.

Так что на вопрос Сталина ответил утвердительно. Тот раздул усы в улыбке и выложил передо мной плоскую деревянную коробку.

– Посмотрите, что внутри.

Откинув крючочки, раскрыл футляр. Там, на черном бархате лежали штук шесть образцов алмазов и два бриллианта. Причем все были здоровенными. В каратах не скажу, я все-таки не ювелир, но на глаз, как ноготь большого пальца алмазы и чуть меньше бриллианты.

– Нашли все-таки?!

– Да, Илья Иванович, нашли. И не только это. Так что есть мнение – за выдающуюся помощь нашим советским геологам внести вас в список лауреатов Сталинской премии.

Нихренаськи себе! Это же сто штук! А если усатый говорит: «Есть мнение» – значит, он уже все решил. Только вот где я такие суммы тратить буду? Тут обычного денежного довольствия скопилось за это время столько, что самолет купить могу. Ну да от бабок никто еще не отказывался, поэтому ответил сообразно ситуации:

– Служу Советскому Союзу!

Потом Верховный начал трендеть о том, что эти цацки вовсе не украшения, а алюминий для наших самолетов, новая броня для танков и продовольствие для страны.

В общем, двинул целую речь. Между делом поинтересовался, не хочу ли еще чем-нибудь его порадовать из своих предсказаний? Говорить было нечего, так я и ответил. Сталин сожалеюще покачал головой и наконец отпустил дальше тащить службу, добавив, что о дате вручения премии известят дополнительно. После этого молчаливый водитель отвез меня домой.

Там была бурная встреча с Селивановым. Он решил пойти по стопам своего отца и уже доучивался в институте. Тем более на фронт с третьего курса уходил, так что восстановился и продолжает грызть гранит науки. На костылях Игорь передвигался очень шустро, не то что в прошлый раз, и помимо учебы подрабатывал в какой-то конторе учетчиком. Только вот худой стал. Ну да – на карточки не сильно разожрешься. Поэтому, отделив денег на заказы мужиков, остальные незаметно сунул ему в карман шинели. С утра с совершенно квадратной после вчерашнего головой проскочил по магазинам. По пути полюбовался на девушек не в форме, а в платьицах, и после обеда уже дремал, привалившись к квадратному иллюминатору «Дугласа».

А еще через неделю бодрый и подозрительно деятельный Колычев, вызвав к себе,

¹ Месторождения полезных ископаемых.

поставил какую-то нереальную задачу. Начал издалека, поинтересовавшись тем, что мне известно про Измаил. А я знаю только, что его Суворов с чудо-богатырями брал... Ну и что его румыны сейчас в хороший укрепрайон превратили. На этом знакомство с сим населенным пунктом заканчивается. Отвечал я очень односложно, надеясь – авось пронесет, так как сразу представил себе местонахождение города на карте и его удаленность от линии фронта. А самое главное, зная, как именно там расположились мамалыжники, пребывал в недоумении – неужели командир нас в окрестности этой старинной крепости забросить хочет? Что сейчас можно в районе Измаила разведывать, совершенно непонятно. «Глубинники» из разведуправления достаточно хорошо все разнюхали, а к подходу линии фронта там все может десять раз поменяться... В конце концов, все эти мысли и вывалил командиру.

Иван Петрович только головой покачал, поняв, что именно меня напрягает, и поэтому начал говорить более конкретно, без подходов издалека. Оказывается, мы понадобились, чтобы вытащить агентурного разведчика с очень ценными сведениями. Он умудрился добыть часть схем новейшей модификации «МЕ-262». А самое главное, у него были доработанные чертежи двигателя. У наших, например, никак нормальный мотор сделать не получается... Я еще год назад рисовал силуэты 262-го и 163-го «мессера», известные мне по компьютерной игрушке. Даже наш «МиГ» нарисовал, тот, который с большой дырой в фюзеляже спереди. Конструкторы идею мусолили, но все упиралось в движки. А тут такой подарок от фрицев! Правда, подарок оказался с изъяном. То есть чертежи, может, и хороши, но их еще доставить надо. Вся заминка в том, что на хвост нашему разведчику упало гестапо и он начал сваливать. Его связник передал только то, что агент будет сидеть в Измаиле, и указание, как с ним связаться. После чего все донесения прекратились. Так что сейчас вообще ничего не известно. Может, его там и не будет, но упускать такой шанс нельзя.

– Товарищ полковник, а чего «тихоню» вообще в Измаил понесло? Аж с Чехословакии? Другого места выхода не нашел? До того же Тернополя гораздо ближе...

– Он там до войны жил, поэтому город хорошо знает. А по цепочке уходить было нельзя. Гестапо именно по ней на него вышло. Так что обрубил все хвосты и ушел сам.

– Ну и послать туда людей из терроргрупп. Они ребята шустрые, его вмиг вытащат.

– А вы что – вялые? И вообще отставить пререкания, товарищ подполковник!

– Капитан...

– Что?

Колычев недоуменно уставился на меня.

– Иван Петрович вы же сами вводили режим секретности. А исходя из него – я капитан. Или он уже отменен? Тогда виноват, товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга!

– Кхм... Ты, Илья, меня не лови. И так голова кругом идет. Думаешь, я не понимаю, на что тебя посылаю? Но задание надо выполнить кровью из носу. А другим поручить не могу, элементарно потому что оно трудновыполнимое. Только людей положим, ведь у них подготовка совершенно другая. Не в лесах, в городе надо будет действовать.

А ты у нас везунчик.

– Ага, поэтому в каждой бочке затычка. Как что подерьмовей, так Лисова вперед запускают. Это вообще ГРУ дело, вот пусть они у себя везунчиков ищут...

Последнюю фразу я пробурчал себе под нос, но командир услышал и вспылил:

– А вы тут по бабам в это время бегать будете? Одно дело делаем. Но если вы, товарищ Лисов, отказываетесь, то можешь идти на хер! Что смотришь? Иди, иди. И Пучкова ко мне вызови. Ему буду задачу ставить...

М-да... как-то странно у нас разговор пошел. У меня с утра голова болит, поэтому бурчу, а Колычев-то – чего ярится? Кто его так накрутить успел? Но ситуацию надо выкручивать, поэтому, поправив пилотку, сказал:

– Виноват, тащ полковник. Готов к выполнению задания!

Тот, видно, тоже почувствовал себя неудобно, поэтому, махнув рукой, предложил:

– Ладно, доставай свои столичные и продолжим...

Выложив пачку «Герцеговины Флор», присел на стул и стал внимательно слушать...

* * *

В общем, для выполнения задачи мне дали зеленый свет со всех сторон. Нас и раньше не зажимали, но в этот раз все решалось вообще моментом. Без звука сняли с подготовки своего задания «невидимок» Клима. На них пал выбор, потому что ребята у него были достаточно обросшие и лучше всех подходили для изображения из себя полицаев. У некоторых даже шикарные чубы присутствовали, и пока ретивые медики в целях борьбы с бекарасами еще не успели обрить всех «под Котовского», я этих бойцов урвал себе.

На всех нашли форму и гражданку, именно какую затребовал. А она не абы какая подходила. Решил, основная группа будет косить под фатовых. Небольшую такую бандочку, которая отходит на запад вместе с фронтом. Дали двух проводников, достаточно хорошо знающих Измаил и окрестности. Причем, как я и заказывал – женского полу и посимпатичней. Парочка, передвигающаяся в городе под ручку, вызывает гораздо меньше подозрений, чем толпа угрюмых мужиков. Всем выдали железобетонные аусвайсы. Настоящие, немецкие, а не подделку наших умельцев. А самое главное, скорость, с которой все было проделано! Чуть больше суток прошло, а группа была уже полностью готова. Когда выходили к машине, Гусев подошел к нам и, ткнув меня кулаком в грудь, сказал:

– Удачи, мужики.

После чего круто развернулся и зашел в хату. Обиделся, наверное, что Пучков идет, а он нет. Но насчет него Колычев попросил, чтобы я Серегу не соблазнял. Он ему здесь нужен будет. Через полчаса были на аэродроме, а еще через час над дверью загорелась зеленая лампочка, и один за другим мы вывалились в черную, непроглядную тьму.

Глава 2

– Точу ножи, ножницы! Кому точить ножи, ножницы!

Визгливые крики самозатачивающегося коробейника уже достали. Народ на барахолке тихонько торговался, не нарушая приличий, только этот станочник вопит как резаный, как будто он один заработать хочет. Мы со Светулей чинно двигались по периметру площади, на которой был этот блошинный рынок. Я весь из себя, в начищенных сапогах гармошкой, необъятных штанах и модной кепочке, куртуазно сплевывал шелуху от семечек и иногда что-то говорил на ухо своей спутнице, отчего та жеманно хихикала. Да и Светочка не подкачала. Гордо несла себя через толпу, брезгливо обходя конские кругляши, попутно стреляя накрашенными глазками налево, направо. Так что пока замечательно вписываемся в пейзаж.

Одна загвоздка. Возле стены, на которой наклеены десятки объявлений, намертво расположились четверо полицаев и уходить вовсе не собирались. А нам как раз к этой стеночке надо. Где-то среди этой кучи бумажек прячется то, что нам необходимо. Объявление о продаже скрипки без смычка. Тот адресок, что в нем написан, и будет местом, где наш «Штирлиц» сейчас прячется. Правда, позывной у него не «Алекс», как у легендарного Тихонова, а – «Вилли». Когда он когти рвал, то еще не знал, где именно в городе остановится, поэтому такие сложности с адресом и возникли. А эти долбанные полицаи торчат возле объявлений, как хрен среди пустыни, уже больше часа. Нам тоже тут долго маячить – резона нет. И так третий круг наматываем. От семечек язык щиплет. Да еще я бдительность потерял и в лошадиное дерьмо своим начищенным сапогом влетел. Конфуз вышел перед дамой...

Но ведь только подойдем к стенке, эти хмыри от нечего делать – обязательно привяжутся. Документы у нас, конечно, хорошие, только эта полиция сильно современных ментов напоминает, которые и к столбу докопаться могут. Почесав репу, решил слегка

ускорить события. Поделится планом со Светиком. Та кивнула, заливисто рассмеялась и игриво шлепнула по плечу. Глаза у нее, правда, были холодные и совершенно серьезные. Ну вот и добре.

Дефилирующей походкой направились к четверке блюстителей порядка. Шагов за пять они заметили незваных гостей и прекратили разговор, удивленно уставившись на борзую парочку. Элегантным движением убрав с губы шелуху, я, приблатненно растягивая слова, начал разговор:

– Здоровеньки булы, хоспода полицаи!

Самый толстый и, видно, главный, смерив меня взглядом, соизволил ответить:

– Ну и ты не кашлай. Чо надо?

– А дозвольте поинтересоваться, вон в том кинотеатре что за фильму крутят? А то афишка висит, а я по-германьски не разумею. Вы, сразу видно, чоловики культурные, может подскажите?

Полицаи посмотрели в сторону кинотеатра, потом на меня и дружно заржали.

Я сделал вид, что обиделся:

– Ну и шо тут, в моей фигуре, вы нашли смешного?

– Да ты, паря, лапоть. Там же ясно написано – нур фюр дойче. Тильки для нимцев. Так шо ничо у тя не выйдет.

– Тю! Жалость какая. А я марушку свою хотел до фильму сводить. Она жуть как про любовь любит. Да и я тоже на Лили Марлену еще бы разок взглянул. М-м-м-м... Шикарная баба!

Я закатил глаза и тут же заполучил сумочкой по башке.

– Тьфу на тебя! Вертихвост! Вы на него посмотрите! Мало ему обычных девок, так он еще на киношную вздыхать задумал!

Светка была бесподобна. С непередаваемым южнорусским говором она призывала на мою голову различные кары небесные, попутно обвиняя во всех грехах. Четверо зрителей веселились вовсю. Да и со стороны народ начал подхихикивать. Сделав вид, что разозлился, грубо пихнул напарницу в сторону.

– Ты не лезь, когда мушшины говорят! Не нравится – вон в сторонке постой. – И уже обращаясь к полицаям, продолжил: – Так вот, я таких щикарных женьщин не видал. Какие бедра! Какой бюст! Ну вы меня разумеете?

Те еще как понимали и быстро включились в обсуждение фееричных форм немецких актрис. Светлана тем временем, обиженно дуясь, стояла носом в объявление. Потом, достав платочек, начала им обмахиваться, лениво поглядывая по сторонам. Так, пора закругляться. Быстренько свернув разговор, попрощался с развеселыми предателями. Только когда уже уходил, толстый меня окликнул:

– Эй, паря! – И дождавшись, когда я повернусь, продолжил: —Смотри, мазурик, попадешься на воровстве, не посмотрю, что ты такой душевный. Мигом в лагерь спроважу.

А глазами, сука, так и сверлит. Как будто несколько секунд назад и не хохотал.

– Та вы шо, господин начальник? Сеня Жук всегда был чист перед законом!

И, гордо подхватив напарницу под ручку, быстренько отвалил.

* * *

Ффух! Похоже, не зря мы под блатных косили. Да и дураков среди полицаев уже мало встречается. Особенно когда они городские. Правда, сейчас какой-то уж чересчур умный попался. Но пока толстый нас заподозрил только в том, что на его территории воришка новый организовался. А урка, по умолчанию, никаких дел с партизанами или с подпольем иметь не будет, тем более что подполья в этой дыре нет. Так что с политической стороны – я совершенно чист. С уголовной же буду его интересовать, когда он меня на горячем прихватит. Поэтому и отпустил гастролера, даже документы не проверив, чтобы не вспугнуть раньше времени, все равно, мол, никуда не денется. От этих мыслей отвлек вопрос

Светланы:

– Ты видел, как он на нас смотрел?

– Видел... тот еще волчара. Чуть дырку не провертел. Пялился, как будто опер.

– А он и есть опер. Я только этого кабана сразу не узнала – растолстел сильно. Но до войны он точно в милиции работал.

– Блин! Тебя он узнать не мог?

– Нет. Мы же не сталкивались раньше, да и я с той поры очень изменилась...

По-новому глянув на свою напарницу, спросил наугад:

– Школу перед войной закончила?

– За год до начала...

М-да... выходит, девчонке сейчас двадцать лет. А я ей не меньше двадцати пяти бы дал. Видно, тоже досталось хорошо... Только вот на местную она не очень походит. Слишком чисто по-русски чешет. Спросил ее и об этом. Напарница ответила, что в тридцать шестом их семья ушла из Измаила за кордон – в Одессу. А в сороковом опять вернулись. Понятненько... Значит, вместе с нашей армией, когда у Румынии город назад отобрали, они и пришли обратно. Правда, дальше уточнять не стал, опасаясь показаться чересчур любопытным. Щелчком выкинув назад окурок, оглянувшись, увидел Пучкова с Галкой, которые шли следом по другой стороне улицы. Леха, увидев мой взгляд, почесал бровь, давая понять, что от рынка за нами хвост не прилепился. Ну вот и славно.

– Далеко до адреса?

Света с тоской посмотрела вокруг и ответила:

– Нет. За поворотом будет разрушенный дом, а от него вниз по улице до конца.

Интересно, чего она так вздыхает? Хотя, в общем-то, понятно – в этом месте выросла, а теперь тут опять фрицы с румынами хозяйничают. Причем, когда предложил барышням навестить их родных, живущих здесь, обе отказались, сказав, что родители погибли. Ну я и не стал копать дальше – может, и вправду погибли, а может, у них легенда такая. Девахи-то – с военной разведки, а у них так же, как и у нас, кто есть кто – хрен разберешь. Скорее всего, она такая же Света, как и я Сеня. Но город знает хорошо. За поворотом действительно были обломки кирпичной четырехэтажки и улица начинала спуск к реке. Одна из стен дома сохранилась, и, проходя мимо нее, Светка как-то мимоходом сказала:

– В этом доме мы и жили...

Блин! Выходит, про родителей – не легенда. Я только руку ее сжал покрепче. А что тут еще можно сказать? Да и не знал, как эту, в сущности еще соплюху, которая и Крым и Рим прошла, утешить можно. Нет таких слов... А еще минут через пять она взглядом показала на деревянный трехэтажный дом. Квартира номер семь, судя по всему, на третьем этаже должна быть. Интересно, какое окошко? Правда, нам в общем-то без разницы. Сорок восемь утюгов и самовар – знак того, что явка провалена, ни на одном подоконнике не стояли. Хотя это я так неудачно пытаюсь шутить. На случай провала вообще никаких сигналов не предусматривалось. Наш агентурный сюда вообще на арапа сбежал, даже не зная, где остановиться. Так что какие уж тут сигналы... Не торопясь, прошли мимо дома. Подавив желание зайти в подъезд и постучаться в квартиру, спросил:

– Света, тут до ночи где-нибудь можно перекантоваться?

Та задумалась и ответила:

– Сейчас даже не могу сказать, кто из надежных товарищей в городе остался. Много времени прошло. А со временем люди сильно меняются. Вон как тот милиционер...

– А на природе?

Несколько секунд она задумчиво морщила лоб, а потом обрадованно воскликнула:

– Ой, действительно, можно в плавнях пересидеть.

У нас там с детства место секретное было. И недалеко отсюда!

До секретного места действительно оказалось недалеко. Через двадцать минут мы уже вползали в уютную пещерку под обрывистым берегом, густо заросшим ивами.

– Да здесь хоромы!

С удовольствием оглядевшись при свете извлеченной из-под деревянного топчана свечки, только руки потер. Но почти сразу озаботился другим вопросом:

– Интересно, ваше секретное место пацаны местные не разнюхали?

Галка, мотнув головой, отвергла это предположение:

– Нас только пятеро про эту пещерку знали. Я, Света и еще трое мальчишек. Мы здесь, они на фронте. Да и свечку я сама прятала. Найди кто – ее бы на месте не было.

Ну вообще-то логично. Значит, можно спокойно отдыхать. Такую команду и отдал, добавив:

– Через три часа комендантский час начнется. А выдвигаться будем в час ночи. Вы, девчата, здесь посидите. Ждете нас до полттретьего. Не вернемся – уходите из пещерки и в каких-нибудь развалинах ждите окончания комендантского часа. Поутру идете на соединение с группой Клима. Ему доложите, что, дескать, спеклись ребята и сюда можно никого больше не засылать. Приказ ясен?

Все синхронно кивнули. А еще через десять минут, выставив Леху первым в охранение, завалились спать...

* * *

Хорошо, что здесь собак не держат. Хотя, может, раньше и держали, только вот фрицы, как упыри какие-то, все норовят гавкающего сторожа дома пристрелить. Жители при виде оккупантов обычно молчат в тряпочку, только псины до конца сопротивляются чужому нашествию. Вот и не осталось в подворьях «звонков». Поэтому до нужного адреса добрались в полной тишине и без приключений. Только один раз в палисаднике пересидели, пока румынский патруль не прошел мимо. Позже, нырнув в кусты возле сарая, начали оглядывать темные окна. Тихо, похоже – все спят. Или светомаскировка хорошая. Только вот где нужное нам оконце?

– Так Леха. Ну-ка, остороженько разнюхай, куда окна от седьмой квартиры могут выходить.

Пучков кивнул и проскочив вдоль стены, нырнул в подъезд. Через пару минут вернувшись, показал пальцем:

– Скорее всего, вон то, на торцевой стене и два сзади.

Понятненько... Может, это и глупо, но по-человечески подняться и просто постучать меня еще днем не тянуло. И предчувствий вроде никаких не было, а вот не хотелось и все. Наверное, во всем виновата масса фильмов про шпионов и подпольщиков, которые в детстве пересмотрел. Теперь прямо так и видел, что дверь открывается, а из квартиры в морду несколько стволов смотрит. Оказаться на месте Плейшнера совершенно не тянуло. Как там в анекдоте было – «Профессор седьмой раз выпадал из окна, а яд все не действовал»... М-да, тем более яда у меня не было, а картинно выбрасываться с третьего этажа в кусты – глупо. Максимум – ногу подвернешь. Может, конечно, и перемудрил, но вот решил зайти через окно. Тем более, по случаю теплой ночи оно гостеприимно раскрыто, а рядом, как по заказу, растет большой каштан. Приказав Лешке бдеть внизу, сам, скинув сапоги, начал взбираться наверх.

Найдя удобную горизонтальную ветку чуть выше оконного проема, удобно расположился на ней и наострил уши. Минут пять чутко вслушивался, и чем дольше ничего подозрительного не слышал, тем сильнее ругал себя за разыгравшуюся паранойю. Вот придурок! Не менжевался бы так, то еще днем, забрав Вилли, уже уходили бы с Климом и его ребятами к месту встречи самолета. А теперь вишу на дереве, как коала, и ночь нюхаю. Еще сверчки эти раскрипелись... Тряхнув головой, чтобы избавиться от общего умиротворения, наваянного запахами и тишиной, уже приготовился мягко спрыгнуть на подоконник, как, услышав посторонний звук, чуть не сверзился вниз.

Ядрен батон! А это еще что? С той стороны дома, возле входа в подъезд, мягко хлопнула дверь машины. Резко раздумав прыгать, я вцепился в свой насест покрепче. Откуда

тут машина взялась?! Ведь буквально только что ничего не было! Да как тихо появилась.... Видно, водила, заглушив мотор, катился вниз по улице накатом. Вот и получилось, что никто ничего не услышал. А еще через минуту в проеме появился человек и, посмотрев вниз, завесил окно одеялом, выполняющим роль светомаскировки. Биомать! Глянь он не вниз, а вверх, наверняка увидел бы мою глупую физиономию. Ведь не больше метра до него было.

Вытерев плечом капельку пота со щеки, соображал, как же быть дальше, попутно прислушиваясь к разговору в квартире. То, что говорили там по-немецки, даже не удивило. Судя по всему, приехавший был старшим, а засадники теперь отвечали на его вопросы. Причем теплая, видно, у них там компашка собралась – никаких званий я не услышал. Друг к другу только по именам обращались. Хотя конечно, без присущих русским подколов и общей душевности беседы. Давно заметил – фрицы, даже если они добрые знакомые, о работе разговаривают сухо и обстоятельно. Вот и сейчас разговор у них проходил в картонно-деловом ключе. Приехавший, которого один из встречавших назвал Генрихом, спрашивал – как прошел день. Ему отвечали, мол, тихо, спокойно – без шума и пыли. И в свою очередь задали вопрос, от которого я чуть не кувыркнулся повторно.

– Генрих, а что на площади? К объявлениям кто-нибудь подходил?

– Нет, Курт. Точильщик утверждает, что в основном только местные. Было также пятеро незнакомых, в разное время. За ними ушли филеры, но потом выяснилось, что это тоже пустышка. Да, еще уголовник там из новеньких терся, но ближе десяти метров не подходил. А с такого расстояния ничего бы он не разглядел.

– Уголовника тоже проверили?

– Нет, людей уже не было, но Крамаренко утверждает, что это точно ворюга. А у него – глаз наметан.

– Все равно – зря его не проверили.

– Курт, ты прекрасно знаешь, сколько у нас людей. Тем более что Крамаренко с этим субчиком разговаривал. Тот интересовался, какой фильм в офицерском кинотеатре идет. Да и по поведению на советского шпиона совершенно не похож. Обычная шантрапа.

– Если бы шпионы были похожи на шпионов, наша работа значительно бы упростилась.

– Ты как всегда прав. Но все равно, как бы там ни было, тот, кто должен забрать документы, мимо этой квартиры не пройдет.

Тут они, видно, закурили, потому что я услышал щелчки зажигалки, и на какое-то время повисло молчание. Потом Курт опять подал голос:

– А резидент не мог соврать?

– Ты же сам присутствовал на допросе. Он рассказал и то, что знал, и о чем давно забыл.

– Да действительно... жалко только, что Отто перестарался. Что там врачи насчет русского говорят?

– Ничего особо страшного. Как обычно отбитые почки, сломанные ребра, выбитые зубы. Дня через три можно будет продолжить. Главное, документы успели перехватить. А это уже – Железный крест. Да еще и за каждого, кто здесь появится – премия.

Фрицы негромко рассмеялись, а я сильно огорчился. Вот козлы! Похоже, наша миссия – напроочь провалена и придется теперь уходить несолоно хлебавши. По всем статьям местные контрики обыграли. Хотя, правда, не по всем – нас-то поймать не удалось. Но насколько тут все схвачено! Подойди я сразу к этим объявлениям, имел бы сейчас, как Вилли, – отбитые почки и сломанные ребра. Да и Светку бы ломали не меньше... Представив, как неизвестный мне Отто мордует мою напарницу, только зубами скрипнул. Нет уж, ребята! Просто так мы не уйдем! В самой квартире, судя по репликам, народу было человека четыре, помимо старшего, поэтому тут шуметь не будем. А вот вашего Генриха за цугундер – однозначно тряхнем.

Дождавшись, когда ловцы человеков начали прощаться, скользнул вниз по дереву и, за секунду вбив ноги в сапоги, метнулся к сараю.

– Леха, тут жопа полная. В хате – засада. Вилли у них, документы тоже.

Пучков только кивнул и ответил:

– Я это понял, когда машина подъехала.

– За рулем кто есть?

– Сейчас только водила – я уже глянул.

– Совсем хорошо. Значит, будем брать их старшего. Шофер твой, начальник – мой. И без мочилова! Может, оба пригодятся.

Напарник кивнул и уже было ломанулся в сторону «опеля». Еле поймать успел.

– Ты куда, балбес?! А если его провожать выйдут? Нет уж. Я так думаю, они накатом приехали, накатом и уедут. Движок включают только вон там, где улица поворачивает. Вот перед поворотом их и возьмем.

– А если сразу заведутся?

– Тогда колеса дырявить будем, хоть и не хотелось бы. Глушак на месте?

Пучков продемонстрировал «вальтер» с надетым глушителем. Ну и добре... Пока рысили вниз, я все оглядывался на виднеющуюся через деревья машину. Похоже, успеваем. Фрицы действительно, не включая мотора, начали катиться вниз. Так что поворота достигли почти одновременно, но мы чуть раньше. И как только услышали звук втыкаемой передачи, метнулись к притормозившему автомобилю. Взяли Генриха быстро и почти без шума. Почти, потому что Лешка, перелетая через капот, поскользнулся и шустрый водила среагировал на метнувшуюся тень. Успел достать свой «люгер», поэтому напарник не стал миндальничать. Так что фриц с проломленной пистолетом башкой угомонился навсегда. Зато его начальник был вполне жив. Ударом по темечку я его только слегка ошеломил, но ни в коем случае не покалечил. Пучков, скинув на заднее сиденье дохлого водилу, сам уселся за руль и покатился вниз, к речке.

Доехав до кустов, остановил машину и в темпе потащил труп к обрывистому берегу. А я, глядя в совершенно круглые и еще мутные глаза Генриха, без лишних слов сломал ему мизинец, одновременно затыкая рот, чтобы не очень уж вопил.

– А-а-а бхе-хе!

Фриц захлебнулся придушенным криком, потому что дополнительно заполучил кулаком в живот.

– Генрих, у тебя осталось еще девять пальцев на руках и кое-что между ног, поэтому не вопи и четко отвечай на вопросы, а то у меня времени мало. Понял?

Похоже – не понял... Глаза у него прояснились, но гестаповец был еще занят собой, то есть внезапными повреждениями руки. Ну как знаешь... Быстро провел ту же процедуру с безымянным пальцем.

– О-у-о! Бхе хе бе-е-е...

Только успел, ухватив его за шею, высунуть из машины, как допрашиваемого бурно стошнило. Вот говнюк! Хорошо, на меня не попал.... Дернув пленного обратно, повторил вопрос:

– Осталось восемь пальцев. Будешь отвечать?

Ага! Вот сейчас – понял! Быстро закивав и, не сдерживая часто катящихся от боли слез, фриц проявил наконец готовность к сотрудничеству.

– Где документы, отобранные у русского?

– Мы их сразу передали по инстанции. Я не знаю, где они.

– Точно?

Я сделал вид, что прицелился к следующему пальцу.

– Да! Да! Я правду говорю. Их забрал гауптштурмфюрер Леске! Еще позавчера!

– Где Леске?

– Он сразу же уехал в Кошицу.

Похоже – не врет... Странно было бы думать, что такие бумаги немец таскал с собой, не передав кому положено. Ладно, пойдем дальше:

– Где русский резидент?

– Он в армейском госпитале, в отдельной палате. Под охраной.

– Сколько человек в охране?

Гестаповец с недоумением посмотрел на меня, видно не веря своим ушам. Пришлось слегка смазать его по скуле, чтобы не особо задумывался.

– Два, два человека! Один возле дверей и один в палате.

– Почему госпиталь, а не ваша санчасть?

– Ее разбомбили на прошлой неделе.

Угу... понятно... пойдем дальше.

– Кто сдал русского?

Генрих не понял вопроса, поэтому пришлось повторить:

– Как узнали о местонахождении русского?

– Сосед из квартиры напротив – наш осведомитель. Он доложил о новом жильце. Когда пришли с проверкой, выяснилось, что этот человек объявлен в розыск.

Ну, соседushка, с тобой, я думаю, еще разберутся. Вот сука! Да не будь этого бдительного предателя, все было бы в ажуре. Хотя чего теперь сожалеть... Я глянул на часы. До контрольного времени у нас было еще минут сорок. Немного пожевав губами, принял решение:

– Леха, дуй к девочкам и всех давай сюда. Немного повоюем.

Пучков кивнув, скрылся в темноте, а мы с Генрихом продолжили беседу. Для начала выяснил, на каком этаже лежит резидент. Потом сколько там вообще постов охраны, включая дежурных медсестер. Пропустят ли его ночью к этому пациенту? Сильно ли напрягутся те двое охранников, если Генрих будет не один? Затем сказал:

– Поможешь вытащить резидента – останешься в живых. Честное пионерское.

Гестаповец мне закономерно не поверил. Но потом, слегка воспрянув духом, захотел гарантий.

– Какие тебе гарантии, идиот? Тут одно из двух – или я тебя отпускаю, или нет. Но при любом раскладе пыток больше не будет. В самом худшем случае умрешь быстро и почти безболезненно.

– Извините?

Немец, наморщив лоб, растерянно хлопал глазами.

А потом, видя, что я жду объяснения его заминки, робко пояснил:

– Извините, просто я через слово догадываюсь, что вы говорите. – И, глядя на мои сурово нахмуренные брови, торопливо добавил: – Ваш немецкий, конечно, очень хорош, но я его почему-то плохо понимаю...

Вот зараза! Всегда так – как только начинаю строить мудреные фразы на вражьем языке, то фрицы впадают в ступор. Видно, этот язык знаю все-таки гораздо хуже, чем мне кажется... Поэтому пришлось повторить медленно и без литературных изысков:

– Если ты нам pomoжешь, то мы тебя отпустим.

На этот раз меня поняли нормально, но пленник опять пребывал в сомнениях:

– Даже если вы отпустите, то меня свои же расстреляют за помощь русским.

– Еще раз идиот. Кто про это узнает? Охрану-то живой мы оставлять не будем.

В общем, пока склонял фрица к сотрудничеству, появились ребята. Галка, немного послушав нашу беседу, активно в нее включилась:

– Да что с ним говорить? Режь его, Сема. Я про ту лечебницу и сама все знаю. Там от кочегарки можно прямо в подвал больницы попасть. Еще с царских времен ход этот существовал.

Генрих, поняв, что его помощь может и не понадобиться, резко согласился помогать. С деланным подозрением, посмотрев на гестаповца, приказал Пучкову:

– Ты его заряди пока – чтобы не очень дергался, а я сейчас...

Отведя Галину в сторону, уточнил, вправду ли она знает про этот подземный ход.

– Нет, товарищ командир. Это я так сказала – чтобы пленный не выкобенивался.

– Жалко... а я уж думал... Но все равно – молодец!

– Служу Советскому Союзу!

– Галчонок, ну что за официоз? Можно было просто – нежно лобызнуть любимого командира в ответ на похвалу.

Галка тряхнула короткой стрижкой и, блеснув улыбкой, ответила:

– Как-нибудь в следующий раз.

М-да... Совсем плохой стал – не хотят молоденькие девчонки со мной целоваться. Тяжело вздохнув и сделав печальную физиономию, пошел обратно к машине. Фриц уже был «заряжен». Леха, присобачив ему под китель «лимонку», вывел шнурок, привязанный за кольцо, к хлястику сзади. Генрих после этой процедуры сидел бледный и дышал через раз. Хлопнув гестаповца по плечу, отчего тот чуть не обгадился, ободряюще сказал:

– Ты не бойся, это только для страховки. Поверь, просто так тебя за фалды никто дергать не будет. Конечно, если сам себе навредить не захочешь.

По виду фрица было понятно, что сам себе он вредить категорически не хотел и эту фразу понял без дополнительных переводов и пояснений. Усадив пленного на переднее сиденье, расположились сзади. Пучков сел за руль и, лихо развернувшись, вывел машину на дорогу.

Пока катили к госпиталю, три раза натыкались на патруль. Одни нас пропустили, не останавливая, а двум другим Генрих небрежно демонстрировал свой жетон, после чего патрульные, козырнув, отвязывались. Даже вопросов про странных пассажиров в машине не задавали. Мне тут же захотелось иметь в своем распоряжении подобную железку, поэтому решил, если все пройдет хорошо, эту знатную вещицу у гестаповца отобрать. Когда «опель» подъехал к госпиталю, было без пятнадцати три ночи. Часовой у ворот сначала напрягся, но волшебный жетон и тут не подкачал, после чего шлагбаум открылся и мы вкатили на территорию. Мягко скрипнув тормозами, остановились возле флигеля, где должен находиться пленный разведчик.

– Ну что, Генрих, – наш выход. И прекрати так потеть! Понятно, что ночь теплая, но твой промокший китель может навести на подозрения.

Видно было, что немец смутился.

– Это просто физиология. Когда сильно нервничаю – потею.

– Угу... а когда ты потеешь, то воняешь, а когда воняешь, то тебя бьют.

– Что?

– Ничего, не упади.

Придержав гестаповца за локоток, удержал его от падения на крыльце. Тот, споткнувшись, кажется, взмок еще сильнее, постоянно помня о гранате у себя на поясице. Проскочив мимо медсестры, углубились в дальний конец коридора. Там, на стуле сидел первый охранник. Увидев гостей, он вскочил и вытянулся. Подойдя ближе, мокрый Генрих спросил строгим голосом:

– Как пленный?

– Спит, господин оберштурмфюрер!

– Проводи.

– Есть!

Охранник открыл ключом дверь и, пропустив нас, вошел следом. В маленькой комнатке были еще один сторож и человек на кровати. Лежавший, видно, проснулся при звуке разговора и теперь, не поднимаясь, разглядывал прибывших, оттопырив разбитую губу. М-да... хорошо над ним постарались. Узкие щелки заплывших глаз, свернутый, опухший нос. Это только из видимых повреждений...

Ну пора начинать веселье. Подхватив гестаповца под руку – чтобы не дергался, выдернул пистолет и в два выстрела вывел охрану из игры. Пук, пук и – готово. Хорошая все-таки вещь – глушитель. А то ножом – как-то неэстетично. Резидент при виде такого поворота событий умудрился расширить подбитые глаза почти до нормального состояния. Не выпуская руки пованивающего Генриха, наклонился к нашему разведчику и спросил:

– Вилли?

Тот молча кивнул, продолжая пялиться на меня, как на тень отца Гамлета.

– А если я предложу тридцать рейхсмарок за смычок, вы сможете его найти?

Лежавший прикрыл глаза и только секунд через сорок ответил, шепелявя разбитым ртом:

– Даже за триста марок это невозможно. Его у меня просто нет.

Вот и хорошо. Пароль с отзывом прошли нормально. Хотя и не сомневался, что этот сильно побитый мужик – тот, кто мне нужен.

– Идти сможешь?

– Да я отсюда ползком поползу!

– Ползком не надо. Раздевай этого жмурика, – я пихнул ногой ближнего охранника, – и одевайся.

– Э-э-э... здесь моя собственная одежда в шкафу висит...

– Тем лучше. Давай, давай – в темпе!

Пока Вилли, кряхтя, облачался, я, подойдя к окну и раскрыв его, прицелкнул языком. Тут же появились Пучков со Светланой.

– Принимай груз!

Ребята подхватили тяжело перевалившегося через подоконник Вилли и шустро поволокли его слабо шевелящую ногами тушку к машине. А мы с Генрихом вышли так же, как и вошли, чтобы не возбуждать у дежурной медсестры преждевременных подозрений. Тем более надо было сказать ей пару слов, чтобы с раннего утра тут кипез не поднялся. Не знаю, когда у них плановый обход ранбольных, но в палату, где сейчас валяется два трупа, доктор должен попасть как можно позже. Поэтому проинструктированный Генрих, проходя мимо дежурной, приказал:

– Процедуры отменить! До моего прихода к палате чтобы никто не подходил! Обязательно передайте это по смене.

Средних лет медсестра, вставшая при нашем появлении, только отрывисто кивнула, как болванчик, и ответила:

– Яволь!

Ну вот и славно... А даже если кто в нарушение приказа и попытается сунуться, то дверь, уходя, я закрыл на ключ, так что фора у нас будет. Не торопясь, спустились с крыльца и, утрамбовавшись в автомобиль, поехали к воротам. Часовой, может, и удивился увеличению количества пассажиров, но вида не подал и выпустил в ночь без проблем. На этот раз патруль встретился только единожды и то, скользнув по знакомым номерам равнодушным взглядом, просто козырнул проезжающей мимо машине.

– Леха, не гони так... И вообще – куда едем?

Пучков вместо ответа лишь плечами пожал. Обговорив все, мы как-то не обсудили пути эвакуации, и теперь, подъезжая к знакомой кривой улочке, он, похоже, сам удивился тому, куда его занесло. М-да... выходит, круг замкнули. Откуда началась сегодняшняя ночь, там она, похоже, и закончится. Хотя до конца еще далеко – времени только без двадцати три. Так что правильно нас Леха привез. Сейчас машину в реку, а сами в пещерку до утра, пока комендантский час не кончится.

Все повылазили из «опеля», разминая затекшие в тесноте конечности. Пучков при этом держался рядышком с немцем. Тот, видно, почувствовав критичность момента, обратился ко мне:

– Господин офицер, вы обещали мне жизнь.

Я кивнул:

– Действительно, обещал. Ну давайте для начала избавимся от гранаты.

Генрих с готовностью повернулся спиной, чтобы было удобнее добраться до взрывоопасного кругляша, но я, подойдя к нему, гранату трогать не стал, а одним резким движением свернул гестаповцу шею.

– Извини, фриц. Девать нам тебя некуда. Да идохлый ты – гораздо более симпатичен.

Вилли, поглядев на эту экзекуцию, только крякнул, а остальные восприняли как

должное. Светлана даже кивнула одобрительно. Потом резидент, предварительно сбегав к кустикам, видно, отбитые почки давали о себе знать, подойдя ко мне, потянул за рукав:

– Командир, у меня к вам есть разговор.

Оглядев побитого разведчика, я отходить в сторонку отказался, сказав:

– Говорите здесь. Люди все надежные.

Тот повздыхал, пощупал бланш под глазом и наконец решился:

– Видите ли, в чем дело. Когда меня взяли, то гестаповцы забрали портфель с документами. Но я их еще там, в Чехословакии, переснял на микропленку...

Оба-на! Вот это поворот! Выходит, не все потеряно? Народ, как и я, сделал стойку, услышав эти слова. А Вилли, фантик плюшевый, держал актерскую паузу, ощупывая языком осколки зубов. Первым не выдержал я:

– Ну не тяни! Где пленка?!

– В той квартире, откуда меня взяли. В гостиной, под плинтусом, есть щель. Вот туда ее на всякий случай и спрятал, посчитав, что так надежнее будет.

– И на допросе о ней ничего не сказал?

– Немцы о пленке даже не догадывались, поэтому не спрашивали.

Потом виновато отвел глаза и добавил:

– А спрашивать они умеют...

Шагнув к нему, я ободряюще положил руку на плечо:

– Да не вини ты себя! В данной ситуации любой бы раскололся. Я знаю. Так что забудь. А вот за то, что пленку сохранил – начальство тебя в уста сахарные восторженно и неоднократно лобзать будет.

Разведчик, сильно сомневаясь в этих словах, покачал головой, но я, уже не обращая на него внимания, повернулся к ребятам, приказав:

– Все слышали? Так что за дело. Девчата, труп и машину – утопить. Леха, помоги им.

Народ побежал выполнять приказ, а я стал выяснять, под каким конкретно плинтусом заныканы микропленки. Минут через двадцать группа вернулась. Оставив агентурного на попечении барышень, рванули в сторону знакомого дома. Шли быстро, прячась по палисадникам, и благодарили Бога за то, что осенью светать начинает поздно, поэтому время осуществить задуманное еще есть.

* * *

К половине четвертого подошли к знакомому каштану. Окно немцы так и не закрыли, только одеяло осталось висеть в проеме. Вот и славно, трам-пам-пам! Скользя с ветки на подоконник, несколько секунд прислушивался, пытаюсь по звукам определить – есть ли в комнате бодрствующие. Ничего не услышав, стволом пистолета, удлиненного глушителем, чуть отодвинул полог. Ни фиги не видно, но то, что вопить и стрелять в меня не стали, это уже радует. Потихоньку просочился в комнату. Такой же бесшумной тенью следом нырнул Пучков. Фонарей у нас, само собой, не было, поэтому двигались на ощупь. Ага, вот кровать и на ней кто-то сопит. Почти беззвучно прошептал:

– Нашел.

– И я.

– Гасим...

В полной тишине звук глушителей показался громоподобным. Блин! Надо было в ножи их взять! Но сожалеть было поздно и, уже особо не скрываясь, рванули во вторую комнату. Там, при свете керосинки, торчала бодрствующая смена. Станный звук из соседнего помещения их насторожил, и один из засадников уже встал, на ходу доставая пистолет. Второй только начал подниматься. В этот момент мы их и почикали.

Пук! Пук!

Пук! Пук!

Я садил с колена, а Леха стоя во весь рост. Охранники изломанными куклами попадали

на пол, так и не успев выстрелить. Потом напарник перекатом ушел на кухню, а я кинулся к тахте, под которой был заветный плинтус. Через несколько секунд вместе с вернувшимся Пучковым, пачкаясь в пыли, шарили по полу в поисках пленки. Тут Леха замер и придушенным голосом сказал:

– Есть!

– Киса, вы нашли бриллианты?

– Нет, только пленку...

После чего, гордо показав мне две катушки, поинтересовался:

– А тут еще и бриллианты есть?

– Ну ты и темный человек. Что, «Двенадцать стульев» не читал?

Напарник, смущенно улыбнувшись, ответил:

– Читал, конечно, просто сразу не понял, о чем ты.

– Об этом самом... ладно, валим отсюда!

Уйдя, как Карлсоны, через окно, уже при начинающем светлеть небе добрались до пещерки. Победно вскинув кулак с зажатыми в нем катушками, устало плюхнулся на топчан, сказав:

– Все ребята, сегодня мы опять победили!

Галка со Светкой восторженно пискнули, и я наконец был награжден одновременными смачными поцелуями с двух сторон. Правда – только в щеки. Лешка тоже был удостоен подобной награды.

А потом я, распределив дежурства, привалился к стенке, закрыв глаза. Однако сильно сегодня набегался. Хотя, конечно, удача во все тридцать два зуба улыбнулась. Это же чистая случайность, что в засаду не влипли и Генриха отловили. Фрицы, наверное, и предположить не могли, что найдется придурок, который обезьяной по деревьям скакать начнет, вместо того чтобы в дверь войти. Тем более третий этаж – это вам не с земли в окошко постучать. Подходы к дому они наверняка проверили и дерево видели, но все равно – стереотипы мышления дали о себе знать. Все-таки высокогато окно для входа. Поэтому и дрыхли с комфортом при открытой раме. Вот из-за этого и вышло почикать фрицев достаточно легко. Хотя насчет легко – это я загнул. Устал так – руки дрожат. Да и завтра тот еще денек предстоит. Мало – выйти из города, еще и до точки встречи с самолетом дойти надо. Но нам только бы из Измаила выбраться, а там уже ребята Клима ситуацию контролировать будут. Ну и нас соответственно – блюсти и охранять. Под эти мысли провалился в сон как в яму.

Глава 3

– Товарищ командир, вставайте. Товарищ командир... Сеня, проснись!

Биомать! Будят какого-то Сеню, а трясут меня. И почему Гусев говорит таким приятным женским голосом, да еще и командиром называет?

– Товарищ командир...

Блин! Открыв глаза, увидел Галку, которая очередной раз пыталась меня подергать за плечо. Заметив, что я проснулся, она довольно улыбнулась и сказала:

– Утро уже.

Мельком глянув на часы, удивленно присвистнул. Ого! Неплохо на массу даванул – уже восемь. А потом, увидев сладко сопящего Пучкова, сурово сдвинул брови и повернулся к девушкам:

– Так... это еще что за самодеятельность? Вы почему нас на дежурство не разбудили?

Те в один голос запели, мол, им все равно не спалось, так чего же нас, умотанных, будить? Детский сад какой-то. И сказать мне нечего. Не начинать же разнос за нарушение дисциплины? Поэтому только вздохнул и пробурчал:

– Спасибо, красавицы.

После чего, пихнув Леху в бок, приказал:

– Гек, подъем!

Напарник, услышав свой позывной, сразу вскинулся, очумело пяля сонные глаза. Ну вроде все встали. Даже Вилли, у которого фингалы на физиономии переливались всеми цветами радуги, уселся на топчане, кряхтя и осторожно ощупывая полученные повреждения.

М-да... тоже задачка. Как его такого разукрашенного и еле ковыляющего из города выводить? А ведь контрольный срок выхода – сегодня. Причем до начала комендантского часа. Мы-то изначально рассчитывали за световой день обернуться. Кто же знал, что такой косяк получится? Теперь еще этот Бельмондо разноцветный, каждые десять минут в кустики бегающий, на шее висит... Даже если ему на голову ту соломенную шляпу натянуть, в которой местные пейзажи ходят, все равно – такие бланши не спрячешь. Да и шляпы у нас нет... И ходит он с трудом – все-таки поработали с бедолагой в гестапо не слабо. И жрать охота. Ух как охота. Последний раз вчера рано утром ели... Только подумал о еде – в животе забурчало. Пучков понимающе покосился на меня и ответил еще более громким бурчанием. Девчата прыснули, а я, цыкнув зубом, принял решение:

– Всем слушать сюда. Особенно это вас, барышни, касается. Ну-ка вспоминайте, где в этом прекрасном городе есть похоронное бюро?

Народ так удивился, что бурчания и смешки моментом прекратились.

– Командир, а не рановато?

– Гек, будешь острить – прикажу самому сделать гроб, из подручных материалов. А вы, милочки, думайте, думайте!

Светлана переглянулась с подружкой и, наконец поняв, что я не шучу, выдала ответ. Был, оказывается, в этой дыре свой Безенчук. И не один. Остается вопрос – работают ли они сейчас? Правда, я прикинул, что война смертей не отменяет, не говоря о том, что способствует им. Да и просто от старости люди тоже периодически отходят в мир иной. Другое дело, что сейчас похороны проходят без прежнего размаха. Но нам шик и не нужен – достаточно подводы и дешевенького гробика. А где кладбище находится, я и сам видел – мы мимо него проходили, когда в Измаил шли. Кстати, только сейчас вспомнил! Там как раз в присутствии попа, окруженного старухами, хоронили кого-то. И телега присутствовала! Ну поп нам без надобности, а вот гробовщик с транспортом нужен. Священник бы, конечно, тоже не помешал, для конспирации, но с ним заморочек может быть больше, чем пользы, так что его – отставить.

Теперь остается подбить бабки. Причем в прямом смысле. Так и сказал ребятам. После подсчета выяснилось, что на всех есть около четырехсот оккупационных марок, двести пятьдесят румынских лей и у меня в голенище сапога – еще пятьсот рейхсмарок. Эти полштуки финансист, помню, выдал без звука, но с таким душевным терзанием, что его даже жалко стало. А я вообще, исходя из опыта прошлой жизни да случая с греком-контрабандистом, считаю, что деньгами и пистолетом можно добиться гораздо больше, чем просто пистолетом. Так, перефразировав Аль Капоне, и сказал, вручив девчатам бабки перед отправкой разведчиц на поиски местного гробокопателя. Даже размер будущего содержимого ящика указал, оценив его на глаз, сантиметров в сто семьдесят.

Вилли от предстоящей перспективы живым надеть деревянный макинтош сильно разволновался.

– Товарищ командир, зачем меня в гроб?! Это же авантюра!

Глядя на державшегося за сломанные ребра «тихоню», ответил:

– А с такой мордой по городу ходить не авантюра? Даже если Леха сейчас побежит предупреждать «невидимок», что у нас все нормально, то все равно неделю ждать, когда у тебя синяки начнут сходить да ты сам нормально передвигаться сумеешь, мы не можем. И в этой пещере долго не продержимся. Через пару-тройку часов, когда фрицы поймут, что засаду в квартире постреляли, тут такой шмон начнется – мама не горюй! Да и в госпитале заинтересуются – чего это охранники без смены и туалета так долго заперты? Вот до этого времени и надо будет успеть свалить.

Резидент, похоже, внял словам и при помощи Гека, с трудом улегшись на топчан, прикрыл глаза. Вот и правильно – полежи, отдохни. Тебе сейчас сильно ерзать –

противопоказано. Еще минут через сорок прискакала Светланка. С трудом переводя дух, доложила:

– Нашли гробовщика. Нашли и договорились. Он за все двести лей запросил. Галя ему задаток дала, и они следом едут. Минут через пять возле того поворота будут, что рядом с тропинкой.

Тут она растерянно запнулась.

– Только вот как же мы товарища Вилли при нем в гроб класть будем? Да и странно все это выходит. Обычно же телега подъезжает прямо к дому, где покойник лежит. А тут и дома нет...

– Не бойсь, принцесска! Все учтено. Вот это, – я указал на побитого резидента, – безутешный брат покойного. Дай ему платок – лицо рыдающее прикрыть. Ну а мы – тоже родственники. Сейчас встретим эту подводу, загрузимся и поедем дом показывать. А на тихой улочке быстренько загрузим пустую тару. Все понятно?

Народ закивал.

– Вот и хорошо. Если поняли – чего стоим?

И подавая пример, подхватив прикрывающего лицо Вилли, насколько возможно быстро пошел к повороту. Ребята рванули следом.

Правда, немного не успели – телега уже стояла на месте и возница удивленно глядел на странную компанию, идущую от реки. Передав трясущего плечами резидента ребятам, взял ведение переговоров в свои руки. Сразу подсев к водителю кобылы, наклонившись к уху, начал шептать:

– Це – брат покойного. Зовсим ни в себе. Последню волю умершого изповнял.

И сокрушенно поцокал языком. Возница равнодушно кивнул и только спросил:

– Кудой дале ихать?

– Та це близенько! Вин за той хатой, з червонеи черепицей.

Мужик, чмокнув губами, дернул вожжи. Странного окраса лошадка, не поднимая головы, побрела дальше по улице. По тихой, пустынной еще улице. С одной стороны был обрывистый берег реки, с другой – двухэтажные и одноэтажные домики, густо закрытые деревьями. Блин, чего же мы ждем?

Повернувшись назад, махнул рукой, отдавая команду. А сам опять приник к гробовщику. Он как раз обернулся на возню у себя за спиной и удивленно выпучил глаза. Правда, там было на что посмотреть – народ сноровисто, в пять секунд упаковал безутешного брата в гроб и теперь все внимательно пялились на возницу. Дернув его за рукав, обратил внимание на себя. Развернув веером десять двадцаток рейхсмарками, в лоб спросил:

– Дядя, заработать хочешь?

– Э-э-э?

Мужик все пытался оглянуться.

– Ты не вертись. Ты сюда смотри!

Наконец он устался на деньги. Вот и умница.

– Доедем до кладбища и эти хрусты – твои.

– Э-э-э?

Вот, блин, заклинило! Он что, все слова забыл, только одна буква в памяти засела? И валить его нам не с руки. Эта телега наверняка достаточно известна, и, если появится за вожжами другой, могут возникнуть нехорошие вопросы. Да и сам он личность, любому полицию знакомая. Они нас даже тормозить не будут в присутствии местного гробовщика. Обычное дело – похороны. Но этого хмыря надо из состояния прострации выводить.

Вынув финку, приставил ее к боку мужика.

– Будешь, сука, дергаться – перо в бок получишь! Ты знаешь, кого везешь?

Собеседник при виде ножа расширил глаза и помотал головой. Ну хоть экать перестал – уже хорошо.

– Это вор центровой – Гриша Лютый. Тут залетные с Одессы, малость рамсы попутали,

вот оно и получилось...

Что получилось – уточнять не стал. Тем более терзали смутные сомнения насчет наличия в природе в сороковых годах законников. Ну да и хрен с ним! После небольшой паузы, цвиркнув слюной через зубы, продолжил:

– Так что нам, дядя, сейчас надо с города выбраться.

А дальше мы с этой мразотой фуфлометной разберемся. Тем более смотрящий из Галаца уже в курсах этого беспредела...

Е-мое! Чего я вообще несу!? Этот работник лопаты ни слова ведь не понимает! То есть понимает, что это какая-то феня, но не больше. Надо как-то переключаться.

– В общем, понял меня? Доедем до кладбища без шухера – две сотни твои. Поднимешь кипеж, начнешь шуметь и дергаться – порежу на ленточки для бескозырок! Ты меня понял?!

Мужик кивнул, но я этим не удовлетворился. Мне его голос надо было услышать.

– Ты, фраер, не кивай, ты словами скажи!

– Так есть. Понив...

– Ну молодец, если понял. Держи задаток.

С этими словами сунул ему в руку несколько двадцаток. Собеседник довольно спокойно их принял, покрутил в руках и, сунув карман, спросил:

– А ежель полицаи остановлют?

– Дядя, мы ни немцев, ни полицаев не опасаемся. Что, я похож на партизана? Для полицаев у нас все бумаги имеются. Нам сейчас от залетных из Одессы треба уйти. Так что если ты, сука, нас этим дешевым фраерам выдашь, я тебе печень вырежу!

– Та ни! Я их и не бачив туточки!

– Вот лучше и не видь дальше. Если подойдут к тебе похожие на нас, – я кивнул в сторону ребят, – ты ничего не видел, ничего не знаешь.

Мужик опять кивнул и, дернув вожжи, подбодрил свою клячу, которая, похоже, вообще спала на ходу. Кстати, интересная деталь – возница, поняв, что полицаев мы не боимся, сразу почувствовал себя уверенней. Это было заметно по поведению. Перестал втягивать голову в плечи и косить на меня испуганными глазами. Проехав по длинным извилистым улочкам, наконец добрались до мостика, ведущего через старый, осыпавшийся ров. Основная дорога, с постом на ней, проходила метрах в восемьсот северней, а здесь торчал одиночный полицай, который с интересом разглядывал несколько телег, приближающихся к въезду в город. Правда, невзирая на стремящуюся к нулю скорость нашей лошадиной силы, к мостку мы подружили первыми.

Я сидел, пригорюнившись и прижавшись к вознице, попутно щекоча ему бок финкой. Девчонки шли сзади, простоволосые и утирающие слезы. Гек, отстав метров на пятьдесят, контролировал ситуацию издалека. Местный блюститель закона при виде нас, как и думалось, не проявил никакого интереса. Старый и какой-то обрюзгший, он скользнул по катафальной телеге равнодушным взглядом, поправил винтовку и опять уставился на подъезжающие возы. Ну чисто гаишник, которому глубоко плевать на беспонтовый «запор» в ожидании приближения жирного «мерса».

Еще через двадцать минут подъехали к кладбищу, расположенному на холме. Отдав повеселевшему мужику сотню, почесал репу и предложил провезти нас до виднеющегося километрах в пяти леска.

– Довезешь, сверху полтинник румынских накину.

Конечно, эти леи были как капля в море по сравнению с рейхсмарками, но водила подписался. Какой, однако, хозяйственный человек. Прямо копеечку к копеечке собирает, Скрудж местного розлива...

Было уже около десяти. Не по-осеннему жаркое солнце ощутимо пригревало. Пахло сыростью и травой. Вот в этой идиллии мы и катили, не торопясь, все дальше от Измаила. Кстати, похоже, основной поток людей, идущий в город, прошел с утра, поэтому навстречу мало кто попадался. Когда остановились под деревьями, я, оглядев пустынную дорогу, тюкнул гробовщика по кудлатой башке. Не насмерть конечно. Часа через три очухается с

легкой головной болью.

В темпе сгрузив его вместе с деревянным изделием за кустики и подобрав подскочившего Лешку, погнали телегу по дороге, ведущей к дельте Дуная. Коняшка, не привыкшая к таким скоростям и грубому обращению, обиженно всхрапывала, но выбирать не приходилось. Так что в результате наших телодвижений кляча развила непомерную для себя скорость километров семь в час и стабильно ее держала. Пучков перелез ко мне и, поглядывая назад, сказал:

– А ведь мы только-только успели. Когда вы уже с холма съехали, я видел, что немцы посты на выезде начали усиливать. К тому старому полицаяу еще пятеро солдат добавилось.

Угу... прямо как в мои времена – план «Перехват» и какой-нибудь «Вихрь-антитеррор». Только так же – в пустой след. Мы-то – тью-тью! Но все равно – оперативно они подсуетились. В городе, наверное, сейчас шмон идет, только рубашки завиваются. Ну а как же? Перебита засада, исчез замначальника гестапо... Вспомнив Генриха, извлек из кармана его жетон и разглядел уже при свете дня.

С одной стороны овальной железки был орел со свастикой, а с другой – надпись по-немецки – «Государственная тайная полиция» и номер. Вот так – простенько и со вкусом. Хороший сувенир...

А еще через сорок минут езды телегу тормознул появившийся из неоткуда парень в полицейской форме и мы с удовольствием сдались ребятам из группы Клима. Они, пока торчали здесь, тоже добыли лошадиный транспорт, так что теперь мы передвигались к месту встречи самолета солидной компанией и на колесах. Ехать, правда, было недалеко. Первоначально планировалась эвакуация Вилли на «шаврушке» – гидросамолете Ш-2, но потом пришлось переиграть. Опасное оказалось дело – достаточно одного встреченного на пути плавучего бревна и капец летающей лодочке. Садиться-то она должна была ночью, а впотьмах хрен что увидишь. Так что «дугласом» надежнее. Место под посадку ребята присмотрели ровное – без пней, кочек и камней.

Пока Климовские бойцы еще раз осматривали площадку и тащили караульную службу, мы завалились спать, добывая то, что недоспали вчера. А в полвторого ночи, быстренько загрузившись в самолет, без происшествий долетели над черным, сверкающим антрацитом в свете луны морем до аэродрома в Николаеве.

Глава 4

Только самолет приземлился, нас встретил курьер. Целый майор НКВД с суровой охраной. Получив под роспись микропленки, он пожал всем руки, поздравил с успешным окончанием задания и быстренько свалил. Вилли загрузили в санитарный автобус и тоже увезли, а нам гостеприимные летуны предоставили для отдыха целый домик с двумя комнатами. Но вначале майор с крылышками в петлицах предложил баню и ужин. Правда, ужин был скорее очень ранним завтраком. Но когда солдат отказывался от жратвы? Тем более по первой летной категории? Так что предложение было принято с благодарностью. Помылись, отъелись, и рано с утра за Климовскими ребятами пришла полуторка. Чуть позже и девчонок увезла новинка советского автопрома – УльЗиС-43, он же «додж» в девичестве. С барышнями мы прощались более обстоятельно, чем с «невидимками». С диверсантами просто пожали друг другу руки и разбежались, тем более знакомы достаточно давно. А Галку и Светку на прощание потискали от души и, только получив давно обещанные поцелуи, отпустили. Только вот даже адресами не обменялись. ГРУ, откуда их прикомандировали – организация серьезная, и где подружки в следующий раз всплывут, является военной тайной. Да и сами они этого не знают... Помахав уезжающему «ульзику» рукой, немного попинал камушек, а потом обратился к Лехе с вопросом:

– Слушай, тебе не кажется, что все улетели, а мы остались? Во всяком случае, положение точно как в том анекдоте.

– Еще как кажется.

Пучков паснул камушек мне.

– Что нам теперь – пешком идти?

– Куда? Без документов и в этом прикиде, – я подергал себя за кургузый пиджачок, – далеко не уйдем. Ладно, потопали к комполка, ситуацию прояснить.

Подполковник Гуцулов, командир полка транспортной авиации, отнесся к проблеме с пониманием, но по кряхтенью и хмыканью стало понятно – своего водилу с машиной давать не хочет. Зато дал связь, и ситуация прояснилась. Правда не очень... «Виллис» за нами, оказывается, ушел еще затемно и куда-то пропал. Северов, с которым мы в конце концов связались, узнав про это, обещал что-нибудь придумать. Ну пока на базе думают, я выпросил у подполковника машину и сопровождающего для поездки на пляж. На это Гуцулов тут же согласился, тем более было видно, что ему неудобно за свою предыдущую прижимистость.

Хотя человека можно понять. Хамья в армии хватает, и его новенький джип вполне могли подменить на рухлядь, а то и вообще зажать и вернуть только водителя. Где он потом хвосты искать будет? Не спорить же с военной разведкой, тем более те всегда отмажутся. А вот необременительно для себя угодить гостям он был готов, так что через двадцать минут в сопровождении старшего лейтенанта мы уже пылили в сторону побережья. Блин, хоть и нравится Черное море с его запахом йода, чистой теплой водой, галечными пляжами, но в этом году всего третий раз купаться буду. То далеко стоим, то времени нет, то еще какой-нибудь облом приключается... Но в этот раз, пока не накупаемся вволю, фиг нас кто от воды оттащит.

В принципе как задумывали, так и получилось. Наплавались, наныряться до одури, пользуясь последними жаркими денечками. Где-то через час к нам присоединилась компания каких-то молодых мореманов, под предводительством степенного главстаршины. Запустив своих щеглов резвиться в воду, тот, разок окунувшись, предпочел загар заплывам. Сначала он просто валялся на камушках, а потом, закулив, подошел к нам знакомиться. Слово за слово – разговорились. Интересный оказался мужик. Он до войны в ЭПРОНе работал, а потом, в Балаклавском ВМТ, затонувшие корабли поднимая.

Тут беседа сама собой свернула на «Черного принца» и прочие утопии сокровища. Богдан Степанович, как представился нам главстаршина, травил о разных интересных находках и вообще о романтике работы водолазам. Рассказчик он был хороший, поэтому слушали с интересом. Только вот когда он рассказывал, как они обследовали старинный корабль, лежавший на глубине семнадцати метров, я спросил:

– А почему в водолазном костюме? Не проще легким водолазам было там все прошерстить? Глубина-то небольшая...

– Легким – это которые на чистом кислороде? Не-е... столько людей им уже потравило...

– При чем тут чистый кислород? Я про обычные акваланги говорю, которые со сжатым воздухом.

– Какие такие акваланги?

Степаныч удивленно поднял бровь.

– Ну эти... с маской, с баллоном, с ластами...

Я показал, как будто надеваю рюкзак, и с удивлением понял, что главстаршина не врубается, о чем ему говорю.

Ексель-моксель! Это что же получается? Если старый водолаз не слышал про акваланги, то выходит – тех еще в природе нет? Застыв с открытым ртом, пытался вспомнить, когда их вообще изобрели. В пятидесятых годах они точно были. Во всяком случае, в доисторическом фильме тех времен «Последний дюйм» в них плавали вовсю. И изобрел акваланг вроде... да нет, точно – Жак Ив Кусто. Про это по телеку показывали. Там, в старой хронике, молодой, носастый Кусто вместе с напарником плюхались с лодочки в воду именно в аквалангах.

Хм... как же я так протормозил? Почему-то был уверен, что легкие водолазы уже вовсю существуют. Те же немецкие подводные диверсанты, про которых книжку читал еще в

детстве, не с ИПами ведь ныряли? Хотя, может, и с ИПами, не помню, да и тогда для меня разницы не было – ИП, акваланг...

А так как Богдан Степанович продолжал глядеть на меня, ожидая объяснений, то пришлось выкручиваться. Соврал ему, что это в Питере, перед самой войной, один парень такую штуку изобрел. Вещь крайне удобная, вот, мол, и думал, что она уже в производство давно пошла. Главстаршина заинтересовался, и я насколько мог объяснил ему в общем-то довольно простое устройство. Хотя сам его, честно говоря, не очень и знал. Там вроде вся фича в редукторах, причем один из них – высокого давления и в легочном автомате. Насколько мог, даже нарисовал общий вид в блокноте, который дал сопровождающий нас старлей.

Степаныч начал было расспрашивать про акваланг дальше, но тут с бугра, где мы оставили машину, посигналили. Прикрыв глаза от солнца, разглядел знакомую морду нашего водителя. Ну наконец-то. Сейчас Витька Палец будет звездюлей за опоздание получать. Ведь четыре часа этого паразита где-то носило. Водила, вприпрыжку сбежав с крутого склона, подскочил к нам и козырнул, радостно скалясь в щербатой улыбке:

– Здравия желаю, товарищи командиры!

Оттряхнув песок с плеча, ответил:

– Здравствуй, здравствуй, друг мордастый. Ты что, Палец, вообще забурел? Мы здесь как не пришей к транде рукав болтаемся, людей отвлекаем, – я кивнул на старлея, – а ты шляешься не пойми где. Калымишь, что ли?

– Това-а-рищ капитан, обижаєте! Меня ведь почти сразу за Козлищами обстреляли. Хорошо, стекло откинута было – не раскоцали. А задний баллон пробили. На спущенном еле ушел. А ведь почти новый баллон был. Жалко. Теперь только на выброс. Я его пожевал весь, пока от фрицев драпал. И запаску тоже продырявили. Вот пока колесо латал, время и прошло....

Взмахом руки прервал Витькину трескотню:

– Стоп. Ты доложил, что тебя обстреляли? И почему думаешь, что это немцы были?

– Так точно, доложил! И на карте место показал. Я как до танкистов из хозяйства Рогова доехал, так сразу и доложил. Только потом колесо менять начал. А ведь почти новая покрышка была....

– Хватит тебе про резину стонать! Сам-то цел?

– Да что мне будет? Вот машина...

– Отставить про машину! Ты скажи, почему нападавших немцами посчитал? Команды на немецком слышал или ругательства? Может, форму видел?

Вопрос этот меня интересовал не праздно. Одно дело, если это боевики УПА, другое – если гитлеровцы. Простые окруженцы машину бы обстреливать не стали. Им по-тихому до своих дойти – уже счастье. Обстреливать могли или националисты, которые уже растворились среди мирного населения, или диверсионная группа. А диверсанты – это серьезно. Захватив одиночную машину и став мобильными, да еще воспользовавшись неразберихой наступления, они могут хороших делов наворотить...

– Не... форму не видел. А ругательства... – Витька наморщил лоб. – Точно! Слышал! Один, когда я газанул, крикнул – пся крев!

Палец удивленно посмотрел на меня и, разведя руки, добавил:

– Выходит – это мельниковцы были?

– Выходит, что так. А ты сразу – фрицы, фрицы! Чуть в заблуждение не ввел...

Водила немного подумал, а потом, сдвинув белесые брови, выдал:

– А по мне – один хрен. Кто в меня стреляет – все враги, а значит – немцы. И сортировкой их по национальности пусть черти в аду занимаются.

– Вах! Хорошо сказал! А сейчас, герой припозднившийся, у тебя полчаса времени – можешь искупаться.

И, хлопнув Витьку по спине, придал ему направление движения к берегу. Палец обрадованно кивнул и, путаясь в штанинах, мигом скинул форму, рванув к резвящимся на

мелководье мореманам.

А я опять повел высоконаучный разговор со Степанычем об устройстве легководолазного агрегата. Хотя себе, конечно, заметку сделал во время очередной встречи с Верховным доложить о новом просветлении. И фиг с ним, что конструкцию акваланга знаю плохо. Хоть и плавал с ним всего пару раз, но ведь что-то все равно помню. Вон даже главстаршина понимает, про что говорю. Тут главное – идея, а там пусть инженеры мозги напрягают. Тем более, эта штука для диверсий годится просто исключительно, невзирая на демаскирующие пузыри. Да и не только для диверсий. Мест применения – масса! В общем, пока болтали с Богданом Степанычем, Палец искупался, обсох, и мы, отпустив старлея, покатали в свое расположение.

По пути все думал, сколько у меня в голове таких вот вещей находится, вроде знакомых и привычных с самого рождения, которые искренне считаешь всем известными, чуть ли не с начала времен. Но на проверку оказывающихся какими-то откровениями. Вон, например, как с радиоаппаратурой получилось. Я ведь даже и предположить не мог, что основные проблемы в ремонте тех же раций возникают при диагностировании поломки. То есть про модульные соединения тут и не слышали. Когда прибор приказывал долго жить, ремонтник вооружался схемой, тестером и начинал долго и мучительно искать сгоревшую деталь. Только когда сам поглядел на Мишку, который, третий час копаясь в потрохах передатчика, не мог понять, в чем же глюк, спросил – чего он не раскидает ее по частям и не проверит поблочно. Спросил и с удивлением понял, что он меня не понимает. Тогда я еще Ивану Петровичу докладную записку написал, в которой описал общие принципы модульной открытой архитектуры. Ну ведь мелочь совершеннейшая, правда внедряли ее долго. Зато после принятия обычный армейский «маркони», судя по таблице неисправностей, вклеенной в крышку станции, мог просто тупо менять горелый блок на исправный и все! А остальным ремонтом занимались уже специалисты в тылу, что сэкономило и время и нервы, да и технику фронтовые горе-умельцы не палили. Так что результаты были – ого-го! Полковник потом сказал, что по результатам проверки время, затрачиваемое на замену и ремонт вышедших из строя радиостанций, снизилось в несколько раз. Тут «виллис» особо резво подскочил на очередной кочке, а я, прикусив язык, отвлекся от мыслей о глобальном и стал просто наблюдать за дорогой.

* * *

А еще через несколько дней в комнату, где все отдыхали, с горящими глазами заскочил Леха.

– Вы тут дрыхнете, а там! Там! Я уже насчет машины договорился! Давайте быстрее!

Гусев, приоткрыв один глаз, недовольно пробурчал:

– Чего ты орешь? Чего – там? Немцы, что ли?

– Какие немцы! Там к Громову – Утесов приехал! Мишке из штаба армии знакомый связист звякнул. Колычев уже добро дал. Едем мы втроем и Северов.

Из коек все вылетели, как наскипидаренные. Ну еще бы! Утесов в те времена был фигура! По-современному – суперстар! Это если в наше время слепить Кинчева, Круга и Пугачиху, то уровень популярности был бы приблизительно тот же. Хотя звезды приезжали на фронт не в первый раз, но интересовали меня далеко не все. Помню, когда приезжала Орлова – я даже не пошел на концерт. Толщина ног советской дивы и ее пронзительный голос ввергали мою разборчивую натуру в уныние. А вот шансон с джазом уважал всегда. Поэтому уже через пять минут мы выслушивали наставления полковника, стоя возле «виллиса». Иван Петрович, назначив старшим команды Гусева, выдал короткий инструктаж, предостерегая от различных залетов и посетовав, что у самого нет времени послушать знаменитый оркестр, наконец дал разрешение на выезд.

На место будущего выступления приехали слишком рано. Солдаты только-только заканчивали сколачивать помост, который выполнял роль сцены. Утесов со своей джаз-

бандой готовился к концерту, располагаясь в здании школы, находящейся рядом со штабом. Причем охрану усилили настолько, как будто ждали высадки немецкого десанта. Хотя просачивающиеся отовсюду поклонники были похлеще фрицевских диверсантов. Те, кто помладше званием, пытались проникнуть в школу окольными путями. Кто постарше, наезжали на охрану возле главного входа. Но все получали облом. К самым борзым и крикливым выскочил начальник штаба и поймел в извращенной форме, невзирая на звания и награды.

Мы наблюдали за фанатами со стороны, держась подальше, чтобы не попасть под горячую руку. Честно говоря, никогда не понимал таких людей. Вон целого летного капитана, парня лет двадцати пяти, с двумя орденами «Отечественной войны» и «Красной Звездой», как пацана, натыкали носом и дали от ворот поворот. А оно ему надо было? Неужели желание поручкаться со знаменитостью затмило все остальное? Пока, сидя в тенечке, перекуривали, к нашей лавочке по большой дуге приблизился тот самый, обломанный кэп. Видно было, что парню хочется как-то оправдаться за недавний позор, свидетелями которого мы стали. Присев рядышком, он, поздоровавшись и тоже закурив, сказал:

– Вот ведь паразиты, так и не пустили... Вы, мужики, не подумайте, я ведь не какой-то, – он пошевелил пальцами, подбирая слово, – поклонник, который за автографом гоняется. Дело к Леониду Осиповичу имел важное. У нас ведь в полку ребята тоже свой джаз организовали. Хотелось про кое-какие вещи специфические у него узнать.

Я, выпустив пару красивых колечек, лениво ответил:

– Ну и спросишь после концерта. Сейчас чего на рожон-то лезть?

Капитан только рукой махнул:

– После концерта его моментально начальство к себе утащит. Тогда – точно не подберешься.....

Тут влез Пучков:

– А когда все начнется?

– Часа через четыре, когда народ из запасного полка подведут.

Вот блин! И что мы целых полдня делать будем? А все Мишка – быстрее, быстрее! Сиди здесь теперь как додик. Можно, конечно, штабных знакомых навестить, но сейчас пообщаться толком все равно не получится... Летчик тем временем, докурив, поднялся и махнул нам рукой:

– Ладно, славяне! Счастливо оставаться! – И помолчав секунду: – А все-таки жаль, что с таким человеком лично поговорить не получилось! Это ведь глыба! Талант!

И здесь меня удивил Гусев. Странно хмыкнув, он ляпнул:

– Ну с одной знаменитостью, ты уже поговорил...

Капитан удивленно остановился:

– Не понял?

– А что тут понимать? Песню «Як-истребитель» слышал? Автор, знаешь, кто?

– Знаю, конечно – Лисов Илья.

– Ну так ты с ним только что и говорил...

Серега кивнул в мою сторону, и пришлось, не вставая, отвесить шутливый поклон.

Летун не поверил:

– Да ну мужики... пулю льете...

Но потом, поняв, что мы не собираемся ничего доказывать, изменился в лице и все еще недоверчиво спросил:

– Так ты... вы... тот самый Лисов, который и «Черного кота» написал?

Да уж командир – удружил так удружил. Видно, на Серегу общая атмосфера в преддверии концерта так подействовала, вот он и решил показать, что и мы не лыком шиты. Летчик продолжал удивленно пялиться, поэтому я, потянувшись, хрустнув суставами, уклончиво ответил:

– Ну во всяком случае, первый, кто такие песни в этом мире пел, точно был я...

Фанат джаза аж на месте подпрыгнул. Видно, крепко нахлобучила самодеятельного музыканта такая неожиданная встреча. Немного придя в себя, капитан тут же развил бурную деятельность. А именно – предложил проследовать к нему, откусать чем бог послал, посмотреть на их ансамбль и вообще... Аргументируя тем, что до концерта Утесова еще полдня, а до летной части ехать – и десяти минут не будет. Мы переглянулись, но сказать ничего не успели. Леха, главный желудок нашей группы, не раздумывая, дал согласие за всех. Очень уж нравились парню летные столовые и тамошние барышни...

Пока грузились в джип – познакомились. Летчика звали Прохор Титов. Он был комэском в ЗАПе и со дня на день ожидал нового назначения. Поэтому и хотел быстренько узнать какую-нибудь интересную фичу у Утесова, чтобы перед отправкой поразить всех в полку последним выступлением своей музыкальной группы. С Леонидом Осиповичем пролетел, но вот меня, как фигуру не менее известную, упускать точно не собирался.

Доехали действительно быстро – минут за десять. Только вот по пути я предупредил Прохора, что к известности не стремлюсь. И флагом размахивать, демонстрируя мою физиономию, не надо. Ввиду специфичности профессии и военного времени. Сказал ему, что мы – военные переводчики, поэтому морды публике не светим. Но затем подбодрил приунывшего Титова, пообещав подарить для его коллектива только что написанную песню. Причем как раз про летчиков.

В общем, пока перекусывали в приятном обществе девиц-официанток, вся местная джазовая банда собралась в отдельном помещении, притащив свои инструменты. Войдя и поздоровавшись, мои ребята чинно расселись, а я с капитаном подошел к музыкантам. То, что я собирался сейчас сделать, было, как обычно, плагиатом чистой воды. Только тырил не у наших авторов, а как это ни странно – у американцев. Песенка забойная, единственно, под гитару ее хреново было петь, а у Прохора целый ансамбль. Так что должно получиться. Оглядев притихших летчиков, сказал:

– В общем так, мужики. Попробуйте все влет, на слух воспринять. Нот вам дать не могу, но если получится – то, что вы сейчас сыграете, сам Утесов потом исполнять будет. Так что от вас нужно умение, ну и импровизации побольше. Готовы?

Народ закивал, а я, отщелкивая пальцами ритм, начал:

Был озабочен очень, воздушный наш народ
К нам не вернулся ночью, с бомбежки самолет
Радисты скребли в эфире, волну находя едва,
И вот без пяти четыре, услышали слова...

После первого припева джазисты начали подключаться. Сначала барабанщик, а потом потихоньку и остальные. Так что заканчивал под полное музыкальное сопровождение:

Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы ползем на последнем крыле,
Бак пробит, хвост горит, и машина летит
На честном слове и на одном крыле.

Закончив, все немного повопили от восторга, но Титов, как истинный дирижер, быстро привел народ в порядок. Потом, еще часа два, гоняли мелодию по кругу, добиваясь известного мне звучания. В конце концов, услышав почти каноническое исполнение, конечно, с поправкой на мастерство играющих и глянув на часы, начал откланиваться.

Провожали всем составом. Прохор даже автограф затребовал. Ему за то, чтобы он не разболтал, кто я есть такой, в офицерском блокноте написал: «Будущему великому маэстро от поклонника» и расписался. Титов только что ножкой в смущении не шаркнул. А мы, запрыгнув в машину, покатали обратно к штабу. Там почти все было готово. Во всяком случае зрители уже присутствовали. Пока пробирались через толпу, ближе к

импровизированной сцене, на нас пару раз рыкнули. Мы рыкнули в ответ и в конце концов, найдя подходящее место, приземлились.

А потом начал петь Утесов... И старые свои песни и новые. И про сердце, которому не хочется покоя, и про Мишку-одессита. И про пароход и про извозчика. Даже еще не слышанную мной – про фашистского козла. Правда, смысл в слово «козел» вкладывался несколько другой, но все равно – близкий к современному. Во всяком случае, слова припева, исполняемые под развеселый фокстрот, «Забьем козла, козла, браточки!» к игре в домино никакого отношения не имели, а наоборот: содержали призыв забить козлов – фашистов в самом прямом смысле этого слова.

Я от такого несколько обалдел. Надо же, какие песни тут на эстраде исполняют. Аж чем-то родным повеяло...

А говорили – цензура, цензура... Народ после каждой композиции хлопал, орал и всячески выражал свою радость. Некоторые от избытка чувств шмаляли в воздух, благо концерт проходил под открытым небом. Невоздержанных тут же выдергивали ребята из комендатуры и на этом для хулиганов праздник заканчивался. Остальные бойцы обращали мало внимания на занятых работой комендачей, продолжая веселиться. Вообще настроение было классное! Невзирая на то что все зрители в форме, ощущение такое, как будто на гражданке в концертном зале сидишь. И войны никакой нет...

Все-таки не зря на фронт такие артисты приезжают. За полтора часа выступления люди как будто в отпуске побывали. И непрерывное нервное напряжение ослабло... Под конец Утесов на бис спел любимую песню Верховного – «С одесского кичмана». Правда, как по мне, то Кортнев из «Несчастливого случая» ее исполнял лучше. Она у него более душевной и лиричной получилась. Но так как народу сравнивать было не с чем, то и классическое исполнение было воспринято на ура.

В общем, все было замечательно, жаль, быстро закончилось. Солдат стали строить, офицеры расходились и разъезжались самостоятельно. Уже садясь в джип, увидел, что Титов все-таки смог поймать главного советского джазмена и что-то ему втирает, показывая на своих ребят, которые стояли неподалеку, и непрерывно крутя при этом головой. У меня закрались подозрения, что он высматривает человека, пару часов назад подарившего ему новый шлягер. Хм... а оно мне надо? Он сам замечательно и мелодию и текст до Утесова доведет. Нас уже и так время поджигает. Только-только к контрольному сроку успеваем вернуться. Поэтому, быстренько плюхнувшись за руль и не дожидаясь, пока мужики толком рассядутся, дал по газам.

А через полчаса езды из густого подлеска под наш резво прыгающий по проселку джип метнули гранату. Может, кто другой ее бы и принял за камень, брошенный каким-то дебилом по проезжающей машине. Только вот наивных в «виллисе» не было. Сами так не один раз «языков» брали. Прикинешь скорость, швырнешь гранату перед машиной, так чтобы она рванула под колесами, и аллес! Все осколки на себя принимает днище, а пассажиров только глушит. Ну... в основном только глушит. После чего их можно брать тепленькими. Поэтому, увидев летящий предмет, Серега с Лехой в один голос завопили:

– Граната!

А я тормознул, выкручивая руль, и тут же опять притопил газ, юзом влетая в кусты на обочине дороги. За спиной шарахнуло, но мужики уже вылетали из машины, занимая оборону. Только Мишка сидел, ошалело хлопая глазами и вцепившись в поручень. До этой штабной крыски, как мы его иногда шутливо обзывали, похоже, еще не дошло, что случилось. Но объяснять было некогда... Выдернув автомат из зажимов, тоже вывалился наружу, попутно прихватив Северова.

Блин! Снова, что ли, оборзевшие ОУНовцы шалят?

И куда на фиг СМЕРШ смотрит? Наберут таких, как Задрыгайчик, а потом свою же жопу при походе в сортир найти не могут, не то что кого-то поймать! Хотя это скорее просто от злости сейчас так думаю. Ребята с контрразведки еще те волкодавы и большинство диверсантов ими все-таки отлавливается. Жалко только, что вот этих конкретных они

прошелкали...

Слева послышался треск сучьев и Гусев вцепился в звук, из пистолета. Треск затих, зато с другой стороны раздалась короткая очередь. Вот шустики – в клещи берут. Тот, которого пуганул Серега, опять зашевелился, и мне пришлось добавить по кустам из ППС. С полминуты было тихо, а потом по нам ударили в пять стволов.

На этот раз патроны нападающие не экономили. Видно, поняли, что потенциальные языки вполне здоровы и сдаваться не собираются. Тем более время работало на нас. В любую минуту по дороге могла проехать машина и ситуация кардинально бы поменялась. Бабах! Бабах! У-у, сволочи... гранатами пытаются достать. Правда, им кусты сильно мешают. Но если это не прекратить, то все равно осколками покоцать смогут. Я краем глаза увидел, как Гек шустро пополз вбок. Видно, тоже сообразил – пора что-то предпринимать. Мы с Серегой и слегка очухавшимся от неожиданности Мишкой поддерживали его. Хотя лучше бы Северов просто лежал и патроны берег. Блин, ведь на концерт, а не на войну ехали, поэтому из оружия – только по пистолету на нос да автомат с одним магазином, две трети которого я уже расстрелял. Так что остается надеяться – Лехе повезет.

Дело в том, что Пучков, невзирая на наши подколы, всюду таскался с «лимонкой» в кармане. По-моему, даже в туалет с ней ходил, объясняя, дескать, это – «счастливая» граната. Как «фенька» может быть счастливой, я не понимал, но сейчас сильно рассчитывал, что она всех выручит. Если Гек сможет вылезти вон к той проплешине, то, кинув навесом в нападающих чугунный кругляш, он хотя бы отвлечет их внимание.

Я ногой уперся в торчащий из земли корень, чтобы сразу после взрыва дернуть на сближение с противником. Когда бахнет, они хоть на пару секунд да отвлекутся. Этого должно хватить для рывка к большому дереву слева.

А там, глядишь, и в тыл им выйти удастся. Поэтому, придавив Мишку к земле и погрозив ему кулаком, чтобы не дергался и не вздумал бежать за мной, застыл в ожидании.

Бабах!

Впереди шарахнуло, и я побежал. Взрыв, как и было задумано, отвлек немцев. То, что именно немцев, а не националистов, сомнений теперь не было. Просто кто-то метрах в тридцати достаточно громко вскрикнул и ругнулся:

– Шайзе!

Похоже – зацепило фрица.

Фьють, фьють!

Над головой свистнули пули запоздалой очереди, но я уже нырнул, как в воду, в прелую листву за деревом. Ну теперь хрен нас одной гранатой накроете! По логике, нападающие тоже должны понимать, что если засада сразу не удалась, то надо сваливать. Бой идет уже минуты три, а по всем нормативам для диверсантов это слишком долго. Так что сейчас – они в отрыв пойдут.

В этот момент со стороны Лешки часто захлопал пистолет. Что за хрень? Высунув нос из-за ствола, с удивлением увидел метрах в пятнадцати от себя бесшумно скользящую фигуру в камуфляже. Вот суки отчаянные! Вместо того чтобы драпать во все лопатки, они на захват намылились. В руках у бегущего была граната, и, заметив, что я его увидел, он уже занес руку. Выпустив в шустрого фрица остатки магазина, опять спрятался за дерево. Бабах! Успел все-таки кинуть, гадский папа. Правда, не добросил... Так, выходит теперь их как минимум четверо осталось. Или трое и один подраненный. Но пора к Геку на помощь бежать, а то там уже маты слышны, значит, пошла драчка врукопашную.

По пути, подхватив автомат дохлого гитлеровца, вломился в кусты. И тут же нарвался на очередь в упор. Как увернулся – ума не приложу. Пуля попала в оружие, вырвав его из рук, а я, растопырившись, как лягушка, в длинном прыжке летел на выцеливающего меня камуфляжника. Пятнистый, от растерянности, что сразу русского не завалил, протормозил с повторным выстрелом, и через мгновение мы уже кубарем катились по земле. Я с переполоху забыл все хитрые приемчики и без затей вцепился фрицу в ухо зубами, попутно выкручивая автомат у него из рук. Немец заорал, отдал MP, но тут же выдернув нож, захотел

ткнуть им меня в живот. Благодаря наконец-то включившимся рефлексам, нож перехватил и, вогнав под ребра противнику, отпихнул захрипевшего здоровяка от себя. Ффух! Блин! Чуть не убил, кабан накачанный!..

Выплюнув кусок отгрызенного уха, прислушался. Как-то резко стало тихо. Возни и матов не слышно, выстрелов тоже... Достав пистолет, осторожно пригибаясь и прислушиваясь, двинул туда, где в последний раз слышал молодецкие крики драки. Шагов через десять, заметив мелькнувшую между деревьями фигуру, взял ее на мушку и застыл. Но тревога была ложной. Это был Гек, который, увидев меня, показал куда-то в сторону. Дескать, там еще один. Осторожно двинув в указанном направлении, наткнулся на Гусева. И когда он успел сюда проскочить? Ведь несколько минут назад возле машины еще был...

Сергея, мельком оглянувшись, кивнул на привалившегося к дереву немца. Тот сидел на дальнем конце небольшой полянки и, глядя на нас, криво улыбался. Окровавленные руки были прижаты к животу, и по всему выходило, что фриц опасности не представляет. Но Гусев, похоже, так не считал. Вот и стоял в двадцати шагах от раненого, не подходя ближе. Пока Лешка страховал тылы, мы молча играли в гляделки с немецким разведчиком. Тот опять улыбнулся, показывая испачканные кровью зубы, и сказал:

– Ком, ком!

Дескать, давайте, подходите! Сергей еще несколько секунд помедлил, а потом со словами: «Иди ты на хер!» навскидку выстрелил улыбчивому фрицу в голову. Тот дернулся, руки разжались, и на землю выкатилась граната. Во блин – камикадзе! Переждав за стволами разрыв, опять посмотрели на остатки гитлеровца. Теперь он точно опасности не представлял. Башки почти нет, и оторванная рука висела на кустах. Герой епрст... Но, похоже, это не просто разведчики – скорее коллеги парней из советских террор-групп. Немчура вообще быстро учится, и уже месяца два такие вот ухари ползают по нашим тылам. Многие русский достаточно хорошо знают. Да и вооружены, помимо обычного оружия, еще и аналогами советских РПГ-2. Так что шороху наводят немало. У этих, слава богу, граников не было, а то бы нам солоно пришлось.....

Мы еще не успели подойти к подорвавшемуся фрицу, как появившийся на звук разрыва Гек молча протянул мне здоровый тесак. Покрутив его в руке, спросил:

– Ну и что тут?

– Это я с того здоровяка, что в кустах лежит, вынул. Ты на клеймо глянь....

На плохо вытертом от крови лезвии, возле рукоятки, было клеймо. Плонув, потер его пальцем – и стал хорошо виден лев под пальмой. Сергей тоже глянул и с удивлением хмыкнул:

– Странно...

Действительно странно... Орлы из африканского корпуса, у которых были такие тесаки, по данным разведки, должны были находиться километрах в четырехстах севернее. Быстренько осмотрели трупы, попутно сожалея, что живьем никого не получилось взять. Хотя тут не до жиру, сами живы остались – уже хорошо... Кстати, что интересно – у других фрицев снаряжение и вооружение было стандартное, лишь у моего кабана оказался эксклюзивный ножичек. А что это значит? С одной стороны, может, и ничего. Мало ли где он его нашел, выменял или купил? Но с другой – была еще одна закавыка: если фрица сравнивать с остальными трупами, то этот амбал был потемнее. Чуть-чуть, но потемнее. Выходит, загар пустынный, еще не весь сошел. Хотя это почти ни о чем не говорит – мало ли где фриц загорал этим летом? Но ведь и остальные тоже не из Норвегии прибыли, вот только цвет загара имели другой. Так что уши на макушке надо держать. Роммель – он еще тот жук, и четыреста километров для него не расстояние. А наша разведка уже не один раз впросак попадала... да что разведка; бывало, и мы сами обмешуривались...

Поэтому, забрав трофейное оружие, выгнали почти не пострадавший «виллис» на дорогу. По пути подобрали Северова, который меня с переполоху чуть не пристрелил, и покатили докладывать свои предположения начальству. Правда, когда я уселся за руль, Гусев протянул мне платок:

– Вытрись, а то такое впечатление, что ты своего фрица не просто убил, а еще и съел.

Глянув на себя в боковое зеркало, только выругался. Видик был еще тот. Основную кровь с подбородка стер сразу, но и остатков хватало, чтобы меня за недобитого вампира приняли. То-то Мишка от меня так шарахнулся. Тут еще Пучков, хихикая, добавил:

– А Илья его и начал есть. Ухо отгрыз напрочь, но потом, видно, мы его отвлекли. Страшно даже подумать, что от немца остаться могло, если Лисову волю дать.

– Да ну вас в жопу, шутники доморощенные! Просто невкусный попался, поэтому и не доел. Вот если б это Северов был, – я ткнул довольно упитанного радиста в бок, – тогда, конечно, другое дело!

Мужики заржали, и еще минут пять мы, показывая пальцами друг на друга, вспоминали, как Мишка застыл с недоуменно-ошарашенной мордой в самом начале обстрела. Как Гек, сумасшедше виляя задом, полз к проплешине. Как Лисов из себя прыгуна в воду изображал... В общем – отпустило... А когда руки перестали трястись, я наконец дал по газам.

Глава 5

Биомать! Армия не меняется с начала времен. И армейские заповеди, придуманные, наверное, еще древними греками, остаются актуальными по сей день. Говорил ведь кто-то из великих – инициатива наказуема! Поэтому, когда мы прискакали к полковнику с золингеновским ножичком и своими предположениями, он не отмахнулся, а сразу развил бурную деятельность. До самой темноты, а потом еще и полночи с кем-то связывался и по ВЧ и по обычной связи. Все что-то уточнял, выяснял и обдумывал. А сутреца обрадовал нас новой задачей. Вот, не хватало ему более конкретных данных для своих, блин, гениальных умозаключений! Поэтому мы должны были взять жопу в горсть и быстренько сбежать аж к Днестру. Там, в районе Тирасполя, посмотреть, не появился ли неожиданно для всех «Лис пустыни» со своим войском и не готовит ли он нашим, готовым к рывку на Одессу войскам крупную каку в виде флангового удара. Ту же задачу будут выполнять и армейские разведчики, но мы лучшие, на нас надежды больше и бла-бла-бла в том же духе. Старшим группы иду я, а Серега опять остается при штабе. Что характерно, он даже не возмущался такому приказу Ивана Петровича.

Вообще в последнее время происходит что-то странное. Нет, внешне все как было, так и осталось. Только я стал замечать, что Колычев больше обычного мотаться начал и стал часто брать с собой Гусева. Замену он себе, что ли, готовит? Напрямую спросил у майора, но этот гадский папа, как обычно, только отшутился...

В общем, идем вчетвером. Я, Гек, Змей и Хан, он же Марат Шарафутдинов. Для Змея будет это первый выход настолько глубоко в тыл, поэтому инструктировал его особо тщательно. А так как работать предполагалось достаточно далеко от линии фронта, нам еще навязали радиста. Стандартная ходилка-говорилка, за сто верст, хоть ты на пупе извертись, не возьмет, поэтому сейчас, у него была достаточно компактная и мощная станция «Север-3».

Еще выдали три совсем небольших, новеньких приемопередатчика, с наушником на широкой резинке и ларингофоном. Мишка, когда нам рассказывал об их возможностях, весь корпус слюной закапал от восторга. Он, захлебываясь, трындел что-то о доработанном кристадине инженера Лосева, о контурах, катушках и разнесенных частотах. В общем, ни фига непонятно. Зато, как пользоваться головной гарнитурой, мы сразу поняли и оценили. Эти штуки были похожи на те, чем пользовалась спецпура в мое время. Размером, конечно, раза в три больше, зато насколько теперь удобнее дела делаться будут. Единственно, радиус действия раций был совсем крохотный, метров пятьсот, не больше, да и то на открытой местности. Но группе для работы больше и не нужно, а то ведь гитлеровская радиоразведка тоже не дремлет....

Так что радист Тихон Балугев плавно вливался в наши ряды пятым бойцом. Пацан был

достаточно грамотный, закончивший школу в Балашихе, поэтому я сильно за него не опасался. Он хоть и прибыл к нам недели две назад, но вполне соответствовал общему уровню подготовки. «Языков» ему не брать, зато на радиии работает отлично. Если уж сам Северов о Тихоне отозвался как об отличном специалисте, значит, точно – связь у нас будет всегда. А это, в общем-то, единственное требование к нашему «маркони».

Заброска планировалась, как обычно – самолетом. После долгих прикидок решили высаживаться недалеко от Дубовиц – деревни, километрах в тридцати от Тирасполя. Там и леса подходящие есть, и войск не очень много. По уму, еще проводника бы найти, но из-за нехватки времени решили на поиски человека, знающего этот район, – забить. Это когда в Измаил ходили, зеленый свет был со всех сторон, а сейчас только искать и согласовывать пару дней точно будут. Тем более, Колычев дал очень хорошие карты. Трофейные, правда, с надписями на немецком, но от этого не менее подробные.

Прибыв уже в сумерках на аэродром, для начала дал накрутку штурману, чтобы выбросил не у черта на рогах, как уже бывало, а четко в нужном месте. Тот проникся и пообещал, что все будет тип-топ. Я только носом на это покрутил и вынужден был поверить на слово, хотя совершенно салабонистый вид летуна, отрекомендованного как лучший штурман полка, доверия не внушал. Мы бы, конечно, предпочли опытного специалиста в годах, а то этому на вид восемнадцать лет было. Под носом только-только усики стали пробиваться...

Правда, начальник штаба давал голову на отсечение, гарантируя точность выброски, поэтому, хоть и ворча, загрузились в Ли-2. Погоняв движки в разных режимах, самолет, резво подпрыгивая, наконец оторвался от земли и, загребая темноту лопастями, взял курс на запад. Минут через сорок полета в салоне появился борттехник и, показывая палец, проорал мне в ухо:

– Одна минута! Готовьтесь!

После чего открыл дверь, поглядел в черный проем и, дернув стоящего наготове Змея за обвязку, показал, дескать – давай. После чего, с небольшими интервалами, выпустил из самолета остальных. Последний вывалился я. Порывом ветра сначала закрутило, но через несколько секунд над головой хлопнуло и я, поудобнее устраиваясь в подвесной системе наконец получил возможность глянуть вниз. Ни черта не видно, хоть глаз выколи... Что там внизу? Деревья, поляна, болотце – непонятно... Ухватившись за стропы, закрыл перекрещенными руками морду и, напружинив ноги, приготовился к встрече с неизвестностью.

Приземлились удачно. Никто не поломался, только я завис на кроне, как паучок Ананси, и минут двадцать потерял, пока сдергивал купол. Спрятав парашюты, как обычно в разных местах, двинули к Дубовицам сориентироваться и осмотреться. Через полчаса хода стало понятно, что молодой штурман – действительно спец. Выбросил тютелька в тютельку. И это без всяких GPS или сигнальных костров с земли! Так что по возвращении с меня пирожок и пончик...

Обойдя деревню по большой дуге, двинули на север, вдоль Днестра. Мы ведь не зря перед выходом на базе головы ломали. По прикидкам, корпус, если он действительно переброшен на наш участок, за рекой держать не будут. Может ведь как получится – если раздолбают мост, то все немецкие планы пойдут насмарку. Да и в принципе завязываться с переправами – дело муторное. А у нас расчет идет на то, что фрицы не в обороне отсиживаться будут, а попытаются нанести удар с последующим выходом к Южному Бугу. То есть им – мобильность нужна. Вот и думаем, что они сейчас скрытно сосредоточены где-то недалеко. Другой вопрос – где? Авиаразведка этого района не дала ничего. Вчера весь день летали и, кроме уже отмеченного на картах, никакого левого шевеления не обнаружили. Так что теперь наша очередь землю носом рыть.

Особенно обидно выйдет, если никого не найдем, а тот владелец ножа, из-за которого все и началось, окажется прикомандированным или просто переведенным после ранения в другую часть, одиночкой. Хотя вряд ли – это только у нас после госпиталя могут запнуть,

куда душа пожелает. Фрицы же практически всегда возвращаются в свое подразделение, что немало способствует повышению боевого духа. А наш извечный бардак в этом вопросе доходил до маразма. Артиллериста без проблем запикивают в пехоту, кавалериста в саперы... Хотя в последнее время вроде стало налаживаться. Стараются, невзирая на затраты, возвращать людей в свои части. Да и вообще, в этом году, многое поменялось. Взять хотя бы тот приказ, который произвел фурор в войсках. Теперь отпуск дают не только за героизм или по ранению, а просто по графику. Отвоевал полгода, остался живой, ну так и вали на родину – демографическую ситуацию улучшать. На все тебе десять дней, не считая дороги.

Я, кстати, на эту тему с Берией еще в начале сорок второго говорил. Мол, рождаемость резко упала; и что мы будем делать через лет восемнадцать, когда в армию призывать почти некого будет? Специально тогда именно армией в нос тыкал, чтобы пробрало получше. Правда, обстановка тогда к отпускам не располагала, но потом, когда все стабилизировалось, выходит, вспомнили и реализовали хорошую задумку...

Раздался шорох, и шедший головным Лека остановился, подняв руку. Все замерли, но через несколько секунд он махнул, разрешая движение. Прибавив шаг, догнал Гека и спросил:

– Что там было?

– Зайца, похоже, спугнул. У меня чуть сердце не выскочило, когда он из-под ног шмыгнул.

– Бывает... Ладно, давай назад, я первым двину.

Пучков оттянулся за спину, и теперь я, напрягая слух и зрение, топал по темному лесу, стараясь поменьше хрустеть сучками, что, как назло, постоянно лезли под ноги. Уже под утро добрались до первой расчетной точки сосредоточения немецких войск. В предрассветном тумане прошли через луг, и я, прежде чем нырнуть в лес, машинально оглянулся. Оглянулся и обомлел. От одного края луга до другого, там где мы прошли, осталась отлично видимая, слегка изгибающаяся тропинка.

Епрст! И что теперь? Летом ведь так ходили и ничего – трава к рассвету выпрямлялась, маскируя следы.

А сейчас осень, и она хрен поднимется после пятерых слонов, прошедших по ней гуськом. Все осложняет, что это не какая-то лесная поляна, а именно луг. И соответственно деревня чуть больше чем в полукилометре от него. А в этой долбаной деревне или немцы, или полиция однозначно трутся. Выйдет такое мурло утречком, после стаканчика парного молока, природой полюбоваться, а тут нате! Дорога столбовая, русскими разведчиками проторенная.

У них даже сомнений не будет, что именно русскими, потому что местные по лесам стараются не бегать. Да и направление характерное... От опушки к опушке. А когда это сообразят, начнут нас гонять, как тогда в Крыму... Правда, здесь не степь, да и предвидели мы такой вариант. Поэтому, еще раз с сожалением оглядев примятую траву, приказал:

– В общем так, мужики, мы наследили. Поэтому давайте доставайте чуни и погнали дальше.

В этих самых чунях из волчьей шкуры, надетых поверх сапог, двигаться было крайне хреново. Благо недолго... Резко изменив направление движения, мы проскочили километра полтора и, немного не доходя до дороги, закинули неаппетитную обувку обратно в рюкзаки. У нас, конечно, была смесь перца с табаком, но вот волчий запах понадежней будет. Собачка, нюхнув его, совершенно по-другому себя ведет, чем от кайенской смеси. Глядишь, проводники и подумают, что здесь просто дикое зверье проходило.

Возле дороги проторчали часа три. Несколько раз проходили колонны, но по маркировке выходило, что это все местные старожилы. Еще через час наблюдения стало понятно, что ничего мы тут не вылезим. Надо брать «языка». Только вот стремно как-то. Одиночки здесь не ездят. Да и сильно наследили, если даже какую машину тут остановим. Посмотрев карту, приняли решение уходить еще ближе к Днестру; может, там, на проселках

повезет...

Но повезло немного раньше. Проходя через поляну, наткнулись на немецкий полевой кабель. Его глазастый Змей первым увидел. Присев на колени, он показал мне коричневатого цвета шнур, почти невидимый в траве:

– Командир, смотри – полевка фрицевская. Режем?

Хм... Это у Козырева инстинкты говорят. Резать связь при каждом удобном случае. Но сейчас так действовать не будем. Попробуем сделать похитрее. Так и ответил:

– Нет. Порежем – связисты насторожатся. И под кабанов, типа они его порвали, сработать не выйдет, эти хряки все уже отсюда разбежались... Так что давай иголку.

Женька достал из пилотки иголку и протянул мне. Прикинув, где находятся жилы, вогнал иглу в изоляцию так, чтобы их коротнуть. Потом, забрав иголки у остальных, повторил операцию. Взятými у Балуева кусачками обломал хвостики под корешок, добавил их глубже в изоляцию и дал народу команду маскироваться. Теперь даже если через руку пропускать кабель, как это всегда делают связисты, то место покоцанности они не найдут, соответственно ничего не заподозрят. Зато мы всегда сможем посмотреть, кто идет и сколько идет. Так, чисто для подстраховки. Отправив Хана со Змеем в разные стороны, метров на триста дальше по кабелю, включив рации, начали выбирать место для засады, благо в этой рощице их хватало.

Минут тридцать было тихо. Рассредоточив людей, я лежал возле нехилого дуба и от нечего делать наблюдал за муравьиной цепочкой, таскающей разный лесной мусор. Мураши своей целеустремленностью сильно напоминали барахольных китайцев на разгрузке фуры со шмотками. Никто не филошил, не отваливал в сторонку на перекур – все были при делах. Скучно... Положив сучок поперек их тропы, приготовился понаблюдать за возникшим было кипешом, но не успел. Вдалеке заорала сорока, и почти тут же тихонько зашипел динамик на ухе:

– Пара от меня. Чисто...

Ага. Значит, со стороны Марата топают двое и без прикрытия. Взмахом руки привлек внимание остальных и жестами показал, сколько и откуда людей движется. Ребята встали за деревьями и приготовились к встрече. Но ремонтники еще не успели появиться, как опять ожила рация. Искаженный наушником и шепотом голос Шаха звучал почти панически:

– Плюс восемь! Плюс восемь! Как понял?!

Биомать! Как это – плюс восемь?! Это что же значит – крайне хитрожопые фрицы пустили пару связистов, а за ними почти отделение прикрытия? Ну козлы, как быстро учатся! И что нам теперь делать? Если этих пропустим, где потом «языка» ловить? Да и сейчас тоже ничего не выйдет, только засветимся. То есть пленного если и возьмем, без шума все равно не обойдется. Или обойдется? Нет, расстояние между связистами и остальными, скорее всего, на прямой видимости. Одновременно одних захватить, а других ухлопать никак не получится, бой все равно завяжется. А для нас этот бой – вилы. Если к тем восьми прискачет подмога и прижмут к реке, то считай, писец настал... Все это в голове за какую-то секунду пронеслось, и шепнул в рацию:

– Понял. Оставайся на месте.

Опять высунулся из-за дерева и, сложив руки крестом, сделал зверскую морду, давая отбой мужикам. Гек удивленно поморгал, но кивнул, давая понять, что информация дошла.

А еще через минуту показалась пара быстро идущих немцев. У одного, с большой сумкой, который пропускал шнур через ладонь, винтовка висела за спиной, зато второй автомат держал поперек груди и настороженно зыркал по сторонам. Не останавливаясь, они проскочили мимо нас. И только скрылись из глаз с одной стороны, как с другой появились идущие друг за другом на дистанции метров шести-семи солдаты. Не-е, блин! Не просто солдаты – эсэсовцы! В своих камуфляжных куртках, все с автоматами, гитлеровцы почти без шума двигались за связистами. Когда и они скрылись за листвой, тихонько выдохнул. Оказывается, пока фрицы мимо проходили, я почти не дышал...

Зараза, ведь чуть не влипли! Эти эсэсманы, судя по повадкам, из ягдкоманды. Таких без

стрельбы однозначно положить бы не получилось. Так что, выходит, решение их пропустить принял правильное... Блин, неужели по этому кабелю в/ч связь проходит? В противном случае откуда тут эти сволочи тогда взялись? С каких пор на сопровождение рядовых линейщиков зубров из СС запускают? С другой стороны, в/ч просто так в кустах не бросят. Ее или по столбам пускают, или в траншею прячут. Так что связь, наверное, все-таки обычная. В таком случае, хрен его знает, чего они сюда такой толпой пожаловали. Может, просто где-то рядом высокочастотка проходит, поэтому так нервно даже на рядовую полонку и реагируют? Но это гадания на кофейной гуще. Варианты можно перебирать до ишачьей пасхи, надо просто пойти и посмотреть, куда этот шнур выведет.

Приложив ладонь к горячей морде, передернул плечами. Это отходняки пошли. У меня всегда так, перед дракой лицо краснеет. А здесь она неожиданно отменилась, но адреналин остался, вот до сих пор в ушах и шумит. Выждав еще минут пять, позвал своих и приказал:

– Тихон, иголки из кабеля – долой. Их там четыре штуки должно быть. Не фиг тут больше фрицам бегать. А мы сделаем по-другому. Ремонтники появились с той стороны и ушли к реке. Вот и мы пойдем туда же. Сейчас они проверят телефон, подкрутят контакты и, когда он заработает, пойдут обратно. Если пойдут одни, то берем их. Если опять толпой, то пропускаем и смотрим, что за точка возле реки стоит. Ну а дальше – по обстоятельствам...

Мужики план одобрили, и мы двинули к Днестру. Сначала резво шли вдоль немецкого провода, потом, прикинув по времени, отошли от него метров на тридцать влево и опять залегли. Минут через двадцать знакомая компашка протрусила в другую сторону. На этот раз они шли более плотной группой, некоторые даже курили на ходу. Было слышно, как худой эсэсовец лениво наезжает на армейцев, а те вяло отбрехиваются в ответ. Глистообразный фриц возмущался плохой работой немецких линейщиков. Зольдов ягдкоманды оторвали от обеда вечно всего опасаящиеся телефонисты, и теперь работники трубки получают заслуженную порцию возмущений за длинный пробег вхолостую. Похоже, ругать связь, причем по обе линии фронта, – дело привычное. Что наши, что немцы во всех своих бедах постоянно винят затурканных связистов. Это уже, наверное, традиция такая...

Выждав, когда голоса ругающихся смолкнут, двинули дальше. Идти пришлось недалеко. Роща, подходя к реке, заканчивалась и начинался пологий спуск, поросший редкими деревьями. А почти возле воды стояли три домика, сарай и деревянный причал. Залегши в кустах, принялись наблюдать за пейзажем, пытаюсь сообразить, кто же здесь расположился. Толком так ничего и не поняли. Во всяком случае идентифицировать шляющихся по берегу фрицев пока не представлялось возможности. Ну а где-то через час нашего лежания к причалу подошел катер, несмотря на небольшие размеры, вооруженный двумя пулеметами. На корме цветной тряпкой обвис немецкий флаг. Ну надо же, почти как настоящий корабль, даже с флагом. Наверное, патрульная посудина. Только я считал, что у них что-то типа базы должно быть, где они собираются на ночь. Интересно, этот чего сюда приперся? Хотя, может быть, здесь какая-то скрытая или промежуточная стоянка? Похоже, что именно так. Тогда, кстати, сразу становится понятным присутствие людей на берегу...

С катера тем временем ловко кинули веревку встречающему фрицу и тот быстренько привязал ее к брусу. Из домиков выползло еще четыре человека, которые пялились на швартовку. Спрыгнувший с посуды морячок помог встречающему и взмахом руки поприветствовал остальных. Потом, когда катер был надежно примотан к причалу, из него полезла остальная команда. Еще пятеро, во главе с офицером. Сойдя на берег, главный мореман поручкался с лейтенантом, стоящим на берегу, и все быстренько рассосались по разным местам. Офицеры ушли в дом, а солдаты, сначала выкатив из сарая несколько бочек, уволокли их на судно, а потом общими усилиями накрыли катер масксетями.

Я смотрел на это единение армии и флота с интересом. Вот ведь как они хорошо придумали. Вверх и вниз по течению тянутся камыши, и теперь их вооруженную лодочку сам черт не увидит. Да и дома так удачно стоят под деревьями, что их и с берега не очень-то различишь, не то что с воздуха. Так что, если бы мы не по полевке шли, проскочили мимо за милую душу, даже не подозревая о таком вкусном кусочке. Хотя, конечно, фрицев многовато

будет... Наблюдая до самой темноты, насчитали вместе с моряками одиннадцать человек. Правда ночью, они в основном спать должны. М-да, резать сонных – занятие малопочетное, но будить их перед смертью – точно не будем. Надо будет – всех в ножи возьмем. Последний раз посмотрев на еле заметную фигуру часового возле катера, собрал мужиков для большого военного совета.

– Ну вроде все хорошо рассмотрели. Давайте предложения.

Гек высказался первым:

– Предлагаю идти часа через два, когда они утомятся. Сначала снимаем часовых на причале и возле сарая. Потом мы с Ильей идем к офицерам, остальные страхуют, готовясь закидать караулку и второй дом гранатами. Если все идет тихо, пленных оставляем Балуюеву и вчетвером режем остальных.

Я покивал головой и оценил:

– Толково! Еще пожелания, замечания есть?

Женька, давно подпрыгивающий на месте, тут же влез с рацпредложением:

– А давайте корабль захватим! Это же насколько мобильность улучшится! Если что, на нем и к своим уйти сможем.

Народ только прыснул на эти слова, так что пришлось объяснить надувшемуся Змею:

– Первое – это не корабль, а катер. Второе – никуда мы на нем не уйдем, просто потому что этим катером никто рулить не умеет. Третье – карты проток у нас нет, поэтому заблудимся в момент, да и немцы этот катерок уже завтра усиленно искать начнут. И кстати, у тебя, что, по географии двойка была? Как ты на нем, вообще, думал к нашим выйти? Ладно, не отвечай. – Я махнул рукой загрустившему рационализатору и продолжил: – Поэтому действовать будем по плану Пучкова с единственным дополнением. У фрицев там не зря телефон стоит. Они регулярно связываются с остальными, показывая, что живы, здоровы и не спят на посту. Так что действовать начнем после очередного такого звонка. И разумеется – никаких гранат. Шум поднимать нельзя. Понятно?

Ребята закивали, после чего, оставив на стреме Тихона, эти два часа до налета все посвятили сну.

Тиха украинская ночь. Да уж... это Пушкин в своей «Полтаве» правильно заметил. Слышно только, как камыш шумит да часовой возле сарая перхает, а так – полнейшая тишина.

Смешанный сухопутно-речной личный состав перестал шебаршиться часа полтора назад. Офицеры затихли чуть позже. Отбегали в стоявший над водой сортир последние засранцы, и только фигуры часовых показывают, что здесь есть чего охранять.

Мы с Маратом, подобравшись поближе, напряженно вслушивались в темноту. Смена часовых была минут двадцать назад. После последнего тарыхтения телефона прошел почти час. Блин... непонятно, может, они ночью не проверяются вообще и зря мы звонка ждем?

Сарайный наконец перестал кашлять и медленно пошел вдоль длинной стены. Надвинув на лицо капюшоны, смотрели, как немец понуро бредет, засунув руки в рукава шинели и даже не глядя по сторонам. Винтовка болталась у него за плечом, и весь вид часового являл собой наглядное пособие, как не надо тащить караульную службу. Фриц медленно удалился в непроглядную черноту за сараем, и мы опять наострили уши в ожидании звонка. Правда, прозвучал он все равно неожиданно. Минут через пять в тишине услышали глухой зуммер. Пихнув в бок Шарафа, прошептал:

– Работаем.

Хан шустро пополз к стенке, а я продублировал приказ во включенную час назад и уже начинавшую садиться рацию. Выглянув из куста, увидел, как подсвеченный луной силуэт часового на мостках схватился за шею и начал заваливаться на бок. Упасть ему не дала стремительно метнувшаяся тень, которая утащила тело в сторону. Да и вообще – ликвидация часовых прошла как в немом кино. Без бряков и криков. Так же шумели камыши и журчала огибающая их вода, только вот фрицы стали теперь совершенно беззащитны. Как и было обговорено ранее, я расположился напротив входа в караулку, держа под прицелом и второй

дом тоже, а три призрачные фигуры метнулись в офицерскую хибару. Через несколько минут ребята появились, таща упакованных немцев к деревьям, возле которых их ждал Тихон. Сдав «языков» на попечение радисту, все вернулись обратно.

Гек, накручивая на ствол глушитель, радостно щерился, а Змей показал сразу два больших пальца. Ну понятно, понятно, все прошло хорошо, просто замечательно. Только сейчас не до разговоров и не до похвал. Потом все обсудим. Нам еще почти полвзвода к праотцам отправлять надо, а после этого очень быстро отсюда убегать. Так что расслабляться не будем. Самое странное, кстати, что план, обговоренный и утвержденный вечером, пока не дал ни малейшего сбоя. Даже непривычно как-то. Обычно заранее продуманная схема операции начинает жить своей жизнью буквально с первых минут после ее начала. Значит, пока пруха идет, и мы тормозить не будем.

Махнув рукой второй паре, с Маратом двинул к караулке. Но не дойдя до нее шагов десять, опять услышали треск телефона и остановились. Да что они – издеваются? То часами звонка ждешь, то через каждые десять минут названивают. Только собрались идти дальше, как вдруг в помещении послышался шум, после чего дверь, ведущая на улицу, распахнулась, и появившийся на пороге немец заорал во все горло:

– Алярм! Алярм!

Во, блин! Я так растерялся, что даже не выстрелил в горлопанящего фрица, а, просто дав ему в бубен, перескочил через падающее тело и нырнул в дом. Там уже копошились проснувшиеся гитлеровцы, которые, похватав оружие, намылились выбегать наружу. Это даже не встречный бой получился, а какая-то бестолковая свалка. Автомат из-за спины вытащить не успевал, поэтому, сместившись чуть в сторону, чтобы дать пострелять и Шаху, гвоздил по очумелой немчуре из пистолета, самых прытких успевая еще и полоснуть ножом. За пять секунд расстреляв магазин, бросил пустой ствол и тесак на пол и наконец ухватился за ППС.

Только вот стрелять, похоже, было не в кого. В сизых клубах порохового дыма можно было разглядеть только лежащие в разных позах тела да перевернутые койки. Похоже, караул мы на ноль помножили... Вот эта парочка, лежащая рядышком в коридорчике, была бодрствующей сменой. Те, наваленные друг на друга в комнате подальше, – отдыхающая смена. А осевший на стол и булькающий разрезом на горле, был разводящим. Начкар, наверное, лежит в той куче, что возле коек образовалась... Выходит, все здесь, теперь только надо глянуть, как там у ребят с остальными получилось. Бросил на ходу Марату:

– Контроль сделай.

Затем выскочил во двор. Наша молодежь не подвела, но как всегда отличилась. Женька, сурово хмурия брови, держал за шиворот невысокого немца в морской форменке. Ну вот, на хрена козе баян?! Зачем нам этот морячок нужен, когда два офицера уже на руках есть? Только собрался быстро и без проволочек дать транды Змею и пристрелить ненужного пленного, как под ногами зашевелился вырубленный мною паникерский телефонист.

Хм... еще один недобиток. Причем бдительный какой – в темноте разглядел незваных гостей и тревогу поднять тоже успел. Правда, это не помогло, но ведь чуть все не обгадил, гоблин глазастый. Успей караул выскочить, был бы бой. А в него нам ввязываться нельзя. Значит, пока бы мы их почикали, время упустили, и егеря могли упасть на хвост гораздо раньше запланированного. Хотя нет... фриц кипеж поднял сразу после телефонного звонка. Да и не стал бы он, увидев врагов, выскакивать прямо на них из дома. Чем же его так звонок перевозбудил? Присев возле глядящего на меня мутными глазами телефониста, крепко потер ему уши, а когда он слегка очухался, спросил, с чего он вообще орать начал?

Нет, все-таки люблю я связистов! Немец даже и секунду не думал запираяться, а тут же выложил, что их подняли по тревоге. Оказывается, волки из ягдкоманды гонят нашу разведгруппу и рассчитывают ее прижать к берегу, километрах в пяти ниже по течению. На этой стадии им потребуется помощь катерников для общей поддержки и чтобы русские не перебрались через реку вплавь.

Вот гадство! Если катер не придет, то сюда начнут названивать повторно и вся наша

тихая операция пойдет насмарку. Можно, конечно, на том же катере попробовать перебраться через Днестр и уйти на тот берег. Только вот как потом обратно переправляться будем? Да и как этим плавсредством управлять тоже вопрос. Не веслами же, тем более их у нас нет... Тут взгляд остановился на моремане. Тот так и продолжал висеть, придерживаемый за шкварник, лишь лицо помертвело.

Человек обычно чувствует, что его сейчас убивать будут. Некоторые, конечно, пытаются отогнать эту мысль, только вот этот фриц, похоже, себя иллюзиями не тешил и, увидев меня, сразу понял, что к чему. Подойдя к нему ближе, спросил:

– Ты на катере кем был?

Он, похоже, не понял вопроса. То есть смысл не дошел. Чтобы вывести немца из прострации, влепил оплеуху и повторил:

– Ты служил стрелком, рулевым, механиком?

Ага, дошло! Подняв голову, пленный залопотал, что служил механиком и на этой войне вообще никого не убивал. Только с двигателем возился и все. Он, мол, и до войны обычным рабочим был. А в тридцать втором даже голосовал за Тельмана и до сих пор сочувствует коммунистам. Меня откровения социально близкого гитлеровца совершенно не заинтересовали. Они, как в плен попадают, через одного рабочие да сочувствующие, только вот вспоминают об этом, когда нож возле кадыка оказывается. А до этого, суки, до последнего за оружие держатся... но вот то, что он механик, совершенно меняет дело. Во всяком случае сможет прожить подольше, если будет правильно себя вести. Так ему и сказал.

Поклонник Тельмана моментально согласился сотрудничать с русской разведкой и преданно уставился на меня, ожидая дальнейших приказаний. Но тут же припахивать вынужденного союзника я воздержался, а пока приказал Змею тащить сюда офицеров. Сам с мужиками устроил блицсовет. Первым высказался Хан:

– На катере, конечно, уйти можно будет чисто. И ноги сбивать не придется. По пути фрицев в комфортной обстановке допросим. Все равно в этом районе после сегодняшнего, – он кивнул на домики, – ловить уже нечего. Так прочесывать все начнут, что если мы даже сами себе могилы выроем, найдут, выкопают и допросят. Да и наших, если получится выручить, здорово будет...

– Ты что скажешь? – Я посмотрел на Леху.

– Поддерживаю Марата. Пока будем вниз плыть – потрошим офицеров. Когда дойдем до места боя, попробуем забрать разведчиков и уходить по протокам. Там черт ногу сломит, так что хрен нас отловят.

Надув щеки, я в задумчивости начал выдыхать. Ребят выручить – дело, конечно, хорошее. А если и нас хлопнут? Тогда выходит, что сразу две группы погибли зря. Хотя ночью сильно за нами не погоняешься... Даже если фашисты еще один катер вызовут, всегда можно будет просто к берегу пристать и его мимо пропустить. Маскеть-то снимать не будем, так что могут и не заметить. Особо ценных сведений у нас сейчас нет, а вот у диверсионной группы они вполне могут присутствовать. Их гонят с юга, причем приблизительно с того района, куда мы сами хотели идти. И район этот был – из перспективных. Один из пяти, где, по нашим прикидкам, можно мехкорпус разместить. Еще один мы сами осмотрели – там пусто было, так что, может, ребятам повезло...

Единственно, как с бойцами на берегу связаться? Они ведь в такой плавающий дар небес ни за что не поверят.

И что рация у них выключена, так это и к гадалке не ходи. Только нас увидят, моментально начнут войну на два фронта. Обидно будет им, доказывавшим, будто они все еще в конце тридцатых от своих пулю могли получить. М-мм... хотя на каждой плавучей лайбе рупор должен быть. Глядишь, докричатся и получится. Ну а на нет и суда нет... Не поверят, будем уходить сами, но уже с чистой совестью.

Тут притащили офицеров. Они уже очухались и семенили стреноженными ногами, подгоняемые тычками пацанов. Глянув на отсвечивающую наливающимися фингалами

немчуру, сказал Козыреву:

– Ну что, Змей, сбылась твоя мечта. Хотел на лодочке покататься, вот тебе целый корабль. Плыви хоть до океана! – И, обращаясь к остальным, добавил: – Идем на катере. По пути допрашиваем офицеров. Если они что-то про африканских воинов знают, Балуюев растягивает антенну и тут же дает доклад. Ну а мы просто уходим дальше, мимо боя и продолжаем колоть пленных. Если с офицерами выйдет облом, то пробуем подобрать ребят, которых возле реки зажали. Если не получится, то идем вниз по течению, после чего, под утро, высаживаемся на берег и рвем когти в сторону Грудовца. Там осмотримся и будем думать, что делать дальше. Ну что притихли? Грузимся!

Я махнул рукой, и все сразу зашевелились. Дернув за рукав намылившегося было уходить Пучкова, глазами указал на сидящего возле крыльца телефониста. Леха кивнул, доставая пистолет, а я, зацепив второго пленного, пошел к катеру. По пути к мосткам коротко обрисовал механику его дальнейшие перспективы. У морячка было два пути. Либо он нам помогает и у нас все получается, после чего простой германский рабочий получает пенделя под сраку и летит на свободу ясным соколом, либо у нас не получается, тогда разговоры о продолжении его жизни можно считать бессмысленными. Фриц при звуке тихого хлопка за спиной втянул голову в плечи и на полном серьезе пообещал молиться за нашу удачу, попутно прилагая все силы для ее осуществления. После чего воодушевленный перспективой дальнейшего земного существования, сопровождаемый Женькой, нырнул куда-то в нутро катерка.

Я отвязал посудину от причала и под шум застучавшего двигателя запрыгнул на борт. В принципе, кто будет рулить нашим плавсредством, вопросов уже не возникало. Марат, у которого была масса родственников и среди них даже один капитан речного буксира, вызвался встать за штурвал. В детстве этот родич его пару раз брал на борт, и Шараф сказал, что кое-что помнит. Ну и флаг в руки. Мы же с Геком развели «языков» на корму и на нос, после чего принялись вдумчиво допрашивать.

Доставшийся на мою долю лейтенант, в морской тужурке, сильно не запирался. Избегая смотреть в глаза, он исправно давал ответы на вопросы, попутно крутя головой, пытаясь отогнать набившихся под масксеть комаров. Получалось фигово. Связанные за спиной руки не давали развернуть полномасштабное уничтожение летающих гадов. Поэтому немец давил их плечом и отвечал, отвечал, отвечал... Да, он является капитаном малого патрульного катера Днестровской флотилии Куртом Меером. Да, у флотилии ввиду непрерывных и все нарастающих бомбежек русской авиации нет постоянной базы. Да, все суда флотилии рассредоточены по схронам. Нет, он не видел никаких танков или другой техники, в больших количествах перегоняемых на левый берег. Он вообще никакой техники, кроме своего катера, уже давно не видел. Может, что-то и гнали по мосту, но его зона патрулирования заканчивается в десяти километрах, не доходя до переправы.

В общем, глухо все с этим морячком... ладно, пробовали по-хорошему, теперь будем по-плохому. Достав нож, посмотрел на лезвие, а потом на вытянувшуюся морду летехи. Ударом в живот согнул пленного и, ухватившись за палец на связанной руке, приложил к нему отточенным острием. Фриц завопил так, как будто я у него руку оттяпал, хотя даже мизинец чиркнуть не успел. Рывком разогнув блажившего, упер кончик лезвия под нижнее веко и, приблизив лицо вплотную, чуть не по слогам сказал:

– Ты знаешь очень мало. А теперь скажи, почему я тебя сейчас на кусочки порезать не могу?

Готово. Поплыл морячок... Глядя на меня расширившимися глазами и не пытаясь вытереть бегущую из ранки под глазом кровь, он, захлебываясь, рассказывал, что четыре дня назад встретил своего однокашника. Тот на берегу служит и при встрече проставился «Кайпиринхой». Так называлась премерзкая на вкус египетская водка. А досталась ему эта бутылка от еще одного знакомого, который выиграл ее в карты, польстившись на экзотику. Третий, у которого был выигран пузырь, говорил, что это презент от офицера из африканского корпуса. Причем получил он этот презент на вокзале в Тирасполе.

Б-ррр... я даже головой помотал. Биомать! Эта бутылка проделала путь не меньший, чем малиновое зернышко, которое после бурной ночи обнаружил у себя в зубах поручик Ржевский! С одной стороны, бутылку можно считать зацепкой. И довольно осязаемой. Там был нож. Здесь эта «Кайпиринха». Так что первые выводы уже получается делать. Пленный-то не знал, что я именно корпусом Роммеля интересовался, поэтому и не смог бы настолько хитро соврать... Так что процентов на шестьдесят можно говорить, что «Львы пустыни» на наш участок прибыли. Только вот где эти суслики барханные заныкались? С какой стороны удара ждать? Пока непонятно...

Привязав пленного под кормовой турелью, отправился посмотреть, как идут дела у Гека. Из-за этой чертовой масксети, что мы так и не сняли, чуть в воду не свалился, но благополучно прибыл на нос, по пути глянув на стоящего у штурвала Шаха, который с самой серьезной мордой гнал катер по лунной дорожке, держась подальше от берегов. Вырезанный напротив стекла рубки кусок маскировочной сети бился по ветру, как парус. Я мимо такого феерического зрелища молча пройти не мог:

– Маратик, если тебе отрубить ногу и выбить глаз, то ты будешь вылитый адмирал Нельсон и Джон Сильвер в одном лице. Но смотри, врежешься в берег, быть тебе слепым Пью до скончания века! Поменяем твой позывной сразу. Ты знаешь, за нами не заржавеет!

Шах, не отрываясь от руля, ласково послал остряка в жопу и пригрозил вздернуть на нее, после чего я с чистой совестью подошел к Пучкову. Тот, при виде командира, только головой покачал. Тоже выходит – глухо. И хоть морду своему он неплохо раздербанил – фриц, судя по намокшим штанам, даже описался, но ничего так и не смог выяснить. Второй лейтенант, оказывается, в этой глухомани уже месяц безвылазно сидел, и только визиты моряков слегка скрашивали серые будни. М-да... непруха...

Тут вдалеке, над водой, пронеслась очередь из трассеров. Красноватые огоньки, пролетев дружной стайкой, погасли где-то на правом берегу. Оба-на! Похоже, подходим. За стуком двигателя стрельбы пока не слышно, но таким темпом минут через пять будем на месте. Теперь детских познаний Шарафутдинова не хватит, чтобы катер на одном месте удерживать. Пора решать – будем наших выручать или все-таки пройдем мимо?

Несколько секунд подумал, цепляясь за ограждение борта, а потом махнул рукой. Сейчас уйду – мужики ни слова не скажут, но сам себе такого забыть не смогу. Сведения, которые получил от офицера, слишком расплывчатые, поэтому будем считать, что их у нас толком и нет. Поэтому разведгруппу попробуем вытащить. Дойдя до связанного Курта, опять достал нож, от вида которого он сжался, и, разрезав веревки на руках, рывком поднял пленного. Меер, видно, подумал, что сейчас я его – по горлу и в колодец, поэтому стоял с закрытыми глазами. Вернуть бывшего речного капитана к жизни получилось одним вопросом:

– Лейтенант, ты жить хочешь?

Моряк удивленно уставился на меня и кивнул.

– Если ты сейчас четко будешь выполнять мои требования, то я тебя отпущу. Слово офицера.

– А что надо делать?

– Просто управлять катером. Там впереди идет бой. Наша задача забрать с берега разведгруппу и уйти отсюда подальше. Ближе к утру мы тебя высадим, а сами поплывем дальше. И учти, морячок, я словом офицера не разбрасываюсь, так что на размышление тебе десять секунд.

Курт честно промолчал все десять секунд и согласился. Видно, очень не хотелось отправляться за борт, на корм сомам. Передав пленного Шаху, который с неудовольствием отошел от штурвала, поинтересовался, есть ли у них рупор. Как я и предполагал, дедушка мегафона на кораблике присутствовал. Зацепив жестяное чудо, рванул к кормовому пулемету. Слегка поработал ножом, выпутывая его из масксети, и, заправив ленту, приготовился к драчке.

Гек занял позицию у носового MG, а катер по большой дуге стал заходить к берегу. На

крыше рубки зажегся небольшой прожектор, который высветил камыши и кусты на берегу. Людей пока не видно, но и до места боя еще метров двести плыть. Пару минут было тихо, слышна была только трескотня автоматов да пулеметов, а потом с берега саданули очередью и мы как-то сразу оказались в центре событий.

Прожектор светил куда-то в лес, и Леха включился в работу. Поливая короткими, злыми очередями только ему видимые цели, он азартно матерился, заставляя меня завистливо подпрыгивать на месте. Катер подходил носом, поэтому с кормовой установки работать было не с руки. Но ничего, сейчас он развернется против течения, и я тоже поучаствую. А пока ухватив рупор, надсаживаясь, начал орать:

– Мужики, мать-перемать, здесь Колдун, здесь Колдун! Катер наш! Катер наш! Сейчас подойдем к берегу, готовьтесь к посадке! Мы отсечем фрицев пулеметами! Здесь Колдун! Му....

Тут я сорвал голос. Прокашлялся и уже гораздо сильнее продолжал верещать дальше:

– Суки! Вы же, прендегасты, по своим мочите! Здесь Колдун! Маму вашу через семь коромысел!

С берега сквозь стрельбу донесся голос:

– Кого на прошлой неделе прокуратура арестовала?

О! Похоже, услышали и теперь проверяются. А на той неделе мужики из 6-го отдела СМЕРШ действительно забрали замполита сто семнадцатого полка, за то, что этот мудака, пользуясь отсутствием командира, решил сам порулить подразделением и угробил почти целый батальон. Этот козел слабоумный орден решил получить внепланово, вот теперь ему самому вышка в полный рост светит.

А сама история в узких кругах получила широкую огласку. Так вопрошавшему и прокричал в ответ:

– Замполита сто семнадцатой! Слышите?! Замполита!

– Поняли! Прикрывайте, ребята!

Катер уже стал носом против течения, и работать могли обе пулеметные установки. Прожектор светил нормально, только вот в кустах все равно ни фига видно не было, поэтому стал стрелять по вспышкам выстрелов.

Ага! Не ндравится! Сразу в нескольких местах из леса стартанули красные ракеты. Ха! Это немчура судорожно свои позиции обозначает. Вот они, наверное, недоумков катерников кроют, которые с целями разобраться не могут и поэтому активно сокращают поголовье ягдкоманды. Кстати, даже если фрицы мои вопли и услышали, то за шумом пальбы наверняка толком не разобрали, что же я ору. Тем более призывы на русском перемежал предложениями о сдаче по-немецки. Патрульник уже подошел к самому берегу и остановился метрах в десяти от камышей.

Почти сразу с небольшого обрывчика кубарем скатились три фигуры, с размаху плюхнувшиеся в воду. Я одним глазом следил за ними, продолжая работать почти без перерыва, молясь, чтобы пулемет не заклинило. Гек со своей стороны тоже не отставал. Загонщики, похоже, стали понимать, что все пошло как-то не так, и по катеру начали активно шлепать пули. А вот вам в ответ, не хотите?! Блин, видно не хотят, потому как по бронешитку со звоном защелкало. Но Балув уже помогал пловцам взобраться на борт. Потом он крикнул:

– Все, больше никого не будет!

И катер, взревев мотором, начал разворот. С берега по нам продолжали вести огонь, и мы постреляли еще пару минут, после чего, развернувшись по течению, так наддали, что почти сразу проскочили за небольшую излучину, которую в этом месте делала река. Все... теперь можно посмотреть, кого мы вытащили.

А спасти получилось даже не ребят с терроргруппы, а шустриков из глубинной разведки. Вроде даже одного из них в штабе фронта видел. Имени не знаю, но морда – точно знакомая. Когда я подошел на нос катера, они мокрыми лягушками развалились на крохотной палубе, перед рубкой и пытались отдышаться.

Старший, со знакомой физиономией, при виде меня тяжело поднялся и, протянув руку, представился:

– Армейская разведка. Позывной Кубик, звать Слава.

– Вольный стрелок. Позывной Колдун. Звать Илья.

Небольшого роста, но крепко сбитый, с ломаными ушами борца Слава только ухмыльнулся:

– Слыхал я про Колдуна. Да и живьем тебя видеть доводилось. Ты с каким-то майором у нас оберста забирал месяца два назад.

Действительно, мы с Серегой как-то у ГРУшников немецкого полковника для беседы одалживали. Колычев еще нас упирал – мол, армейцы скоро генералов начнут таскать, а мы ему все какую-то шваль подсовываем... Точно, там я Славку и видел! Только мельком. Тогда ведь все больше с их старшим – Марковым – дела имели. Но вот острохарактерные уши я запомнил, поэтому и узнал сразу. Кубик, обращаясь уже ко всем, продолжил:

– А вообще, мужики, слов нет – с того света нас вытянули. Если бы не вы, всех бы эсэсовцы на том берегу положили, это к гадалке не ходи. Я, как катер увидел, подумал – все... Уже и гранату приготовил... А тут вдруг позывной знакомый с него орать стали... Как вы тут вообще оказались?

– Долго рассказывать. Ты лучше скажи – вас вхолостую гоняли или что-то нарыть смогли?

– Еще как смогли!

Разведчик вытащил заткнутую за ремень планшетку и, достав мокрую карту, осторожно расстелил ее на каком-то железном ящике, присобаченном к палубе, приказав:

– Палатку!

– Стоп!

Я тормознул его бойца, готового накрыть нас капающей плащ-палаткой, и, забрав сей сухой девайс у Лехи, накрыл нас, включив фонарик. Кубик на это смущенно хрюкнул:

– Извини, не подумал... Ладно, смотри сюда. Вот здесь и здесь танки стоят. Численностью до дивизии. Тут их панцергренадеры. За Ракутами мотопехота, сколько – сказать не могу. Больше ничего не успели посмотреть. Там патрулей, как блох на собаке.

– Языка брали?

– Какой на хрен язык? Не было такой возможности. Все обнаружили путем визуального наблюдения.

– Да ну на фиг! Вы там что – на воздушном шаре летали?

Мокрый Славка умудрился гордо приосаниться, даже стоя раком под брезентом.

– Сначала с деревьев наблюдение вели. Выбрали, какое повыше, и осмотрелись...

– И много вы с дерева насмотрели? Там только один вид мог быть – на соседние верхушки...

– Не скажи... вчера давление какое было?

Я пожал плечами, буркнув, что не барометр, давление определять. Разведчик, многозначительно подняв палец, протянул:

– Во-от... высокое давление было. Вспомни – душно и виски ломило. Мы так прикинули, что такая куча войск в лесу что-то жрать должна. Немцы порядок во всем любят и на сухпае долго сидеть не станут. Куда же они без утреннего кофе? Тем более у себя в тылу. Значит, кухни полевые будут работать. При других раскладах дым от этих кухонь просто рассеивался. А тут он блинами над деревьями висел. Мы Гришку на дерево загнали, он и отсмотрел, есть ли дым вообще и где он скапливается. А потом потихоньку, где ползком, где перебежками, подобрались поближе и начали наблюдение. Гансы, оказывается, технику всю масксетями закрыли, ту, что под деревьями не поместилась. Под копны замаскировали. Следы от танков дерном прикрывали. И танки у них серьезные. Помимо «троек» и «четверок», много «пантер». Сколько, с уверенностью сказать не могу, но двенадцать «кошек» видел точно. Мы ведь там почти сутки ползали незамеченными. Только все равно плохо дело кончилось. – Славка помрачнел. – Двоих ребят потеряли. Ваську-

радиста сразу срезали и рацию разбили. А Степана уже здесь, на берегу... Правда, при такой плотности патрулей вообще чудо, что нас раньше не обнаружили....

Я выключил фонарь и, скинув накидку, выпрямился:

– Вечная память ребятам. И спасибо тебе за науку. Про дым даже и не думал... А маркировку на «коробочках» не срисовал?

– Обижаешь... новенькие это. Треугольник с тремя точками на нескольких «четверках» разглядел хорошо.

М-да... еще бы знать, как Роммелевская часть отмаркирована, цены бы нам не было...

– А танки не желтые?

Спросил и сразу пожалел. Необычный цвет танков Славка в первую очередь бы отметил. Просто очень уж хотелось стопудовое подтверждение нашим домыслам получить....

– Нет, обычный цвет. Только они в основном свежеекрашенные. Или просто новая техника, или на старую здешний камуфляж нанесли. Так что это вполне могут быть те самые африканцы, которых мы ищем. А что – все сходится. Его нестандартный корпус переформировали, подкинули тяжелых танков и перебросили сюда.

Кивнув, соглашаясь с доводами разведчика, махнул рукой Тихону, который, высунувшись из люка, общался с остальными мужиками:

– «Маркони», связь давай!

Сам, достав шифроблокнот, уселся составлять донесение. После того как Тихон растянул антенну, связавшись с нашими – выдал весь расклад, указав квадраты базирования, собственные наблюдения и выводы. Упомянул и про бутылку, и про свежую краску, и про немереное количество патрулей с секретами в этом районе. Так что теперь пусть полковник думает. Как по мне – даже если это и не Роммель, что очень маловероятно, то все равно такая масса вражеских войск, нависающая над нашим правым флангом, заставит срочно пересмотреть планы командования. Плохо, что самолеты сюда послать нельзя... Зениток здесь под каждым кустом наткано по несколько штук, а то бы они в прах разнесли все, что в этих квадратах сосредоточено.

Разведчики, пока я говорил с нашими, уже слегка обсушились и теперь всю закусывали немецкими консервами, найденными тут же на катере. Леха мимо жора тоже не прошел и наворачивал, как будто три дня не ел. Змей, кстати, от него не отставал совершенно. Еще один желудок на нашу голову. Молодой, блин, растущий организм.

Глянув на активно жующих мужиков, обратил внимание, что второй пленный исчез.

– Гек, твою дивизию! Где фриц?!

Пучков помахал рукой с зажатым в ней ножом и, с трудом проглотив кусок, ответил:

– Его, когда обстрел был, кокнули. Я «языка» от турели не отвязывал, вот летеха и наварлся. После боя глянул, смотрю – ужедохлый, поэтому труп за борт скинул...

Ну и черт с ним, а то вначале опасение взяло, уж не смылся ли офицер под шумок. Тут меня свистнул Марат:

– Илья, немец говорит, что километра два дальше по течению место стоянки еще одного катера их флотилии. Что делать будем?

Глава 6

...Исключительная оптика стоит на «Типе 5», как еще называют «пантеру». Колонна, выползающая из-за поворота, была отлично видна. Не включая привод, осторожно подкручивал рукоятку горизонтальной наводки, неотступно следя за «Т-4», идущим впереди длинной механической гусеницы, которая непрерывным потоком тянулась на запад. В стволе уже покоился подкалиберный снаряд, и я ждал только готовности Славки. Наконец в шлемофоне зашипело и он сказал:

– Готов. Выбрал бензовоз в конце.

На ощупь найдя тангенту, нажав на нее, отдал приказ:

– Тогда начнем! Гаси их, ребята!

И притопил кнопку электроспуска на рукоятке маховика подъемного механизма орудия. Танк вздрогнул от выстрела, и шедшая метрах в семистах четверка, споткнувшись на ходу, встала. Есть контакт! Сам не ожидал, что из незнакомой техники с первого раза попаду. Видно, не зря в свое время два года танкистом оттрубил. И хоть расстояние до колонны было небольшое, но от такого выстрела моментально загордился, тем более что Славка в свою колымагу вначале промазал. Глядя на постепенно разгорающуюся «коробочку», крикнул, не отрываясь от налобника:

– Подкалиберный давай!

Заряжающим в моей «пантере» был человек Кубика. Крепкий парень, с бритой наголо башкой и странным именем Зосим. Правда, он охотнее откликался на кличку «ЧТЗ». Почему мужика обозвали целым тракторным заводом, я не вникал, но как заряжающий он меня вполне устраивал. Во всяком случае за те полчаса, что прошли после захвата этой пары танков, ЧТЗ достаточно хорошо изучил свои новые обязанности. Поэтому сейчас, не мешкая, заслал новый снаряд в ствол. На маркере прицела была следующая «четверка», которая почти уткнулась в подбитый танк и теперь пыталась развернуться навстречу опасности. Не успела... Вторая гильза, зазвенев, упала в приемник. Сбоку, под командирским креслом пшикнул компрессор, и еще через секунду услышал встревоженный голос Зосима:

– Командир, здесь что-то шипит! Не рванет?

– Не бойсь! Это компрессор – он и должен шипеть. Следующим заряжай – осколочный!

– Я уже подкалиберный сунул!

– Блин, не тормози! Я сказал, после этого пихай осколочный!

– Понял!

Благополучно загнав снаряд под башню третьему танку, занялся пехотой. Фрицы, выпав из остановившихся грузовиков, быстренько сориентировались и теперь пытались подойти поближе. Причем намерения у них были самые недружелюбные. Ну еще бы. Они организованно драпали от наступающих им на пятки советских войск, а тут такой облом!

Басовито застучал МГ, установленный на шаровой опоре. Это Марат за дело взялся и теперь поливает от души. Бегущим вдалеке фигуркам пулеметный огонь сильно не понравился, и они начали залегать, а после пары фугасных вообще стали оттягиваться к лесу. Тем временем я продолжал стрелять с переменным успехом – когда мазал, когда попадал, но вот после десятого или одиннадцатого выстрела у нас тихо сдох компрессор и боевое отделение сразу наполнилось пороховой вонью из выпавшей гильзы. Твою маман! А ведь в наш танк даже ни разу не попали! Понравившийся мне «Тип 5» сразу резко разонравился. Угорим ведь сейчас, как пить дать! Зосим тоже заволновался:

– Эй, тут шипеть перестало и воняет!

Во сказал! Или он так прикалывается? Оторвавшись от прицела, глянул на заряжающего. Нет, ему явно не до смеха. Вон как трет слезящиеся глаза. Поэтому, криво ухмыльнувшись, подбодрил начинающего танкиста:

– Блин, ЧТЗ, обычно наоборот происходит – пшикнет и воняет, а у тебя все не как у людей. Но ты соображай быстрее. От стреляных гильз надо как-то избавляться. Еще пара выстрелов и нам трындец!

Беспокойно крутящийся на своем месте разведчик после моих слов ускоренно начал шарить вокруг и через несколько секунд обрадованно помахал парой безразмерных верхонок, которые извлек из-за спинки сиденья:

– Командир, я тут перчатки нашел кожаные...

– Во! Нормально! Теперь хватай гильзы и на фиг их из башни. Понял?

– Так точно!

М-да... не зря тут эти рукавицы лежали. Знает немчура слабые места своей техники и заранее готовится их ликвидировать. Это как на Т-72 – автомат заряжания выходил из строя после третьего выстрела. Почему так получалось – не знаю, но вот после трех снарядов его все время клинило. Причем на всех учебных танках, из которых доводилось стрелять.

Мистика просто какая-то. И тогда командир начинал использовать досыльник по своему прямому назначению. Все другое время этой короткой дубинкой обычно лупили по башке нерадивого наводчика.

Вот и фрицы перчаточки, выходит, подготовили загодя, чтобы руки раскаленными гильзами не обжигать. Вообще, миф об исключительной надежности немецкой техники по большому счету остается только мифом. Наши танки тоже несут большие небоевые потери, но мы, во всяком случае, не звездим об их высочайшем качестве. А я уже столько видел брошенных из-за поломок и подорванных своими же экипажами гитлеровских коробочек, что не верю никому. Помню, в Интернете в свое время читал про супергрозные, неуничтожимые и охренительно надежные германские танки, доверчиво хлопая ушами, как последний лох. Теперь меня на этот понт не взять... Мы и эти две «пантеры» смогли захватить исключительно потому, что их экипажи пытались что-то подшаманить в двигателе одной из них. Хотя, наверное, надо по порядку...

* * *

После слов немца о втором катере я, почесав репу, приказал припарковать нашу лодочку в густых камышах, на правом берегу реки. И не прогадал. Можно, конечно, было попробовать, заглушив двигатель, проскочить по течению мимо стоянки патрульника, но прикинув, что сейчас творится на берегу, передумал. Загонщики из ягдкоманды наверняка успели нажаловаться всем кому можно, что уже практически взятые в плен русские диверсанты были нагло уведены у них прямо из-под носа. Причем дело не обошлось без головоутиательства речников, которые сдуру дали себя захватить. Воочию представив себе наезды раздосадованных эсэсовцев на катерников, я прикинул, как быстро сейчас последние начнут шевелиться, и не ошибся. Только-только успели зайти в камыши и спрятаться под нависающими над водой ивовыми ветками, как мимо нас пронеслась гитлеровская посудина. При взгляде на нее складывалось такое впечатление, что прожектор с рубки пытался светить сразу во все стороны. И вперед и по берегам. Выждав, когда суетливая немчура уберется подальше, приказал рулить вперед.

Мимо стоянки второго катера прошли на цыпочках, заглушив движок и даже не разговаривая. Если бы там был прожектор, просто светящий поперек реки, дело могло кончиться очень плохо. Но прожектора не было, зато было слышно, как на берегу громко переговаривались солдаты. То есть разговаривали они нормально, просто над водой звук далеко разносится.

Продрейфовав мимо этого разворошенного муравейника, дали малый ход, только отплыв километра на два ниже. А уже под утро в одной из проток нашли шикарное место для стоянки. Там были очень удачно растущие прямо возле обрывистого бережка кусты, рядом с которыми мы и спрятались. В предрассветных сумерках, нарубив веток, напихали их в ячеи маскети, еще лучше замаскировав катер, и теперь издалека он ничем не выделялся от остального прибрежного пейзажа. Попутно оглядели округу, пытаясь сориентироваться. Получилось довольно хреново. В смысле привязки на местности. Поблизости ни одного более-менее толкового ориентира не наблюдалось. Немецких укрепрайонов тоже не было. Они остались выше по течению, там, где местность менее заболочена и есть рокадные дороги. Правда километрах в двух нашли проселок, но, судя по следам, им сто лет никто не пользовался. Во всяком случае, после последнего дождя тут никто не ездил. Людей, вероятно по случаю раннего времени, тоже не было.

В общем, покрутившись часов до восьми утра, убрались на свой катер, так как уже просто валились с ног. Зато вечером народ, отоспавшись и отожравшись, был бодр, весел и глядел орлом.

Перед отплытием опять вышли на связь с Колычевым. Он приказал не дергаться с переходом линии фронта, а выходить в квадрат 24–30 и там, затаившись серыми мышками, ждать подхода наших войск. Обещал, что дня через четыре туда должны подойти танки

Павленко. Если вдруг что-то пойдет не так, то действовать по обстоятельствам.

Блин, это значит опять в «могиле» отлеживаться, фрицев через себя пропуская. Как я это не люблю... «Могила», это типа узенького окопчика, очень хорошо замаскированного. Мы так в начале войны делали, когда фрицы перли. Далеко не всегда ведь самолетом заброска была. А через нейтралку ползать, удовольствие еще то... шансов пятьдесят на пятьдесят. Если же «могилу» нормально приготовить, то по ней взвод солдат может пройти и ничего не заметить. А ты дождешься, когда войска дальше продвинулся, и по темноте выползаешь из земли эдаким Дракулой Задунайским уже в тылу у немцев.

Можно и сейчас так сделать. Отрыть щель под каким-нибудь кустом, замаскировать и ждать, когда гитлеровцы откатятся. Конечно, не сразу внутрь залазить, а то охренеешь там лежать. Нырнуть туда в последний момент можно, когда понятно станет, что вот-вот фрицы мимо побегут. Тем более, копать есть чем – на катере лопаты есть. Ими с немецкой педантичностью снабжены два пожарных щита. На хрена они на этом корыте, мне, конечно, не понять. Воды вокруг – целая река, но вот положено иметь пожарный щит с багром, ведром да лопатой – вынь и положи! И если с ведром и багром еще можно как-то смириться, то вид лопаты поставил меня в ступор. Они что, при пожаре ею воду плескать будут?

Правда, нам это соблюдение порядка только на пользу. А то финками окапываться очень несподручно. Но все равно, думаю, «могилы» будем рыть только в крайнем случае – если ничего больше подходящего не найдем. Уж очень в них отлеживаться стремно...

Ночью пробрались мимо еще двух точек базирования речных катеров, и Меер виновато сказал, что дальше их зона ответственности заканчивается. То есть он просто не знает, что впереди делается. Знает только, что там дежурит третья группировка, но где и как, лейтенант был не в курсе. Поэтому привычно пристав к берегу и сменив пожухлую маскировку, опять остановились на дневку.

Вообще пока дела идут нормально. Ноги не сбиваем, на хвосте никого нет, тем более что от места эвакуации ребят с армейской разведки отмахали, наверное, километров тридцать как минимум. Так что здесь искать нас точно не будут. А ближе к вечеру состоялся разговор с потерявшим всякую надежду остаться в живых пленным мореманом. Если в первую ночь он еще выглядел бодрячком, то сейчас поник и пал духом. Поэтому, когда пригласил его на нос, он только вздохнул и, не поднимая головы, двинулся в указанном направлении. Я же, достав листок и карандаш, протянул ему, приказав:

– Пиши.

Меер удивленно уставился на меня:

– Что писать?

– Документ о сотрудничестве. Я тебя обещал не убивать, обещание свое сдержу. Но и мне страховка нужна, поэтому пиши – «Я, лейтенант Курт Меер, командир катера номер 027 Днестровской речной флотилии, как человек, горячо сочувствующий коммунистическому движению...»

На этих словах фриц изумленно уставился на меня. Пришлось сдвинуть брови и уточнить:

– Не понял? Что-то не так?

– Нет-нет, продолжайте...

Пленный поспешно опустил голову и приготовился писать дальше.

– Так вот... «Сочувствующий коммунистическому движению, выражаю желание сотрудничать с советской военной разведкой...» – Я заглянул, что он там корябает. – Советской с большой буквы пиши... ага... «...и готов выполнять все приказания, исходящие от Советского командования». Теперь ставь число и подпись.

Забрав листок, просмотрел каллиграфическим почерком написанную расписку.

– Молодец. Только есть еще одно дело. Там, внизу находится человек из твоей команды. Механик...

Лейтенант кивнул:

– Фриц Штаух....

– Пусть будет Фриц. Так вот – сам решаю. Или он пишет такую же расписку и мы вас отпускаем обоих, или, если тебе свидетели не нужны, ты уходишь один...

– А Штаух?

– А Штаух с дыркой в голове отправляется на дно.

Для себя же решил, если сейчас бывший капитан этой посуды проявит гниль и захочет избавиться от свидетеля, то, невзирая на данное слово, валю обоих. Правда, Курт приятно удивил. Даже не задумываясь, он тут же согласился на присутствие очевидца своего предательства, лишь бы их отпустили вдвоем. Я только кивнул и приказал вытащить из машинного отделения второго немца.

Механик расписку о сотрудничестве написал без звука, а когда рассказал ему о нашем разговоре с лейтенантом, неожиданно бросился лобзать тому руку. Меер смущенно вырвался и на всякий случай спрятал руки за спину. Тем временем Гриша, который уже достаточно хорошо наблатыкался в машине, завел ее и мы начали медленно отваливать от берега. С деланным удивлением, показав речникам на удаляющиеся кусты, сказал:

– Товарищи, чего вы ждете? Всем спасибо, все свободны!

Немцы врубались недолго. Наверное, меньше пары секунд. А потом рванули так, мне даже показалось, что механик этот десяток метров до суши преодолел одним прыжком. Только ветки закачались, и через минуту бывшие пленные исчезли из виду. Кубик, глядя им вслед, сожалеюще сказал:

– Зря ты их отпустил. Они ведь сразу нас выдадут и расписки твои их не остановят. А так бы кокнули и больше никаких забот....

– Тут, Слава, видишь, как дело было... Я лейтенанту слово офицера дал. Сильно приспичило, вот и дал. И люди мои это слышали. Можно было, конечно, его пришить, но как-то хреновато бы вышло... да и самому перед собой тоже... Понятно, что война, вот только окончательно стервенеть не хочется...

Разведчик удивленно посмотрел на меня, но потом подумал и кивнул, соглашаясь. Помолчали, глядя на почти скрывшийся в темноте берег, и тут Гек пригласил народ на предмет пожарить.

– Ну что разведка. – Я пихнул Кубика в плечо. – Пойдем, порубаем по-человечески. Когда еще придется спокойно поесть... Теперь нам гонки с препятствиями предстоят, да все на своих двоих!

И мы пошли к импровизированному столу.

* * *

Про гонки я как в воду глядел. Спустившись еще километра на три ниже по течению, мы, пристав к левому берегу, покинули катер, предварительно в последний раз его замаскировав. Пускаться на дно как-то жалко было, а в этом месте его фиг кто найдет. Потом полночи шли, сначала по редколесью, а потом вообще по степи. К утру замаскировались и завалились отдыхать. На следующую ночь вышли в заданный квадрат. А с утра началось...

Разбившись попарно, наша сборная команда разбежалась обследовать окружающую обстановку. Мы с Маратом осмотрели неплохо сохранившуюся деревеньку километрах в пяти от нашей лежки. Немцев в ней не увидел, зато обнаружил полицейских в количестве пяти штук, спешно грузивших какие-то узлы на телеги. Погрузившись, они взгромодились на свой транспорт и убыли в сторону Пергино. Больше ничего интересного не происходило, и, пронаблюдав еще пару часов, вернулись обратно.

Там собрались все, не хватало только Гека с Женькой. Но наверное, скоро и они подтянутся. А пока я выслушал армейцев, которые доложили результаты своих наблюдений. На юго-востоке от нас была еще одна деревня, занятая фрицами. По прикидкам разведчиков – нестроевыми тыловиками. Зато про северо-восток Славка рассказал интересную вещь. Там проходила широкая дорога, причем, выныривая из-за холмов, она спускалась вниз и поворачивала. При этом с одной стороны ее подпирали довольно густо росшие деревья, а с

другой – длиннющий овраг с крохотной речушкой. Показывая это на абрисе, зарисованном в листочке из блокнота, он возбужденно говорил:

– Смотри – вот тут болотце. Здесь овраг. Идеальное место для засады. Дай колонне втянуться вдоль этой речки, и можно расстреливать ее как хочешь! Несколько ПТО и танкам капут.

– Действительно, очень похоже – наши тут пойдут...

– А что – место удобное. Не все, конечно, но хоть один батальон да сунется по такой хорошей дороге.

– Ну да, а тут фрицы им в борт... Короче, что предлагаешь?

Кубик почесал стриженую макушку и выдал:

– Вот тут, метрах в пятистах, есть отнорок от оврага. Намертво кустами заросший. Можно там расположиться. А то в «могиле» как-то... – Он передернул плечами. – Зато оттуда наблюдать сможем. Увидим, что немцы засаду устраивают, наших предупредить всегда сумеем. По оврагу проскочим до поворота, и дальше уже можно низинкой к лесу уйти. Не будет засады – просто спокойно отлежимся. Туда не одна сволочь не сунется. Кусты уж больно густые и колючие. Да и вода там, кстати, есть.

Про воду он правильно заметил. Хоть и конец сентября, а жара стоит почти как летом, и воды во флягах практически не осталось. Еще немного посмотрев на листок, решил:

– Ладно, как стемнеет, мы с тобой еще раз туда сходим, и если все нормально, то все в этот отнорок переберемся.

На том и порешили.

Еще минут через двадцать, когда Леха со Змеем так и не появились, меня стала разбирать тревога. Понятно, что у них самая дальняя точка для наблюдения была, но ведь за это время два раза можно было туда-сюда смотаться.

Я, выплюнув очередную сухую травинку, не выдержал:

– Марат, пойдем глянем, куда эти чувырлы братские запропалились.

Шараф, видно, сам волноваться начал, поэтому, согласно кивнув, тут же встал, закинув автомат на плечо. Мы отошли от места дневки километра на три, прежде чем я увидел пыль на проходящей метрах в ста от нас дороге и услышал работу пулемета. Зар-раза! Как жопой чувял, что наши проглоты во что-то вляпаются.

Встав на колено, выдернул бинокль из футляра. Ну блин, так и есть! По грунтовке, виляя и подпрыгивая, несясь мотоцикл, а за ним, отстав метров на восемьсот, пылил бээр. С «ганомага» пытались попасть в верткий байк, но у них пока не получалось. Пылевые фонтанчики выросли далеко в стороне. За бронетранспортером ехал грузовик и кургузый немецкий джип. Они пытались обогнать бронированный гроб, но крутые обочины пока этого сделать не позволяли. Вся лихая кавалькада довольно быстро приближалась. Подрегулировал резкость. Точно – они! За рулем улепетывающего мотика – Леха с выпученными глазами, а в люльке, вцепившись руками в поручень, торчит Змеюка. Через несколько секунд они проскочили мимо, и я, увидев, что сзади к «щундапу» приторочена связка гранатометов, чуть не взвыл. Вот долбаки! Одна пуля и от пацанов даже очередной «счастливой», постоянно таскаемой Геком гранаты, не останется, там так все рванет – только ошметки разлетятся. Провожал их взглядом до тех пор, пока мотоцикл не скрылся за поворотом, потом занялся немцами.

«Кубельваген» только сейчас смог обогнать неповоротливый бээр и рвануть вперед. Грузовик так и плелся в конце. Вообще такими темпами у мужиков есть очень хорошие шансы уйти. Отставание у фрицев уже километра в полтора получается. Если только впереди на спешно организованную засаду не нарвутся – наверняка уйдут. Так убеждая себя, следил за немецкой куцей колонной. Потом и она скрылась за деревьями. Стрельбы вроде не слышно, значит, преследователям не по кому стрелять. Я продолжал глядеть в бинокль до тех пор, пока Марат не положил руку на плечо:

– Пойдем Илья. Даст Бог – нормально все будет...

Убирая бинокль в чехол, пробурчал в ответ:

– Я этим сволочам, когда вернутся, всю морду разобью... когда вернутся...

– Конечно, вернутся! И бить их будем вместе!

...Обратно шли в молчании. Славка, видя наши похоронные морды, поинтересовался, что именно произошло. В двух словах рассказал ему, как ребят гоняли. Он только побряхтел, но тоже выразил уверенность в благополучном исходе дела. Блин! Они сговорились, что ли, меня утешать? Вернутся, вернутся... Я это и сам знаю. А если Пучков даст себя ухлопать, его на том свете найду и ноги выдерну!

Когда стемнело, после дополнительной разведки все перебрались в овраг. Вообще ночь выдалась беспокойная. Постоянно гудела техника – видно, гитлеровцы перебрасывали резервы. Правильно – завтра тут танки Павленко должны быть, вот они и суетятся.

А утром, на небольшом густо заросшем кустарником пригорке появились немцы. Они прикатили на легковой «татре» и теперь, выйдя из машины, разглядывали дорогу в бинокль. До картинно стоявших на бугре фрицев было метров триста, поэтому о чем именно базарят между собой два офицера-танкиста, мы не слышали. Ближе подобраться тоже не получалось никак – под холмом остался стоять 251-й полугусеничный БТР, в котором торчали панцергренадеры. Жалко... не будь солдат, мы бы этих рекогносцировщиков могли снять по-тихому и вдумчиво расспросить, какая именно пакость здесь готовится. Наблюдатели активно обменивались мнениями, попутно разглядывая окрестности, а позже, отметив что-то на карте, запрыгнули в свою машинку и в сопровождении конвоя резво удалились.

Еще через час показались «пантеры». Две «коробочки» проехали сначала мимо, потом развернулись и, порывая моторами, выбрасывающими в воздух клубы дыма, начали взбираться на холм. Почти заехали, как вдруг одна из них заглохла. Не скатилась назад только потому, что уже перевалила склон. Экипажи повылазили и, сноровисто подцепив ее тросами, окончательно выдернули на плоскую вершину. Потом они начали окапываться и срубать наиболее высокие кусты, перекрывающие сектор обстрела. Отрыв первый окоп, немцы опять-таки на тросах затащили туда заглохший панцер и занялись второй ямой. Я пихнул Кубика в бок:

– Вот это и есть засада. Вишь, какие хитрые. Не ПТО сюда воткнули, а танки.

– Ага... Что делать будем? Сейчас, судя по всему, пойдут отступающие части. Гул на той стороне минут двадцать как стих, значит – наши опять прорвались. Фрицы своих пропустят и вдарят по бортам тем, кто следом пойдет. А им и сунуться некуда будет – гляди, как дорога зажата.

М-да, задача... предупредить наступающие части о засаде может не получиться. Мы как-то сразу не подумали, что сначала немцы драпающие отходить будут. То есть возле дороги не спрячешься. А потом – поздно будет. По открытой местности не побежишь – из пулемета срежут, а если по оврагу и дальше ползком – точно не успеем. Еще раз, глянув на копающих танкистов, решил:

– Смотри, фрицы все из танков повылазили. Двое в движке копаются, и еще двое, вон видишь, в сторонке, за дорогой наблюдают. Остальных хоть и не заметно, но они наверняка роют. Подползаем ближе и валим копателей. Те, кто с биноклями – скорее всего командиры экипажей. Хоть одного надо живым взять. Ну и механика одного тоже не помешает.

– А если у них связь постоянная – с командованием?

– Да нет никакой связи! Они уже доложились, что прибыли на место. Наверняка сказали и про поломку. То есть им и починиться и окопаться надо, так что никто их отвлекать не будет. Тем более одного командира живьем берем – на всякий случай. Будет запрос – он на него и ответит.

Кубик еще раз оглядел холм и, хмыкнув, сказал:

– Тогда чего ждем? Пошли?

– Пошли!

Поставив людям задачу, ползком начали выдвигаться в сторону танков. Мы с Маратом взяли на себя офицеров, стоявших ближе. Остальным достались копатели и механики.

Славкины разведчики и Балуюев начали обходить холм с востока. Там хоть склон более крут, но кусты погуще будут, можно незаметно подобраться. Тем более, вниз немцы не глядят, и мужики оказываются в «мертвой» зоне. Нам было немного похуже – местность более открытая, но назад фрицы пока не оглядывались. А с чего бы им назад смотреть – там только свои должны быть.

Эх! Жалко рации окончательно сдохли, а подзарядить их на катере мы благополучно забыли, так что действовать придется по старинке. То есть ждем аудиосигнала. В данном случае сигналом будут не три зеленых свистка, а взрывы гранат. Хорошо еще поблизости никого из посторонней немчуры не шляется, вот мы и сумеем порезвиться, не опасаясь лишних гостей. А то, оставь они здесь отделение гренадеров, хрен бы что у нас вышло...

Приблизившись к командирам танков метров на двадцать, замерли, прикинувшись кустиками и взяв их на прицел. Ну а еще минут через пять, когда я уже начал опасаться, что эти два уха сейчас уйдут, глухо захлопали гранаты. Мой фриц подпрыгнул от неожиданности, но сделать ничего не успел, так как получил две пули в ногу и тут же свалился. Хан тоже уложил своего, и мы, вскочив, рванули к упавшим. Выбив пинком пистолет из руки унтер-офицера, подхватил его за шиворот и поволок к танкам.

Там уже все было кончено. И с механиками, кстати, тоже. Один лежал на трансмиссии, а ноги и жопа второго торчали из люка. Во блин! Сказал ведь – живьем эту мазуту брать! Наши орлы накрошили землекопов в четыре гранаты, а водил, наверное с переполоха, до кучи приобщили. Повернувшись к разведчикам, спросил:

– Кубик, я не понял – какого хера? Договорились же?

– Командир, так получилось. Одного осколок, похоже, достал, а второй чуть в люк не нырнул. Пришлось пристрелить. Задрайся он, как его потом оттуда выковыривать?

– Ладно, проехали! А вот мы своих, – я тряхнул кусающего губы унтера за шиворот, – живьем взяли.

Потом, глядя на торчащие из люка ноги, добавил:

– Марат, ты пленным поспрошай, а я пока на трофеи гляну.

Выпустив мундир раненого, отчего он сразу свалился на землю, полез в ближний танк. Вообще это не первая «пантера», которую осматриваю, но первый раз ее нутро не воняет бензином, копотью и жареным мясом. Усевшись на место наводчика – огляделся. Нет, все-таки умеют немцы строить машины так, чтобы людям было удобно. В танке было чисто и комфортно. Да и места побольше, чем в Т-72, про тридцатьчетверки я вообще молчу. Оглядев окрашенное белой краской боевое отделение, занялся орудием.

Угу... стандартная семидесятипятка KwK 42. Судя по командирской башенке и пулемету в шаровой установке – это «пантера» модификации «А». Бинокулярного прицела в ней уже не было. Ну дык, понятно – экономия однако. Удешевляют фрицы технику, насколько это возможно... А в остальном от однотипных «коробочек», что видел прежде, отличий было мало. Оглядел боеукладку. Снаряды – подкалиберные и бронебойные. Фугасных буквально несколько штук. Ну само собой – «Тип 5» и заточен в основном для борьбы с бронетехникой противника.

Еще немного покрутившись в танке, пошел глянуть, как дела с пленными. Как выяснилось, «мой» унтер упорствовал в отрицании. То есть сотрудничать не хотел ни в какую. Шараф теребил ему раненую ногу, но фриц только орал и плевался, периодически теряя сознание. А ведь от них и требовалось малость – ответить по рации, если вызов пойдет. И чего так брыкаться? Второй «язык» вроде похлипче будет... Вот его и оставим, а упертого – в расход.

Подойдя к почти сомлевшему второму немцу, мрачно посмотрел на него и достал нож. Танкист выкатил глаза и отталкиваясь ногами от земли, попробовал отползти подальше. Нет уж, дружок! Нам ты нужен послушный и более-менее целый. Поэтому развернулся и, подтащив плюющегося скандалиста ближе, перерезал ему горло, стараясь, чтобы кровь забрызгала готового сдать офицера. Он в общем-то сразу и сдался. Размазывая кровь и слезы с морды, выразил готовность делать все, что от него потребуют русские. Вот и

умница! Оставив Марата с пленным, решил провести среди остальных мужиков краткий ликбез по пользованию:

– «PzKpfw V Ausf A», он же «SdKfz 171», он же «пантера» обыкновенная.

Ребята, пока я выговаривал эти названия, смотрели на меня, вытаращив глаза.

– Чего пялитесь? Я сам чуть язык не сломал!

Бритый наголо здоровяк, откликающийся на кличку ЧТЗ, удивленно спросил:

– А зачем нам надо знать, как им пользоваться?

– Затем, что вот-вот появятся отступающие фрицы, и мы им с такой отличной позиции вдвоем по самое «не могу». Они и пукнуть в ответ не сумеют. Можно, конечно, отсидеться в овраге, но нет гарантии, что сюда, обеспокоенные молчанием, не нагрянут проверяющие. Тогда вся наша суeta с уничтожением засады становится бессмысленной. А если мы все равно здесь останемся, так почему бы не пострелять по драпающей немчуре? Как смотрите, чтобы врезать гитлеровцам?

Ребята после этого разъяснения смотрели сугубо положительно и с усердием начали вникать в мои инструкции. Минут через двадцать пошел вызов по рации. Запуганный и проинструктированный пленный все сказал, как надо. Выслушав его доклад, ответили, что через десять минут пойдут отступающие войска, у которых буквально на плечах висят русские танки. В его задачу входило – танки отсечь и после этого выдвигаться в заданный квадрат на соединение с остальными. Танкист ответил:

– Яволь!

И отключился, после чего опустив плечи и сгорбившись, стал ожидать своей участи. Но этого фрица кончать не стали, а, плотно упаковав, забросили под чахлое деревце, растущее за танками. А потом все и началось...

Колонна горела хорошо. Плотнo закупоренные машины не могли свернуть никуда и бестолково тыкались взад и вперед. Это те, которых еще водители не покинули.

В основном технику бросали и шустро сваливали по дороге, вдоль деревьев. Что характерно, после первой отбитой атаки к нам больше никто не лез, поэтому, оторвав Шаха от пулемета, послал его наружу наблюдать, чтобы сзади никто не подошел.

А чуть позже появилась первая тридцатьчетверка. Высунувшись из-за деревьев, она сразу нырнула назад. Похоже, наша мазута охренела от увиденного. Сейчас они будут лихорадочно соображать, кто же так немцев накрошил. Пешую разведку вышлют, чтобы оглядеться и прояснить ситуацию.

Хе! Какой я умный! Разглядев в прицел фигурки в знакомой форме, осторожно идущие вдоль колонны, довольно ухмыльнулся. Теперь самое главное, чтобы нас не заметили. А то как начнут долбить из танков – мало не покажется. Но замаскированы мы хорошо, и если сами себя не выдадим, засечь не должны.

В это время человек пятнадцать наших пехотинцев, перебравшись через овраг, пригибаясь, порысили к высоте, на которой стояли еще не замеченные «пантеры». Нажав клавишу тангенты, скомандовал:

– Все, мужики, отвоевали! К машине!

И полез из танка наружу. Ребята тоже попрыгали с брони и теперь поглядывали на приближающихся солдат. Дождавшись, когда «кирза» из танкового десанта подойдет метров на пятьдесят, свистнул им:

– Эй, славяне! Здесь армейская разведка! Это мы колонну расхерачили, так что не бойсь, подходи!

Но бойцы при первых звуках голоса попадали кто куда мог, хорошо еще стрелять не начали. Пришлось выходить из кустов на край кургана и уже оттуда продолжать:

– Ну и фигли вы разлеглись? Долго там валяться собираетесь? Давай сюда!

Разглядев на фоне растительности пятнистую фигуру, солдаты, не опуская оружия, наконец поднялись и направились ко мне. Первым на склон легко взбежал белобрысый парень, подпоясанный офицерским ремнем. Не отводя от меня ствол автомата, отрывисто спросил:

– Кто такие?

– Сержант, я тебе русским языком сказал – армейская разведка! Так что выделяй нам сопровождающего и не парь мозги.

Но паренек уже отвлекся, увидев за кустами танки и накрошенных фрицев. С удивлением оглядев открывшуюся картину, он уважительно спросил:

– Это все вы?

– Мы, мы... так что насчет сопровождающих?

Сержант встряхнулся и приказал подошедшим солдатам:

– Зуев, Маслевич, отведете разведчиков к Филиппову и мухой назад!

Я оглянулся на своих – разобрав вещмешки, они ожидающе смотрели на меня. Поэтому еще раз бросив взгляд на трофейные танки, махнул рукой:

– Пошли ребята!

И уже повернувшись идти за провожатыми, вдруг вспомнил:

– Сержант, там, за танками пленный валяется. В ногу ранен. Время будет – ты его санинструктору передай.

Белобрысый командир кивнул, и мы легкой трусцой двинули на встречу с неизвестным мне Филипповым.

Глава 7

Находясь полностью в подавленном состоянии, остатки моей группы катили на «газике» к предполагаемому месту нахождения штаба армии. Почему говорю к предполагаемому, потому что вся армада фронта сдвинулась с места, увлекая за собой тыловые и управленческие подразделения, и теперь кого-либо найти было достаточно проблематично. Тем более что после проверки особисты двадцать четвертой бригады рассказали нам, как идут дела.

Бои за Одессу еще продолжаются, но это очаговые сопротивления, а сам город уже в тылу. На юге войска вышли к Днестру и в нескольких местах с ходу его форсировали. Свежеиспеченный Роммелевский корпус, который после переформирования разросся просто до неприличных размеров, был здорово пощипан во встречных боях частями Четвертой танковой армии, которую после получения наших сведений успели перебросить под Крамгино. Дав по сопатке дернувшимся с фланга пустынным хорькам, советские танкисты железным катком покатали дальше. Причем все наступали так резво, что расстояние между командующими армиями и их подразделениями стало непозволительно большим. Так что штабные теперь срочно подтягиваются за передовыми частями и тоже находятся в движении.

В общем, на фронте все нормально, а у меня лично нет. Лешка с Козыревым так и не нашлись. Причем за эти два дня, что мы вкушали гостеприимство осатаневших от неимоверного количества пленных полицаев, мельниковцев и прочей швали, особистов, ничего нового о ребятах слышно не было. СМЕРШевцы даже со своими коллегами на других участках связывались, но все впустую. Правда, связываться они начали только тогда, когда поняли, что мы все-таки свои. А до этого даже побить хотели два раза. Ну как сказать, хотели... побили... До сих пор ухо, как вареник, и наливается сочный фингал под глазом. Потом, конечно, извинились, но вот однокость фейса сойдет только через неделю. А все за борзость мою и общую наглость... Ну да ладно, бывает.

Оно ведь как вышло – комбат Филиппов нас встретил очень хорошо, особенно когда про захваченные танки узнал. Тут ему особых доказательств не надо было. Вот разбитая колонна, вон захваченные «пантеры». Долго тряс всем руки, а потом расщедрился и дал «УльЗиС-43» с водителем – для дальнейшего движения. Правда, он такой добрый стал, потому что всех десантников пересадил на трофейные «бюссинги». Их в колонне довольно много уцелело. Комбат тогда еще плотоядно оглядел грузовики и, недолго думая, наложил на них свою волосатую лапу. Ну а «ЗиС» нам достался, в виде отката. Правда, не насовсем. Типа попользуетесь – вернете.

В общем, загрузилась моя компания на этот бывший «додж» и покатила в тыл. Только уехали недалеко. Километров через пятнадцать нас так густо обстреляли, что ранили водителя и раздолбали машину. Мы, крутые псы войны, попробовали возмутиться и огрызнуться, но вынуждены были, захватив бессознательного водителя, драпать. Еще бы – там не меньше полуроты фрицев прорывалось. Хорошо, немцы следом не погнались, а двинули дальше – на запад. Потом встретили артиллеристов и отдали им раненого.

А после обеда нас взяли в плен бабы. Это мы нарвались на гнездо девчонок-зенитчиц под предводительством пожилого, но бодрого капитана. Откуда они тут взялись, не представляю. Обычно такие женские подразделения находятся в тылу, километрах в сорока-пятидесяти от линии фронта. Да и осталось их очень мало. Особенно после приказа главкома о переводе этой сисястой братии в тыловые подразделения, типа регулировщиц да связисток. Так что нам, наверное, просто повезло. Хотя это все Кубик виноват. Разглядев в бинокль аппетитные фигурки, тут же вспыхнул и попер, как лось. Еще и порывкивал от восторга...

Девки сначала переполошились, а потом как-то очень лихо развернули свои 25 мм скорострелки так, что мы и рта раскрыть не успели, как попали под прицел. Решить дело миром не вышло. На шутки и прибаутки барышни не велись. А когда они нас повязали, Славка выразил предположение, что у них всех повальные месячные, потому что очень сильно стянутые руки потеряли чувствительность уже через пять минут. Хорошо, капитан вмешался и нас связал по новой. С этим мужиком тоже договориться не получилось. Оказывается, сегодня утром на них наскочили пытающиеся сбежать предатели. Тоже порусски разговаривали. И только высокая выучка и бдительность зенитчиц спасла девчонок от смерти.

– Так что, мужики, вы не обижайтесь. Если действительно свои, то разберутся и отпустят. Если нет, то тоже разберутся...

С этими словами капитан при помощи своего войска загрузил нас в полуторку и под конвоем отправил к особистам. Ну а те – порезвились слегка...

Пощупав ухо, вздохнул и огляделся. «ХБВ» резво прыгал по проселку, обходя идущие навстречу войска. Нескончаемой чередой шли «студебеккеры», «газы», да и пешей «царицы полей» тоже хватало. Рядом, по обочине двигались танки. М-да... Приятно посмотреть на эту махину. И солдаты идут хоть и уставшие, но зато глаза блестят. Это не как в сорок первом. Тогда брели уныло, не поднимая взгляда от обмоток впереди идущего, и вера в победу таяла с каждым шагом на восток. Зато сейчас бойцы любого порвут и хрен их кто остановит!

До штаба армии, по словам водителя, осталось километров десять, когда пара «фоке-вульфов», зайдя от солнца, попробовали атаковать колонну. Первый их заход все благополучно прощелкали, и только когда по сторонам дороги рванули бомбы, раздался крик:

– Воздух!

Люди порскнули в кюветы, приготовившись встретить самолеты ружейно-пулеметным огнем. Шедшие здесь же зенитчики прикрытия в несколько секунд поставили стволы торчком и тоже крутили головами, выискивая шальных фрицев. Только те были явно не дураки. Сбросив по бомбе, «фоккеры» не рискнули дальше штурмовать и скрылись в облаках. Тоже, выходит, ученые. Знают, что ребята уже наготове и плотность огня будет такая, что самолеты еще раз пройти над дорогой не успеют – их просто собьют.

Вот, кстати, интересная штука. Эти орлы Геринга – знающие и умелые бойцы. Но как русские летчики, выполнять приказ практически с нулевым шансом вернуться – не могут. Есть, конечно, отморозки, которым на все плевать, но их в люфтваффе слишком мало. Я, во всяком случае, только два раза таких видел. Оба раза «лаптежники» до последнего бомбили переправу. В первом случае удачно и даже уйти смогли, а во втором наши их всех положили. Так что советские солдаты только силой духа могут задавить все это европейское отребье. Ну и хорошим оружием, конечно.

С удовольствием посмотрев на торчащий из башенки проезжающей СЗУ ствол КПВ,

даже зажмурился. В мое время этот «крупняк» только после войны появился.

А здесь он уже месяца два как в войска пошел. И в городских боях Владимирский пулемет лучше иной пушки будет.

А «Газ-63» взять? Его разработка, оказывается, еще в тридцать седьмом началась, но в связи с войной слегка тормознулась. Зато сейчас эти полноприводные грузовики все больше и больше вытесняли допотопные полуторки. И проходимость у новых горьковских двухтонок была такая, что очень часто их использовали как тягачи для завязших «студебеккеров». Правда, на этих машинах, в отличие от современных мне «газонов», крылья были не закругленные, а прямые, и вообще кабина формой очень напоминала кабину «студера». Да и других новинок, постоянно идущих на фронт, тоже хватало. Так что бойтесь, фрицы, и, как говорил любимый мною Высоцкий, – «вы лучше лес рубите на гробы»!

Проскочив поворот с указателем, на котором черной краской было намалевано – «Хозяйство Лазарева», мы выехали к большой деревне. Оп-па! Похоже, попали куда надо! Во всяком случае знакомую рыжую морду адъютанта командарма признал сразу. Он стоял на крыльце, курил и давал ЦУ старшине из комендантского взвода. Чтобы не торчать долго на КПП, я оглушительно свистнул и заорал:

– Вовка, твою маман, принимай гостей!

Козельский закрутил башкой и, увидев меня, разулыбался. Махнув рукой, давая команду пропустить, он сошел с крыльца и, дождавшись, пока мы повыпрыгиваем с «газона», поздоровался. Поручкавшись с адъютантом, спросил:

– Вовчик, а где наши? Мне сказали, что они у вас будут дислоцироваться.

– Еще не подъехали, часа через два будут. А вы, я смотрю, опять за передок бегали? Как сходили?

– Херово... Вовка, ты пока связистов напяржи, пусть всем сообщат, что если появятся двое из группы Колдуна, немедленно их сюда. Или хоть радио дадут, а то я дергаюсь.

– Понял, сделаем. А вам сейчас обед организуем.

– Угу, спасибо!

Сказав мужикам, чтобы они шли обедать, сам двинул представляться командарму – генерал-лейтенанту Малышеву. Он хоть и не был моим командиром, вот только вежливость, по мере возможности, я старался соблюдать.

Генерал был занят, но для человека из группы Колычева время нашел. Даже чаем напоил. Узнав, что двух человек мы потеряли, пообещал помочь в поиске:

– Как Иван Петрович приедет, он по своим каналам всех поднимет, ну а сейчас я тоже дам распоряжение.

– Спасибо, товарищ генерал-лейтенант! Разрешите идти?

– Да, конечно, отдыхайте.

Уже выходя из дома, был чуть не сбит с ног каким-то мелким пузаном в лампасах и генеральских погонах. Он, врезавшись в меня, отскочил и завопил:

– Что? Кто такой?

Причем фраза была гораздо длиннее, но состояла сплошняком из матов. Этот пончик, несмотря на смутную узнаваемость, мне не понравился, поэтому, чтобы долго не полоскать мозги, просто встал по стойке смирно и рявкнул:

– Виноват, тащ генерал!

Обычно этого вполне хватало. Ну подумаешь – столкнулись в дверях. Причем это он на меня налетел... Но толстый не угомонился. Не обращая внимания на вышедшего Малышева, он продолжал материться, иногда вставляя в мудрено закрученные конструкции обычные слова. Из речи было понятно, что я пьян, морда разбита именно в пьяной драке и вообще меня надо арестовать. Стоявшие рядом прихлебатели из свиты приехавшего скандалиста выразили немедленную готовность к действиям. Лощеный подполковник решил первым проявить инициативу. Шагнув вперед, напористо рявкнул:

– Сдать оружие! Вы арестованы!

А на меня вдруг накатило... И так весь на нервах, тут еще этот козел прилизанный.

Быстро достав из разгрузки гранату, со словами «Да без проблем!» – сунул чугунный кругляш в руки толстому генералу. Тот машинально взял, а я, выдернув кольцо, секунду подержал его перед расширившимися глазами пухлика и кинул колечко за спину. Тут сразу стало очень тихо. Было видно, что «лимонка» без предохранителя моментально начала доставлять массу неудобств жирному хаму. Того даже пот прошиб. Он только и смог выразить свое неудовольствие неуверенным:

– Э-э-э...

Генерал затравленно огляделся, но выкинуть опасный подарок было некуда. Свита рада была помочь, только вот не знала как. Прилизанный подпол стоял соляным столбом и вроде даже не дышал.

Да уж... видно, давно наши штабные метаниями гранат не занимались... Ребята из охраны, которые могли бы правильно среагировать, все остались на улице, а этих лизоблюдов, похоже, заклонило намертво. Лысый застыл, не сводя глаз с кулака – того и гляди, уронит подарочек. Правда он не знал, что там запала нет. Я после случая с мельниковцами всегда держу одну гранату с обломанным взрывателем. Мало ли как жизнь повернется, а несколько секунд ступора у врага могут очень помочь в нашем нелегком деле. Так что сейчас толстяк зажимал в потном кулачке чистую «липу».

Затянувшееся молчание нарушил Малышев. Делая вид, что не замечает смятенного состояния приехавшего, он доложил:

– Товарищ член военного совета, это – Илья Иванович Лисов, человек из особой группы Колычева и личный порученец Верховного главнокомандующего.

Не заметно, чтобы от этих слов держателю гранаты стало легче. Трястись он не перестал, только глаза еще больше выпучил. Командарм, глядя на члена, со словами «Разрешите помочь» – осторожно протянул руку, чтобы забрать «феньку». Тут уж я вмешался:

– Это – мое. Сам заберу.

И обращаясь к толстому, сказал:

– Отдай... отдай, кому говорят!

Отдать кругляш мне были рады, но не могли. Поэтому пришлось, отгибая генералу пальцы, постепенно выцарапать «лимонку» себе. Глянув на выдохнувших людей, злобно ухмыльнулся и разжал кулак. Предохранительный рычаг, весело дзынькнув, отлетел в сторону, тихо хлопнул боек, а народ упал на пол с такой скоростью, как будто у них ноги подрубили. К чести Малышева, надо заметить, что залегать он не стал, а только побледнел. Секунд через десять генерал-лейтенант выдохнул и от души ругнулся:

– Придурок вы, Илья Иванович! Разве можно так?

– А как еще с такими общаться? И кстати – кто это?

Демонстративно не обращая внимания на поднимающихся и злобно зыркающих на меня людей, обращался только к командарму.

– Это – член военного совета Никита Сергеевич Хрущев. Две недели назад прибыл на замещение Кобзева.

Ну вот и свиделись... то-то мне этот толстячок таким знакомым показался. Хрущев, поднявшись с пола, утирался платочком и пытался что-то сказать. Несколько раз открыв рот вхолостую, он прокашлялся и, пустив петуха, выдал:

– Многое о вас слышал, товарищ Лисов! Товарищ Сталин о вас очень высоко отзывался. Рад знакомству. Но как вы нас заставили здесь поползать! Всех встряхнули!

И громко заржал. Свита подхватила... Во дает! Пожав протянутую мне мягкую влажную ладонь, я в полном обалдении огляделся. Ржут... все ржут... только Малышев серьезен. А эти... Я бы так не смог. В подобной ситуации всем бы люлей навставлял, пока от шока не отошел. А эти – щерятся. Командарм, глядя на почти ненатуральное веселье, только желваки на щеках катнул. Видно, тоже человеку неудобно. Если бы Хрущев мне в ухо засветил после всего, и то было бы понятней. Но вот ТАК?! Делать вид, как будто это была просто веселая шутка?! Наверное, таким макарон люди и попадают в большую политику...

Запинав у себя внутри все человеческое, повесить на морду угодливую улыбку и, как червяк к центру яблока, прогрызаться к цели. Зато как прогрызутся, тогда держись! Всем все вспомнят. Мне даже не по себе стало – а ведь Хрущ вспомнит! Такое не забывается...

Наскоро козырнув ЧВСной компании, вышел во двор. Тряхнув головой, оглянулся на дверь. Не-е-ет, Никита Сергеевич, не быть вам генсеком. У меня еще чувство самосохранения не до конца атрофировалось. Зачем, спрашивается, мне такой геморрой лет через двенадцать нужен, или когда он там на трон взойдет? Так что надо действовать сейчас и быстро. Главкому на него стучать, как Никитка после смерти Лучшего Друга Советских Авиаторов будет развенчивать культ личности, дело, конечно, хорошее, но вдруг что-то пойдет не так и Хрущев все равно вывернется? Такие дела на авось оставлять нельзя...

Пройдя мимо двух «виллисов» и броневишка охраны, которые прибыли вместе с этим непутевым жиробасом, пошел, ориентируясь по запаху, в сторону столовой.

А попутно срисовал трофейный «хорьх», на котором прикатил будущий генсек. Это хорошо, что именно «хорьх» – «АВС-36» его прошьет, как мягкую булочку. Валить «кукурузника» именно из «АВС» мне пришло в голову, потому что немцы в самом начале войны захватили немерено этих винтовок и до сих пор активно ими пользуются. Симоновский винтарь у меня в заначке есть, так что, пока приедет Колычев и остальная команда со всем нашим барахлом, надо обдумать, где и как устраивать засаду.

В принципе даже место всплыло. За указателем «Хозяйство Лазарева» была замечательная рощица. Вот оттуда и можно сработать. Засесть в густом кустарнике и, пропустив охрану, раздолбать легковушку сзади.

М-да, чего-то в этих рассуждениях не хватает... Я, сдвинув пилотку, почесал затылок. А не хватает как минимум трупа террориста, убившего «верного ленинца и пламенного борца за дело коммунистической партии». Охрана ведь, невзирая на общую мудаковатость шефа, ни в коем случае не будет клювом щелкать. Так что, если их чем-нибудь не отвлечь, загонят меня, как мамонта. Отвлечь же можно только телом покушавшегося. Значит, надо искать подходящего пленного и заниматься гнусными подставами. Мысль про то, чтобы взять нужного человека из ближайшего полевого лагеря военнопленных, отмел сразу. Следствие после убийства такого чина будет обязательно, и неизвестно, чего они нарыть смогут. Зачем лишний раз зацепку давать? Не-е-ет... Надо выдергивать пленного из пешей колонны и подальше отсюда. Хрущ в штабе армии до утра останется, так что время еще будет. Тогда выходит следующее – добыть пленного, под утро приволочь туда и ждать «члена» с эскортом. Потом десятью патронами решетить «хорьх», и когда начнется стрельба – валить немца из «ТТ» (благо патроны в этом пистолете и «ППСах» охраны одинаковые). После всего оставляю на АВС пальчики трупа и очень быстро сваливаю.

Вчерне вроде нормально получается. Надо только прикинуть детали, вроде тех, что надо вязать пленного полотенцем, дабы следов не оставалось, и как действовать, если нас там случайные люди засекут. Да, обязательно гильзы от «ТТ» сразу ловить, а то потом ищи их в траве! Хотя если они отстреляют пули из автоматов и сравнят их с извлеченными из тела, может получиться очень нехорошо... А ведь так, скорее всего, и будет. М-м-м... что же делать?

Блин! Зачем мне вообще этот немецкий труп сдался и что я на нем заиклился? И без этих заморочек можно попробовать управиться, только вот убежать оттуда надо будет очень быстро. А ведь самое главное, что я в своих рассуждениях упускаю замыкающую машину сопровождения. Дадут они мне расстрелять «хорьх», как в тире. Щаз! Буквально три выстрела и по моей позиции уже начнут работать несколько автоматов с пулеметами. А тремя патронами ухлопать Хрущева наверняка – не получится. Он же в закрытой кабине сидит... В связи с этим опять в полный рост встает вопрос о сообщнике и увеличении огневой мощи.

Тут на меня неожиданно налетел Марат:

– Илья, ты куда пропал? Мы уже узнали, где располагаться будем. Вон те четыре хаты возле речки – наши. Пойдем, там хозяйка картошечку жарит, как ты любишь...

А потом, сбавив напор, заглянул в глаза:

– Ничего о ребятах не слышно?

Я только головой покачал. Шараф, выдохнув сквозь сжатые зубы, ожесточенно поскреб щеку.

– Ты, главное, не переживай так. Сейчас полковник приедет, всех на уши поставит. Мы тот район по травинке прочешем и, пока пацанов не найдем, не успокоимся.

Глядя на Марата, согласно кивал. Но думал о другом. Сама собой вдруг всплыла мысль, что и к этому недоделанному Никитке прицепился, только чтобы отвлечься от думок о Пучкове. Ведь на полном серьезе обдумывал убийство, лишь бы ушла та картинка, где по Лехиным открытым глазам муравьи ползают...

Встряхнув головой, закурил и пошел подталкиваемый Ханом в сторону нового расположения спецгруппы ставки. Еда в горло не лезла, поэтому, поковыряв в тарелке, вышел на улицу и молча смолил одну папиросу за другой, сидя на завалинке. Про Гека не думать не получалось. Вот ведь даже в таком щекотливом деле, как убийство члена военного совета, он бы меня поддержал без вопросов. Сереге, тому вряд ли получилось бы объяснить, с чего это советскому человеку приспичило валить члена Политбюро. А если бы и убедил – время уже упустили. Лехе же только намекни, что обожаемому командиру помощь нужна... Ему поровну – языков брать, украденный грузовик с тушенкой в госпиталь перегонять или ЧВСа стрелять – лишь бы со мной. И ведь безбашенным этого парня не назовешь, просто относится ко мне как к старшему брату – сильному, умному и являющемуся для него высшим авторитетом. Ну и я к нему соответственно отношусь – как к младшему. Эхе-хех...

Через час в село втянулась наша колонна. Иван Петрович, выслушав мой доклад, вздохнул, выгнал всех из комнаты и набулькал стакан спирта:

– Пей.

– Не хочу...

– Пей, это приказ! Ты думаешь, я не понимаю, каково тебе? Так что пей. А завтра с Гусевым и остальными бойцами поедете в тот квадрат выяснять судьбу наших разведчиков. Сутки вам даю. И два взвода солдат, из запасного полка.

Потом, выдвинув челюсть, посмотрел на меня и вдруг ударил кулаком по столу:

– Что ты нюнишься, как квашня! Ты – боевой офицер, а сидишь здесь с потерянным видом! Трупы Пучкова и Козырева видел? Нет? Так и нечего раскисать! Мы тебя уже столько раз хоронили, что не сосчитать! А ты вон – живой сидишь, морды корчишь!

А я вовсе ничего не корчил. Просто удивился, чего это командир так разорался. Хотя, честно говоря, полковничий ор оказал некое терапевтическое воздействие. Ор да стакан спирта, который чуть не силком был в меня запихнут. Так что через десять минут из мрачного, но нормального человека я превратился в расплывчатое существо на подгибающихся ногах. Если учесть, что сейчас уже вечер, а ел в последний раз утром у СМЕРШевцев, то развезло меня не по-детски. Гусев было уволок мычащее тело в люлю, но, немного полежав, пьянучая тушка сначала прорыгалась во дворе, а потом уже по темнякам начала жаловаться Сереге на несправедливость жизни. Мысли при этом вроде были четкими и ясными, только язык не хотел нормально шевелиться, что очень раздражало.

Вообще человек я малопьющий. Можно сказать, совсем не употребляющий. Пьянеть не пьянею, просто, превысив определенный порог, отрубаясь и все. Оказывается, все дело было в дозе... С этого стакана на голодный желудок меня так торкнуло, что, сидя на каком-то бревне и ухватив Гусева за погон, принялся изливать ему душу:

– С-ссерега, вашу маму, ведь у меня тут никого нет... вообще! Даже папы нету... да что г-говорить, тут совершенно ни-че-го нету! Даже трубок сотовых. А ведь будь связь, я бы просто позвонил Лехе и узнал, как у него дела...

Мне вдруг стало очень грустно оттого, что позвонить Пучкову не получится. Шмыгнув носом, попробовал достать папиросу, но только уронил пачку, что расстроило еще больше. Хорошо, зажженная «беломорина» вдруг сама собой оказалась в руке. Немного этому поудивлявшись, затянулся и продолжил:

– У меня ведь т-т-только трое на весь этот мир есть. Ты, Иван Пуртович, тьфу, Пертович, тьфу. Кор-р-роче – ты, командир и Лешка.

Немного подумав, добавил в список Марата.

– Это и есть вся моя семья. Бабу было завел и та – немка. Нес-с-серьезно... Да и не видел ее больше п-п-полугода. А теперь еще этот п-проглот пропал. Найду – убью!

Гусев, что очень радовало, был готов поддерживать все начинания. Убить Пучкова, найти и доставить сюда Нахтигаль, хоть из Берлина, и вообще, как говорил Карлсон, быть родной мамой. Я пришел в восторг оттого, что у меня есть такой друг, и, потрендев еще с полчаса, окончательно вырубился. Последней мыслью была совершенно трезвая о том, что, кажется, наговорил много чего лишнего и, кажется, разобраться с Хрущевым мне завтра – не судьба...

* * *

– Подъем. Вставай, Илья, машины готовы. И еще – тебя Колычев срочно вызывает.

Открыв глаз, увидел озабоченную морду Гусева. Серега еще немного постоял, задумчиво оглядывая меня, а потом уточнил:

– Ты как – живой?

Усевшись на кровати, покрутил головой. На удивление – чувствовал себя нормально. Думал, будет гораздо хуже...

– Живой. Сушняк только дикий.

– Перетерпи, а то опять накроет... И давай быстрее – полковник ждет.

Ну быстрее так быстрее. Сходил, умылся, с трудом удерживаясь, чтобы не напиться вволю обжигающе-холодной колодезной воды и пошел к командиру. Иван Петрович при виде меня задал тот же вопрос:

– Живой?

Я кивнул, но командир на это уже не обратил внимания. Подойдя к окну и стоя спиной ко мне, продолжил:

– Мне доложили про вчерашний инцидент с Хрущевым. Знаешь, Илья. – Колычев повернулся и, подойдя вплотную, взял меня за ремень портупеи. – Большой глупости ты совершить не мог. Наверное, проще было, если б ты его застрелил. Это хотя бы можно было списать на нервный срыв, а так как ты знаешь отношение к себе Верховного, то лежал бы пару месяцев в госпитале с соответствующим диагнозом и вернулся обратно. Тем более, у тебя две контузии, так что при поддержке сверху дело бы замаяли... А сейчас ты приобрел себе врага. Причем очень изощренного врага. И пусть в Политбюро его называют Никиткой и считают клоуном, но на самом деле это совершенно не так. Пока товарищ Сталин жив и Лаврентий Павлович на месте, Хрущев в твою сторону и не посмотрит. Он будет улыбаться в глаза и копить злобу. Но вот потом... Поверь мне, здесь, – Иван Петрович постучал себя по лбу, – тоже что-то имеется. И это что-то может заниматься анализом. А анализ вырисовывается самый неприглядный. Так что как будем из этого выворачиваться, просто не знаю...

Командир наконец отцепился от портупеи и, сломав несколько спичек, закурил. Да уж... Выходит, вчерашний порыв был совершенно правильный. Этого лысого шустрика надо валить. Однозначно. Угораздило же так вляпаться... А Колычев меня даже слегка напугал. Он на наши залеты обычно орет, но вот так, спокойно, говорит только о действительно хреновых вещах. И еще очень интересно, что именно его аналитический мозг надумал? Неужели он СЕЙЧАС просчитал возможное коронование Хруща? Да нет, не может быть. Полковник, конечно, умница, но такое просчитать в принципе невозможно. К этому году просто нет фактов, из которых можно сделать ТАКОЙ анализ.

– Молчишь? – Командир вздохнул. – М-да, что уж теперь говорить... Ладно, машины уже готовы, и в запасном полку люди предупреждены. Так что давай езжай.

Я, уже было повернувшись уходить, неожиданно решил:

– Иван Петрович, все я понимаю. Когда хама на место ставил, еще не знал, кто это. А как только узнал... в общем, проблема, думаю, будет снята...

Колычев, как это только он умеет, удивленно-насмешливо поднял бровь:

– И как ты ее снимешь? Прощения попросишь? Не поможет – ты его публично оскорбил, а такое не прощается.

– Вы же знаете – я везунчик. Мало ли что может случиться?

Командир хищно подобрался, видимо, что-то почуяв:

– Лисов, ты мне это брось! Любые, ты слышишь, любые самостоятельные действия категорически запрещаю!

Раздраженно закулив, продолжил:

– Это я, старый дурак, сам тебя подтолкнул. Только пойми – застрели ты члена Политбюро, и тебя не спасет ничто! Ни контузии, ни заслуги! Если охрана на месте не убьет, то трибунал высшую меру даст обязательно. И ни-кто не поможет. Понял? Никто! Так что в сторону Хрущева даже смотреть запрещаю! Ты меня понял?

– Так точно!

Иван Петрович на это только кулаком под носом поводил и даже не сказал, а прошипел:

– Смотри мне! Всех под монастырь подведешь!

– Да понял я! Никаких движений с моей стороны не будет! Даже и не думал про это! Это вы меня не так поняли...

– Все я понял отлично... ладно, иди уж...

Фух! Я выскочил из хаты и побежал к «виллису», в котором сидели мужики. Надо же, как командир разошелся. Причем всерьез. Давно я его таким не видел. Но с Хрущевым, один черт, надо что-то решать. Правда, стрельба отменяется и подрыв тоже – Колычев моментом догадается, и тогда его действия предположить не берусь. Он, конечно, относится ко мне как к родному, но вот присяги еще никто не отменял. И исходя из этого, доложить о подозрениях полковник будет обязан. Биомать!.. Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. А «Кукурузник» пока терпит. Сейчас главное – Лешку найти со Змеем.

Сергея, глядя на мой встрепанный вид, спросил:

– Что там?

– Да нормально все... поехали!

Но только успели тронуться с места, как услышали вопли Северова. Он рысил от домика радистов, размахивая руками:

– Стой, стой!

Епрст! На это раз что случилось? Мишка наконец донес свою упитанную тушку до джипа и, отдуваясь, выпалил:

– Нашлись, похоже!

Все сразу повывлетали из машины и окружили гонца. Я ухватив его за шиворот, пару раз встряхнул, чтобы слова из «маркони» вылетали быстрее:

– Где они? И это точно – наши?

– Не т-т-тряси так, у меня внутри все булькает!

– По херу бульки, ты про мужиков говори!

– Слышимость очень плохая была. На нас вышли особисты морпехов Рябова. Под Любавами они взяли двух разведчиков. Те сказали, что из группы Колдуна. Еще молчи-молчи что-то про генерала говорили... Но там вообще непонятно было....

– Карту!

Марат расстелил на капоте карту, и мы с Сергеем с костяным стуком треснулись головами, наклонившись над ней. Даже не почесавшись, принялись искать названный населенный пункт. Любавы... где эти Любавы... Вот! Офигеть! Это же почти сорок километров от нашей последней лежки! Причем северо-западнее. Как туда пацаны попали? Мотоцикл, конечно, быстрое средство передвижения, но ведь не светлым днем и с погоней на хвосте! Ладно, пусть даже с полчаса они на этом байке мотались. Ну а потом? Где почти

трое суток эту парочку носило? Ничего, приедем-разберемся...

Когда стало понятно, в каком краю искать ребят, мы стартанули так, что «УльЗиС-43», который с моей легкой руки все называли «уазиком», шедший в сопровождении, сразу отстал и затерялся в облаке пыли. До этих самых Любав летели как сумасшедшие. Только когда на особо большой кочке из машины вылетел Балуюв, я слегка сбавил скорость. Хорошо, Тихон выпал без своей «шарманки», а то бы и рацию угробил, и себе что-нибудь сломал.

А так обошлось без особого членовредительства – только ушибы и царапины.

Потом из леса нас обстреляли какие-то наглецы, но, во-первых, мы проскочили быстрее, чем недобитки прочухались, а во-вторых, просто недосуг было связываться. Там, судя по плотности огня, всего человек восемь фрицев было, так что решку бы им навели быстро, только время терять не хотелось. В общем, часа через два, проехав раздолбанную с воздуха немецкую колонну, от которой уже начинало пованивать дохлятиной, мы тормознулись. Балуюв развернул рацию и дал мне трубку. На этот раз слышимость была хорошая и, получив от морпехов указание, куда ехать конкретно, еще минут через двадцать остановились на небольшом хуторе.

М-да... тут, видно, был нехилый бой. Трупы немцев еще не успели убрать, и они довольно густо валялись по округе. Я так думаю – не меньше полувзвода легло. А в хозяйском доме ни одного целого окна. И вокруг оконных проемов все густо покоцано пулями. Похоже, здесь оборону держали... Причем не немцы. Фрицы как раз, судя по положению тел, в этот дом очень попасть хотели. Интересно – зачем? И мертвецы какие-то свеженькие. Как будто их только утром сделали... Наконец морячок сопровождения, которого подобрали на околице, показав еще на один дом, сказал, что нам туда. Да мы бы и сами поняли. Возле хорошо сохранившейся хаты целая толпа стояла. В защитных гимнастерках, но у всех тельники из-под расстегнутого ворота видны. А в середине этой толпы два наших ухара чего-то втирают народу и ржут.

Ну, сволочи, держитесь! С юзом затормозив, вылетел из джипа и, распахав людей, подскочил к Геку, который при виде меня радостно улыбнулся и открыл рот. Только вот сказать ничего не успел. Я ему так в лоб закатал, только ноги в щегольских брезентовых сапогах в воздухе мелькнули. Рядом совершил такое же сальто Змей, сбитый ударом Марата. А мы такие, мы слово держим. Пообещали морду набить, вот и бьем!

– Что валяешься, гадский папа!? Вставай, я тебя сейчас вообще прибую!

От радости, что этот проглот живой, свою угрозу я бы вполне мог выполнить, но тут произошло неожиданное. Земноводные, глядя на столь скорую экзекуцию, недовольно возроптали, и в толпе даже послышались звуки взводимых затворов. Здоровенный главстаршина шагнул к нам со словами:

– Вы что, суки, творите?

Но тут очухавшийся Пучков, по-щенячьи повизгивая, повис у меня на плечах и завопил:

– Илья, ты чего? Мы же живые, все нормально! Тут такое было – не поверишь! Мы ведь Вейлера взяли!!

Какого в жопу Вейлера? Я даже не понял вначале, потому что отвлекся на опасно приблизившегося главстаршину. Но мореман уже передумал устраивать разборки. Глядя на счастливого Пучкова, он пробурчал:

– А, так это вы любя, тогда все нормально... – И обращаясь к остальным, добавил: – Это разведка по-родственному свою молодежь героическую учит!

Народ удовлетворенно загудел, и тут наконец из дома появился офицер. Подойдя к нам, он представился:

– Капитан-лейтенант Савин! Извините, сразу подойти не мог – по рации вызов был. Ну что – ваши бойцы?

– Наши, наши...

Поручкавшись с вежливым каплем и, глядя, как Серега тискает найденышей, спросил:

– Только я не понял, что они там про Вейлера буровят?

– В том-то и дело, что не буровят. Еще идет проверка, но, судя по документам... м-м-м... Товарищи офицеры, давайте лучше пройдем в дом...

Весь в непонятках последовал за контрразведчиком в хату. И там, расположившись за колченогим столом, мы узнали охренительную новость. Нашим желудкам подфартило сказочно и безгранично, как на моей памяти никому никогда не везло. Они действительно сумели взять начальника штаба четырнадцатого армейского корпуса. А так как немецкий корпус по численности почти равен нашей армии, то получается, мои ребята ухватили за ягодичную мышцу фигуру армейского уровня.

Но начну сначала. Змей с Гekom, когда я их послал разведать округу, спокойно и тихо выполнили задание и уже возвращались обратно, когда возле расположения зенитчиков на них наткнулись немцы. То ли эти фрицы на рыбалку ходили, то ли грибы собирали, но молодежь их прошляпила, и немчура, подошедшая сзади, с ходу начала стрелять. Наша парочка рванула в сторону, а в это время к рыбакам подошла подмога от зенитчиков и расположенного рядом парка, так что дело приняло скверный оборот. Их почти выдавили на открытую местность, но тут ребятам посчастливилось подстрелить одиночного мотоциклиста, который спешил присоединиться к погоне. Из парка, следом за байком уже выруливал БТР, поэтому шустро оседлав трофейное транспортное средство, разведчики рванули, не разбирая дороги. Кстати, кусочек погони я имел удовольствие лицезреть лично. Как тогда и предположил, им удалось оторваться от преследователей и, с ходу утопив мотоцикл в заболоченном озерке, пацаны до ночи отсиживались в камышах.

Уже в темноте попробовали выйти к месту нашей последней стоянки, но тут густо поперли немцы. Это теперь я знаю, что то были перебрасываемые для ликвидации прорыва части, но разведчики, подивившись необычному ночному оживлению, на всякий случай сменили направление движения, отваливая в сторону.

В общем, занесло мужиков еще глубже в тыл. Днем ни о каком продвижении речи быть не могло. Немцев вокруг суетилось – как мух вокруг общественного сортира. Приняв решение уходить с основного направления движения войск, Пучков с Женькой всю следующую ночь продвигались на север. Там действительно оказалось поспокойнее. Поэтому ребята в первый раз за все это время смогли более-менее отоспаться. А потом опять двинулись на восток, навстречу глухому рокоту, доносившемуся оттуда. Когда рассвело, снова густо пошли немцы, но уже в другую сторону. Теперь они отступали...

Несколько раз, чудом увернувшись от драпающих частей, уже утром разведчики наблюдали картину, как звено штурмовиков долбает немецкую колонну, которая шла по небольшому проселку. С удовольствием посмотрев в бинокль на работу «горбатых», пацаны было собрались идти дальше, но вдруг увидели в поврежденном разрывами открытом «мерседесе» какое-то шевеление. Пока спрятавшиеся по кюветам уцелевшие гитлеровцы приходили в себя, Гек со Змеем проскочили к дороге и выдернули из «мерса» человека в окровавленной форме, рассчитывая, что полуконтуженные фрицы не сразу сообразят, что происходит. Так и вышло. Камуфляж по обеим сторонам фронта был очень похож между собой, и поначалу их приняли за своих. Хоть недобитки уже начали вылезать из придорожных канав, только на разведчиков внимания никто не обратил. И лишь когда они утащили тушку пленного достаточно далеко в сторону, до гитлеровцев стало доходить, что эти двое в пятнистых комбезах делают что-то не то. На дальнем конце разбитой колонны поднялся шум, и оттуда, подбадривая себя воплями, ломанулись человек десять наиболее целых и сообразительных фрицев.

С переполоху наша парочка чуть не бросила раненого «языка», но, разглядев помимо тройного витого шнура на погоне еще и извасюканные грязью лампасы, только прибавила прыти, подвывая на ходу от восторга. Проскочив километра три бегом с бессознательной тушей на закорках, ребята выдохлись, и только природная жадность не давала бросить такой жирный куш. Поэтому, увидев хаты стоящего в распадке хутора, разведчики, не раздумывая, свернули туда. Они, наивные, думали, что от погони удалось оторваться... Щаз! Только-

только успели загнать жителей дома в погреб, как появились немцы.

На что рассчитывали эти два балбеса, я не представляю... Наверное, вид генерала напрочь вышиб из башки остатки мозгов. Правда и фрицы сначала тоже не атаквали. Подошедший в виде парламентаря гауптман предложил отдать «языка» по-хорошему, а он со своей стороны гарантировал неприкосновенность русским солдатам. Дескать, гитлеровцы забирают своего командира и спокойно уходят, а разведчикам немец обещал жизнь и свободу. После блицсовещания пацаны продемонстрировали переговорщику генерала и показали дулю. Внимательно оглядев свое начальство, к которому на манер соски-пустышки была привязана граната, офицер пришел в неистовство и, матюгаясь, вставляя в немецкие ругательства русские идиомы, убыл на исходные позиции. А еще через десять минут началась атака.

Гека и Змея спасла только сравнительно небольшая численность нападавших и то, что окна в доме были только с одной стороны. С другой стороны к хате было присобачено что-то типа коровника, и взломать стену получилось бы только взрывчаткой – благо весь дом и пристроенная халабуда были сложены из камней. Но все равно фрицы быстро обошли огрызающееся свинцом строение и, подобравшись с боку, пробовали пролезть через окна. Гранаты они не использовали, видно, надеялись выручить генерала живым. В конце концов, ребята бы, конечно, постреляли, но, на их счастье, к месту боя подошли преследовавшие немцев морпехи Рябова. Положив всех нападающих, морячки с удивлением разглядывали вышедших разведчиков и в очередной раз потерявшего сознание «языка». Потом, узнав имя пленного, тут же связались по радиации с командованием. Буквально через двадцать минут к хутору подлетела санитарная полуторка и в темпе эвакуировала раненого генерала. А приехавшие одновременно с ней особисты начали трясти Леху с Женькой. Правда, выяснив, чьи они люди, СМЕРШевцы, которые были в курсе наших поисков, сразу вышли на Северова.

В общем, пока мы сюда катили, сладкую парочку накормили от пуза, отхлопали все плечи и отдавили руки. Каждый из земноводных считал своим долгом поручкаться с человеком, который захватил в плен целого гитлеровского генерала. Кстати, именно поэтому рябовские ребята так резко отреагировали на мордобой разведчиков. Кому понравится, что неожиданно прибывшее хамоватое офицерье мордует самых настоящих героев...

Мы уже успели обо всем переговорить с особистами и расспросить ребят, когда наконец притащились «уазик» и «Газ-63» с солдатами охраны. Попрощавшись с гостеприимными морпехами, загрузились в машины и поехали обратно. На этот раз добрались без приключений. Если где и остались шмыгающие по округе гитлеровцы, то мы их не видели и часам к четырем торжественно подкатали к нашему расположению.

Глава 8

– Что это?

Колычев подозрительно посмотрел на лист бумаги, который я положил перед ним.

– Представление.

Иван Петрович взял листок и начал вчитываться. Хмыкнув несколько раз, спросил:

– А не чересчур?

– Я считаю, не чересчур. И за меньшее «Звезды» дают. А здесь мало того что они входили в группу, которая обеспечила успех проведения фронтовой операции, так еще и захватили вражеского военного чина, относящегося к высшему командному составу.

– Так он же умер...

– А ребята тут при чем? У них он был живой, и медикам его тоже живым отдавали. Если генерал крикнул по дороге, то заслуш Пучкова и Козырева это не умаляет. Мне за Зальмута в свое время «Героя» дали. Здесь фигура вполне сопоставимая...

– Зальмута ты приволок живого, здорового да еще с портфелем документов. И во многом благодаря этому были достигнуты наши успехи на южном направлении. А теперь...

Полковник прошелся по комнате, задумчиво почесывая нос, и наконец сказал:

– Дело вы, ребята, конечно, большое сделали. Уже то, что был предотвращен фланговый удар корпуса Роммеля, тянет на многое. Но вот этим охламонам «Героя» давать... В общем, так, Илья. – Командир сел, и, утвердив локти на столе, продолжил: – Представление я уже написал. На всю твою группу. Всем по «Красному Знамени». Тебе как командиру – «Ленина». Пучкову... он же старшим в этой паре был? Так вот Пучкову тоже «Ленина». А там посмотрим... наверху два высших ордена на одну группу могут посчитать чересчур жирным подарком и один похерить. А ты мне тут на «Звезду» представление подсовываешь... как в таких случаях говорят – губу раскатал?

Вот, блин, как полковник все хорошо подмечает и запоминает. При нем я свой язык стараюсь укорачивать, но вот надо же, когда-то услышал и запомнил это выражение. А теперь еще меня прикалывает.

– Тогда пусть херят мой. У меня уже один есть, а Леха – реально заслужил!

Иван Петрович, закулив, откинулся на стуле и насмешливо выдал:

– Ты тут кумовством не занимайся. Знаю я, как о своем крестнике печешься. Весь фронт из-за него перебаламутил, а теперь еще и наградой делиться собрался. Ладно, не бойсь, аргументировал я все серьезно, ТАМ не подкопаются, так что готовьте дырочки!

– Есть готовить! Разрешите идти?

– Подожди. Сейчас возьмешь кого-нибудь из наших, отделение охраны и поедешь в штаб фронта. Там, у Маркова заберете одного интересного оберштурмбанфюрера и доставите его сюда. Да если до темноты вернуться не успеете, заночуете на месте. Ночами тут еще слишком опасно передвигаться.

Еще бы, конечно, опасно. Эта территория была освобождена буквально несколько дней назад. Вообще Украинские фронты долбают группы армий «Юг» и «А» такими темпами, что вот-вот выйдут к границе СССР. В связи со стремительным продвижением войск на запад количество немецких недобитков в наших тылах просто зашкаливает. На чистку в помощь спецчастям НКВД постоянно кидают бойцов с запасных полков. Но ночами лучше все равно не ездить.

Козырнув полковнику, пошел узнавать насчет машин и охраны. Ехать решил на «уазике», а приданных ребят разместить в «Газ-63». Забрав с собой Гека, посадил в джип еще одного младшего сержанта. На дуге «УльЗиСа» умельцы из рембата соорудили крепеж для ДШК, вот теперь, если что, младшой будет работать из этого пулемета.

Но «если что» не приключилось. Доехали нормально, только раз по пути тормознулись и выдернули из раскисшей колеи «летучку» военных корреспондентов. Вообще дороги стали полное дерьмо. Бабье лето сменилось дождями, и нормально можно было передвигаться или на лошадях, или на вездеходах. Кстати, на коняшках ездить за все это время так и не научился. Не доверяю я этому живому транспорту. Да и лошади мне тоже не доверяют. Одна сволочь даже укусила, что было совершенно невозможно предположить от смиренной на вид кобылки. А если вдруг я не упаду и меня этот травяной мешок не лягнет, то после нескольких километров пути ляжки натру так, что потом передвигаться смогу только враскоряку. Да не сильно-то хотелось. Машина, она надежнее, и руль привычнее, чем все эти повода и стремена. Может, романтизма и меньше, зато комфорта больше.

В общем, пока проходили проверки на бесконечных придорожных КПП, к штабу приехали под вечер. Ни о каком возвращении сегодня речи уже не шло, поэтому, переговорив с Марковым, я устроил людей и пошел искать своего странноухого знакомого. Вячеслав Ильин, позывной – Кубик, был на месте и, увидев меня, обрадовался чрезвычайно. Промаяв нам на пару с Лехой все ребра, пообещал устроить небольшой банкет часам к десяти и, показав, где нас будут ждать, убыл на совещание. Гек, услышав про вечерний жор, сильно оживился, при этом сказав, что перед пьянкой надо как следует закусить, и тут же потянул меня в столовую. Есть не хотелось, поэтому, кое-как отцепившись от напарника, пошел поздороваться с остальными штабными знакомцами.

Посидел с одними, попил чай с другими и уже собирался идти в распоряжение

армейских разведчиков, благо время подходило к назначенному, как вдруг в одном из коридоров бывшей барской усадьбы, где располагался штаб, увидел знакомый блеск лысины. Никак Никита Сергеевич чапает? Хрущев в сопровождении рослого подполковника дошел до массивной двери и, забрав стопку документов у сопровождающего, уже открыв дверь, сказал:

– Все, свободен – я работать буду. А завтра с утра ты мне этого мудака предоставь!

Подпол козырнул и, дождавшись, пока дверь за начальством закроется, двинул вперед по коридору.

Я за всем этим наблюдал, стоя за каким-то архитектурным украшательством оконной ниши, поэтому собеседники меня не видели. Интересная картина... получается, сейчас этот злобный пупсик один остался? Одын, одын, сапсем одын, как говорил Ара из анекдота. Может, это шанс? А то укатит в Москву и все – пишите письма. Можно загодя готовить себе деревянный макинтош. Лет через десять или когда там Хрущ на царство взойдет, он мне точно понадобится... И ведь новый генсек не только мне карачун устроит. Этот лысый еще и крестьянство на ноль помножит, да и последние зачатки различного кооперативного движения прижмет...

Так большая политика, наложенная на инстинкт самосохранения, окончательно утвердила меня в мысли, что Никиту надо валить. Причем именно сегодня, так как потом подходящего момента может и не случиться. Только как все сделать? Резать, душить, стрелять – нельзя. Хотя если... Пожевав губами, решился. Есть у меня в арсенале один хитрый приемчик. Вот только не пользовался им давно. «Языков» брать он не подходит, а часовых снимать ножом и стволом с глушителем гораздо удобнее. Но вот теперь этот удар в самый раз будет. И кстати, даже наши мужики о нем почти не знают. Года полтора назад показал его Сереге, только он прием забраковал как неподходящий для работы. И все, больше ни на тренировках, ни в деле его не использовали. Иногда, во время разминки я его обозначал, чтобы не забыть, но на фоне общего рукомашества и дрыгоножества на это никто не обращал внимания.

Несколько раз резко выдохнув, быстрым шагом подошел к двери, за которой скрылся ЧВС. Оглянулся – в коридоре никого не было, поэтому коротко постучал и, не дожидаясь ответа, нажав ребром ладони на ручку, шагнул внутрь комнаты. Даже не комнаты, а скорее кабинета. Немцы, когда отсюда бежали, все побросали как есть, и теперь после приборки помещение отдавало буржуйским лоском. Хрущев что-то писал, сидя за большим деревянным столом, и, увидев меня, удивленно поднял брови:

– Товарищ Лисов? Вот не ожидал увидеть... Вы по какому вопросу?

– Здравия желаю, товарищ генерал! Дело очень важное и срочное! Мы здесь одни?

Никитка недоуменно оглянулся и, выйдя из-за стола, ответил:

– Здравствуйте. Да, одни... А что случилось?

– Я вам это и хотел показать... Встаньте, пожалуйста, вот сюда, сейчас увидите.

Заинтригованный Хрущев встал, куда ему было сказано, и уставился на меня. А я чуть присев, все-таки этот пухлик был маленького роста, с силой пробил ему открытой ладонью в левое подреберье. Толстяк только охнул, выпучив глаза, и начал оседать, шаря по груди руками. Подхватив падающее тело, осторожно уложил его на большой кожаный диван. Сам при этом все время косил глазом в сторону двери, молясь, чтобы никто не постучал, а то и у меня сердце лопнет.

Похоже, удар получился. Пощупав пульс на шее у переставшего дергаться ЧВСа, убедился в его отсутствии. Потом продавил ребра. Вроде целые... Вообще ребра были самой слабой точкой моего плана. Если бы сломались, то все – сливай воду. Налицо умышленное убийство видного члена Политбюро. Зато при целых ребрах – даже синяка не остается и врачи просто констатируют инфаркт. Хотя лучше подстраховаться. Переложил труп так, чтобы грудь пришлась на деревянную ручку дивана. Вот теперь нормально! Даже если синяк и вылезет, то создастся впечатление, что человеку стало плохо и он упал, не дойдя полметра до этого кожаного чуда. Да, именно так! Вроде хорошо получилось...

Подойдя к двери, немного постоял, прислушиваясь. Сначала были слышны чьи-то удаляющиеся шаги, а потом все затихло. Так, если я сейчас начну колебаться – выходить не выходить, то полночи здесь проторчу. Поэтому так же, как и входил, не оставляя отпечатков пальцев, выскользнул наружу, осторожно прикрыв дверь. Йес! Никого! Цыкнув зубом, пошел вдоль коридора неспешным шагом, хотя внутри все тряслось и хотелось рвануть во всю прыть. Но сдержался и такой же расслабленной походкой продефилировал мимо дневального.

Выйдя во двор под морозящий дождик, прерывисто выдохнул. Вот и все, а я боялся... Глянул на часы. Епрст! Всего пять минут прошло, как вышел от Круглова, с которым чай гонял. Так что теперь, если вопросы возникнут, всегда можно ответить, будто сразу от Круглова пошел к Славке Ильину. Этих минут никто и не заметит, так что все сойдется нормально. Зато сейчас можно смело сказать – арривидерчи, товарищ генеральный секретарь! Теперь не будет народ коров резать и кукурузу на севере выращивать. Правда, на секунду мелькнуло сомнение – то ли я вообще сделал? До этого ведь только врагов валить приходилось. А этим убийством, как ни крути – резко поменял весь ход истории. Но как мелькнуло, так и пропало. Если бы не сегодняшний удар, то я бы точно знал время своей смерти, а это вовсе не способствует нормальному душевному состоянию. Хрущ с его характером, взойдя на престол, моментом бы показал кузькину мать оборзевшему в корень Лисову. И за меньшее расстреливал... так что сейчас все сделал правильно и нечего рефлексировать!

Пока дошел до дома разведчиков, нервная дрожь почти отпустила, и поэтому, глядя на толпящиеся у крыльца под навесом знакомые личности, издали крикнул:

– Что, славяне, не ждали? Принимай гостей!

* * *

Охо-хох... Голова, если очень мягко сказать – болела. Блин! Ведь говорил, что трофейный марочный коньяк запивать самогоном – дурной тон! Так нет же! За победу, за братство, третий тост за разведчиков, за Сталина, за то, чтобы Гитлеру икнулось, за дам, за рода войск (причем за каждый в отдельности), за взаимовыручку... Причем отчетливо помню – тост, чтобы Гитлеру икнулось, был как минимум три раза. Да и остальные повторялись настолько часто, что благородный коньяк закончился уже через полчаса. Вот тут и появилась эта канистра с самогоном. Увидев ее, я содрогнулся, и дурно стало заранее. Это Лехе хорошо – он на коньяке вырубился, а мне пришлось отдуваться за двоих...

Выйдя во двор, на хрустящую от утреннего инея траву, умылся у колодца. Наконец полегчало и я смог увидеть нездоровую суету, творившуюся вокруг. Заметив идущего от здания штаба Кубика, поймал его и поинтересовался:

– Слав, что случилось? Чего все как в задницу укушенные бегают?

Хмурый Ильин щелчком выкинул папиросу и озабоченно ответил:

– Сегодня ночью Хрущев помер. Говорят, инфаркт. Но охрана на ушах стоит и шестой отдел всех трясет. Хорошо еще, все мои ребята вчера встречу отмечали и никуда не бегали. Так что к нам вопросов нет. Зато остальных, как грушу, обрабатывают...

– Ни хрена себе! Пойду, гляну...

Кубик сначала ухмыльнулся и сказал – мол, кто меня туда пустит, но потом, видно вспомнив о том, что я все-таки из особой группы, только рукой махнул. Я, зайдя в дом, оделся и, разбудив бледно-зеленого Пучкова, приказал ему готовить машины и фрица к отъезду. Пообещав через полчаса подойти, с самой безмятежной мордой двинул к штабу, хотя в животе был холодный тянущий комок. Все-таки не ожидал, что такая буча поднимется. Ну помер человек, зачем же всех на уши поднимать? Думал, конечно, что будут медики, следователи, но чтобы так...

В штаб меня сначала не пустили, но когда я начал качать права, выскочивший на шум знакомый контрик приказал впустить. Вот у него, пока шли к кабинету, и начал выяснять

подробности. Несостоявшегося генсека нашел утром адъютант. Поняв, что его реанимационные действия не дают результата, побежал за медиками, попутно прояснив охрану. В общем, пока следователи появились в кабинете, там помимо хрущевской челяди, охраны и медиков побывали еще и командующий с начальником штаба. Потом следаки, конечно, всех выгнали, но если даже и были какие-то следы, то они оказались безнадежно испорчены. Холодный ком от этих слов постепенно рассасывался, и я спросил:

– А какие там следы должны быть? Или подозреваете убийство?

Контрик туманно ответил, что следствие только начинается, и передал меня своему начальству. Генерал Левин курил возле окна и раздраженно обернулся на приветствие. Однако, узнав меня, слегка подобрел:

– Лисов, а ты здесь откуда? Или вам тоже доложили?

– Нет, тащ генерал, я вчера к Маркову за фрицем приехал. Ну и остался. Сейчас вот уже уезжать хотел, а тут такое...

– А, ну да! – Генерал махнул рукой. – Вы же вчера с разведчиками всю ночь гудели. Тот я смотрю – бледный ты какой-то. А у нас действительно – ЧП.

– Вот я и пришел уточнить, что Колычеву докладывать. Из первых рук, так сказать.

Левин шумно выдохнул и, подумав немного, сказал:

– Докладывать пока нечего. По предварительным анализам – инфаркт. Сердце прихватило, даже до дивана дойти не успел – так и упал. Но к обеду из Москвы прилетит бригада медэкспертов, они точнее скажут.

– Зачем аж из Москвы? Тут же свои медики есть?

– Положено так. Это тебе не дядя Вася умер, а член Военного совета, который также является членом Политбюро! Хотя я уверен, что и они оставят диагноз прежним. Зачем его кому-то убивать? И как? Никаких следов на нем нет. Просто перетруился человек, как говорится – сгорел на работе... Ты еще молодой, тебе не понять, а на войне и так бывает, что не от пули, не от снаряда, а просто сердце не выдержало...

Епрст! Мне даже неудобно стало от таких слов, поэтому, коротко распрощавшись, быстренько оттуда сбежал. Пока ехали на базу, всю дорогу чувствовал смутное неудобство. Сначала даже понять не мог, что к чему. Уж больно непривычное чувство было. И только потом дошло. Вот блин! Меня что – раскаяние мучает?! И это после всех лет войны, оно еще во мне осталось?! А ведь действительно – очень не по себе. Особенно после слов Левина, точнее говоря, именно из-за них... Даже, несмотря на то что ко мне никаких следов не ведет и в будущем уже ничего не угрожает, настроение было мерзопакостным. Поэтому, когда уже почти на подходах к деревне, в нас начали стрелять из сильно заросшей балки, даже обрадовался. Оттеснив младшего сержанта от пулемета, принялся густо поливать кусты метрах в двухстах от дороги. Остановился, только когда Гек проорал в ухо:

– Все, Илья! Все! Там никого нет!

– Точно?

– Да они почти сразу откатились, а ты все долбишь...

– Тогда чего стоим? По машинам!

Даже не посмотрев, подстрелили ли кого-нибудь, рванули дальше. А меня наконец отпустило. Правда, как выяснилось, я рано расслабился...

* * *

Только подъехали к нашим домам, как появился хмурый Колычев и, приказав пока посадить оберштурмбанфюрера под замок, пригласил меня для приватной беседы. Иван Петрович задавал вопросы и издалека, и в лоб, но я, делая обиженные глаза, отпирался от всего. Как бы ни увещевал командир, твердо стоял на своей исключительной невинности. При этом постоянно держал в уме слова Гоши Шустрого, моего знакомого еще по прошлой жизни. Шустрый, сходя к хозяину по серьезной статье, делился опытом общения со следователями:

– Никогда ни в чем не сознавайся. Как бы тебя ни уламывали. Природа очень любит равновесие, поэтому душу, конечно, облегчишь, зато и срок увеличишь.

На мой вопрос, почему же он тогда раскололся, Гоша ответил, что к нему применяли методы дознания, несколько отличающиеся от принятых законом. У него, кстати, тоже выбор был, но не между душой и сроком, а между сроком и здоровьем. И Шустрый, выбрав здоровье, не прогадал. Сейчас моему здоровью ничего не угрожало, поэтому я смело отпирался от всех полковничьих намеков:

– Иван Петрович, что же, если вдруг кто-то помрет в радиусе километра от меня, это значит Лисов виноват? Да я и не видел его в штабе! Даже не знал, что он там! Вы у ребят спросите, я ведь с ними всю ночь был!

– Но не сразу... Дневальный показал, что ты вышел из штаба через несколько минут после того, как туда зашел Хрущев.

– Да вы что, вообще нае... – Я замялся, подбирая слово.

– Но-но!

Пришлось быстренько смягчить:

– Вообще меня за оберубийцу держите? Я с майором Кругловым чай попил и пошел к Ильину. Все это видели, все подтвердят! Да и как я его мог убить? Одним видом? Зашел, сказал ему – «БУ!!!» и ЧВС помер? Ну ведь это несерьезно...

Колычев, скептически пожевав губами, поднялся, закурил и, пройдя по комнате туда-сюда, ответил:

– Армейские медики констатировали инфаркт. Судя по твоей пышущей благородным негодованием физиономии, москвичи этот диагноз подтвердят. Но меня ты не убедил. – С силой вмяв папиросу в консервную банку, служившую пепельницей, командир исподлобья посмотрел на меня: – И не знаю, сумеешь ли убедить Верховного...

Опаньки... А при чем тут Усатый? И с какой стати я должен его убеждать? Так и спросил, на что получил обескураживающий ответ:

– Он мне уже звонил по этому поводу. Я рассказал о своих подозрениях, и товарищ Сталин приказал после твоего допроса связаться с ним. Его очень интересовало, что ты скажешь.

– Ну и докладывайте, что Лисов тут ни при чем.

Пожав плечами, я тоже вытянул папиросу и приготовился закурить, но не успел. Перехватив руку с зажигалкой, командир наклонился вплотную и, глядя в глаза, тихо сказал:

– Илья, ты подумай хорошенько. Иосиф Виссарионович всегда чувствует ложь. Как это у него получается – не знаю... Но я очень не хотел бы быть на месте человека, который соврал Сталину.

Вот тут я, мягко говоря, забздел основательно. Все придуманные до этого отмазки стали казаться какими-то детскими и несерьезными. Вроде алиби железное, но вдруг столичные профессора что-нибудь найдут? А в том, что их и заставят искать ОЧЕНЬ тщательно, сомнений уже не было. Вот это влип! На кой мне вообще сдался тот лысый пенёк, не понимаю! Может, он за эти десять-двенадцать лет обо мне бы уже сто раз забыл? Может, зря все? Хотя нет – не зря... Уходить в монастырь я не собирался, поэтому обо мне забыть будет тяжело. И вообще, никогда нельзя жалеть о том, что уже сделано! Даже если сделал ошибку. Мотать на ус, но не жалеть! Видно, в глазах у меня что-то поменялось, потому что Иван Петрович кивнул вроде как даже одобрительно и отпустил руку.

– Значит, ты тут ни при чем?

– Так точно!

– Ну вот и добре. Только я еще хотел...

Договорить полковнику не дал стук в дверь. Это Гусеву приспичило нос сунуть и посмотреть, съело меня уже начальство или еще дожевывает? Командир, увидев его, оживился, но не послал на фиг, а, наоборот, пригласил зайти. Серега, ободряюще кивнув мне, скромно уселся на лавочке в углу, а Иван Петрович, прокашлявшись, задал вопрос, который ему не дали задать и от которого я охренел напрочь:

– Илья, а ты кто?

– Не понял вопроса, тащ полковник. Если вообще, то хомо, надеюсь, хоть чуть-чуть сапиенс. А если в частности, то подполковник Лисов Илья Иванович. Во всяком случае, так в документах написано.

Сергеа закричал в углу, а командир предостерегающе поднял руку. Интересно, что Гусев мне своим криком сказать хотел? И вид у моего боевого братана какой-то необычно виноватый. Я его таким вообще никогда не видел. Наглым, веселым, злым, сосредоточенным, таинственным, но никогда не виноватым. То есть было иногда напускное, но сейчас ему действительно не по себе. Что же происходит? От этих мыслей отвлек Колычев:

– Видишь ли, в чем дело... Помнишь, две недели назад ты Пучкова с Козыревым потерял? Я знаю, что ты относишься к лейтенанту как к младшему брату. Тогда еще ничего не известно было, и чтобы у тебя резбю не сорвало, я тебя напоил... Помнишь?

Конечно, помню, блин! Такое – хрен забудешь. Я тогда, наверное, смертельную для себя дозу спирта выдул и хоть бы хны. Но нервы действительно отпустило. Дождавшись моего кивка, командир продолжил:

– Я сам тогда волновался и поэтому вечером пошел тебя искать. Нашел вас с Гусевым возле речки. Ты меня увидел, обниматься полез. Потом все переживал, что у тебя какой-то сотки нет, чтобы с Пучковым связаться. И что в свое время очень мало интересовался прошедшей войной. Мол, в каком-то интернете есть масса информации про наши доисторические времена, только тебе тогда она была неинтересна. И про демократов, которые полное говно, долго распространялся... А особенно сильно ругал американцев с англичанами. Немцев почему-то наоборот – хвалил. Мол, в отличие от всей остальной европейской шелупони, русских из-за угла пнуть не норовят и сносом наших памятников не занимаются. Гитлера, правда, конченным мудаком обозвал. Про подлюк инопланетян рассказывал, которые у тебя хорошую машину украли, но зато в очень интересное время сунули. Что на это скажешь?

Пис-с-сец... Я чуть со стула не упал. Все было так неожиданно, что у меня даже глаз дергаться начал. Как глупо получилось – один стакан спирта и два с половиной года маскировки – коту под хвост. Е-мое, что теперь делать? Правду рассказать? А ведь самое смешное – поверят. Поверят и законопатят куда-нибудь под крепкий надзор, в помещение с мягкими стенами. Будут пылинки сдувать и в зад лобзать. Если же начну артачиться, разговор совсем другим получится. Причем даже без членовредительства. Уже сейчас фармакология достигла больших высот, поэтому долго упираться не выйдет. И как они мои знания дальнейшего мироустройства использовать будут, только Бог ведает... Биомать! Мне ведь даже бежать некуда! Да и если сбегу – толку? Все пойдет, как шло, что тоже совершенно не устраивает. Столько сил вложил и все зря?.. Исподлобья оглядел сослуживцев, замерших в ожидании ответа. Серега даже рот приоткрыл и глаза у него стали какие-то слезно-просящие.

А я вдруг все понял. Е-мое! Как пацана! Причем с самого начала! Все удивлявшие до этого вопросы становились ясными и понятными. И почему у меня все влет получалось, и почему постороннего мужика даже не проверяли толком. И каким макаром «контуженый» новичок вообще в столь серьезное подразделение не только попал, но и смог в нем остаться. Я же считал, что это исключительно моя заслуга. Выступал тут, как гениальный изобретатель и невя... в общем, охрененный пророк! А как меня слушали все, прямо рот раскрыв! Ой, как стыдно! Надо же быть настолько тупым, чтобы все это не увидеть! Блин, и даже Сталин, выходит, ваньку валял! Стало понятно, почему все мои действия, за которые любого, невзирая на чины, под монастырь бы подвели и стенкой завершили, заканчивались максимум выволочкой от Колычева. е... я даже с мысли сбился... неужели и Леха – подставной? Вот ведь предки хитрожопые! Совершенно не ожидал от них такой проницательности.

...А я-то себя самым умным считал... Ох, не довело до добра раздутое самомнение. И

что дальше?.. Кашлянул, рывком встав и отслеживая реакцию окружающих. Никто к оружию не дернулся – уже хорошо. Ну ладно, мой ход.

– Товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга, есть один вопрос – и давно вы меня вели?

НКВДэшный генерал, которого я привык считать отцом-командиром, хмыкнул и ответил:

– Да в общем, с самого начала. После доклада Лаврентию Павловичу о приходе Гусева с неизвестным человеком я уже хотел после госпиталя отправить тебя дальше, на фильтр, к армейским особистам. Вот только буквально через два часа после разговора на меня вышел сам Верховный и приказал оставить тебя у нас. Он вообще много тогда указаний дал...

– И когда почуяли неладное со мной?

– Практически сразу. Начиная от словечек непонятных и заканчивая тем, как ты на пару с майором связисток покрывал. А у баб языки длинные и они всем необычным в этом деле друг с дружкой делятся.

Вот те нате! Интересно, что же в моем трахе могло быть необычного? Очень даже обычно все. Сунул, вынул, убежал... Ладно, сейчас не до этого. Почесав нос, поинтересовался дальнейшими перспективами:

– И что теперь?

– Теперь все зависит от тебя и только от тебя...

Ух ты как! Значит, от меня? Ну-ну... Тогда получите:

– А если я захочу уйти?

И вот здесь Колычев меня убил напрочь:

– Иди... Верховный предупреждал, если у тебя появится такое желание – не удерживать.

Во блин... Я застыл на месте, растерянно переводя взгляд то на одного, то на другого. Они что – курицу, несущую золотые яйца, отпустят просто так? Да и вообще – так не бывает. По логике, меня сейчас должны взять под белы ручки, тщательно упаковать, загрузить на самолет, вывести подальше от фронта и трясти до полного посинения. Уж я-то знаю – филантропов в нашей конторе нет. Может, это просто понты? Проверим... Глядя на сидящих гэбистов, коротко козырнул и со словами:

– Тогда – счастливо оставаться.

Пошел к выходу, каждую секунду ожидая окрика или попытки захвата. Молчат... Не оглядываясь, в напряжении вышел на крыльцо. Там тоже не было автоматчиков. Хм.... И во что они со мной играют? Сев в «уазик», завел мотор. Тихо... Ну и флаг вам в руки! Газанув так, что грязь полетела фонтаном, рванул по дороге в сторону фронта.

* * *

Проехав минут двадцать, остановился, съехав на обочину и заглушив мотор. Па-ба-ба-бам! Вопрос – что дальше делать? Судя по всему, гоняться за мной никто не хочет... Даже обидно стало. Я-то рассчитывал, что следом, на небольшом удалении хоть кто-нибудь да будет двигаться. Не могли же они в самом деле меня так просто отпустить? Посмотрел назад на дорогу – пусто, никаким хвостом и не пахнет. Неужели так и есть – вопреки всякой логике и здравому смыслу, взяли и отпустили? Ну дела...

Глядя, как усатый регулировщик лихо разруливает колонны идущей на передовую техники, выкурил несколько папирос и, коротко матюгнувшись, развернул «УльЗиС» обратно. Даже это просчитали психологи хитровыделанные! Некуда мне деваться! Просто некуда! Ну залягу я где-нибудь в глуши и что? Можно даже за границу рвануть и миллионером заделаться. Только вот не хочется почему-то. В той жизни хотел денег, баб, развлечений, интересной работы. Да и было это у меня. Пусть не миллионы, но хватало. Вот только саднило все время что-то. Видно, совковое, недемократическое воспитание не позволяло наслаждаться жизнью до конца... Что-то внутри сидело и скребло периодически,

когда видел, что с моей страной делается... На хрена, спрашивается, все нужно было? Отец на службе большую часть здоровья потерял? Мать, всю жизнь мотавшаяся с ним по дальним гарнизонам и в конце концов от этого рано умершая? Да и миллионы остальных, незнакомых мне людей, для которых слово Родина действительно что-то значило, зачем жили? И главное, чем все для них закончилось?

Хоть слегка понять чувства старшего поколения у меня получилось, когда в свою часть, через десять лет после дембеля, решил прошвырнуться. Был там недалеко по делам, вот заодно и подумал – почему бы веселую молодость не вспомнить? Затарился, как дурак, баулами с выпить-закусить и поехал. Конечно, не рассчитывал встретить хоть кого-то из знакомых, но вот прогуляться по полку, заглянуть в боксы, пройти по казарме батальона очень хотелось. Ну и приехал... От полка остались только полуразбитые коробки казарм. От боксов и того не осталось... даже мусора. Сквозь брусчатку – трава пробивается. Вместо плакатов, на которые в свое время плевать хотелось, – гнутые и ржавые металлические трубы. Нет, оказывается, больше моего полка. Сократили в связи с выгодным для НАТО договором. И спрашивается – зачем я тут два года горбатился? Зачем пальцы морозил – движки перебирая, зачем ночами на полигоне не спал, зачем перманентный гайморит зарабатывал? Это что – никому не надо было? Ощущение тогда такое накатило – как будто на голову нагадили... Только вот я два года потерял, стране долг отдавая, а старики всю жизнь... И не их вина, что наши правители лукавые эту страну благополучно просрали, лишь бы самим до власти дорваться.

Так что хер с ней, той камерой из мягко обшитых стен. Буду видеть, что все идет не туда, сам себе головушку сверну и все... пусть дальше сами разбираются, но во всяком случае у меня совесть будет спокойна – сделал все, что мог! Но трепыхаться, чтобы все получилось лучше, буду до конца!

За этими мыслями чуть не проскочил знакомый поворот. С юзом тормознул машину и потряс головой. Ни фига меня накрыло! Вот уж не думал, что такое внутри сидеть может! Закурил, избавляясь от неожиданно накатившего патриотизма, и, вывернув руль, покатыл в нашу деревню.

Там суеты в связи с моим отъездом не наблюдалось. Гриня распекал бойца из молодого пополнения. Мишка Северов выскочил из домика связистов, сморкнулся и, зябко передернув плечами, шмыгнул обратно. Санинструктор Валечка выстроила солдат охраны для проверки по форме номер пять. М-да, отряд не заметил потери бойца... Хотя про эту потерю пока знают только двое. Ладно, надо глянуть, чем эти двое сейчас заняты. Остановившись возле крыльца, заглушил «уазик» и, пройдя в хату, несколько раз стукнул в дверь.

– Зайдите!

Диспозиция в комнате оставалась прежней. Серега сидел на лавочке, а Колычев курил возле окна. Но увидев меня, он только улыбнулся, а вот Гусев, вскочив со своего наместа, заграбастал в охапку и начал тискать, вопя при этом:

– Я же говорил – он вернется! Я же говорил! Молодец, чертяка! Какой же ты молодец!

Сделав официальную морду, вывернулся из захвата и предупредил:

– Но, но. Руки прочь, товарищ предатель! Мне с такими людьми, которые втемную играют, не по пути... А ведь мы с тобой из одного котелка кашу метали... Эх ты, майор!

Серега сначала обиженно выпучил глаза, но видя, что я сам с трудом сдерживаю улыбку, расхохотался:

– На себя посмотри. Два года нам тут «горбатого» лепил! Так что – квиты!

Тут влез Иван Петрович:

– Гусев прав насчет «горбатого». Что решил, Илья: ответишь, кто ты, или дальше будем делать вид, что ничего не происходит?

Хм... а что, теперь действительно можно сделать вид, что ничего не произошло? Полным идиотом я не был, поэтому, тихонько вздохнув, начал говорить:

– Отвечу... Я – Лисов Илья Николаевич тысяча девятьсот семьдесят четвертого года рождения. Не судим, не женат. Не состоял. То есть в комсомоле был, но недолго... Он

самоликвидировался, вместе со страной. Что еще? Занимаюсь бизнесом. Ну как по-вашему – нэпман. Но не крупный. Правда и не мелкий. Служил два года в армии – был командиром танкового взвода. Училища не заканчивал, а звание получил после окончания военной кафедры в институте. Соответственно образование – высшее. Отучился на геофизика. Правда, по специальности не работал. Немножечко побандитствовал. Зато потом это в деле помогало... Сюда попал, сам не знаю как. Яркий свет, голоса в голове, и я уже тут – в этом времени. Ну в общем и все. Если подробно рассказывать, то много времени займет...

Мужики слушали очень внимательно. При этом Колычев еще и кивал каким-то своим мыслям. А вот на предложении изложить поподробней меня остановил:

– Расскажешь, конечно. Но не здесь и не сейчас. Подожди минутку.

После чего, подняв трубку телефона ВЧ связи, коротко бросил в нее:

– Товарища Михайлова... Товарищ Михайлов? Здравия желаю! Да... да, поговорил. Нет... но разговор пошел еще дальше. Да сам... Так точно, докладываю – объект «Странник», вариант – два... Нет, наш век – тысяча девятьсот семьдесят четвертого года рождения... Есть!

Глава 9

Кутаясь в тулуп, смотрел в окно, разглядывая барражирующие совсем рядом «яки» сопровождения. Обдумывать свою речь перед Верховным было лень. То есть не то чтобы лень, а просто занятие это считал бессмысленным. Года полтора назад я подобный разговор даже мысленно обкатывал, обдумывая его возможные нюансы и повороты, но с тех пор прошло много времени, за которое Главкома удалось узнать получше. А с этим знанием пришло понимание того, что со Сталиным никакие домашние заготовки не прокатят. Так что надежнее будет сплошной экспромт, тогда точно – врать не потянет. Мне сейчас на брехне погореть никак нельзя – игры закончились... Самое правильное в теперешней ситуации – просто дать отдых мозгам, а то они у меня и так за эти несколько часов чуть с роликов не съехали. Вместо речи представил вдруг, как в чулане скулит и скребется забытый всеми замерзший оберштурмбанфюрер, и хихикнул. Иван Петрович удивленно поднял бровь, но я только рукой махнул и опять уставился в окно.

М-да... первый раз за все время нахождения на фронте лечу днем. До этого все больше под покровом темноты передвигались, опасаясь немецких асов. Зато теперь небо от них почти очистили, и эти истребители прикрытия в основном простая подстраховка. Так что, как бы теперь ни повернулось, я все равно молодец. Сколько ни прикидывал, все время получалось, что счет сохраненным моим появлением жизням, шел на миллионы. Даже если прямо сейчас в свое время вернусь, гордиться собой буду – до невозможности. Но вот теперь возвращаться вовсе не с руки. Можно сказать, новая жизнь только начинается!

Но как они меня... если, дай бог, дети будут – детям накажу, внуки – внукам. Крепко-накрепко накажу, чтобы воспринимали предков всерьез и не думали, что если они компьютера не видели, то от этого их можно тупыми считать. Скорее наоборот – это мы мельчаем. Когда Колычев меня обозвал «объект “Странник”» да еще и «вариант – два», я дар речи потерял. Когда наконец обрел, поинтересовался, почему – «два»? Что, помимо меня, у них еще подобные фигуранты присутствуют? Оказалось, все несколько проще – по какому-то хитрому предсказанию Мессинга, мое появление ожидалось. Но это предсказание было настолько хитрым, что трактовать его можно было как хочешь. «Человек без имени, из другого мира»... нехило загнул? Причем Мессинг и сам толком или не мог, или не хотел сказать, что же имел в виду. Поэтому были разработаны несколько вариантов. И по первому варианту я вообще проходил как инопланетянин! Причем он был основным!! Этому сильно способствовала моя впоследствии куда-то пропавшая способность к регенерации. Но чем дальше, тем больше склонялись в пользу версии пришельца из будущего. Это уже – из моего поведения исходило. Была даже гипотеза, что в будущем существует такое лекарство, которое и способствует ускоренному заживлению. Типа прививки. Но постепенно ее

действие заканчивалось и, в конце концов, я становился нормальным человеком. Они даже в госпитале, после Богодухова, когда я, отходя от наркоза, бредил, все фиксировали. Тогда, помимо прочего, всех заинтересовало – что за «вертушки» я требовал для поддержки и какого Боря матом крыл?

Остальные варианты, как сказал командир, были совсем экзотические, и он их озвучивать не стал, а я не настаивал. Не до того было. Слишком уж все неожиданно произошло, поэтому и пребывал слегка не в себе. Единственно, что командир клятвенно сказал, а Серега подтвердил, с видом бывалого урки чиркнув себя по горлу и дотронувшись пальцем до зуба, что Пучков – не их подстава. И вообще, кроме них двоих, больше никто не знает об иновременном происхождении Лисова. Нет, был еще народ в нашем подразделении, в задачу которого входило докладывать обо всех моих шевелениях, но эти люди были не из разведгруппы. К моим ребятам с таким предложением даже не обращались, чтобышний раз не нагнетать обстановку. Тем более что после рейдов каждый писал отчет, поэтому целенаправленно грузить бойцов посчитали лишним. Я поверил на слово, хотя некоторые подозрения были насчет Балуева. Почему именно подозревал Тихона, даже сказать не могу, наверное – интуиция. Но он был только временно прикомандированным, поэтому будем считать, что отцы-командиры мне сказали правду.

Потом вспомнилось, с каким жадным интересом Колычев с Серегой меня расспрашивали про будущее. Иван Петрович после доклада «Михайлову»-Сталину тут же заказал самолет, но на аэродром сразу не поехали. Командиры у меня были мужики отчаянные и, плюнув на все условности и режим повышенной секретности, стали выяснять, что же нас ожидает в грядущем. Только минут через сорок полковник сильнейшим усилием воли взял себя в руки и, хлопнув по столу, приказал:

– Все! Хватит! Мы так до утра тебя слушать будем! Пора ехать...

Гусев попробовал канючить, но командир рывкнул и Сереге пришлось обломиться. Вспомнив поднятые домиком брови и удивленно-обиженные майорские глаза, я улыбнулся, а потом, понаблюдав, за проплывающей внизу и во многих местах уже прикрытой снегом землей, незаметно для себя уснул...

* * *

Поправив натирающий шею жесткий, стоячий воротничок мундира и испытывая легкий мандраж, шагнул в предупредительно распахнутую дверь знакомого кабинета. Колычев остался в приемной, хотя я рассчитывал, что нас пригласят вместе. Но вот позвали только меня. Зайдя внутрь, опять испытал удивление. Берии там не было, и лишь один хозяин кабинета, стоя возле окна, издали молча разглядывал вошедшего. Я, поздоровавшись, продолжал торчать возле дверей, так как не получил больше никаких указаний. Сталин же продолжал молчать. Потом наконец подойдя ближе, указал трубкой на место, приказав сесть. Что-то вождь не пылает радостью, оттого что все уже разрешилось. Казалось, он даже чем-то недоволен.

А я, усевшись на стул с высокой спинкой, уставился перед собой. Хотя, возможно, именно в эти секунды и решалась дальнейшая судьба, особенного волнения не испытывал. Просто за последний день столько всего случилось, что, наверное, уже перегорел. Сталин у меня за спиной закончил мерить шагами комнату и наконец с сильным, внезапно прорезавшимся акцентом спросил:

– Почему вы могли позволить себе убийство члена Политбюро?

Я неторопливо встал, задвинул стул ближе к столу и, повернувшись все так же неторопливо, спокойно ответил:

– Потому что пока он был жив, я точно знал, кто запустит маховик развала страны, а также достаточно точную дату своей кончины. Теперь смерть, может, и приблизилась, но, не зная ее сроков, все равно чувствую себя гораздо лучше.

Верховный, подойдя ко мне вплотную и придавив взглядом желтых глаз,

поинтересовался:

– А если Я вам назову эту дату, что вы будете делать?

После этого вопроса стало как-то не по себе, да и тон у него был очень многозначительный. Сейчас отвечу неправильно и как в песне – «Сегодня не увидеть мне зари, сегодня я в последний раз побрился». В том, что Виссарионыч может без дальнейших расспросов и вопреки всякой логике приказать шлепнуть бесценного пришельца из будущего, после этого взгляда сомнений не оставалось. Но вот что отвечать надо честно, чувствовал тоже. Этот зверюга малейшую фальшь тут же унюхает. И если поймет, что я хоть в чем-то душой покривил... Поэтому, пожав плечами, сказал:

– Наверное, ничего... Даже если и получится сбежать, то все равно это потеряет смысл, так как в одиночку изменить мир у меня не выйдет.

– Вам кажется, его надо менять?

Тон у Сталина несколько изменился, только вот непонятно, в какую сторону. Но то, что скользкую тему моей кончины он хоть на время сменил, не могло не радовать.

– Да, кажется.

– Что же в нем настолько плохого, что через... – Верховный на секунду задумался и продолжил: – ...Через пятьдесят пять – шестьдесят лет вас не устраивает ваше настоящее?

– Вас, Иосиф Виссарионович, оно не устроит еще больше.

– Пф-ф!

Собеседник насмешливо раздул усы:

– Ты меня что, хочешь напугать?

– Какой мне смысл вас пугать? Если бы тогда все было нормально, то вы бы про меня и не узнали. Для чего мне появляться – вдруг что-нибудь нечаянно изменю к худшему? Но я появился, причем так, что...

Хотел сказать – хрен сотрешь, но вовремя поймал себя за язык. Хорошо, усатый на эту запинку не отреагировал. Ну во всяком случае сделал вид, что не заметил.

– А там вас что-то не устраивало? И что значат ваши слова про то, что Хрущев запустил механизм развала?

Во дает! Да если бы я встретился с пришельцем из будущего, то сразу начал бы выпытывать подробности и желательнее в хронологическом порядке. А этот человек моими взглядами интересуется. Не что будет происходить, а что меня в этом происходящем устраивать не будет.

С другой стороны, хорошо хоть про Хрущева он мимо ушей не пропустил, а то я волноваться начал. Подумает еще, что Лисов из шкурных интересов Никитку завалил, а мне этого совершенно не надо, да и чревато последствиями. Поэтому вздохнув, стал отвечать на первый вопрос:

– Значит, интересуетесь, что не устраивает? Не устраивает то, что моей страны больше нет. Что на ее останках сейчас живут в основном нищие люди. Закон практически не действует. Продается и покупается совершенно все. Медицины нет, образования нет, зато под видом приобщения к свободам идет активная пропаганда всех извращений, которые только возможны. Только в последние несколько лет появился правитель, который хоть чуть-чуть начал исправлять ситуацию. Но нет никакой гарантии, что с его уходом все не пойдет еще хуже. Тогда сегодняшние немцы, с их планом уничтожения всего двадцати пяти – тридцати миллионов человек, покажутся сопливыми толстовцами...

Сталин на эту речь отреагировал спокойно. Молча набил трубку, долго ее раскуривал и наконец спросил:

– Была еще одна война?

– Война?

Я сначала удивился этому вопросу, но потом, видно, напряжение беседы сказалось, сообразив, почему вообще меня спросили про войну, начал ржать. Вот здесь, прямо в кабинете у одного из самых страшных людей в истории, закатывался так, что даже слезы выступили. Успокоился только минуты через две.

– Война... не было никакой войны. Страну сдали правители. Верхушка коммунистическая. Сначала начал один – с очень правильными и хорошими лозунгами.

И на партсъездах ему все очень активно аплодировали... Тогда весь телеэфир был этими съездами забит. А потом правитель поменьше так захотел власти, что под шумок скинул первого. И чтобы его самого тут же не скинули, просто распустил страну. Как первоклашек после урока.

Хруп. В руке у Верховного хрустнула трубка. Он аккуратно положил ее в пепельницу и, отряхнув руки, медленно спросил:

– И что, не нашлось ни одного человека, который бы мог это остановить? Ни одного из многих миллионов?

– Человека? Да откуда бы он взялся этот человек? Все, кто хоть чуть-чуть выделялись из общей массы и осмеливались на поступки, были уничтожены еще в ваши времена. Во всяком случае, так потом Хрущев говорил – мол, людоедский режим палача всех народов сильно ослабил страну и теперь надо начинать все с начала. Вот преодолеем последствия культа личности – будет вам коммунизм. Когда жрать стало совсем нечего, коммунизм решили отложить и объявили перестройку. Захотели устроить капитализм под руководством партии. Но силы слегка не рассчитали, и рыба, как обычно, начала гнить с головы. Каждый мало-мальски значимый партийный функционер тут же начал ковать деньги. Ну а за ним и остальные потянулись по мере возможности. Партия моментально стала непопулярна. Все первые, вторые, третьи и последующие секретари устроили шоу с выкидыванием партбилетов и заделались бизнесменами. Причем все поголовно – верующими. Церковь сразу приподнялась. Выбила себе льготы на ввоз спиртного из-за границы и тоже начала рубить свою копеечку. И ведь, блин, ничем не брезговали – казино освящали, машины крутые, только что не публичные дома. Хотя, может, и их тоже, только по телевизору этого не показывали... А человек... Никто коммунистам не верил ни на грош. Декларировать одно и делать другое, у них в плоть въелось. Поэтому все дружными колоннами пошли за демократами. Вот только они вообще оказались пятой колонной. Часть работала на западные страны, а часть была идеалистами с таким завихрением в мозгах, что лучше бы они были предателями. Тогда, может, и вреда от них вышло б меньше.

Я выдохся и, махнув рукой, замолк. Терзало смутное ощущение, что понесло меня куда-то не туда. На хрена, спрашивается, было про всех этих партийцев говорить и коммунистов обвинять? Можно ведь и по-другому сказать – помягче. А то сейчас взъерится Учитель Народов – я ведь и его попутно приплел, и писец.

Но, правда, думал про все это без особой боязни. Вовсе не из-за того, что особо смелый или сильно глупый, просто неожиданно навалилась какая-то тупая усталость. Думал-то, меня встретят, как обычно, с распростертыми объятиями, но разговор сразу пошел не туда, вот меня и нахлобучило. Да и курить хотелось страшно. Решив, что терять особо уже нечего, набрался наглости и попросил на это разрешения. Сталин только кивнул и, очередной раз пройдя по кабинету, вызвал Поскребышева. Бессменный секретарь через секунду появился в дверях, ожидая указаний.

– Там, в приемной, сидит товарищ Колычев. Извинитесь и скажите ему, что он может быть свободным. Я встречу с ним завтра в десять утра. А вы прикажите принести нам чаю.

Уже обращаясь ко мне, поинтересовался:

– Может, товарищ Лисов, хочет чего-нибудь покрепче?

Мне бы сейчас, конечно, грамм сто не помешало, но, памятуя тот стакан, с которого все и началось, твердо отказался.

– Тогда чаю и что-нибудь к нему. Да, и отмените все встречи на сегодня...

Поскребышев, кивнув, испарился, а Верховный, дождавшись, когда принесут чай и печенье к нему, пригласил меня за стоящий в углу столик.

– Угощайтесь, Илья Ивано... Илья Николаевич, так ведь правильной будет?

– Так точно, товарищ Сталин!

– Вы угощайтесь, печенье у нас очень вкусное.

Потом он, помешивая сахар, несколько раз звякнул ложечкой о стакан и задумчиво, вроде даже не ко мне обращаясь, протянул:

– Значит, в том, что произойдет через полвека, потомки обвиняют меня и партию? Очень интересно... А вы лично как думаете?

Я, поняв, что наконец пошел серьезный разговор, без наездов и запугиваний, отложил печенюшку и ответил:

– Партию – однозначно правильно обвиняют. Дегradировала она напрочь. И в лучшие времена не блистала – насмотрелся я на теперешних замполитов и партийных руководителей, а потом так и вообще... Насчет вас тоже был уверен, пока не узнал получше. Но теперь – сильно сомневаюсь. Слишком вы неоднозначная личность. Никогда ничего не делаете просто так. Единственно... Один вопрос можно? – Дождавшись кивка, продолжил: – Зачем вы опять начали «охоту на ведьм»? Неужели мало в тридцатых годах народа посадили? Вы же сами признали, что были не правы, и в сорок первом да сорок втором годах почти всех выпустили. А сейчас что, по новой начинается?

Сталин помолчал, вытащил из коробки папиросу и, закурив, посмотрел на меня усталым взглядом:

– Я знаю, что такое слухи. Но в данном случае они не соответствуют действительности. По пятьдесят восьмой статье за последние полгода было арестовано сорок два человека. И поверьте – они были арестованы за дело. Больше по политическим статьям людей не проходило. В основном сейчас арестовывают за саботаж. Это, конечно, серьезное обвинение, но если человек чего-то пообещал, то должен это сделать. А то есть некоторые – пыль в глаза пускают и думают, что мы забываем все... Если ты пообещал наладить выпуск продукции к сентябрю, то должен отвечать за свои слова и не надеяться на авось. Но если в сентябре нет изделия, то статья за саботаж для такого человека будет в самый раз. Зато другие будут давать реальные сроки и не станут вводить нас в заблуждение. А ведь именно с пустых обещаний и начинается деградация. Количество таких людей в ваши времена, наверное, превысило критическую отметку, вот вы и потеряли страну.

Я только затылок почесал на эту речь. М-да... И возразить особо нечего. Ведь пустобрех на пустобрехе сидел и брехуном погонял. Да и после развала Союза все осталось так же. Одни слова и никаких действий. Хотя, помимо этого, очень много других факторов было, из-за которых мы и впали в «дикий» капитализм. Так Верховному и ответил. Он на это поднял палец и, улыбаясь, выдал:

– Вот и расскажите нам об этих факторах. Я понимаю, вы далеко не все знаете, но как достаточно грамотный человек вы ведь делали свои выводы? Вообще расскажите о своей жизни поподробней. Начните с самого начала.

Это как с самого начала? Я даже подвис. Как там Высоцкий говорил – час зачатья я помню неточно... Но он хоть помнил, а я и не знал. Правда, чего именно добивается от меня Сталин, понял и поэтому начал именно сначала:

– Я, Лисов Илья Николаевич родился в бысяча девятьсот семьдесят четвертом году в семье профессионального военного. Страной после смещения Хрущева тогда правил Леонид Ильич Брежнев...

С Верховным общались до поздней ночи. Он интересовался всем. Да оно и понятно. Только вот интерес был своеобразным. И удивлялся председатель ГКО вовсе не в тех местах, на которые я рассчитывал. Например, на рассказ о том, что Гагарин первым полетел в космос, Виссарионыч только кивнул, но очень сильно поразился тому, что сыновья наших шишек не служат в армии. В отличие от моего времени, его дети, кроме Светланы, все погибли на фронте. Яков в августе сорок первого при отражении танкового прорыва, а Василий полгода назад. Был сбит, прикрывая наши «пешки».

Так что удивление Верховного было понятно. Когда он заострил внимание на этом моменте, я и сам понял, что если человек, занимающий руководящий пост, не желает, чтобы именно его сын выполнял свой долг перед Родиной, то этот человек, по умолчанию, плевать на нее хотел, какими бы словами при этом он ни прикрывался. Действительно, служи

сыночки всех наших боссов в войсках, причем не в Арбатском округе, а куда пошлют, то и кормежка в армии была бы от пуза, и своеобразный армейский бардак уменьшился бы до невозможности. Ведь в любой момент грозный папа после письма сына смог бы надеть на кулан генерала, который силами бойцов решил построить себе дачу или который допускает, что прапора солдат обворовывают. Да и с дедовщиной бы покончили в два месяца. Но они своих детишек берегут и дальше ночного клуба не отпускают. А это значит что? Значит в критический момент ни папик, ни его дети, ни его семья не собираются оставаться в этой стране и сбегут, как только прижмет.

Еще Сталин не удивился тому, что один из новоназначенных руководителей госбезопасности, повизгивая от восторга, в знак «доброй воли» сдал американцам систему слежения в их посольстве. «Дядя Джо» только рукой махнул, сказав, что с этим человеком все и так понятно. Совершенно его не удивили и окружные армейские склады, полностью оставленные в Чечне. Отношение к ветеранам послевоенных локальных конфликтов заставило только ругнуться по-грузински, но не потрясло. Дефолт тоже не вызвал никаких особых эмоций. Упоминание про китайский капитализм под руководством компартии оставило равнодушным. Зато очень удивило хранение стабилизационного фонда в американских ценных бумагах. В общем, как ни странно, Виссарионыч удивлялся именно тому, что для нас казалось совершенно естественным.

А потом Сталин задал вопрос, которого я совершенно не ожидал:

– Скажите, Илья Николаевич, как лично вы считаете, почему после моего ухода все так пошло? Ваше мнение насчет партии я уже понял, его озвучивать больше не надо, но ведь любая организация состоит из отдельных людей. Неужели уже сейчас не осталось государственников, которые могли бы продолжить начатое?

Офигеть... Ну, блин, он и вопросыки подкидывает. И ведь наверняка у Верховного есть какие-то стратегические задумки по этому поводу. Зачем ему мое мнение сдалось? Но так как Сталин продолжал сверлить меня взглядом, то пришлось отвечать:

– Эээ... ммм... эээ...

Собеседник на эту глубокомысленную фразу прикурил папиросу и, неожиданно ухмыльнувшись, подбодрил:

– Я от вас не требую глобальных выводов, просто мне интересны ваши личные мысли. Они могут быть и неправильны, это не страшно, зато они будут только вашими. Так что прошу вас, говорите откровенно, не бойтесь...

Я кивнул, показывая, что понял, о чем он меня просит, потом, машинально схрупав печенку с вазочки, собравшись с мыслями, ответил:

– Лично мне, кажется, что все дело в команде. Нет, у вас она, конечно, есть, другой вопрос, кто в нее входит. Вы сами – отличный руководитель, который тянет на себе все, но при этом своим авторитетом давит любую инициативу. Поэтому в вашей команде собрались исключительно исполнители. Отличные исполнители, ничего не скажешь, но никак не лидеры. Каждый в своей сфере достаточно властен, но они ПРИУЧЕНЫ подчиняться. Все потому что вы, извините конечно, другого лидера возле себя ни в коем случае не потерпите. А ведь человека, которому готов доверить дело всей жизни, просто так, на улице не найдешь. Его надо выращивать и воспитывать. Как цари со своими наследниками делали. Только им гораздо хуже приходилось: лепили из того, что есть, даже если тот наследник – дебил. А вам и карты в руки – можно выбирать самому, не оглядываясь на престолонаследие. Только вот вы этого в МОЕМ времени так и не сделали... А потом Политбюро сцепилось в борьбе за власть, с тех пор и пошло-поехало...

Верховный, пока я говорил, молча разглядывал подстаканник, и было непонятно, слушает ли он вообще. Но как оказалось, слушает, потому что только я замолк, собеседник поинтересовался:

– И кого ЛИЧНО ВЫ видите в роли... кхм... преемника?

Опаньки! А разговор-то опасным становится! Я просто физически почувствовал, что у Виссарионыча при словах о наследнике, как у волка, шерсть дыбом встала. Нет, внешне он

остался таким же спокойным, только в воздухе повисло сильное напряжение. Черт! Верховный, похоже, во всем пытается найти заговор с целью своего свержения. Вот и меня, похоже, в чем-то подозревать начал. Надо его быстренько успокоить... Поэтому, пожав плечами, честно ответил:

– ЛИЧНО Я представления не имею. Ведь весь руководящий состав СССР после вашего гм... ухода остался прежним. Чем это закончилось, я уже говорил...

Ффух! Похоже, Главком убедился, что иноремянин не является проводником чьих-то интересов, и поэтому он совсем другим тоном спросил:

– А вот Лаврентий Павлович может быть таким преемником?

На это я опять пожал плечами и ответил, что Берию Хрущев расстрелял быстрее, чем он успел себя проявить. Судя по теперешней работе, генеральный комиссар – отличный хозяйственник, но вот каким будет руководителем, решить может только товарищ Сталин. Собеседнику, похоже, такой ответ понравился, и он опять резко сменил тему разговора, попросив более подробно рассказать о китайском варианте построения коммуно-капитализма. Я про китайцев в начале разговора упомянул, но тогда Верховный никак на мои слова не отреагировал, зато теперь начал задавать вопросы, на большую часть которых у меня даже не было ответа.

Почти никакого глубокой ночью меня отвезли домой. А с утра веселье началось по новой. Только вот не со Сталиным. Пришедшая машина отвезла не в Кремль и не на Лубянку, как можно было ожидать, а куда-то к черту на кулички. Я на окраинах Москвы не был, поэтому место так и не смог идентифицировать. Два очень вежливых полковника, в которых совершенно не наблюдалось военной выправки, зато присутствовали замашки профессиональных психологов, пригласили присесть в удобное кресло и – понеслось. Вопросы, уточняющие друг друга, следовали один за другим. Потом был перерыв на обед, и тщательный допрос, оформленный под беседу, пошел дальше.

Так продолжалось недели две. За это время я вспомнил, чего даже не знал, и чуть не помер от перенапряжения мозга. Поняв, что у меня при виде их ласковых физиономий начинает дергаться не только веко, но и вся щека, полковники сделали паузу. Один день я отсыпался и очухивался, а на второй пошел в ресторан, заарканил там одну из шалавистых завсегдательниц и продрал ее так, что предтеча путан утром сбежала от меня, в ужасе оглядываясь. Глядя в окно, как она враскоряку идет по проспекту, хихикнул. Я, вернувшись после моего первого долгого рейда на лошади, точь-в-точь так же себя нес. Вот мужики тогда повеселились... Потом игривое настроение пропало. Вспомнив полковников, содрогнулся и решил подстраховаться хотя бы на сегодня. У меня в казенном пронумерованном шкафчике почти целая бутылка водки есть. Сейчас приму, и мучения на сегодня отложатся. Не успел всего чуть-чуть. Только вспомнил про пузырь, как в дверь постучали, и знакомый шофер пригласил к выходу. Биомать! Какой-то я рохля стал. Соображал бы быстрее – сегодня бы еще один день отдохнуть получилось. А так выходит – сам виноват.

В беседах прошла вся следующая неделя. Причем вопросы шли по кругу. Зараза! Они что – тупые или думают, им здесь лапшу вешают, и пытаются на вранье поймать? Дело кончилось тем, что я окончательно обалдел и укусил полковника постарше, обладавшего лицом доброго доктора Айболита, за палец. А не фиг у меня перед носом им водить. Тоже мне – гипнотизер хренов. Павел Андреевич, как звали укушенного, так удивился, что сначала даже не завопил. Потом, конечно, постенал немного, но попыток ввести меня в транс так и не оставил. Только в следующий раз он пользовался каким-то блестящим кружочком на шнурке. Но, по-моему, у него ничего не вышло. Во всяком случае, я этого не помню...

А еще через декаду все закончилось. Мне разрешили отдыхать, и подполковник ГБ Лисов моментально предался развратному загулу. Правда, на четвертый день мне это надоело и стало скучно. Ходить по ресторанам не хотелось. В кино тоже не тянуло. Смотреть на бодрую довоенную жизнь колхозников желания не было. «Волга-Волга» уже стояла поперек горла. «Трофейные» типа «Серенады Солнечной долины» и «Джорджа из Динки-

джаза» тоже надоели. С большим удовольствием посмотрел только «Нового Гулливера», зато потом несколько дней в голове крутился фокстрот про «мою лилипуточку»...

Да еще и Селиванов, как назло, укатил в командировку. Поэтому я сидел на кухне и соображал, куда податься. В Кремль? Если туда сам попрусь – не поймут. В Госужас? Так что я там делать буду? Вряд ли Берия может сказать: спасибо за сотрудничество и езжайте, товарищ Лисов, в свое подразделение. Он без Сталина ничего сам не решает. То есть решает, конечно, вот только не мой вопрос. Да и вообще – неопределенность сильно прибавала. Выдоили меня почти досуха; и что дальше? Какие они шаги предпримут? Я, кстати, позавчера эксперимент провел. Погуляв в ресторации, сделал вид, что наклюкался, и ушел, не заплатив. То, что на выходе посетителя не отловили бравые официантки, говорит о том, что меня неустанно пасут. Сопровождающих я, правда, не увидел, но это только говорит о их высоком профессионализме. Так что даже задумай я сбежать – все равно не выйдет. Эхе-хех, грехи наши тяжкие... Сижу тут, как фикус в кадке, и гадаю: польют или выбросят? Да и по ребятам сильно соскучился. Мы ведь эти два года постоянно вместе были. Оставлял их максимум на неделю, а теперь, считай, месяц прошел. Зима уже вовсю началась...

* * *

Но сильно впасть в ипохондрию не дали. В субботу, часов в десять утра зазвонил телефон и меня предупредили о приходе машины. Наконец-то... Думаю, сегодня все решится. На этот раз для разнообразия повезли не в Кремль, а на дачу. Там, в большой комнате, ждали трое: Сталин, Берия и Колычев. Увидев Ивана Петровича, обрадовался ему как родному, только обниматься не кинулся. Командир, видно, тоже был рад встрече. Во всяком случае, стандартным приветствием не ограничился и руку пожал крепко. Это несколько меня успокоило. Почему-то в присутствии полковника я сразу почувствовал себя гораздо лучше. Наверное, привычное знание сработало, что Колычев своих в обиду не даст. И только потом заметил у него на погонах новую звезду. Ого! Нашему подпольному полковнику комиссара госбезопасности второго ранга дали! Так как присутствие всех этих вождей сильно стесняло, только и смог шепотом поздравить командира. Сталин дождался окончания проявления чувств и пригласил всех садиться. Потом сам поднялся и, жестом руки оставив нас сидеть на месте, как обычно, начал мотать километры по воценому паркету. В конце концов остановился напротив меня и заговорил:

– Товарищ Лисов, мы с товарищами долго думали, что нам дальше делать. Лаврентий Павлович предлагал назначить вас старшим инструктором в один из центров подготовки терроргрупп. Разумеется, вы и дальше будете именно тем самым Лисовым, которого знают многие. В смысле – Ильей Ивановичем. Нам не надо, чтобы люди сомневались в психическом состоянии Героя Советского Союза. В этом предложении есть свои плюсы. Из вас, конечно, вытащили все, что только можно, только вопросы у нас все равно могут появиться. А там – работа по профилю: вы сможете передавать свой опыт молодым бойцам, но все время будете на виду и нам будет спокойнее.

Я, выслушав это, чуть не подпрыгнул от радости. Есть! Не сажают под замок, а какую-никакую работу дают. Да пусть хоть инструктором, где пахать надо, как бобику, и выматываться физически до полного изумления. Хрен с ним, поработаю гуру – дальше видно будет. А насчет того, что вытащили все, так скажем, это ему только кажется... Несмотря на все старания полковников-профессионалов, я пару-другую козырей заначил. Нет, конечно, Лисов был искренен в своих показаниях и рассказах, но чуть-чуть не до конца. Просто подумал – не фиг все яйца в одну корзину складывать, а то я контроль над ситуацией потеряю бесповоротно и навсегда. А так еще можно будет потрепыхаться. Пока прокручивал эту мысль в голове, Виссарионич продолжал удивлять предоставляемыми вариантами:

– Но ваш бывший командир думает, что, продолжая служить под его началом, вы принесете гораздо больше пользы. С таким патологическим везением вы сможете успешно продолжать выполнение самых сложных заданий.

Верховный ухмыльнулся, заметив, как на это предложение я не удержался и даже начал кивать ему. Конечно, оно мне понравилось гораздо больше. Вернуться обратно – что может быть лучше? Вокруг все свои, а то, что пули летают, так я два с половиной года под ними ходил. Привык даже. И теперь, без этого постоянного чувства опасности испытываю легкий дискомфорт. Единственно, насторожили слова про бывшего командира. Почему это Колычев стал мне бывшим? Или они решили первый вариант в жизнь воплотить? Тогда зачем душу травят?

Виссарионыч же, помолчав несколько секунд, неожиданно предложил:

– Поэтому я решил предоставить право выбора вам. Где бы вы сами хотели продолжить службу?

Ух ты! Какой он сегодня добрый! Но вот вопросы глупые задает. Если действительно предоставляют свободу выбора, то однозначно хочу к ребятам! Так и ответил. Только все трое собеседников отреагировали странно. Сталин хмыкнул, Колычев смущенно кашлянул, а Берия тот вообще чуть не прыснул от смеха. Интересно, что я такого смешного сказал? Но вождь не дал сильно задуматься над этим и объяснил причину:

– Вы нас не так поняли. Иван Петрович на фронт больше не вернется. Он в связи с новым назначением возглавит недавно созданное управление стратегических исследований. Предугадывая ваш вопрос, сразу скажу – на его месте останется комиссар ГБ Гусев. Так что решайте, товарищ Лисов, но знайте – на передовую мы вас уже непустим.

Вот блин... Я даже растерялся. Ведь губу уже раскатал, что пацанов своих увижу скоро, а оно вона как получается... Сереге, выходит, дали генеральское звание и назначили старшим спецгруппы. Теперь понятно, почему командира называли бывшим, но все равно непонятно, как же меня раньше по-немецки тылам шустрить отпускали. Если они с первого дня знали, что я не тот, за кого себя выдаю, то какая разница – инопланетянин или гость из будущего, один хрен – такого ценного кадра могли потерять в любой момент. Или сам бы сбежал, или пуля достала... Да мало ли на фронте случайностей? Эти мысли и изложил Верховному.

– Хм...

Сталин слегка замялся, но потом, видно что-то себе решив, обратился к Берии:

– Лаврентий Павлович, это ведь в основном ваша идея была, вот вы и расскажите.

Глава госбезопасности, повернувшись ко мне, на некоторое время задумался и потом начал:

– В мае сорокового года в этом кабинете один человек, которого звали Вольф Мессинг, рассказывал о будущем. Нет, он не был пришельцем из грядущего, но его предсказания имели очень высокий процент достоверности. Только с датой он ошибся, так же как и десятки наших разведчиков. По его словам, война должна была начаться в начале мая тысяча девятьсот сорок первого года. Правда, к этому времени у нас этих дат было много. И варьировались они начиная от весны сорокового до лета сорок третьего. Причем большинство из них были дезинформацией, запущенной в основном английской разведкой. Но я ушел в сторону... так вот, Мессинг сказал, что в самом начале войны мы узнаем о человеке без имени. Причем информация о нем дойдет до нас очень быстро и напрямую. Этот человек будет из другого мира, но при этом он решит воевать на нашей стороне. Его действия и информация, предоставляемая им, будут настолько значимы, что окажут очень сильное влияние на весь ход боевых действий. Только обращаться с этим человеком надо осторожно. Если хоть немного перегнуть палку, то он просто уйдет, и ничем удержать его не получится. Арест тоже ничего не даст. То есть при аресте в конечном итоге мы получим не информацию, а труп пришельца. Вы, наверное, помните нашу попытку?

Я кивнул. Ну еще бы не помнить! Только тогда я думал, что в Москве все на голову слегка больные, поэтому арестами людей встречают и ударом по печени провожают. А оказывается... Берия, словно читая мои мысли, продолжил:

– Да, это была проверка. И она подтвердила слова Мессинга. Причем я так думаю, что если бы арест был в другое время и в другом месте, он бы также не удался.

В лучшем случае вы бы скрылись, а в худшем нам достался бы только труп «Странника». Но, скорее всего, произошел первый вариант. Вольф Григорьевич специально тогда заострил наше внимание на том факте, что если будет существовать хоть малейший процент того, что дела повернутся в нужную вам сторону, этот процент сработает. Кстати, пользуясь случаем, хочу спросить – вы всегда были таким удачливым?

От этих слов я даже растерялся. Вот уж никогда за собой особой везучести не замечал. Не то что в лотерею, в карты почти всегда проигрывал (если не мухлевал, конечно). Отчего у меня в этом времени такая пруха – сам удивляюсь. Что бы ни задумал, все происходит в лучшем виде. Не может же быть, чтобы инопланетяне, сунувшие меня сюда, могли на такую тонкую материю, как удача, воздействовать? Или могли?.. Надо будет эксперимент провести и в лотерею, если она здесь есть, сыграть. Можно, конечно, прикупить облигаций, но это лет десять выигрыша ждать надо, так что лучше лотерея. От мыслей о несусветных бабках отвлек блеск пенсне. Берия терпеливо ждал ответа на вопрос.

– Никак нет. Обычным человеком всегда был, пока к вам не попал. А здесь, действительно, сам удивляюсь, почему так выходит...

Лаврентий Павлович покачал головой и продолжил:

– Вот и мы удивляемся... Хотя Мессинг про вас много странного говорил. Над его словами, что вы не умрете до тех пор, пока не выполните то, для чего здесь оказались, по сию пору голову ломаем. Какая миссия у вас может быть?

Ну нехило! Я до этой секунды и не подозревал, что у меня помимо заморочек с попаданием в прошлое еще и задания существуют! Всегда считал, что загремел сюда случайно... За пару лет подробности разговора, происходящего в моей голове, конечно, стерлись, но точно помню, что злобные инопланетяне совершенно не ожидали моего появления в том месте. Они даже переругались между собой, споря, что дальше делать с неожиданной помехой. А тут выясняется – без меня меня женили... Крайне заинтересовавшись этим вопросом, который может многое разъяснить, недоуменно пожал плечами:

– Так вы у Мессинга и спросите! Сам я даже не представляю, о чем речь!

Прежде чем отвечать, Берия бросил быстрый взгляд на Сталина. Тот кивнул, и Лаврентий Павлович, поправив пенсне, ошарашил ответом:

– Вольф Григорьевич исчез в ночь с двадцатого на двадцать первое июня сорок первого года. Вечером зашел в свою квартиру, но утром его там уже не было. Да-да! – Видя мое удивление, Берия ответил на невысказанный вопрос: – Он исчез приблизительно в то время, когда вы появились в нашем мире. Это еще одна загадка в череде многих...

Действительно, странно... Куда этого экстрасенса из своей хаты унесло? Хотя гораздо больше меня напрягла та часть фразы, где говорилось про смерть. Сейчас вот сделаю какую-нибудь мелочь и неожиданно для себя помру, так как выяснится, что эта мелочь и была моей миссией. Знать бы хоть, в чем она заключается, но с пропажей Мессинга данный вопрос висит в воздухе. Хотя... Ошибся же этот самоисчезающий шаман насчет даты начала войны; может, и про таинственное задание тоже пургу промел? Будем надеяться, что это именно так, а то я и чихнуть лишний раз теперь опасаться буду. Верховный с минуту молча разглядывал мою задумчивую физиономию и наконец спросил:

– Так что вы решили, Илья Иванович? Или вам нужно время подумать?

– Никак нет! Прошу направить меня в группу генерал-полков... извините, комиссара государственной безопасности первого ранга Колычева!

– Хорошо, я так и думал... Вы можете быть свободны.

Когда я уже встал, он добавил:

– Скажите охране, чтобы вас довели до дома.

Это он вовремя сказал, а то я уже начал голову ломать, как до Москвы добираться. Но прежде чем уйти, решил на маленький эксперимент. Стоя возле стола, полез в нагрудный карман и, достав «корочку» порученца, выложил ее перед собой. Виссарионыч молча наблюдал за моими действиями. В глазах вроде даже одобрение мелькнуло. Мда... похоже,

эксперимент не удался и дальше продолжать пользоваться такой мощной ксивой мне не светит. С сожалением в последний раз глянув на красную книжечку, козырнул:

– Разрешите идти?

Но Сталин повел себя совершенно неожиданно. Хмуро посмотрел на меня, на стол, потом опять на меня и выдал:

– Товарищ подполковник, от ЭТОЙ должности вас никто не освобождал. Заберите документ, и, я надеюсь, в дальнейшем товарищ Колычев сможет вам наконец привить понятия армейской дисциплины!

Командир, вскочив со своего места, сделал мне страшные глаза и коротко ответил:

– Так точно, товарищ Сталин! Я эту фронтовую вольницу из него за два дня выбью!

А я на всякий случай, задрав подбородок, рывкнул:

– Виноват!

Верховный, неопределенно хмыкнув на эти обещания и покаяния, ничего не сказал, лишь жестом разрешил мне уходить.

* * *

Стоя на крыльце в ожидании машины, с удовольствием вдохнул свежий морозный воздух. Я, конечно, не знаю, чем буду заниматься в этом Управлении Стратегических Исследований, но в том, что там скучать не придется – уверен наверняка! А если учесть, что Лисов не заперт в комфортабельной камере и не пущен в распыл после всех откровений, то жизнь вообще становится прекрасной и удивительной. Хотя лично мне кажется, что усатый Вождь подозревает о недостаточной откровенности пришельца. Это по его интонациям и взглядам можно было понять. Только вот, исходя из каких-то своих интересов, он мне опять полную свободу действий дал. Не зря же «корочку» порученца приказал оставить. Да и хрен с ним! Что у Сталина на уме, все равно не понять, поэтому буду просто жить дальше!

Глава 10

Может, морду кому-нибудь набить? Или опять наших пугливых аналитиков на понт взять? Нет, морды бить не интересно, да и некому. Тут все или «ботаники», или нормальные мужики, но не моего класса. Я уже предложил создать группу силовой поддержки с собою во главе, но этот вопрос еще находится в стадии рассмотрения. Так что со спарринг-партнерами пока туго. А на понт брать опасно... Я с этими полугражданскими очкариками уже пошутил один раз. На той неделе объявил им, что в целях повышения боевой выучки завтра мы едем на полигон. А так как, разделившись на две команды, играть будем всерьез, то каждый седьмой патрон в рожке будет боевым. Поэтому дружески посоветовал получить у завхоза бронежилеты. Причем лучше прямо сейчас, а то на всех может не хватить. Кто же знал, что они идиоты и воспримут меня всерьез? Ломанулись так, что Захарыча чуть в землю не втоптали. И напрасно он твердил, что бронежилетов у нас нет... Аналитики они на то и аналитики, что, сразу просчитав общую вероятность получения пули, впав в панику, хилыми ручками начали хватать крепкого завхоза за горло. Я сначала веселился, глядя, как «ботаники» насаждают на Захарыча, словно бандерлоги на Балу, но потом, убоявшись последствий, полез с разъяснениями. Только было уже поздно... Дело дошло до комиссара второго ранга, и уже через полчаса возмутитель спокойствия стоял у него в кабинете. Колычев минут пять вертелся передо мной на пупе, а потом перешел от слов к делу. В общем, когда вышел от него, чувствовал себя как та ресторанная профурсетка. Так что ну их на фиг, этих умников высококолых...

Тоскливо вспоминая невинные фронтовые забавы, которые мы проворачивали с мужиками из спецгруппы, с ненавистью покосился на несколько папок, лежащих на столе. Зачем их мне всучили – непонятно... Точно знаю, что именно этим делом аж пятеро маститых то ли профессоров, то ли доцентов занимаются. И это не считая шушеры

поменьше. Так нет же – командир персонально озадачил. На следующий день после грандиозного втыка вызвал и вручил эти папки. Наверное, в виде наказания... Я-то думал, там будет что-нибудь типа общих рекомендаций по ведению боевых действий малыми группами в тылу противника. Рассчитывал, что все методички, существующие на эту тему, надо будет обработать и свести в одну. Ну типа работа по профилю. Щаз! Прочтя титульный лист, я вначале ни слова не понял, но, поняв, офигел и сразу побежал разбираться.

Только вот гэбэшный комиссар, помимо звания с шикарным кабинетом, обзавелся еще и секретарем. Новоиспеченный секретарь, который в миру звался Василий Кружилин, кроме чувства юмора и майорского звания, обладал еще и двумя орденами Красной Звезды. А две золотые и одна красная полосы за ранения моментально заставили учуять в нем близкого по духу человека. Проще говоря, с Кружилиным еще не скентовались, но принимались друг к другу вполне доброжелательно. Поэтому я, заскочив в приемную, на ходу приветливо кивнув майору, уже намылился было к двери. Только до нее не дошел – Вася встал насмерть и, поймав меня за пуговицу кителя, популярно объяснил, что Иван Петрович, дескать, ожидал моего прихода, но пускать запретил, поэтому топайте, товарищ подполковник, обратно на свое рабочее место. Другого бы покрыл матом и все равно прорвался к Колычеву, но с боевым секретарем спорить постеснялся и, бурча под нос, ушел вникать в эти долбанные документы.

Правда, ругался я не просто так. Титульный лист гласил: «Предполагаемые сложности и проблемы при создании на территории, контролируемой Британским мандатом, Палестины просоветского еврейского государства».

Ну где я и где евреи?! Евреев в основном видел только в виде комиссаров, прорабов да деятелей искусства. Это здесь. А в своем времени только в виде олигархов по телевизору. Других подвидов в нашем городе просто не водилось. Причем что комиссары, что олигархи добрых чувств во мне категорически не вызывали. Хоть и евреи они какие-то липовые были. Об стенку лбами при чтении молитв не бились, круглых черных шапочек не носили и кровь христианских младенцев, во всяком случае на людях, не пили. Хотя про комиссаров я не уверен... Им, по-моему, без разницы, чью кровь пить.

Настоящего, цельного и неподдельного еврея я первый раз в жизни увидел в прошлый приезд в Москву. Мне тогда Селиванов город показывал и тут навстречу чапает некто в черном. Черные ботинки, черные брюки, черное пальто и в довершение всего – черная широкополая шляпа. Я только и смог, что пихнуть в бок Игоря и потрясенно сказать:

– Смотри – Зорро!

Но потом, разглядев висящие по бокам длинной физиономии Зорро витые косички, понял, что данный кадр к легендарному мексиканскому герою никакого отношения не имеет...

Да еще на фронте сдружился с командиром разведроты из бригады морской пехоты Димкой Киновичем. Пацан – классный! Оторви да выбрось. И смелости отчаянной, и в то же время мозги на месте. А о дополнительных качествах говорит тот факт, что он лично грозил пистолетом замполиту 117-го полка, когда тот, угробив один батальон, решил пустить по его стопам и второй. Кстати, именно тогда мы и познакомились. СМЕРШевцы взяли замполита за жабры, а разъяренный Кинович кричал ему вслед, что таким прендегастам еще в детстве обрезание надо делать по самые уши. Я тогда у ротного поинтересовался, как замполиту, носящему гордую фамилию Ястребов, могли делать обрезание, или это просто пожелание обозленного Киновича? Димка популярно объяснил, что Ястребов в натуре совсем не Ястребов, а вовсе даже Шмуельсон.

– Мало того что этот шлимазл фамилию сменил, отца родного стесняясь, так еще и последней сукой себя перед людьми выставляет! У, морда жидовская!

Я только хихикнул на этот крик души, заметив, что у самого Киновича профиль далеко не греческий. Ротный нахмурился и ответил:

– Ты, капитан, жидов с евреями не путай! Из-за таких сволочей, как этот Шмуельсон, нормальные люди к нам херово и относятся! Я за Родину уже две дырки в шкуре имею да

три ордена, а этот выкрест на нашей крови себе карьеру делал...

Потом в разных ситуациях мы еще несколько раз сталкивались с Димкой и, только общаясь с ним, я понял, почему в мое время горстка евреев как хочет имеет толпу арабов. Если таких, как Кинович, у них хоть пара дивизий есть, то Арафату точно ничего не светит...

Были еще, правда, у евреев какие-то таинственные, зловредные сионисты. Которые помимо всего мира захватили газеты, радио и телеграф, а теперь активно влияют на гоев. Кстати, если встречу сиониста, точно морду начищу до неузнаваемости хотя бы за то, что слово гой вызывает во мне неприятные ассоциации с геєм. Про сионистов меня в свое время просветил крымский «язык» фон Браун. Таких страшилок понарасказывал, что я охренел. Но после прикинул, что мнение у этого фрица несколько однобокое, вот только даже если половина тех кошмаров, что он рассказывал, правда, то весь мир давно является филиалом еще не созданного Израйля.

Хотя это все, конечно, лирика. Какие сложности могут возникнуть при создании Израйля, я не представлял, зато достаточно хорошо помнил, какие проблемы у нас пошли ПОСЛЕ его создания. Хитропопые дети израилевы, получив себе историческую родину, моментально показали благодетелям ту самую, обрезанную часть своего организма и скачками понеслись в сторону Америки. То есть вместо надежного форпоста на Ближнем Востоке СССР заимел себе потенциального противника. Почему именно так произошло, я не знал, слышал только, что там всю себя проявили те самые сионисты, которые всегда были себе на уме и человеколюбием вовсе не страдали. Кстати, если слова Брауна хоть на четверть правда, то эсэсовцы из карательных отрядов по сравнению с еврейскими националистами просто дети малые и могут только нервно курить в сторонке...

Вопрос меня неожиданно заинтересовал. В смысле не проблемы создания, а методы удержания еврейского государства под крылом Союза. Взяв карандаш и чистый лист бумаги, начал по пунктам составлять план. Так... Для этого, во-первых, надо, чтобы выходцев из СССР там сразу было гораздо больше. Потом их надо защищать от обозленных вторжением арабов и говнистых англичан, которые этих самых арабов и науськивали. В-третьих, надо жестко пресекать все попытки национализма. Причем максимально жестко, так чтобы у сионистов была четкая взаимосвязь между терактом и развешиванием их лидеров на фонарных столбах.

Параллельно с этим, помимо еврейской армии, создать несколько крупных баз войск союзника для помощи этой армии. Со сроком договора на 99 лет. Роль союзника я однозначно отводил СССР. Причем любое нарушение договора так оговорить финансово, чтобы и речи о его досрочном прекращении не возникало. И самое главное, никаких его отмен «в знак доброй воли», что так любили делать советские правители. И с территорией тоже не скупиться. Раз пошла такая пьянка и все равно воевать в тех местах придется, так почему бы не отхватить под шумок какой-нибудь небольшой нефтеносный район? Там ведь куда ни ткни – везде нефть. Конечно, кроме современного Израйля. Моисей, наверное, в гробу извертелся и все локти себе обкусал. Надо же было сорок лет таскать за собой толпу евреев и в самом нефтеносном районе мира выбрать именно то место, где ею и не пахнет. Поэтому, однозначно, территорию страны обетованной надо слегка расширить...

Глянув на листок, где я набрасывал эти пункты, сразу задумался над первым. М-да... ну и как, спрашивается, сделать, чтобы евреи из Союза массово рванули на необустроенную новую родину? Какой дурак кинет квартиру в Москве или Казани и попрется в чисто поле начинать новую жизнь? Из сожженного Минска или Львова те, кто остались в живых, может, и поедут, только это тоже вопрос. Причем надо ни в коем случае не депортировать, а чтобы сами ехали и желательно с песнями. Хм... ладно, сначала туда едет армия. Тысяч десять, таких как Кинович, поедут легко. В смысле если Родина сказала надо, то солдат ответит – есть! Это и будет костяком армии. С ними, само собой, поедут семьи. Причем добровольно. Кто же сына, отца, брата, нужно подчеркнуть, одного оставит? Еще какое-то количество обычных людей тоже поедет. Многие хотят иметь такое место на земле, которое можно назвать домом и где, по умолчанию, не будет погромов. Прикинул, сколько может

получиться, и вздохнул. Тысяч восемьдесят, сто...

Черт... маловато будет. Как можно «мягко» убедить остальных? Я погрыз карандаш, потом покурил и опять уставился на листок. Мыслей не было никаких. Еще и трофейный «телефункен», отвлекая, что-то бубнил в углу про очередные достижения советской культуры. Я обычно джаз слушаю, но тут перестроил, чтобы сводку услышать, да забыл обратно колесико перекрутить. Присев перед бандурой приемника, уже взялся за ручку, как вдруг неожиданно озарило. Пропаганда! Я-то в свое время привык, что люди к любой пропаганде, начиная от рекламы и заканчивая планами правительства, относятся крайне скептически. Но сейчас ведь народ ей верит! Так, так, так...

Плюхнувшись за стол, начал писать дальше. Значит, во всех газетах и выпусках радионовостей должны постоянно говорить о героическом еврейском народе и помогающем им небольшом контингенте советских войск, изнывающих под ударами разных ваххабитов, науськиваемых английским империализмом. Стоп... ваххабиты не из этой оперы. Ну да ладно, после разберемся, под чьими ударами они изнывают. Так вот, главный упор на героическое сопротивление. С драматическими примерами и душераздирающими фактами. Чтобы мальчишки начали бредить Израилем, а общественное мнение складывалось так, что к нежелающему уезжать могли подойти и спросить – как ты так можешь? Я, русский, еду туда добровольцем, а ты, еврей, не хочешь защищать свою страну? Ты что – трус?

Так что при нормально поставленной пропаганде советское большинство в тех местах обеспечить можно. Кстати, если так все пойдет, то и дела врачей и послевоенной волны антисемитизма можно будет избежать. Хотя бы потому, что практически не останется тех, против кого эту волну гнать можно. Угу... Теперь про сионистов. Давить их надо жестко. Объявить вне закона, так же как нацистов, и преследовать, где только возможно. Достав очередной лист, задумался над планом изведения еврейских националистов в ноль...

Всю неделю просидел над своими листочками, черкая и перечеркивая. Несколько раз бегал за консультацией к «высоколобым». Те к визитам поначалу отнеслись очень настороженно, но потом, поняв, что шутки с моей стороны на время отменяются, стали давать толковые советы. Кстати, от них с огромным удивлением узнал, что сионизм не совсем то, что я думал. Это не только и не столько еврейский национализм, сколько движение за возвращение на историческую родину. Вот те, кто любыми способами, вплоть до уничтожения несогласных, призывают евреев всего мира рвануть на ПМЖ поближе к горе Сион, и есть сионисты.

Обалдеть... Это как же получается – я теперь тоже сионист? Ведь на пару с отделом «Ближний Восток» железным пинком и недрогнувшей рукой планирую запихнуть всех иудеев на историческую родину. Во бли-и-н. Кстати, получается, в этом отделе тоже сплошные сионисты сидят. А по виду и не скажешь... От такой мысли почувствовал полный душевный раздрай и, глядя в стеклянную дверцу шкафа на свое отражение по примеру героя «Ширли-мырли», мысленно примерил на себя черную еврейскую шапочку. Воображение у меня хорошее, поэтому от представленного передернулся всем телом и быстренько сбежал в маленький спортзал, который располагался возле автомобильных боксов. Попинав часа два грушу, сумел отвлечься от отождествления себя с еврейскими нацистами и смог вернуться к рабочим выкладкам.

А в понедельник, прихватив раздутую папку, торжественно поперся к Колычеву. Вася при виде меня вытарашил глаза и уставился на трубку телефона, которую держал в руке.

– Ты что – мысли на расстоянии читаешь? Я только сейчас тебе звонить хотел. Тебя товарищ комиссар госбезопасности второго ранга вызывает.

Ага! Соскучился Иван Петрович! А может, просто испугался. Лисов ведь целую неделю себя никак не проявлял. Вот он и насторожился, очередного фортеля ожидая. Стукнув пару раз в массивную дубовую дверь и не дожидаясь ответа, вошел в кабинет.

– Здравия желаю, товарищ полковник! Ой! Извините, товарищ генерал-полковник!

Это я так фрондерствовал с обращением, стараясь наедине называть командира армейским, а не гэбэшным званием. Хотя он и не возражал особо, тем более что с нового

года все эти ранги будут упраздняться и приводиться в соответствие обычным воинским званиям. Колычев, который стоял возле огромной, во всю стену карты мира, обернулся и, увидев меня, заулыбался:

– О, Илья, что-то я давно о тебе не слышал. Признавайся, чего затихарился? Опять что-нибудь незаконное готовишь?

Я на эти слова даже слегка обиделся. Пашешь тут, как конь, а тебя в каверзах подозревают... Поэтому улыбаться в ответ не стал, а положив папку на стол, хмуро сказал:

– Никак нет! Работал по вашему заданию. Вот, можете ознакомиться с результатами.

Командир, подойдя ближе, развязал тесемочки и, начав читать, только удивленно хмыкнул. Пробежав несколько страниц, глянул на меня, сказав:

– Молодец, товарищ подполковник! Очень хорошо! Но я с этим позже ознакомлюсь, а сейчас вызвал тебя по другому поводу. Ты помнишь, в сорок втором, в Крыму, немецкого танкиста пытался завербовать? Я тогда еще сказал, что более худшей попытки и представить себе трудно...

Ха! Еще бы не помнить. Я этого наивного «африканца» в расход не пустил чисто из жалости. Уж очень он не от мира сего был, несмотря на Железный крест на пузе. Немчик, в Африке, воюя с англичанами, всю себя рыцаря изображал и, приехав в отпуск к брату на Восточный фронт, полностью охренел от увиденного. Да и по-русски этот потомок Гогенштауфенов болтал достаточно свободно. Вот мы с ним сначала пообщались, а потом у меня рука не поднялась его резать. Я сделал вид, что его вербанул, он сделал вид, что согласился с вербовкой, и мы разбежались. Поэтому, пожав плечами, ответил:

– Конечно, помню. А что, неужели эта царская морда на связь вышла?

– Гельмут фон Браун, или, как ты выразился, «царская морда», на связь вышел почти два месяца назад – еще в середине октября.

– Во как! А мне почему не сказали?

Колычев на глупый вопрос даже отвечать не стал и продолжил:

– За это время очень многое изменилось. Если вначале он выступал от небольшой группы своих друзей и родственников, то теперь через него на нас вышли очень серьезные люди. Несколько ведущих промышленников и часть генералитета Германии. На прошлой неделе, как ты знаешь, наши войска перешли границу СССР уже на всем ее протяжении. Блокирование Румынии и вывод ее из войны – дело даже не месяцев, а недель. Финляндия также собирается подписать с нами договор. Видно, все это немцев сильно подстегнуло к форсированию переговоров. Но фон Браун настаивает на присутствии в переговорном процессе некого «Колдуна», с которого у него все и началось. Браун к сегодняшнему дню обладает уже достаточным весом, так что проигнорировать его просьбу мы не можем.

Иван Петрович прошелся по кабинету и наконец, выложив пачку папирос на стол, предложил садиться. Закурив, он некоторое время молча смотрел на меня, а потом раздраженно спросил:

– Что ты ему тогда такого наплел, отчего этот аристократ к тебе как к пророку относится? И остальные с его легкой руки тоже... Мы бы, конечно, могли проигнорировать и эту просьбу, да и вообще переговоры, но в случае их удачного завершения речь пойдет о сохранении жизней сотен тысяч, если не миллионов наших солдат.

Фигассе! Вот это номер! Слегка обалдев от этих цифр, поинтересовался:

– А о чем переговоры?

– Они готовы в случае их удачного завершения самостоятельно убрать Гитлера и его верхушку. А также вести предварительный разговор об условиях капитуляции Германии. Вот так вот... Так что ты тогда сказал этому танкисту?

– Ничего особенного. Чуть-чуть предсказал будущее его страны и еще немного приврал при этом. Да я уже не помню точно! Сколько времени прошло!

Колычев катнул желваками и очень убедительно сказал:

– Придется все вспомнить. И желательно дословно. От этого слишком многое зависит.

И я, почесав начавший обрастать затылок, стал вспоминать, что же тогда буровил

слегка помятому «языку».

* * *

– Прощайте, скалистые горы, на подвиг отчизна зовет! Мы вышли в открытое море, мать его! В суровый и дальний поход...

– Бе-е-е!

Крепко держась за поручни «Звезды Дамаска», я, опасно свешиваясь за борт, активно стравливал в серо-свинцовые волны остатки обеда. А ведь вначале себя как огурчик чувствовал. Что вчера вечером, что сегодня утром... Наверное, обеденная баранина была несвежая. Точно! При воспоминании о жирном, пахучем мясе, нырнул за поручни так, что стоявший рядом и страхующий занемогшего переговорщика Олег Михеев из группы сопровождения попытался ухватить меня за шиворот и спасти от падения в Средиземное море. Я только ногой дрыгнул, показывая, что выпадать не намерен, но и помехи в таком важном деле, как «травля», не потерплю.

М-да... Всего через час после обеда многоопытный Санин, видя мою зеленую физиономию, посоветовал выйти на палубу и подышать воздухом.

– Лучше, конечно, песни петь во все горло, это очень помогает при морской болезни. Только сам понимаешь, по русски петь тут не рекомендуется. Да и по-немецки тоже... Поэтому просто глубоко дыши.

Сам Артем Сергеевич, крепкий мужчина лет пятидесяти, с внешностью английского лорда, на качку никак не реагировал. Свежепобритый и пахнущий одеколоном, глава советской тайной делегации вообще производил впечатление человека, который и в открытом космосе без скафандра будет чувствовать себя комфортно. Я с дипломатами такого ранга еще не сталкивался, но уже через час общения с Саниным готов был ходить за ним хвостиком и ловить каждое слово. Во где умнейший мужик! По-моему, нет таких вещей, которых он не знает и не может квалифицированно о них рассказать. В общем, восхищение Советским дипломатическим корпусом в лице Санина, у меня просто зашкаливало. Чувствовалось, что этот человек фрицами на переговорах будет вертеть, как захочет. Особенно когда каждое его слово подкреплено танковыми армиями, неудержимой волной накатывающими к границам Третьего рейха. Поэтому, безропотно последовав совету старшего товарища, я выперся на палубу и начал там дышать. Да что там дышать! Я даже беззвучно пел, широко раскрывая рот. Сначала вроде даже помогло, вот только неожиданное воспоминание о вареной баранине свело все усилия на нет. Хорошо, успел себя до поручней донести, не расплескав. А ведь как романтично все начиналось...

Высшее командование, взвесив все за и против, все-таки решилось выпустить меня во Францию для переговоров. Разумеется, не на первых ролях. И даже не на вторых... Все беседы должен был вести Санин с помощником. Моя же миссия была, как у Кисы Воробьянинова во время создания «союза меча и орала» – вовремя шевелить бровями и надувать щеки. Нет, и меня, конечно, накачали по самое «не могу» возможными вариантами вопросов и ответов, только активное участие Лисова в переговорном процессе все равно не планировалось.

По словам Колычева, Сталин, узнав, что именно я говорил фон Брауну и на что немцы теперь рассчитывают, долго ругался по грузински. Но потом успокоился и стал соображать, что можно сделать в такой ситуации. В конце концов даже повеселел и к тому времени, когда меня вызвали к Главкому, уже составил план действий. От Лисова в данном случае требовалось многозначительно молчать в тряпочку и только подтверждать свои ранее сказанные слова о зверствах англичан и французов. А также о том, что Германия, несмотря на все, что натворила на территории Союза, может восприниматься в дальнейшем как партнер. Разумеется, после соблюдения всех условий договора, который им озвучит глава миссии.

Несколько дней с Берией и Иваном Петровичем разбирали, что и как я буду говорить,

если спросят. А потом, уже в Кремле меня представили главе советской делегации Санину. Высокий, худощавый, в отлично сидящем костюме он производил сильное впечатление. Во всяком случае, таких франтов в этом времени я еще не видел. Глядя на него, сразу представлялись графы, сэры, званные балы, светские рауты и высочайшие приемы. Но Верховный к этому «графосэру» относился весьма уважительно и через полчаса разговора я понял, почему. Артем Сергеевич уверенно оперировал цифрами, фактами, событиями и прогнозами. Причем без всяких шпаргалок. Было видно, что человек действительно знает, о чем говорит. В общем, Санин мне понравился.

А после разговора в Кремле я был отвезен в спецчасть ХозУ при НКВД. Там сухопарая строгая дама, глядя на которую можно было с уверенностью сказать – «из бывших», подобрав мне штатскую одежду, в темпе начала обучать основам приличного поведения и политеса. Потерпев минут двадцать, я в конце концов не выдержал:

– Мадам, не надо думать, что я буду ковыряться в носу и отрывивать за столом. Да и званых обедов там тоже не намечается. А в какой руке держать нож или вилку, знаю с детства. Поверьте – не от сохи к вам попал. Так что эту часть можно пропустить.

Дама, приняв слова к сведению, посмотрела на меня уже другими глазами. Я в ответ на этот взгляд, встав по стойке смирно, в стиле белогвардейских офицеров щелкнул каблуками и коротко наклонил голову. Она усмехнулась, чему-то вздохнула и перешла к шмоткам. Вот тут мы с ней и поспорили.

– Какой ужас, товарищ Лисов, как вы завязали галстук? Это что за неимоверная длина?! Дайте я перевяжу.

Посмотрев, что получилось после перевязки, только скривился. Возможно, это, конечно, и модно, но носить галстук шириной с хорошую портянку и заканчивающийся на ладонь выше пупа, мне было в падлу. Поэтому, сдернув этот кошмар, я, как можно мягче, но убедительно сказал:

– Таисия Львовна, дайте мне самый узкий и длинный из всех ваших галстуков. И костюм, если можно, поменяйте. Я и так не березка, а в этом двубортном вообще смотрюсь как тяжелый танк.

Дама начала вякать, но когда я, перемерив кучу шмотья, уже устал и был готов согласиться с ее доводами, неожиданно прекратила издевательства. Отойдя от меня шага на четыре, прищурилась и с удивлением произнесла:

– Очень необычную вы подборку сделали. Непонятно как, но все сочетается друг с другом. Чувствуется даже какой-то стиль...

А я просто попробовал одеться максимально приближенно к тому, как это было принято в моем времени. Только галстуком Таисия Львовна опять осталась недовольна. Смирившись с длиной, она была не удовлетворена способом ношения:

– Илья Иванович, с ослабленным узлом и расстегнутой верхней пуговицей вы, извините, смотрите – как шаромыжник. Так что, пожалуйста, исправьте это...

Потом, склонив голову набок, улыбнулась:

– Ну вот видите – очень приятный молодой человек. Теперь давайте займемся верхней одеждой.

От этих слов я обессиленно плюхнулся на стул, но деваться было некуда и пришлось продолжать мучения дальше...

* * *

До Нового года оставалось меньше двух недель, когда вся наша команда загрузилась в самолет и двинула в сторону Ирана. В Тегеране была еще одна пересадка, и почти через сутки пути, в Бейруте, мы сели на пароход, идущий до Марселя. По пути несколько раз меняли документы и теперь представляли собой группу коммерсантов из Парагвая. На каком языке там народ изъясняется, я даже боюсь предположить, поэтому на людях старались молчать или говорить по-английски. Английский я знал достаточно хорошо, хотя, как сейчас

выяснилось, уже хуже, чем немецкий. На языке противника, который выучил за эти два с половиной года войны, лопотал достаточно бодро и даже, как говорил Гусев, прослеживался легкий силезский акцент. Откуда он у меня взялся, ума не приложу, но попади я сейчас в немецкий госпиталь, совсем уж контуженного из себя мог не корчить. Хотя с другой стороны, тот же Серега после упоминания об акценте уточнил, что некоторые фразы я строю очень хорошо и правильно, а в некоторых случаях меня почти невозможно понять. То есть сам считаю, что шпарю высоким слогом, но собеседник, знающий язык, внутренне ухохатывается, слушая мои изыски. Правда, я от этого не сильно расстроился – стихов на языке Гете мне не писать, а непонимающему противнику всегда могу вбить свою точку зрения рукояткой пистолета по башке.

...Все. От обеда, похоже, избавился окончательно. Мутило еще достаточно сильно, но, смачно сплюнув последний раз в мировой океан, решил вернуться в каюту, так как устал от этой рыгачки основательно. Подняв воротник пальто, пошел вдоль длинного бокового прохода на палубе, по пути старательно обходя таких же, как и я, бедолаг, перегнувшихся за леера и тщетно взывающих к Ихтиандру. Когда пришел в каюту, неожиданно отпустило и, немного повошкавшись на узенькой койке, получилось уснуть.

* * *

А наутро наша замызганная лайба, гордо претендующая на звание парохода, уже входила в порт Марселя. Волнение на море успокоилось, и теперь, по мере приближения к берегу, все сильнее чувствовался запах мазута и рыбы. Чайки мерзко орали, проносясь над самой головой, и Санин, бросив взгляд на небо, посоветовал встать под навес. Там уже кучковались какие-то арабы в европейских одеждах и европейцы уголовного вида, в намотанных на шею куфиях. Тоже, видать, опытные – не в первый раз тут появляются, вот и расположились в укрытии. А человек десять французов показали себя полными лохами и, не спрятавшись в укрытие, подверглись прицельной бомбардировке со стороны чаек. Лягушатники и так галдели, как макаки, но тут вообще начали вопить что-то матерное в полный голос и моментально разбежались по каютам – чиститься. Некоторые фразы, возносимые гордыми галлами морским птичкам, мне и так были понятны, без перевода. Дьябло – это черт. Мерд – дерьмо. Кес ке тебе – какого хера. А вот что может обозначать таинственное – аз кучон? Чтобы долго не ломать голову, поинтересовался у командира:

– Господин Салье, а что это такое – аз кучон?

Франциск Салье, которым после всех превращений стал Санин, ухмыльнулся и ответил:

– Эйр кошен, это – летающая свинья.

Угу... Понятно. Подивившись бедности матерных выражений французского языка, на всякий случай встал поглубже под натянутую парусину и продолжал наблюдать за приближающимся берегом...

Мы сошли с парохода в числе последних. Немецкий таможенник с каменным выражением лица сверил фотографию на паспорте с моей физиономией, поинтересовался причиной приезда и шлепнул штамп, сказав:

– Господин Кольем, добро пожаловать во Францию.

Кивнув чиновнику, подхватил свой чемодан и двинул к нашим, которые собирались возле выхода. Пока шел, пытался вспомнить, сколько раз за последнее время менял фамилии. Но запутался и плюнул, решив, что быть Себастьяном Кольемом тоже неплохо. Хуже, если бы я стал каким-нибудь Хулио Пердильо... С другой стороны, тогда имя можно было бы показывать жестами. Ухмыльнувшись этой мысли, дошел до ребят, и мы, дождавшись Санина, который проходил таможеню последним, пошли ловить мотор. Таксисты шустро развозили приехавших, и парагвайские бизнесмены, загрузившись в две машины, поехали к гостинице «Пасифик», которая, зараза, как выяснилось, была у черта на рогах. Правда, расплатившись с водителями, Санин в гостиницу нас не повел, а уверенно двинулся к

автобусу, возле которого тусовался немецкий гауптман. Артем Сергеевич что-то вполголоса сказал фрицу, и тот, резко оживившись, пригласил всех загружаться. Водитель тоже был не гражданский и, дождавшись, когда все рассядутся, плавно двинул «мерседес» с места. На выезде из города к нам пристроились два мотоциклиста, и я почувствовал смутное беспокойство. Но гауптман утешил, сказав, что это просто мера предосторожности. Извиняющимся голосом добавив:

– В последнее время бандиты все чаще начали нападать на наши одиночные машины. Поэтому конвой будет не лишним.

Я очень этому удивился. Сначала представил себе экзотично одетых людей, вооруженных мушкетами и шпагами, выскакивающих из-за деревьев с требованием – «жизнь или кошелек!?!». Но потом понял, что с фрицем мы просто разошлись в терминологии. Уточнил:

– Бандиты – это макизары?

Гауптман покраснел, кашлянул и подтвердил:

– Да, они себя и так называют. Маки или бойцы Сопротивления...

Потом невнятно извинился и сбежал поближе к водителю. Надо же – засмутился офицерик. Понял, что ляпнул не то, вот и свалил от греха подальше.

Еще немного поглядев в окно на кукольные пейзажи, я подсел к Санину и поинтересовался, куда мы катим.

– Сейчас едем в Авиньон, это город на юге Франции, недалеко отсюда. А потом в Оранж. Они рядышком находятся, оба в провинции Прованс.

Ититская сила! Как там Боярский пел – «Бургундия, Нормандия, Шампань или Прованс, и в ваших жилах тоже есть огонь»... М-да... Кто бы знал... Я и в прошлой жизни во Францию так и не съездил, все больше на югах отдыхая. А уж в этом времени пройтись по следам всех четырех мушкетеров даже не рассчитывал...

Конечная цель путешествия была известна только Артему Сергеевичу, и теперь я фигел от экзотики одних только названий. Другой вопрос, а этот Оранж – далеко? Поерзав, опять полез с вопросами к старшему. Оказалось, что он расположен километрах в десяти от Авиньона. Там находится штаб корпуса генерала Гальдериха, который и являлся, так сказать, обеспечивающей стороной.

Я почему-то вообразил, что все в его штабе и будет происходить. Ну если заговор генералов, то где же еще? Не в кабаке ведь, в самом деле, переться для переговоров. Это же не российских генералов заговор... Но оказалось, все проще. В штаб нас, конечно же, не повезли. Пропетляв по узким оранжским улочкам, остановились возле симпатичного двухэтажного домика, который оказался гостиницей. Хозяйка – пожилая пухлая француженка, распространяя вокруг себя запах ванили, корицы и прочих вкусовностей, была предупреждена о нашем приезде. Она, пытаясь говорить по-английски, приглашала господ из Южной Америки располагаться в номерах и выходить через час к ужину, который к появлению гостей сварганила собственноручно. Английский у нее правда был такой, что мы больше догадывались о том, что она говорила. Но про «пожрать» я понял сразу и безошибочно. И, похоже, не только я. Все моментально заулыбались и начали нюхать воздух, а потом, резво похватав барахло, двинули за хозяйкой-кормилицей на второй этаж – расселяться.

М-да... Европа, блин, а горячей воды нет. Причем, что характерно, ее и не предусматривалось. Кран был только с одним барашком. Растерянно посмотрев на так называемую ванную комнату, с тоской вспомнил наши бани, которые даже на фронте присутствовали регулярно. Поминая нехорошим словом всех европейцев скопом и французов в частности, разделся, и нырнул под струю воды. Е-е-е-п! Я вылетел из ванны с такой скоростью, что даже намочить толком не успел. Маму вашу через шпиндель! Холодно! Покрывшись гусиной кожей, топтался, оставляя мокрые следы и соображая, что же делать дальше. Но мыться все равно надо, поэтому, переведя дух, с ненавистью посмотрел на кран, готовясь ко второй попытке.

Тут в дверь постучали. Завернувшись в полотенце, разрешил войти. Думал, кто-то из наших приперся, а оказывается, это худой и мелкий старикашка-француз с давешним гауптманом ко мне ломятся. Старикан, удивленно глядя на задрапированную тушку, говорил, а фриц переводил, что они сейчас, для того чтобы господа бизнесмены могли помыться с дороги, дадут горячую воду и чтобы я наполнял ванну. От этих слов меня чуть кондрашка нехватила. Ну паразиты, и где, спрашивается, раньше с этими новостями были?! Хотя тут я сам виноват... Правда, даже не двинув бровью, невозмутимо кивнул, как будто давно знал про все сантехнические заморочки, и, гордо задрав нос, пояснил, что для поднятия общего тонуса организма привык перед обычной помывкой принимать ледяной душ. Немец на это только уважительно покрутил головой и, напомнив про ужин, пошел дальше. А я рванул в эту долбаную ванну – греться.

На ужин было много разных вкусняшек, но все микроскопическими порциями. Вспомнив инструктаж, не стал требовать побольше хлеба. Оказывается, только наши много хлеба за столом едят, а всем остальным, чтобы покушать, достаточно крохотного полупрозрачного кусочка.

Э-э-эх! Немочь тараканья! Даже в этом у них все не как у людей.

А после вечернего перекуса за нами пришла машина. Длинный, как лимузин, «хорьх» черного цвета. Санин, его компаньон и я загрузились в пахнущий кожей салон и покатали на первую встречу с фрицами. Ребята из охраны остались в гостинице балдеть и отдыхать. Я им тут же начал завидовать, так как изображать из себя Воробьянинова мне было не комильфо. С другой стороны, находиться на таких переговорах достаточно интересно, даже в виде статиста. Было часов десять, когда доехали до небольшого особнячка и, пройдя через грамотно организованную охрану, оказались в конференц-зале. Ну это я его так обозвал, а в натуре это была просто здоровенная комната с камином, огромным столом и большим чучелом земли – глобусом, стоящим в углу.

Нас уже ждали. Высокий сухощавый немец в генеральском мундире поприветствовал вошедших и, предложив садиться, представил присутствующих. Длинный оказался тем самым Гальдерихом, который и являлся хозяином. Еще один генерал – фон Либиц – был из генштаба. Двое гражданских являлись делегатами капитала. А в частности – Крупа, Тиссена, «ИГ Фарбениндурии» и Боша. Как они вдвоем могли представлять всех германских промышленных монстров, я не понял, но, вспомнив знаменитого Труффальдино, перестал заморачиваться на эту тему, тем более что пятым был представлен мой старый знакомец – Гельмут фон Браун. Эта царская морда щеголял уже в погонах оберст-лейтенанта и за время, прошедшее от нашей последней встречи, наел себе неплохую шайбу. Увидев меня, Браун расплылся в улыбке и руку пожал как другу старинному, правда все время косился на одного из гражданских, по фамилии Гаусс. Я это себе на заметку взял. Уж очень физиономия у Гельмута была многозначительная, когда мы с ним здоровались. Что-то он этому Гауссу явно рассказал и теперь обращал его внимание на меня.

С чего бы вдруг? Видно, не совсем это обычный гражданский... Когда уселись за стол, шепнул о своих наблюдениях Санину. Тот, улыбнувшись, тихо ответил:

– Не суетись, я знаю.

Что именно он знает, так и осталось невыясненным, так как начались сами переговоры.

Сначала Гальдерих толкнул речугу, в которой выражал радость оттого, что эти переговоры вообще состоялись, и выразил надежду на то, что делегаты сумеют прийти к соглашениям, устраивающим обе стороны. Потом высказался Артем Сергеевич. Он почти повторил слова генерала, но, по-моему, более красиво. Дальше стороны начали потихоньку прощупывать позиции друг друга. Фрицы осторожно интересовались суммами репараций и по каким критериям мы будем составлять списки военных преступников. Грозит ли Германии полная советизация или, может, все обойдется малой кровью. Что будет с частной собственностью? И насколько широко в бывшем Третьем рейхе будет актуальна идея «экспроприации экспроприаторов»?

Санин отвечал уверенно, вежливо улыбаясь, но все возражения немчуры давил с

мощью асфальтового катка. Фрицы только пищали, как лягушки под бегемотом, но против логики и реалий сильно возражать не могли. Они были людьми трезвомыслящими и словам Геббельса о том, что нога вражеского солдата не ступит на территорию Германии, уже не верили. Хотя бы потому, что эти ноги, обутые в хорошие сапоги (Сталин постарался приодеть армию, чтобы не ударить в грязь лицом перед Европой), уже всю топали по землям, находящимся за границей СССР. А террористические Прибалтийских и Белорусских фронтов даже начали шалить на территории Восточной Пруссии. Гитлера, говорят, после их первых диверсий в тех местах чуть удар не хватил, и, показывая генералитету свое недовольство, он сожрал половину ковра в рейхсканцелярии. Так что хоть капитуляция и планировалась на определенных условиях, но вот рамки этих условий были очень узкими. Совершенно ни у кого не оставалось сомнений, что Германию мы дождем, причем до осени следующего года. Вопрос в основном стоял только о сохранении жизней тех людей, которым еще предстоит погибнуть. Я не знаю, сколько наших ребят полегло в последний год войны в моем времени – один, два миллиона, но сегодняшними переговорами необходимо было свести цифру потерь до минимума.

Особенно обидно, что уже все было ясно, но вот фрицы сопротивлялись с яростью загнанной в угол крысы. Под Кенигсбергом, это я из мемуаров знаю, отстреливались уже стоя по пояс в воде, но не сдавались. И дрались уже вовсе не за Гитлера, а за свои семьи. После того, что они натворили у нас, немцы были твердо уверены, что русские всю Германию в блин раскатают и превратят в безжизненную пустыню. Только вот менталитет славянский при этом не учитывали... Ну не воюем мы с побежденным противником, нет у нас этого в крови. Даже у человека, потерявшего всю семью из-за войны, рука не поднимется зарезать безоружную немку или пристрелить ребенка. Это он сейчас, себя яростью накачивая, может представлять, что сделает со всеми гитлеровскими выкорышками. Но когда до дела дойдет, когда перед ним будет стоять какая-нибудь тетка с ребятишками, то он максимум плюнет и уйдет. А еще вернее, поделится с ней продуктами из тощего солдатского сидора.

Поэтому, когда прозвучал вопрос о возможных массовых репрессиях населения Германии, Санин спокойно ответил, что никакого геноцида немцев со стороны СССР не будет. А когда немцы захотели гарантий, ответил:

– Наши танки возле Рейхстага могут являться самой надежной гарантией. Но когда они там встанут, капитуляция будет только безоговорочной! А в том, что советские войска войдут в Берлин, ни у кого уже сомнений нет. Вы прекрасно осведомлены, как складывается ситуация на фронтах. Но сейчас у нас еще есть шанс спасти миллионы жизней с обеих сторон. Именно поэтому наше правительство приняло решение к ведению переговоров. И еще хочу напомнить, что СССР, заключив договор, всегда соблюдало его дух и букву. В отличие от некоторых мировых держав, моя страна никогда не отступала от принятых на себя обязательств.

Как он фрицев мордой ткнул! Это Артем Сергеевич им про договор Молотова-Риббентропа напомнил, который фюрер похерил в одностороннем порядке. Немцы только закричали, но возразить было совершенно нечего. Чтобы несколько сгладить возникшую паузу, Гальдерих предложил сделать перерыв и слегка закусить. С нашей стороны возражений не последовало, и в зал занесли подносы с напитками и бутербродами. Но я к бутерам не пошел, а поймав фон Брауна под локоток, отвел его к камину. Глядя на вежливо улыбающуюся физиономию Гельмута, не менее вежливо спросил:

– Ответь-ка мне, любезный друг, на один вопрос...

Подполковник кивнул, и я, резко сменив тон, продолжил:

– Какого черта ты меня вытащил на эти переговоры? Или ты думаешь, мне очень интересно, как именно бывший Третий рейх собирается лечь под победителя? Так я знал, что это случится еще задолго до начала войны. И тебе, кстати, про это сказал. Но так как детали капитуляции сейчас обсуждают компетентные люди, то возникает тот самый вопрос – для чего Я тебе понадобился? Учти, в политику «Колдун» старается не лезть, и не надо его на это

толкать. Я ведь могу рассердиться, и тогда события выйдут из-под контроля, а от Германии не останется ничего, кроме нескольких строк в учебниках истории... Ну, зачем хотел встречи?

Набывчившись, я смотрел в светло-синие, растерянные глаза Гельмута. Похоже, понт удался. Во всяком случае, сыграть раздражение у меня хорошо получилось. Эх, и задаст мне Санин, если задумка не выгорит! Хотя этот вариант и предусматривался при подготовке, но должен был пройти несколько по-другому – согласно всем протоколам. Но разводить долгие антимонии я не умею и поэтому решил довериться интуиции. Так что теперь Артем Сергеевич, который был совершенно не в курсе моего демарша, издали удивленно поглядывает на беседующую парочку. Да и не только он. Гаусс тоже внимательно следил за нашими перемещениями. Кстати, именно из-за этого человека в цивильном прикиде я и затеял разборку с Брауном. У меня все нутро вопило, что, во-первых, он не тот, за кого себя выдает, а во-вторых, именно он и является среди немцев главным, хоть и сидел всю дорогу скромно в уголке. Браун растерянно оглянулся, видно, затрудняясь с ответом, но я, раздраженно хмыкнув, посоветовал:

– Ты не крутись, а отвечай.

Немец, кашлянув, осторожно ответил:

– Видите ли, господин Иванов (когда шло знакомство, меня представили фрицам этой самой распространенной русской фамилией), я вовсе не хочу втягивать вас в политику. Просто при первой встрече вы мне показались настоящим солдатом и человеком чести. Вот я и хотел именно для себя уяснить, что же может ожидать мою Родину в ближайшем будущем. Конечно, договариваться – это дело дипломатов, но я думаю, что разговор с вами поможет мне определиться с окончательным выбором позиции...

– Та-а-к... То есть ты для себя еще ничего не решил?

И если мои слова тебе не понравятся, то за любимого фюрера умереть готов?

Гельмут отрицательно мотнул головой, сказав:

– Для себя я все решил, поэтому и связался с Советским командованием. Но сейчас решается судьба моего народа и я, как потомок древнего рода Гогенштауфенов, не могу сделать ошибку. – Подполковник помялся и продолжил: – Я и мои люди не сомневаются в вашем даре предвидеть будущее. И когда в начале сорок второго вы рассказывали о массовых бомбардировках наших городов, о создании фольксштурма, о тотальной мобилизации, я почему-то поверил сразу. В рассказ об английских концлагерях тоже поверил, зная, что они их еще с Англо-бурской войны практикуют. Но вот когда вы говорили про зверства англо-американских войск относительно мирного населения, у вас глаза стали другими. Извините... ТОГДА я в это не поверил. И до последнего времени думал, что, скорее всего, мою страну ожидают неслыханные репарации, фюрер и его окружение будут подвергнуты суду, а от Германии в пользу стран победителей, как и после Версальского договора, отойдет еще часть территорий...

Я только носом на это покрутил. Ну надо же, какие фрицы прозорливые пошли. Даже потерю части страны предусмотрели. А так как Браун после своих слов пялился на меня в ожидании ответа, сказал:

– Вообще-то вы, со своими товарищами, мыслили в правильном направлении. Только упустили несколько нюансов. У Германии не просто заберут часть земель, а разделят ее по числу союзников на четыре части. Причем это будет не наша инициатива – Черчилль решит навсегда обезопасить свой остров от претензий с востока и продавит эту идею. Так что больше половины территории Германии отойдет к СССР. Английская и американская зоны оккупации со временем сольются в одну. А вот французская... Как ты думаешь, простят они вам Эльзас и Лотарингию? Так что французской Германии просто не будет, а будут новые земли Франции, с которых изгнали или ассимилировали всех бошей. Но даже не это главное. Главное, что на своей части Германии союзники приведут в действие план Моргантау. А, так ты про него уже слышал? Ну и как тебе?

Немец только желваки катнул, а я вспомнил, как сам озвезденел, когда при подготовке

к переговорам мне дали прочесть этот документ, состряпанный министром финансов США. Причем озвезденел – это очень мягко сказано. Единственно, что тогда смог, ошарашенно посмотреть на Колычева и на всякий случай отмазаться:

– Я тут ни при чем! Тогда это все придумал просто так, фрица попугать! И американцам точно эту идею не подкидывал. Да я вообще ни с кем из союзников и не сталкивался, вы же знаете!

Иван Петрович, видя, что я не на шутку заволновался, успокоил, сказав, что иногда самые мрачные пророчества имеют свойство сбываться. В моем времени этот план, судя по всему, не прошел, поэтому я про Morgентау и не знаю, но сейчас он разрабатывается союзниками как основной. М-да... Не позавидуешь фрицам. То-то они так резко на переговоры решились. Видно, как только немецкая разведка подсуежилась и копию этого людоедского замысла донесла до своих, тут-то их и заколбасило... А задумка была наподобие той, что америкосы хотели сделать с моей Родиной в будущем. То есть полное раздробление страны, превращение ее в абсолютно аграрную и отсталую банановую республику. Ну и, конечно же, геноцид населения, куда ж без него. Только у немцев вроде даже планировалась принудительная кастрация. Этот момент был описан несколько смутно, поэтому я его не совсем понял, но искусственное сокращение рождаемости предусматривалось точно. А планировалось все преподнести как наказание Германии за нацизм. Ну чтобы обычные люди не начали проводить параллели между гитлеровским режимом и действиями американцев. Так сказать для успокоения общественного мнения... Поэтому сейчас я и уточнил у оберст-лейтенанта:

– Так какой тебе план больше нравится? Наш или союзников? А может, ты просто боишься, что мы, пообещав одно, будем делать другое? Но СССР, как уже говорили, всегда соблюдает принятые на себя обязательства.

Браун слушал меня внимательно и, когда я замолк, напряженно сказал:

– Вот именно это я и хотел бы с вами обговорить.

– С нами – это с нашей делегацией?

– Нет, именно с вами, господин Иванов.

– Так о чем разговор? Заходи завтра в гостиницу, прогуляемся, поговорим!

«Царская морда» от такого предложения настолько опешил, что несколько секунд мог только молча хлопать глазами, но достаточно быстро взял себя в руки. Очередной раз оглянувшись, немец предложил:

– А если к нам присоединится еще один человек, вы не будете возражать?

Знаем мы, что за хмыря ты хочешь привести на беседу. Не зря же все время на него оглядываешься. Ох и не простой человек этот Гаусс. И с глазу на глаз с ним разговор совершенно не хочется вести. Пусть этим Санин занимается, а я уж как-нибудь с оберст-лейтенантом сам поговорю. Так и ответил:

– Буду. От вашего Гаусса просто воняет деньгами и интригами. А я человек прямой, вы же не забыли. – Я подмигнул Гельмуту. – И как солдат с солдатом готов разговаривать только с вами.

Фриц удивленно пожевал губами и поинтересовался:

– А как вы догадались, что это будет Гаусс?

Я только презрительно хмыкнул, а собеседник понятиливо закивал, типа ну конечно, как же до него сразу не дошло, он ведь с провидцем разговаривает...

Подойдя к нашим, напоролся на твердый взгляд Санина. Он вопросительно шевельнул бровью, но я только слегка поморщился и махнул рукой – мол, ничего особенного. Артем Сергеевич нахмурился, но все уже рассаживались и беседа с дипломатом автоматически отложилась на потом.

Вторая часть переговоров мало отличалась от первой, и часа в два ночи мы решили взять тайм-аут и продолжить переговоры завтра.

Пока ехали в гостиницу, Санин молчал как партизан, только иногда поглядывая в мою сторону. Зато когда приехали, он, пропустив всех внутрь, остановил меня возле порога и,

подхватив под руку, потащил к маленькой скамейке, стоящей через дорогу. Усевшись, поставил трость между колен и спросил:

– Ну, Илья Иванович, а теперь рассказывайте, что за внезапный разговор у вас произошел с фон Брауном?

Я сел рядом и, закулив довольно неплохую французскую сигарету, стал рассказывать... Когда закончил, Артем Сергеевич, пару минут помолчав, уточнил:

– Значит, вы собираетесь встретиться с ним сегодня днем?

– Но ведь именно для этого он и настаивал на моем присутствии...

– Тогда дальше продолжайте действовать в том же ключе. Выстраивайте разговор по принципу беседы старшего с младшим. Он вам жизнью обязан да плюс верит, что вы не совсем обычный человек. Причем настолько необычный, что Браун должен к вам относиться с нескрываемым пиететом. Пусть это и случайность, но вы в свое время смогли очень точно спрогнозировать будущие события. Ставя себя на место оберст-лейтенанта, даже я не знал бы, как себя вести с таким пророком. А немцы все склонны верить в сверхъестественное, так что немного мистики не повредит в переговорах с тевтонцем. Только постарайтесь не отклоняться от заранее разработанных вариантов.

– Постараюсь... Кстати, вы не знаете, кто этот Гаусс? Мне кажется, за ним стоят не только промышленники.

Санин хмыкнул, одобрительно посмотрев на меня, и ответил:

– У вас очень хорошо развита интуиция. Как вы его сразу вычислили... Видите ли, в чем дело – в Германии всегда было два мощных течения: одно проанглийское, одно пророссийское. С приходом Гитлера к власти, помимо националистов, верх одержало именно проанглийское лобби. Не зря же гитлеровские мистики объявили англичан арийской расой. Ну да вы это и сами знаете... А сейчас, когда наши войска вышли за территорию Советского Союза, начали поднимать голову сторонники мира с СССР. Раньше, когда вермахт был под Москвой, всех, в общем, все устраивало, но теперь они вспомнили свои старые предпочтения и готовы к диалогу. Вот Гаусс и является их представителем. Кстати, по нашим сведениям, большинство влиятельных немцев по сей день склоняются в сторону Англии, и если на фронте мы хоть немного сбавим напор, то они успеют договориться с лимонниками. Германскую элиту даже план Моргентау не останавливает. Правда, сами англичане еще не готовы к высадке на материк, а американцы тоже достаточно сильно завязли на Тихоокеанском ТВД. Так что сейчас в основном от нас требуется не сбавлять темп наступления. Чем большую территорию Европы мы освободим, тем больший вес наша страна приобретет на международной арене. А так как сильных уважают и к ним прислушиваются, то количество англофилов в той же Германии станет гораздо меньше. И ваш завтрашний разговор с фон Брауном тоже может сыграть свою роль. Вы, возможно, будете удивлены, но вот такие личные встречи могут оказать большое влияние на конечный результат переговоров... Единственно, что меня еще несколько волнует, так это ваше знание языка. Вы, Илья Иванович, извините, но иногда очень тяжело понять, что вы говорите.

О, еще один критик! А мне самому кажется, что чешу по-немецки очень даже ничего. Не Кант, конечно, но все-таки... Только вот почему-то каждый носом ткнуть норовит то в неправильное произношение, то в смешное построение фраз. А я до всех этих артиклей и сложноподчиненных местоимений сам доходил, при помощи Марата, Сереги и старенького учебника немецкого языка для восьмого класса гимназии. В этом долбаном учебнике даже по-русски все слова с ятями писались, из-за чего приходилось особенно тяжело. Но язык, считаю, выучил – во всяком случае пленные меня понимали. Поэтому на слова Санина брюзгливо ответил:

– Браун по русски хорошо шпрехает. Где не поймет, всегда переспросить сможет...

Артем Сергеевич, примирительно подняв руки, сказал, что тогда по этому поводу все свои тревоги он убирает. Посидев еще несколько минут на лавочке, мы наконец решили пойти баиньки, так как спать хотелось до одури.

Глава 11

Разбудил меня стук в дверь. Это оказалась хозяйка, которая сообщила, что завтрак будет через полчаса. Глянул на часы – девять. Молодец, пампушка! Перенесла утренний жор на попозже, дав постояльцам выспаться. За окном светило яркое солнце и было совершенно не по зимнему тепло. Вчера как-то не очень обратил внимание, но сегодня разглядел из окна украшенные елки в доме напротив. Сначала удивился, а потом, вспомнив сегодняшнее число, только хмыкнул. Завтра уже, однако, католическое Рождество. А если учесть, что они почему-то Рождество почитают больше Нового года, то завтра у них будет массовая гулянка. Жаль, вот только мы будем лишними на этом празднике жизни. Санин с утра завершит переговоры, а вечером как раз под рождественскую ночь посланцы Союза должны уезжать... Ладно, может, хоть гуся пожует, уже дело.

Поев, думал подняться наверх, правда немного не успел. Перед лестницей меня перехватил пунктуальный, как швейцарская «Омега», Браун. Фриц, похоже, толком не выспался, но, глядя красными глазами, приветливо улыбнулся и, протянув руку, поздоровался:

– Здравствуйте, господин...

Тут подполковник замялся, соображая, как же меня назвать. Не Ивановым ведь, в самом деле... Пришлось выручать незадачливого танкиста.

– Себастьян Кольем к вашим услугам. Ну что, вы готовы пройтись?

– Да, господин Кольем, сегодня замечательная погода для прогулок.

– Тогда подождите одну минуту, я только оденусь.

Оставив немца внизу, поднялся к себе, где помимо франтоватой шляпы и пальто прихватил нож, провезенный втайне от Санина. Хорошую, не один раз проверенную в деле финку. Пистолета не дают, так хоть ее возьму, а то совсем без оружия ощущаю дикий дискомфорт – как будто голышом ходишь...

Спустившись вниз, захватил Гельмута, и мы вышли на улицу. Глянув на солнце, я расстегнул пальто и предложил:

– Ну что, потомок древнего рода, ты, похоже, этот городок хорошо знаешь, поэтому веди. Только не в бистро или ресторанчик. Давай лучше посидим на лавочке в сквере. Так будет спокойнее.

– А кто нас может побеспокоить в бистро?

– Не кто, а что. Я хоть и прибыл с диких Гималайских гор, но что такое магнитофон, знаю достаточно хорошо.

И мне не хочется, чтобы нашу приватную беседу слушали чужие уши. Ее содержание ты можешь передать кому надо, но магнитная бобина – это такая вещь, которая может попасть в чужие руки очень легко. Нам ведь этого не надо?

Подполковник понятиливо кивнул, и вскоре мы устроились в уютном скверике, возле памятника какому-то средневековому герою со шпагой и козлиной бородкой. Первым разговор начал Браун:

– Вы знаете, мы после вашего ухода вчера много говорили. И про ваши предложения, и про план союзников...

Я помню, какими дикими мне показались ваши слова насчет раздела Германии, сказанные два года назад. Но сейчас я вам верю окончательно и бесповоротно, тем более что именно вчера нам стали известны некоторые вопросы, которые будут обсуждаться на переговорах союзников, запланированных на конец января.

Видя, что я удивленно поднял брови, подполковник поспешно добавил:

– Про Ялтинскую встречу глав государств стало известно от нашей английской резидентуры.

Блин! Хорошо у немцев разведка работает! Я сам об этой встрече узнал буквально перед отъездом. Тегерана в этой реальности так и не случилось, зато вместо него на начало сорок четвертого года запланировано рандеву в Крыму. Только эти переговоры

союзнических «шишек», считаются страшной тайной. Их место, время, а уж про поднимаемые там вопросы я вообще молчу. А теперь выясняется, что фрицам все это известно... Правильно папаша Мюллер говорил – «Что знают двое, знает свинья». Ладно, надо будет доложить Санину о такой крутой осведомленности гитлеровцев, а пока пора продолжать разговор:

– Ну спасибо – утешил. Только вот давай не будем дальше играть в ромашку – верю, не верю. Ты спрашивай, а я буду отвечать. Если на что-то не захочу отвечать или не буду знать ответа – так и скажу. Запомни только одно – Красная Армия уже практически победила и теперь от нас с тобой зависит, останутся жить миллионы солдат с обеих сторон или нет. Честно скажу – мне плевать, какой общественный строй будет в Германии. На Сталина и на Гитлера тоже в общем-то плевать. Но людей, пацанов, которые и бабы не нюхали, жалко по-настоящему. И чтобы сохранить их жизни, я пойду на многое...

Подполковник как-то странно посмотрел на меня и, помявшись, спросил:

– Господин Кольем, если это не государственная тайна, можете мне сказать, как вас зовут по-настоящему? Клянусь сохранить ваше имя в тайне.

Я несколько удивился этому вопросу, но сильно кочевряжиться не стал, посчитав, что от раскрытия моего имени Луна на Землю не свалится, и ответил:

– Ильей меня кличут, только ты все равно правильно выговорить не сможешь. А что это тебя так заинтересовало?

Немец вместо ответа поднялся и, коротко кивнув, торжественно выдал:

– Гельмут фон Браун, потомок великого Генриха Шестого, короля Германии к вашим услугам!

– Я что-то не понял, ты меня на дуэль вызвать хочешь или просто познакомиться? Так мы ведь вроде как уже знакомились. Может, это имя Илья тебя в такой экстаз ввело?

Вопрос, заданный насмешливым тоном, несколько сбил пафосный настрой «царской морды». Помявшись, он объяснил, что просто хотел представиться мне по всей форме, и предложил, если я, конечно, согласен, называть друг друга просто по имени. Так сказать – в знак доверия и будущей дружбы. Развеселившись от этих слов, согласился, предложив в ответ – сразу, не мелочась, дружить дворцами. Но потом меня заинтересовало, с чего вообще такая честь? Браун, смущаясь, ответил, что все его предки служили в армии. Сам он практически с детства тоже тянул эту лямку. Воевал во Франции, в Тунисе, Египте. То есть смерть видел в самых разных ее проявлениях. И слова про то, что для меня самое главное – это сохранение человеческих жизней, пришлось ему очень по душе. Так, дескать, может рассуждать только человек, сам не один раз глядевший смерти в глаза. Вот немца и накрыло...

– Вообще-то так же рассуждает и какой-нибудь гнилой пацифист, но в данном случае ты, Гельмут, прав. Пока мы друг друга в крови топим, совершенно посторонние люди на этом себе сумасшедшие деньги делают и политический капитал нарабатывают. Так что сейчас чем быстрее мы договоримся, тем быстрее эта бойня закончится. А теперь давай свои вопросы...

* * *

...С подполковником трындели почти два часа, иногда, в особо сложных случаях, переходя на русский для большей понятливости, благо народу в парке почти не было. Потом все-таки сходили в ресторанчик и, вернувшись обратно в сквер, продолжили беседу. Я рассказывал ему четко отредактированную версию, стараясь не очень отклоняться на отсебятину. Поведал и о полевых кухнях, которые поначалу кормили голодных немцев. И о возрождении немецкой армии. Это, правда, относилось к самой настоящей отсебятине, но я хорошо помнил разговоры отца со своими коллегами после совместных учений ОВД. Тогда, собравшись у нас дома отметить удачное окончание «войны», они говорили о том, что самый надежный и реальный союзник для Советской Армии, это только армия ГДР. Все остальные

страны Варшавского договора в лучшем случае – пушечное мясо. А в худшем – пятая колонна.

Пояснил Гельмуту и особенности славянского менталитета в отношении побежденного противника.

– Самое страшное, что грозит немецкому народу, это массовое перетраживание вдов да молодых. Но ты учти, что в основном они и сами будут не против, так как дефицит мужчин после войны будет страшный. И с другой стороны, сам согласишься, это законное право победителя – внести свежую кровь. Так всегда было, начиная с глубокой древности. Правда все очень быстро прекратится. Большая часть армии после победы будет выведена из Германии и демобилизована.

Браун на эти слова поморщился, но признал мою правоту, посетовав только, что в столь интимном процессе примут участие и азиаты. Славян, мол, можно было бы перетерпеть, но тут нордическая раса будет разбавлена вообще неизвестно кем. От этих слов я обозлился, вспомнив нашего казаха Абаева, который мне в Богодухове жизнь спас, и резко ответил:

– Ты знаешь, вы свою арийскую расу, как коров, выводили, селекционеры гребаные! Черепа мерили, по цвету глаз ориентировались... И что? Большая часть этих сверхлюдей сначала других людей, в основном беззащитных, уничтожала, а теперь собой землю удобряет. Запомни, потомок короля, сверхчеловек – это не тот, у которого пропорции башки правильные, а тот, кто духом силен и человеком в любой ситуации остается. И совершенно по херу, какой у него разрез глаз. Так что не бывает высших или низших рас. В каждом народе есть и нормальные люди, и полные мудаки... – Тут я вдруг вспомнил поднос с красноармейскими книжками и добавил: – Хотя и целые народности мудаков тоже встречаются... Но те, кто гитлеровскую военную машину смог сломать, точно относятся к нормальным людям. По вашей терминологии, чтобы тебе понятней было, это и есть арийцы. А так как мы внутри себя не делимся на первый и второй сорт, то считай, что все советские бойцы и есть самые настоящие сверхчеловеки!

Чуть было не добавил: «А вы фуфло полное», но сдержался, посчитав это не совсем дипломатичным. Подполковник, смущенный моей вспышкой, ответил, что, дескать, он тоже не поддерживает гитлеровские идеи расового превосходства и теперь сожалеет о своих словах. Я, смутно чувствуя, что переборщил, покладисто сказал:

– Ладно, главное, мы друг друга поняли. И я очень рад, что ты тоже относишься к нормальным людям. В противном случае нашего разговора просто не было...

...Мы уже закончили игру в вопросы-ответы и собирались уходить, как вдруг перед нами остановился какой-то офицер с погонами оберштабсарца. Глядя на нас, медик, радостно улыбаясь, выдал:

– Гельмут, здравствуй. Я тебя со вчерашнего дня ищу! Ты не забыл, завтра мы отмечаем Рождество у мадам Ширан? Будет очень хорошая компания...

Видя, что оберст-лейтенант не мычит не телится, незнакомый фриц шутливо возмутился:

– И в конце концов, чего ты сидишь, как бука? Представь меня своему собеседнику!

Браун растерянно посмотрел на меня, но я только кивнул, улыбаясь, и, протянув руку веселому оберштабсарцу, представился сам:

– Себастьян Кольем, коммерсант из Парагвая.

– Очень приятно! Гюнтер Клабке, хирург из госпиталя.

Ха! А этот Гюнтер – нормальный парень. И судя по всему, пошутить не дурак. Вон как меня сразу приколот. Клабке тем временем, проявив положенную вежливость, опять переключился на подполковника:

– Гельмут, ты не ответил, что насчет мадам Ширан? Кузина мне сказала, что фройлян Красовски очень рассчитывает на твое появление. Нельзя обманывать ожидания такой красивой девушки!

Браун не знал, куда деваться. Было видно, как немцу очень неудобно оттого, что я стал свидетелем событий его частной жизни. Сделав морду кирпичом, он на притязания доктора

строго ответил:

– Извините, господин Клабке, на завтрашний день у меня назначена очень важная встреча. – И извиняющимся тоном добавил: – Гюнтер, я тебе обязательно позвоню сегодня вечером, а сейчас извини, я действительно занят.

Веселый хирург задумчиво глянул на своего кореша, но возражать не стал, а, шутливо поклонившись, сказал:

– Извините, что помешал встрече столь высокопоставленных особ! Спешу откланяться. И смотри, не забудь вечером позвонить!

Но уйти он не успел. Сначала я услышал звонкий голос, позвавший его:

– Гюнтер, подожди!

А потом увидел тоненькую фигурку, звонко цокающую каблучками в нашу сторону. Клабке, повернувшись к подполковнику, ехидно выдал:

– А вот и кузина. Так что вы сами с ней сейчас будете разбираться и про мадам Ширан, и про фройляйн Красовски. Только помните – Магда Красовски – ее лучшая подруга, и если вы не придете, то потом будете иметь дело даже не со мной, а с моей грозной сестрой!

Браун глянул было в мою сторону, очевидно, желая что-то сказать, но так и замер, не понимая превращений, произошедших с членом советской делегации. А все дело было в том, что я увидел, кем была подходящая к нам девушка...

Екарный бабай! В голове пролетел сразу миллион мыслей. Вначале, просто испугавшись, я натянул шляпу поглубже, пытаюсь скрыть лицо. Потом поднял воротник пальто. Потом вытащил и тут же выбросил сигарету. Потом ни с того ни с сего начало нервно потряхивать. А все потому, что по игрушечной аллейке, прикрыв глаза от солнца, к нам шла та, которую здесь точно не рассчитывал встретить...

М-да... И что же теперь делать? До того момента, пока Хелен подойдет вплотную, оставалось секунд тридцать. Может, просто встать и быстро уйти, пусть Браун меня догоняет. Он подумает, что я, не желая светиться перед посторонними, поспешил удалиться, тем более что разговор мы с ним закончили еще до прихода этого медика. Подполковник меня догонит, извинится, и так как он ничего не поймет, то все будет выглядеть нормально. Потом я заныкаюсь в гостинице до конца переговоров, так как свою роль во всей этой дипломатии Лисов уже сыграл...

Но если сейчас уйду, встречу ли с Нахтигаль еще раз – большой вопрос. А встретиться очень хотелось, ведь последние полгода только о ней и вспоминал. С другой стороны, может, она давно себе ухажера здесь завела или вообще замуж выскочила, а я, как Ромео-переросток, весь чувствами плаваю... Но ведь задание Сталина уже выполнено, так может теперь на себя немного поработать? Блин! Что же делать?! Эх, где наша не пропадала! Узнаю все у самой Ленки. Да – да, нет – нет, и тогда хоть все станет ясно... Бр-р-р. Все равно как-то не по себе. Наверное, лучше все-таки смыться...

Только пока я соображал, Хелен успела подойти к скамейке, и все сомнения решились сами собой. Браун, встав навстречу девушке, поздоровался первым:

– Добрый день, фройляйн Нахтигаль! Разрешите представить вам моего собеседника...

Я тоже поднялся, после секундной заминки сдернув с себя эту дурацкую шляпу, кинул ее на скамейку и, шагнув вперед, протянул руку:

– Рад познакомиться с самой прекрасной девушкой Германии.

Да что же у нее за привычка такая?! Чуть что – сразу кулак в рот и только смотрит огромными, как у анимэшных мультяшек, глазами. Но глазищи-то какие красивые... Я их сейчас в первый раз при свете дня разглядеть смог. Разглядел и утонул. И все вокруг кроме этих глаз исчезло... А потом серо-зеленые омуты вдруг наполнились слезами, которые часто-часто побежали по щекам. Я растерялся, а Хелен, вынув наконец кулак из рта, пискляво сказала:

– Извините, господа, я только что вспомнила – у меня срочное дело...

И круто развернувшись, почти побежала по выложенной красным кирпичом дорожке. А я, как дурак, так и остался стоять с протянутой рукой, глядя ей вслед. Оба фрица от такого

поворота тоже несколько оторопели, но Клабке соображал быстро и уже через секунду рванул за сестрой. Браун, глядя, как медик, догнав девушку, быстро удаляется по аллейке в сторону выхода, потер лоб и, кашлянув, сказал:

– Прошу меня извинить за это недоразумение. Я не представляю, чем была вызвана такая реакция. Фройляйн Нахтигаль – очень уравновешенная и серьезная девушка, и я никогда не видел, чтобы она так себя вела.

Хм... Я вообще-то тоже пребывал в завесе. Интересно, чего это она от меня так рванула? В прошлый раз мы расстались очень даже по-дружески, во всяком случае, мне так казалось. Но у Хелен, выходит, есть свое мнение на этот счет... Меня увидеть она явно не ожидала, но и особой радости от встречи тоже не высказала. Хотя реакция действительно достаточно странная... С другой стороны, у барышень бывают такие завихрения, что нам их в жизни не понять.

Только сейчас, наверное, все проще. Так как ее называют фройляйн, то Ленка, выходит – не замужем. Но ухажер наверняка есть, поэтому, опасаясь возможной компрометации, она и дернула от меня, как черт от лаdana. Биомать! Я достал сигарету и, поломав несколько спичек, смог наконец прикурить. Вот и закончились мои, блин, романтические бредни. Тоже мне, Казанову из себя вообразил – один раз зажал девчонку в кустах и теперь весь в мыслях, что она от этого вся растаяла и трыпешшет в ожидании новой встречи. Сплюнув табачную крошку, сказал подполковнику:

– Кто этих женщин поймет. Я так думаю, что когда мы сможем хоть чуть-чуть в них разобраться, то будем столь стары, что девушки нам будут уже неинтересны. М-да... Пойдемте, Гельмут, проводите меня до гостиницы.

– Конечно, Илия, и еще раз прошу прощения.

Мы пошли к выходу, а я брюзгливо думал, что фриц, гадский папа, все-таки переврал мое имя...

Квартал прошли в молчании, только Браун иногда странно поглядывал в мою сторону и в конце концов, неправильно истолковав мрачный вид советского посланца, решил дать пояснения. А так как шли по улице, то имя коверкать не стал, а обращался как к дельцу из Парагвая:

– Господин Кольем, я понимаю вашу озабоченность, но поверьте, эта встреча ничем нам не грозит. Доктор Клабке уже почти три месяца является членом нашей антигитлеровской организации. Он очень порядочный человек. Два года назад Гюнтер не побоялся подать в суд на одного крупного гестаповского чина, когда тот в Бретани изнасиловал французскую девушку, а потом уничтожил всю ее семью. Только дело повернули так, что сам Клабке чуть не оказался виноватым в клевете на члена партии, но в конце концов его просто перевели в этот городок.

Немец еще что-то говорил, а я чуть с шага не сбился, внезапно вспомнив слова одного надушенного до неприличия фрица. Точно! Я тогда возле госпитальной беседки стоял, а гестаповец – Нахтигаль клеил. Он ведь тоже про Бретань говорил и какого-то прощельгу Гюнтера вспоминал. Надо же, какая земля, оказывается, маленькая! Куда ни плюнь – везде знакомые обнаруживаются. Пусть даже и опосредованно знакомые. Получается, не зря мне этот Клабке при первом же взгляде понравился. А теперь подтверждается, что он действительно нормальный парень. Вспомнив ту весеннюю ночь и запыханную Хелен, которая вместе с вещмешком с размаху влетела ко мне в руки, решил прояснить ситуацию до конца:

– А девушка? Честно говоря, она произвела странное впечатление. От нее не может быть проблем?

Браун отрицательно покачал головой:

– Я сам не представляю, что с ней произошло и чем было вызвано такое поведение. О ее железном характере легенды ходят, а тут вдруг такое. Хотя женщина на войне... сами понимаете... Может, это был запоздалый нервный срыв? Ведь она служила в госпитале на Восточном фронте, а что там творится, вы хорошо осведомлены...

– Хм... Такие нервные срывы очень хорошо лечатся, как бы сказать помягче – пониманием близкого человека.

Я подмигнул Гельмуту, но он ответил серьезно:

– В этом-то и проблема. Мы даже в шутку ей говорим, что она себя готовит к монастырской жизни. У такой красивой девушки нет не только жениха, но и, как вы выразились – близкого человека. Она даже с братом поссорилась, когда тот, имея дальний прицел, попытался ее познакомить с нашим общим другом. Мне кажется, что там, в госпиталях, она получила сильнейшую душевную травму, каждый день видя изнанку войны. Но опасаться ее все равно не следует, да и что она может сделать? Ну увидела меня, беседующего на лавочке с незнакомцем. Чего в этом может быть предосудительного?

– А она что, продолжает и здесь работать в военном госпитале?

– Да, только у нас почти не бывает раненых. Правда фройляйн Нахтигаль все равно пропадает там с утра до вечера. Как сама говорит – повышает квалификацию. Она даже квартиру сняла поближе к месту работы, почти прямо напротив входа в свою любимую больницу.

Я шел, внимательно слушая и кроя себя последними словами. Кр-р-етин! Идиот! Недоумок! Чего же я, блин, ожидал? Откуда ей знать, с какой миссией тут Лисов находится? Она, видя советского офицера здесь, во Франции, что должна была сделать? На шею мне броситься? Чтобы нас обоих потом в гестапо замели? Хелен ведь не знала, что Гельмут осведомлен, кто я такой! Да и, судя по всему, про антифашистскую деятельность брата тоже не в курсе. Вот Нахтигаль и смогла что только очень быстро сбежать, побоявшись меня выдать. И потом небось брату наплела с три короба, чтобы объяснить внезапные слезы. А я-то хорош, придурок! Последние мозги потерял при виде белобрысой врачихи и чуть было не стал ее за руки хватать. Но Ленка какая все-таки молодчина! Как быстро сориентировалась!

...Браун, уже говоря совсем на другую тему, задал вопрос, и пришлось встряхнуться, отвечая ему:

– Нет, Гельмут, в Бога у нас верят многие, как бы коммунисты с этим ни боролись. Особенно сейчас. Сам знаешь – на войне не бывает атеистов. Я тоже верю, только вот в церковь не хожу – мне посредники для общения с Создателем не нужны.

Оберст-лейтенант моих слов про посредников не понял и захотел разъяснений.

– А что тут понимать? Церкви являют собой яркий образец инструмента подавления. Уже то, что тебя там называют чьим-то рабом, должно настораживать. Да плюс ко всему они еще и сбором денег занимаются. Как ты считаешь – Всевышнему деньги нужны? Вот и я тоже думаю, что нет. Деньги нужны именно церкви, и как всякий посредник она заботится только о своем благе. Так что если мы своих попов разогнали, не надо считать нас поклонниками сатаны, просто было убрано совершенно лишнее звено между Богом и человеком....

Браун от этих слов несколько обалдел и, видно, хотел поспорить, но мы уже стояли на крыльце гостиницы, поэтому я протянул руку и сказал:

– Счастливо оставаться, Гельмут фон Браун. Надеюсь, что все задуманное у нас получится!

Немец, сжав мне ладонь, ответил, что он тоже хочет так думать, и выразил надежду на последующую встречу.

– Без базара – увидимся!

– Что?

– Я говорю, если все получится, обязательно встретимся! И не раз!

* * *

Прощавшись с потомком королей, двинул на доклад к Санину. Тот, опасаясь установленных прослушек, опять вытащил меня на улицу. Я только кашне успел захватить, так как начал потихоньку подмерзать. А усевшись на лавочку, подробно пересказал весь наш

разговор. Артем Сергеевич слушал, одобрительно кивая, потом похвалил, сказав, что пока все идет, как планировалось. Но я его слегка обломил:

– Есть еще одна закавыка. Возвращаясь назад, я встретил своего агента.

– Какого агента?

Санин откинулся на спинку лавки, удивленно глядя на меня.

– Своего агента. Я ее завербовал еще полгода назад, на Украине. А сегодня нос к носу столкнулись здесь.

Дипломат сразу стал серьезным и поинтересовался, как это может грозить переговорам, сразу предложив в устранении проблемы задействовать нашу охрану. Они, дескать, ребята ушлые, и все сделают так, что комар носа не подточит. Я возразил:

– Во-первых, это совершенно не угрожает нашей миссии, а во-вторых, внезапная смерть агента может ей наоборот – сильно повредить. Мой человек не рядовой солдат, а достаточно высокопоставленная персона, и немцам ее скоропостижная кончина может сильно не понравиться. Так что я сам все улажу, без наших ребят. Мне только деньги нужны – тысячи две рейхсмарок.

– Для чего вам такие деньги понадобились?

– А потому, что агент после встречи с куратором должен испытывать не только полное моральное удовлетворение, но еще и поиметь некоторое финансовое благополучие. Вы извините, Артем Сергеевич, это моя кухня, я тут лучше разбираюсь. Так что давайте деньги, и вопрос будет решен.

Санин pokrхтел и задумчиво сказал:

– Иосиф Виссарионович меня особо предупредил о данных вам полномочиях. Но чтобы вот так... Хотя в жизни бывают и не такие случайности, так что я надеюсь, вы человек опытный и знаете, что делаете.

– Конечно, знаю. Тем более, моя миссия в этих переговорах закончена и я могу заняться работой, в которой разбираюсь гораздо лучше, чем в дипломатии...

В общем, минут через десять, сунув полученные обманом деньги в портмоне, опять выскочил из гостиницы, направляясь в сторону ювелирного магазинчика, который приметил, когда мы с подполковником возвращались сюда. Ноги сами несли, и с трудом сдерживался, чтобы не перейти на бег.

Только вот квартала через два обратил внимание на одного хмыря гражданской наружности и французского обличья, который топал следом. Я бы на него и не посмотрел, но, случайно оглянувшись, увидел, как «вильнул» его взгляд. Хм... Это еще что за фигня? Может, парень просто следом идет, а я уже гоню? Временно отложив посещение магазина, начал мотать круги по городу, подолгу останавливаясь возле витрин, даже заскочил в ресторанчик выпить кофе, но француз так и шел за мной. Только перед тем, как я заходил в ресторацию, на нем был плащ и шляпа, а когда я вышел, он уже щеголял в беретке и плащ был перекинут через руку. Вот этот берет и убедил меня, что случайность исключена. Такая маскировка, конечно, наивна, но глаза отводит хорошо. Люди лица случайных прохожих обычно не запоминают, если в памяти что и отложится, то какой-нибудь яркий штрих в одежде. Избавься от него, и ты – новый человек. Получается, за мной следят, и следят не немцы. В гестапо таких лохов не держат, а тем, кто нас принимает, «хвост» за мной пускать – вообще смысла нет. Поняв, что это не глюк и за мной наблюдает какая-то третья сила, порысил обратно в гостиницу. Там сразу обратился к Виктору Бабкину – командиру наших охранников:

– Вить, тут за мной француз странный как привязанный ходит. Я проверился, и теперь уже не сомневаюсь, что это был «хвост». А вы здесь ничего не замечали?

Бабкин на этот вопрос только ругнулся сквозь зубы, а потом пояснил:

– Говорил же, что не показалось! Я часов в двенадцать выходил – по округе пройтись, посмотреть, что к чему. Ничего особенного не заметил, но вот от ощущения, что за мной следят, избавиться не мог. Причем, когда вы с Брауном уходили, я немного следом прошелся, но все было нормально. А буквально через два часа начал ощущать себя как будто

под прицелом... Доложил Санину, а он сказал, что не может быть – показалось, скорее всего...

– Нет, это ты его верно унюхал. Так что пошли к Артему Сергеевичу вместе.

Санин, узнав про незапланированную слежку, сильно занервничал. Подумав пару минут, он спустился вниз, к телефону и куда-то позвонил, сказав буквально пару слов по-французски. Что именно, я не понял, но спросить не успел. Побарабанив пальцами по столу, он позвонил еще раз. Разговор на этот раз шел по-немецки и стало ясно, что дипломат требует объяснений. Положив трубку, он сказал:

– Наши немцы не представляют, кто это может быть, но сейчас пришлют своих людей.

Я, набравшись наглости, поинтересовался:

– А с кем вы по-французски говорили?

– С резервной группой. Что бы ни случилось, они должны быть в курсе того, что здесь произошло.

– И давно эта группа здесь?

Санин тяжело вздохнул:

– Илья Иванович, какая вам разница? Главное, что сегодня утром я передал конспекты переговоров нужному человеку. Теперь нам осталось завтра обсудить с немцами мелкие детали, и уже вечером мы выезжаем... Эх! Не нравится мне это. То-то казалось, что все слишком гладко идет... Но кто же мог приставить к нам слежку? Секретность у нас была на высшем уровне, да и гестапо бы так долго не тянуло...

Мы минут десять ломали голову, кто могли быть эти таинственные наблюдатели, но так и не пришли к единому мнению. Потом приехали немцы – четыре офицера во главе с встречавшим нас гауптманом. Они с нашими охранниками полчаса шарились вокруг гостиницы, но ничего подозрительного не увидели.

А пока фрицы и наши наматывали круги, у них родилась идея, кто это мог быть. Все могло оказаться проще, чем мы себе надумали. Дня три назад в городе появились гастролеры. Эти бандиты успели ограбить двух виноторговцев из Германии и известного французского конезаводчика, причем француза они замочили. Поиски грабителей полицией, как обычно, результатов не дали. А теперь бандюки, видно, польстились на шестерых парагвайских коммерсантов, но, увидев подъехавших офицеров, скорее всего, отказались от своих намерений. Во всяком случае, немцы могли гарантировать, что следили не они и не гестапо, так как в тайной полиции у них есть свой человек, который бы предупредил, если что. Потом гауптман предложил нам услуги охраны, но Санин, поблагодарив, отказался, и фрицы, попросив в случае изменения ситуации – звонить, отбыли к себе.

А я, поняв, что все закончилось нормально, глянул на часы и стал быстренько собираться. Артем Сергеевич, видя это, спросил:

– Может быть, вы откажетесь от своих намерений? Или хотя бы возьмете с собой Михеева?

– И как вы себе это представляете? Куратор с агентом должен встречаться один на один, так сказать, без ансамбля, если не хочет потерять доверие этого агента. Да не волнуйтесь вы так, вернусь еще до наступления комендантского часа.

Махнув рукой, я, чтобы не продолжать разговор дальше, быстро выскочил за дверь и порыскал в сторону ювелирного. На ходу проверялся, но местные гопники, похоже, поняли бесперспективность своих планов, и за мной никто не следил. К магазину успел только-только. Хозяин уже закрывал дверь, но пачка марок в моих руках заставила его быстренько передумать. по-немецки он почти ни фига не понимал, я по-французски вообще не говорил, но слова «голд» и «диамонд» были понятны без перевода. Француз показывал разные колечки, а я их мерил на свой мизинец, прикидывая размер так, чтобы они застревали посередине пальца. В конце концов выбрал одно и, удивляясь такой охрененной цене для столь маленькой цапки, рассчитался с продавцом.

Адрес госпиталя я заранее узнал у шустрого гауптмана перед его отъездом. Так что теперь, поймав раздолбанное такси, уже через десять минут стоял возле этого медицинского

учреждения. План у меня был простой. Напротив главного входа было всего три дома. Сяду на лавочку и буду пасти подходы ко всем, так чтобы моя барышня не могла проскочить незамеченной. А на крайний случай, представившись знакомым ее отца, спрошу у любой выходящей немки в форме, где тут живет Хелен Нахтигаль.

Но крайний случай не понадобился. Я только-только успел, сидя на лавочке, выкурить одну сигарету, как из ближнего подъезда вышло мое зеленоглазое чудо. Причем вышло целенаправленно. Она меня, видно, в окно засекла и теперь, проходя мимо, шепнула:

– Идите за мной.

Ну я и побрел за ней, как телок на веревочке. Пока шел, чуть слюной не подавился, глядя на ладную женскую фигурку, которую только подчеркивал туго затянутый на талии гражданский плащ. Странно, а утром она вроде в военной форме была... Или это чисто женское – по пять раз на дню переодеваться? И куда она меня вообще ведет? Но Нахтигаль далеко не ходить не стала, а обойдя вокруг дома, просто вошла в подъезд с черного хода. Прибавив шаг, свернул за ней. Хелен, не останавливаясь и не поворачиваясь, поднялась по узенькой лестнице на второй этаж и зашла в квартиру, оставив дверь открытой. Восприняв это как приглашение, я тут же шмыгнул следом. Врачиха, протянув руку, повернула ключ и, отступив на два шага, задрала подбородок, сказав:

– Господин Лисов, прошу простить мою несдержанность. Там, в парке, я подвергла вас смертельной опасности. Просто все было так неожиданно...

Она еще что-то говорила, убрав руки за спину и кусая губы, а я смотрел на нее и не верил, что это произошло. Япона мама! Неужели вот она, на расстоянии вытянутой руки? Правда, представлял все себе несколько по-другому, но какая разница? А потом не выдержал и, сделав шаг, просто сгреб в охапку эту белобрысую прелесть. На секунду мелькнула мысль, что за такое можно и по морде огрести, но Хелен сама в меня вцепилась так, что я даже удивился силе тонких рук. А потом, вдохнув одуряющий запах ее волос, окончательно съехал с катушек. Все заранее приготовленные слова и планы выяснения отношений моментально вылетели из головы и я, подхватив легонькое тело на руки, двинул в глубь квартиры, ногой открывая двери и заглядывая в комнаты. Не то... и это не то... Вот! Найдя наконец спальню, вошел. В этот момент Ленка, до этого затихшая мышкой и сопевшая мне в шею, наконец повернула лицо, и я, увидев в паре сантиметров от себя серо-зеленые омуты, провалился в них без остатка. Последней трезвой мыслью было опасение, что могу кости сломать девчонке, если буду так ее сдавливать...

* * *

М-да... Не такая уж она и хрупкая, как выяснилось. Во всяком случае, кости у нас у обоих остались целыми и теперь, лежа на кровати, я обессиленно пялился в потолок, а Хелен, прижавшись ко мне разгоряченным, еще не отошедшим от предыдущего буйства телом, рассказывала о себе. Правда не с самого рождения, хотя теперь меня это тоже интересовало, а с того момента, как советский диверсант со странным прозвищем и смешной фамилией скрылся в темноте весенней ночи.

Гестаповца хватились уже наутро. Но Лена выдала заготовленную версию, и от нее отстали. Как я и предполагал, следствие быстро связало исчезновение контуженного Шнитке и пропажу важного фрица, труп которого, кстати, так и не нашли. Под утро, после моего ухода, прошел дождь, и сыскные собачки обломались со следом. Жизнь у Нахтигаль вошла в прежнюю колею, только вот с каждым днем она все чаще и чаще вспоминала улыбчивого русского. И первую с ним встречу, когда Хелен, отчаянно труся, но не желая этого показывать, разговаривала с ужасным «невидимкой», который еще тогда показался ей вовсе не таким уж ужасным. И во второй раз, когда тот же самый парень невероятным образом оказался у них в госпитале, да и еще, несмотря на ранение, умудрился грохнуть ее шантажиста. А уж когда он ее поцеловал...

– Ты знаешь, милый, каждая девушка мечтает, чтобы у нее был сильный, надежный и

любящий мужчина. Я ведь тебя почти совсем не знаю и, может быть, все выдумала, но в мечтах ты был именно таким. Просто один сумасшедший русский так хорошо вошел в мои, наверное, еще детские фантазии о прекрасном принце, что я, кроме него, больше никого не могла видеть...

Так как Лена на секунду замолкла, я заверил ее, что готов соответствовать и детским мечтам и взрослым эротическим фантазиям на все сто. Для ее счастья, мол, в лепешку расшибусь и хоть луну с неба достану. В общем, трындел все те глупости, которые положено говорить в таких случаях. Единственно, что, сам себе удивляясь, говорил на полном серьезе и, самое главное, собирался делать то, что говорю. М-да... В последний раз меня так накрывало лет в шестнадцать, когда был период гипертрофированной сексуальности. А к сегодняшнему дню я уже и забыл, что такое бывает...

Хелен, слушая эти слова, только что не мурлыкала, и я был готов говорить и говорить. Но тут за окном услышал громкий оклик по-французски и мысли немного переключились. Стало интересно, как она сюда вообще попала? Оказывается, месяца через полтора после моего ухода к ним в госпиталь привезли пленного из терроргруппы. Лицо у парня было окровавлено, но ей издали показалось, что это я, и железная фройлян в первый раз в жизни хлопнулась в обморок. Все посчитали, что это от переутомления, но Лена поняла, что теперь при виде каждого русского раненого ее будет так же колбасить, и недели через две, поддавшись на уговоры отца, уехала в Берлин.

Только тут ее поджидала мама, которая моментально начала полоскать мозги. Муттер была озабочена матримониальными планами и считала, что в двадцать четыре года быть не замужем и соответственно не иметь ребенка очень вредно как для здоровья, так и для репутации. Младшую Нахтигаль от крупного семейного скандала спас двоюродный брат, который служил главным хирургом в Оранжском госпитале и, приехав очень вовремя, забрал кузину с собой. Угу... Понятно... Вечный конфликт детей и родителей в действии. Знала бы маман, с кем ее доча сейчас время проводит, – точно бы дуба дала.

Елена продолжала говорить, но я, ощущая аппетитные выпуклости, касавшиеся плеча, отвлекся и, поласкав ее грудь, притянул тяжело задышавшую девчонку к себе, начав все по новой...

* * *

До начала комендантского часа оставалось минут сорок, когда мы, помывшись (горячая вода у нее почему-то была), сели на небольшой кухоньке перекусить. То есть жевал я, а Хелен, по-бабьи подперев щеку, просто смотрела на это действо. Вдруг вспомнив, для чего, собственно говоря, я сюда вообще шел, чуть не подавился. Епрст! Ну и балбес! Напел ей с три короба, а самого главного не сказал. Всеми этими словами про высокие чувства барышни готовы довольствоваться только до определенного возраста. Потом им требуется большее. Вот и у моей – в глазах грустинка. Чувствует, что свалит сейчас ее принц и увидимся ли еще – большой вопрос. Так что я зеленоглазую сейчас конкретно утешу. Да и себя на всякий случай тоже. Отложив нож с вилок, встал, сунул руку в карман, молясь, чтобы коробочка с колечком не потерялась, а то ведь одежду мы друг с друга сдергивали без особых церемоний, и важным голосом сказал:

– Хелен Нахтигаль, я, подполковник Красной Армии Илья Лисов, прошу вас стать моей женой.

Может, подполковника я зря приплел, но предложение делал в первый раз и посчитал, что будет правильным, если будущая жена узнает мой социальный статус. Она, конечно, дочка миллионера, но и мы не лыком шиты! Потом достал кольцо (слава богу, не потерялось) и замер, не зная, что делать дальше, так как Аленка сначала расширила свои и так огромные глазщицы, а потом, закрыв лицо руками, тихо зашмыгала. Интересно, это что значит? Да или нет?

Но как выяснилось, все-таки – да. Только сначала я ее утешал, потом она наконец дала

ответ, потом, налюбовавшись посверкивающим колечком, так меня поцеловала, что с нас опять слетела вся одежда...

* * *

– Легко на сердце от песни веселой... она скучать не дает никогда...

Мурлыкая под нос, скользил по ночному Оранжу, совершенно не опасаясь крайне редких патрулей. С таким фестивальным настроением меня не то что никто не остановит, а хрен кто вообще увидит...

– И любят песню деревни и села, и любят песню большие города...

Комендантский час начался уже часа полтора назад. Мы с будущей супругой несколько увлеклись отмечанием так называемой помолвки, и теперь я слегка опаздывал. Хорошо еще, у нее был телефон и можно было отзвониться нашим о задержке. Хелен собиралась меня провожать, опасаясь, что ночного гуляку может зацепить патруль, но эти поползновения пресек в корне. Это что же? Сначала она меня доведет до гостиницы, потом я ее до дома... так и будем всю ночь бегать? Не пойдет! Лучше после войны погуляем вволю. И вообще, правильная у меня идея была, когда я, узнав о существовании у нее дяди в Швейцарии, приказал Лене переехать к нему. Мало ли как жизнь повернется, а у нейтралов ей по-всякому безопасней будет. Тем более семейный бизнес процветал и там, а дядя ее был главврачом в Бернской больничке, принадлежащей Нахтигаль, старшему. Аленка оказалась барышней на редкость покладистой и пообещала завтра же начать вентилировать этот вопрос. М-да... Это, наверное, на нее так полуобручальное колечко подействовало, потому как она нет-нет, да и бросала на него быстрый взгляд. Правда, и мои наставления слушала при этом внимательно...

...Нам песня строй пережить помогает... Она, как друг, и зовет и...

Не понял? Почти дойдя до нашей гостиницы, в голых кустах по краям дороги увидел странное шевеление. Если бы я как нормальный человек топал по тротуару, то фиг бы что заметил. Но сейчас шел, слегка опасаясь патрулей, поэтому держался тени, стараясь двигаться «огородами». Вот и увидел странные фигуры первым. Блин! Неужели эти французские урки настолько оборзели, что все-таки решились на налет? В противном случае чего бы этим теньям прятаться возле места нахождения парагвайских коммерсантов? Насчитал шесть силуэтов и беззвучно присвистнул – крупная банда! Куда только полиция смотрит? Надо будет сейчас мимо них проскочить и наших, которые наверняка сидят и меня ждут, предупредить, чтобы гауптмана со своей командой вызывали. Мы бы и сами бандитов в момент успокоили, но куда потом трупы этих бандюков девать? Так что пусть принимающая сторона озаботится безопасностью...

Только хотел уйти влево, как возле толстого дуба опять увидел фигуры. Итиская сила! Да сколько же вас? Наплевав на сохранность и чистоту пальто, брякнулся на землю, быстро загребая локтями, пытаюсь обогнуть с фланга эту ночную компашку. Но когда подполз поближе и разглядел оружие, передумал проскакивать в гостиницу. Просто все стало очень серьезно. У налетчиков не бывает винтовок. И пулемет им тоже ни к чему. Выходит, мы ошиблись, предполагая, что «хвост» был криминальным. Здесь все гораздо хуже. Это, наверное, те самые макизары – партизаны по-нашему. А за каким чертом партизанам так палиться и устраивать охоту за мирными бизнесменами? Пусть гостиница и находится на окраине города, да и войск в нем практически нет, но комендантской роты за глаза хватит на то, чтобы распылить десяток таких отрядов. Так что рисковать они могут только в одном случае – когда будут знать, что собой представляют эти самые парагвайцы. М-да... получается, где-то произошла утечка. Или от нас, или от немцев. Кураторами у маки всегда были англичане, значит, и приказ исходит от них. Про теперешних галльских опекунов нам еще на инструктажах перед выездом говорили. Да и как ни крути, самостоятельно французы на такое бы не решились. А если к островитянам попадет тот же Санин, то нам будет больно об этом вспоминать. Англы, разумеется, от всего отойдут, но

переговоры будут сорваны, да и лимонники, зная о наших планах, могут сыграть свою игру...

Зараза! Я насчитал уже пятнадцать человек. А судя по тому, как они группируются, то вот-вот начнется атака. Так, так, так... М-м-м... Скорее всего, вся операция, по их задумке, будет идти от силы минут пять. Они рассчитывают, что даже если встретятся с вооруженной охраной, то у нее автоматов по-любому не будет. А у самих дипломатов, возможно, даже и пистолетов нет. Так что охранников они безжалостно валят, а переговорщиков берут живьем, не считаясь с потерями. Потом быстро в машину и вон из города. Пока фрицы прочухаются, налетчиков уже след простынет, а небольшой патруль, если он и успеет прибежать на стрельбу, уничтожат люди, остающиеся в заслоне. Логично? Логично... И ведь наши не ожидают нападения. То есть они, конечно, на стреме, но ТАКОГО точно не ждут. Блин! Получается, настал тот момент, про который Мессинг говорил. Как там было – не погибнет, пока свою миссию не выполнит? Похоже, вот она, эта миссия. Помешать островитянам сорвать переговоры, это о□го-го! Это круто! Ленку только жалко...

Пока все это соображал, тело уже начало действовать. Скинув пальто и достав финку, ужом пополз в сторону ближайшей группы. Эти четверо тихо переговаривались, видно, в ожидании команды. И когда бесшумная тень, возникающая за их спинами, сунула ближнему нож под лопатку, даже не поняли, что произошло. Ну а я, сдернув у него с плеча «стен», нажал на спусковой крючок, поливая остальных длинной очередью и вопя во все горло:

– Аларм! Аларм! Партизанен! Маки!

Ух, как они задержались! Нападение с тыла сразу смешало планы нападающих. Тем более что я, не прекращая орать, залег за ближайшим трупом и, выдернув у него из подсумка магазин, стал экономно пулять по вспышкам ответных выстрелов. Потом перекатился за дерево и, перезарядившись, злорадно ухмыльнулся. Что, суки, съели? Меня вы, может, и завалите, но до ребят точно не доберетесь. Просто времени не хватит – я уже слышал далекие свистки патрулей.

Часть маки, невзирая на стрельбу, все-таки попробовали было проскочить в гостиницу, но позиция у меня была хорошая и двоих я свалил короткой очередью, а остальные резко передумали. Сейчас главное, чтобы ребята не сунулись меня поддерживать, а то себя раскроют. Но мужики были настоящими профи и из дома не раздалось ни одного выстрела. Свистки приближались, и я начал подумывать, что смерть, похоже, откладывается и надо как-нибудь половчее отсюда свалить. Только не успел... Справа от дерева упала граната, поэтому пришлось рвануть к валуну, который лежал метрах в семи от моей позиции. Только граната не взорвалась, а совсем рядом с собой увидел четверых, прущих на меня как танки. «Стэн», падла, заклинил в самый ответственный момент, и пока я закатывал в лоб первому и делал подсечку второму, кто-то сзади приголубил меня, судя по всему, прикладом. В голове как бомба взорвалась, и я сразу стал тихим, мирным и бессознательным.

Глава 12

Башка болит... Да и трясет, отчего голова болит еще сильнее. Но как говорится – если болит, значит, еще живой.

Блин! Похоже, неуловимого Джо, то есть Лисова, все-таки взяли... И трясет, потому что на машине везут – звук завывающего движка был слышен очень хорошо. Хотел открыть глаз и оглядеться, но не успел. Тарантас подкинуло на кочке, и я, приложившись многострадальной тыковкой обо что-то твердое, опять вырубился.

Когда очухался в следующий раз, чувствовал себя гораздо лучше. Только холодно было, зато трясти перестало. Да еще и разговор по-французски слышался. Потом беседа прекратилась и послышался звук хлопнувшей двери. Чуть приоткрыл глаз, но ничего не увидел. Попробовал пошевелиться, ожидая, что голова опять взорвется болью, только все оказалось гораздо лучше, чем предполагал. Боль была вполне терпимой. Наутро после стакана спирта я «умирал» сильнее. Зато из отрицательных моментов было то, что руки

оказались связаны. А ноги вроде свободны...

Французские партизаны, видно, заметили, что пленник начал потихоньку ерзать, и в поле зрения приоткрытого глаза появился темный силуэт, и гнусаво-простуженный голос на довольно хреновом русском сказал:

– Я вижу, вы уже очнулись? Ну-ну, не надо притворяться, это глупо. Сколько вы еще сможете пролежать, изображая потерю сознания?

Все... Похоже, писец подкрался окончательный и мои прикидки про англичан были в самую дырочку. Эти орлы знали, за кем охотятся, иначе со мной по-русски бы не заговорили. А характерный акцент почти не оставлял сомнений в их национальной принадлежности. Ладно, будем включать дурака и надеяться на лучшее. Открыв глаза, пробурчал:

– Я и не притворяюсь, морда фашистская!

На то, что гнусавого обозвали фашистом, он никак не отреагировал. А остальные в количестве четырех человек, стоящие в комнате, только хмыкнули. М-да... выходит, тоже знатоки языков и поняли, что именно я сказал. Первый, ухватив меня за шкуру, рывком перевел с лежачего положения в сидячее. На такое обращение организм отреагировал правильно – и меня, в соответствии с диагнозом о легком сотрясении, прицельно вырвало в сторону гнусавого.

– Ш-шит!!

Тот, проворно отпрыгнув, непроизвольно ругнулся по-английски, окончательно подтверждая мои предположения про лимонников.

– Сэм, ты его так не дергай, а то он нам здесь все заблюет. До вечера нюхать вонь этой свиньи я не хочу.

– Не надо было его с такой силой бить по голове!

– А ты что, хотел, чтобы он нас всех там положил?

Я и так удар сдерживал...

С непонимающим видом переводя глаза с одного на другого, слушая якобы незнакомую речь, я улыбнулся и с жаром спросил:

– Так вы не немцы? Союзники, да? Французы? Ф□ф□ух! А я думал, это гестапо... Тогда почему меня связали? Вы же со мной по русски говорили и, выходит, знаете, что я не немец.

Гнусавый, которого стоящий возле окна здоровяк назвал Сэмом, оскалился, показывая желтые лошадиные зубы:

– Мы, конечно, знаем, что ты русский. И даже зачем ты и твои дружки прибыли во Францию, тоже знаем. Собирались договориться с бошами за нашей спиной? Молчишь? Ну-ну... Ничего, ночью мы тебя вывезем с материка, а у нас ты все расскажешь.

– Вы что, ребята, охренели? При чем тут – за вашей спиной? Насколько я знаю, переговоры шли о выкупе некоторых наших людей, находящихся сейчас в концлагере под Мюнхеном. Мы три чемодана денег для этого привезли. Я – обычный охранник и имен их не знаю, но деньги видел сам. У нас с моим командиром и была основная задача охранять эти фунты.

Видно, слова про охранника и деньги были для англичан неожиданны. Сэм, нависнув надо мной, отрывисто спросил:

– Как твое имя?

Не моргнув глазом, я представился именем сопровождающего из охраны:

– Старший лейтенант Олег Михеев.

– Годдем!

Желтозубый опять ругнулся, но, взяв себя в руки, подозрительно спросил:

– А почему ты нам это все рассказываешь, Михеев? Разве эти сведения не являются секретными и ты как коммунист не должен хранить тайну?

– Должен. Только я еще и реалист. Если начну запираяться, то вы из меня если не здесь, то на вашем острове все равно все выбьете. А так, может быть, хоть какой-то шанс остаться в живых. Тем более, особой тайны в выкупе пленных не вижу...

Вроде бы удовлетворенный ответом Сэм выпрямился и, обращаясь к остальным, сказал:

– Дьявол, этот красный, конечно, врет – какой он охранник без оружия? Вспомни, огонь велся только из «стэна», а будь у него пистолет, мы бы сначала пистолетные выстрелы услышали. Дик, ты что скажешь?

– Скажу, что парень не дурак, с оружием по городу ходить. Слишком это опасно – он ведь не в Москве. То есть русский вначале действовал голыми руками. А я ведь сразу говорил, что дипломат не может быть таким притким. Это точно – боевик из НКВД. Смотри сам, он вчера играючи положил семерых французов и, если бы не мой трюк с гранатой, убил бы их всех.

– Лягушатники вообще были готовы разбежаться после первого выстрела, да и бойцы из них, как из тебя танцовщица кабаре... Но ты прав, подготовка у парня специфическая. С другой стороны, хоть он и охранник, только ведь глаза у него есть? Что-то видел, что-то слышал, о чем-то догадывается. Так что шефу придется удовлетвориться им. Тем более, мы вообще в последний момент успели. Из-за того чертова «мессершмидта» целых два дня потеряли...

Я слушал, как они переговариваются, и на душе было крайне мутно. Если меня переправят в Англию, то все... Разговорить можно любого, как бы он ни брыкался и ни изворачивался. Так что, лишившись ногтей и с отбитым нутром я им один хрен все расскажу. Даже сам не желая этого. Кому как не мне знать про потрошение пленных... А эти, из Интеллидженс Сервис, имеют подготовку не хуже. То есть в МИ-6 по-любому попадать нельзя. Во всяком случае – живым.

Вот ведь, когда уже слышал свистки патрульных, то появилась надежда, что Мессинг говорил не про этот случай. Зря, выходит, надеялся... Мне вдруг стало до ужаса страшно помирать. Хоть и знал про следующую жизнь, но вот так, сознательно нарываться на пулю было очень хреново. Только разболтать все на допросе было еще страшнее. А потом вдруг вспомнил глаза Вальки Лизачева перед тем, как он на гранату лег. Это еще под Могилевом было, мы тогда в разбитом доте оборону держали. Фриц сзади подполз и в пролом швырнул свой подарок. Деваться было некуда, вот Валька на нее и прыгнул. Только он четверых спасал, а я что, трястись буду, когда речь про миллионы идет? И кем меня после этого назвать можно?

Когда про Лизачева вспомнил, то сразу легче стало. Даже голова перестала болеть, так как решение было принято. Теперь главное – надо будет врагов всерьез напугать, чтобы они не по конечностям били, а на поражение.

Тут англичане прекратили свои разборки и Сэм опять подошел ко мне. Остановился, заложив пальцы рук за ремень и уже открыл рот, намереваясь что-то сказать, как послышался звук мотора. Один из захватчиков, глянув в окно, вышел, а я, решив, что лучшего момента не будет, захотел пинком приложить их командира между широко расставленных ног. Но вот не успел. Эта сволочь, даже не особенно торопясь, вlepила мне такой хук справа, что я опять кувыркнулся на лавку. Такая каверза со стороны желтозубого была полной неожиданностью, поэтому уклониться не успел и поймал плюху всей мордой. Сквозь звон в башке услышал удивленный голос одного из «джимми»:

– Зачем ты его так?

– Да что-то глазки у этого красного забегали. Наверняка гадость сделать хотел. А даже если и нет, то профилактика не помешает...

Этот удар опять вернул пульсирующую боль в затылок, и теперь о том, что врага можно спровоцировать на стрельбу, и речи не было. Я, как вареный таракан, только на месте мог сидеть, без резких трепыханий. Глядя на мои «плавающие» глаза, лимонники, переговорив между собой, развязали руки и, набросив петлю на шею, привязали к лавке, посоветовав спать и не дергаться.

Часа через четыре, уже к вечеру я слегка очухался и решил совершить новую попытку. Для этого попросился в туалет, рассчитывая, что всей гурьбой они меня провожать не будут

и появится хоть какой то шанс. Но рыжий Дик посоветовал, если невтерпеж – валить прямо в штаны. Да еще и заржал при этом, скотина. Но в туалет-то хотелось по-настоящему! Замерз как цуцик, вот уже терпежу никакого и не было. Только я напрасно взывал к человеколюбию и пониманию. Англичане лишь прикалывались.

Ну да – обоссанный пленный, считай, уже наполовину сломлен. Человека можно по-разному гнуть. Раздеть, например, и, оставив без штанов, приступить к допросу. Или дожидаться, когда взрослый мужик сходит под себя. Это сильно выбивает из колеи даже не очень ранимые натуры. Вообще способов психологически давить пленного немерено существует, но вот этот на меня точно не подействует. Я в прошлой жизни немецкую порнуху с извращениями видел и не обрыгался, а тут – в штаны надуть... Пфе! Да получите! Лимонники, увидев лужу и мою довольную физиономию, сильно обозлились. Начали вопить, что я – грязная красная свинья, и даже хотели побить. Только их порыв был сбит звуком подъехавшей машины. Дик еще с одним человеком выскочили наружу, а вернувшись, сказали, что все готово. Меня отцепили от лавки, опять связали руки и выволокли на улицу.

М-да... Вокруг был лес, а дом, где сидели до этого, судя по всему, был что-то типа лесной сторожки. Причем недалеко просматривались либо большие сопки, либо пологие горы. Куда же меня завезли? Но сильно оглядываться не дали и, подхватив за шкварник, закинули в грузовой «фиат». Еще один грузовичок, похожий на нашу полуторку, стоял сзади, и в него как раз грузились семеро маки. Пока я возился в кузове, пытаюсь встать, следом запрыгнули трое англичан и расселись на боковых лавочках, уронив меня при этом на пол. Вот блин! Прямо как немцы поступают! Только фрицы тогда на пленного ноги не складывали... Поскрежетав стартером, «фиат» наконец завелся и в наступающих сумерках, подпрыгивая на ухабистой лесной дороге, повез нас в неизвестном направлении.

Минут через сорок, а может и через час (время, когда зимой валяешься на досках кузова, – очень субъективно), машина остановилась. Послышался разговор по-французски. Потом англичанин, имени которого я не знал, спросил у Дика:

– Чего они там болтают?

– Мост, говорят, не очень надежный. Дистанцию между машинами надо увеличить.

Один из «джимми» соскочил с кузова и, вернувшись минут через пять, сказал:

– Хлипкий мостик. Одна опора подломлена, но грузовик выдержит.

– Странно, еще два дня назад вроде целый был?

– Ну а теперь нецелый...

Сидящие в кузове поругали лягушатников за косорукость и неумение вовремя приводить поломанное в порядок. Сравнили их с русскими, у которых дорог вообще нет, а вместо мостов используются несколько досок, скрепленных ржавыми гвоздями. А потом машина, набирая скорость, покатила под уклон. Англичане все как один глядели вперед, наверное, на приближающуюся переправу, а я, сжавшись в комок, прислушивался к звукам. Они должны будут измениться, когда грузовик на мост въедет.

Ведь к этому времени совсем уже отчаялся. Эти волки из Интеллидженс Сервис ни одного шанса сбежать точно не дадут. Поэтому обдумывал даже различные экзотические способы самоубийства, вплоть до разбивания головы об стенку камеры. Только терзали смутные сомнения, что это у меня получится... Но вот с этим мостом может появиться возможность если не сбежать, то хоть помереть быстро. Поэтому когда звук вокруг изменился, стартанул как ракета. Намерения были – лететь головой вниз, чтобы долго не тонуть. Со связанными руками плавать один черт не получится, а тут, может, повезет и в камни врежусь или шею сверну, когда в воду брякнусь. Только как задумывал не получилось. Шустрый Дик в последний момент прыгуна почти ухватил за ногу, поэтому в воздухе перевернуло и в воду вошел «бомбочкой».

Когда плюхнулся в речку, все мысли о самоутоплении сразу пропали, и чисто инстинктивно, извиваясь, как червяк, рванул к поверхности. Сумел даже вынырнуть и воздуха глотнуть, перед тем как опять пошел на дно. Но и в этот раз утонуть не получилось, потому как почти сразу меня закрутило и ударило обо что-то твердое. Я даже сначала не

врубился, что это. Чувствовал только, что спину всю ободрал. Течение прижимало к этой хреновине сильно, и становилось понятно – вот теперь точно кирдык! Начал дергаться, пытаюсь преодолеть силу воды, но только руки порезал обо что-то острое. Порезал?! Как порезал? Лихорадочно нащупав какую-то металлическую скобу, всю в заусенцах, начал, свозя кожу, шоркать по ней веревкой. В груди огнем горело, и сознание мутилось, когда руки наконец стали свободны...

Если бы до поверхности воды было на полметра дальше, то тело Лисова в конце концов всплыло бы где-нибудь ниже по течению. Но эти пятьдесят сантиметров были на моей стороне, и поэтому сумел все-таки вынырнуть, с хрипом втягивая воздух. Сзади слышались голоса, и, оглянувшись, я увидел удаляющийся мост и бегающие фигуры на нем, которые светили в воду фонариками. Офигеть! Высота моста была метров шесть. То-то мне показалось, что долго лечу. И как только не расшибся, ума не приложу? Луч фонаря скользнул по глазам, поэтому пришлось опять нырнуть. Правда, ненадолго. Я еще толком от предыдущего ныряния отойти не успел. Хорошо – течение быстрое и даже особо грести не надо, чтобы как можно быстрее удалиться от этого места.

Через несколько минут ногу свела судорога, и чуть очередной раз не утонул, благо до берега было несколько гребков и получилось, подвывая от боли, выползти на камни. Стуча зубами, отжал одежду и, подпрыгивая от холода, двинул куда глаза глядят. Где нахожусь, даже близко не представлял, поэтому просто уходил быстрым шагом от берега, справедливо опасаясь, что мои захватчики могут подумать, что я не утонул, и хоть немного, но прочешут берега ниже по течению. Да и если оставаться сидеть на месте, то к утру превращусь в ледяную статую. Поэтому шел то быстрым шагом, то трусцой, пока часа через три, когда уже ноги заплетались, не набрел на сарай. Там еще и дом был, но туда я не сунулся, а проникнув в сарай, чтобы хоть как-то от ветра защититься, нащупал сваленное большой горой сено. Сил хватило даже на то, чтобы зарыться в него поглубже и лишь потом отрубиться.

Проснулся оттого, что в сарай вошли люди. Я их не видел, по голосу только определил, что это мужик и бабка. Они сначала трепались, причем старуха явно наезжала на мужика, потом, чем-то погремев, оба убралась наружу.

В сене было тепло и одежда почти высохла, поэтому я, похрустев спиной, чувствовал себя достаточно бодро. Единственно, голова болела да сильно саднили изрезанные руки. Еще и бок при каждом вздохе простреливал, но я думаю, это скоро пройдет. Сползя вниз, с копны, осторожно подошел к стене сарая. Глядя в щели между досками, определил, что уже далеко за полдень. Часы – обычная немецкая штамповка, ночного купания не выдержали, и их стрелки застыли на полвторого, поэтому время пришлось определять на глазок. Потом в поле зрения мелькнул мужик, которого подгоняла замотанная в платки резвая бабуса. Похоже, что это мамаша великовозрастного сынка воспитывает. Мужик вяло отбrehивался и в конце концов, усевшись на велосипед, уехал, а бабка, что-то ворча, ушла в дом. Ну, значит, и мне пора отсюда сваливать. Я эту парочку наблюдал всего полчаса, но, сделав вывод, что натуры они довольно склочные, решил на глаза хозяевам не попадаться. Объяснить, к примеру, что я жертва грабителей, из-за незнания языка не представлялось возможным. А во всех других случаях старая карга, видя незнакомца на своей территории, подняла бы такой вой, что ее пришлось бы валить. Старуху-то еще ладно, но вот затурканного мужичка было бы жалко – может, он маму любит... Поэтому я выбрался из сарая и пошел в ту же сторону, куда уехал велосипедист.

Что буду дальше делать, не представлял совершенно. Когда-то приличный костюм превратился в драную, грязную тряпку. Документов тоже нет. Часы, которые можно было на что-то сменять, не ходят. Остатки денег хозяйственные англичане тоже прикарманили. Зараза! Я даже не знал, в какой части Франции нахожусь. За ночь меня могли увезти хоть к Альпам (кстати, какие-то горы на горизонте стоят), хоть в центральную часть страны. И вообще, какое хамство! Макизары гоняют по ночным дорогам, как будто немцами тут и не пахнет. Расслабились здесь все в корень! И воют тоже по хамски – «ах херр, мы завтра планируем раскидать листовки в городе, поэтому не могли бы вы сказать патрулям, чтобы не

мешали? Нет, мусью, завтра не получится. На завтра намечен парад, и начальство будет недовольно мусором на улицах».

Представив этот разговор, хмыкнул и прикинул, что если бы было все так просто, то я бы сейчас не шел весь в напряжении, готовый при малейшем звуке мотора на дороге нырнуть в канаву.

Пройдя километра три, начал уже подмерзать, как вдруг увидел здоровенного мужика, стоящего посредине поля. Я сначала испугался, в любой момент готовясь атаковать, но мужик стоял неподвижно, как капитан Немо на палубе «Наутилуса». Понял странную неподвижность здоровяка, только когда на него ворона уселась. Ептыть, пугало! Да уж, докатился диверсант... уже и пугал боюсь. Но потом посетила интересная мысль. Брезгливости у меня почти не осталось, а пальтишко на нем хоть и драное, но мне в самый раз будет...

Идти сразу стало гораздо веселее. Во всяком случае, если не обращать внимание на легкое амбрэ, так и прущее от моего нового приобретения. Похоже, этот макинтош сначала собачьей подстилкой был и только потом перекочевал в поле. Да и птички на нем хорошо отметились... Меня теперь, наверное, даже полиция задерживать побрезгует... А так как наконец согрелся, мысли приобрели конструктивный характер. Теперь мог обдумывать сразу два вопроса: первое – где бы пожрать и второе – где добыть одежду и документы. Кроме банального гоп-стопа, сиречь ограбления, в голову почему-то ничего не приходило. Надо будет бомбануть какого-нибудь местного колхозничка по размеру. Во всяком случае, одежду и деньги можно добыть именно так. Насчет документов буду потом определяться, когда одежду сменю и на бомжа перестану быть похожим. Можно обойтись и без них, просто на глаза немцам да полициям попадаться не надо. Франция – страна достаточно маленькая, так что дней за десять пехом можно будет добраться до Оранжа. А там друг Гельмут пропасть не даст...

Несколько раз прятался от проезжающих грузовиков в кустах и канавах, но упорно шел по дороге, ведущей на юг. Вокруг были колхозные, то есть фермерские поля, в некоторых местах присыпанные снежком. Народу попадалось на удивление мало. Кроме трех машин, больше никого не увидел. М-да... В связи с отсутствием потенциальных жертв карьера благородного разбойника находилась под угрозой. Чтобы не думать о еде, стал думать о том, как это романтично – заделаться бандитом во Франции. Буду грабить богатых и отдавать деньги... нет, это чересчур. Деньги надо оставлять только себе. Бабки они и в Африке бабки. Так что буду трясти всех встречных-поперечных. Мужикам при сопротивлении фейс рихтовать, а что с барышнями? Да, точно – с девицами буду галантен и обходителен, а за это они меня будут любить страстно и разнообразно. И вскоре слава о неуловимом налетчике разнесется далеко... М-да, так далеко, что в конце концов мной гестапо заинтересуется.

Блин! Шутки – это, конечно, хорошо, но ведь пора бы уж кому-то появиться. А так как пеших не наблюдается, то придется тормозить машину. При звуке мотора посмотрю, что за колымага едет, а потом лягу на дороге, и пусть попробуют не остановиться! Только машин, как назло, не было, а мне становилось как-то не по себе. В смысле здоровья – все хреновей и хреновей. Судя по тому, как начало колотить, поднялась нехилая температура. Градусника за пазухой не было, но судя по звону в голове и горячей морде – где-то под сорок. Еще через полчаса передвижения по проселку я понял, что разбойника из меня по причине общего упадка сил не получится и надо предпринимать радикальные шаги. Это если не хочу в канаве помереть... Судя по всему, ночное моржевание вылезло боком, и я подцепил если не воспаление легких, то сильную простуду наверняка.

Вообще, конечно, странно. На фронте люди крайне редко болели. Ранения – это да, это в порядке вещей. А всякие там ангины, простуды и прочие ОРЗ были редки до невозможности. Мне, видно, просто не повезло, или так удар по башке сказался, что организм все ресурсы бросил на ликвидацию его последствий, а на остальное мощи уже не хватило.

В общем, когда увидел домик, стоящий метрах в двухстах от дороги, то сил только-

только хватило добрести до него. Забора эта хибара не имела, поэтому к входной двери подошел беспрепятственно и, постучавшись, обессиленно привалился к косяку. За дверью какое-то время было тихо, потом надтреснутый голос что-то спросил по-французски. Собрав все знания языка воедино, постарался достаточно громко ответить:

– Бонжур силь ву пле. Их бин больной, тьфу, кранке...

В доме задумчиво пошебуршились, пытаюсь переварить этот словесный винегрет, потом стукнула щеколда и в приоткрывшуюся щель на меня уставилась натуральная Баба-яга. Я даже немного испугался, глядя на выдающийся нос крючком и черную волосатую бородавку, сидящую под глазом выглянувшей старухи. Во блин, француженки пошли! Наши бабки даже на вид добрее, а эта – как из кошмарика низкобюджетного. Только сейчас было не до жиру, поэтому попытался наладить диалог со сказочным персонажем:

– Бонжур, мадам! Мажестик, колоссаль, де Голль...

Яга несколько секунд глядела на мою испуганно-просящую физиономию, но потом, видно заметив, как трясет и колбасит нежданного гостя, сделала шаг назад, и махнула рукой, дескать – проходи.

М-да... У меня в детстве была книжка сказок братьев Grimm с картинками. Вот внутреннее убранство бабкиного дома было один в один как на тех картинках. Только паутины на окне не хватало. А так и стол, и сундук, и лавка, и печка, все соответствовало... Даже облупившаяся дверь в другую комнату была такая же. Обессиленно плюхнувшись на лавку, я, заискивающе улыбаясь, пытался жестами показать, как мне хреново. Все французские слова уже кончились, поэтому, закатывая глаза, обхватил себя руками за плечи и немного покашлял. Хотя кашлять, честно говоря, совершенно не хотелось. Да и вообще, не болело ничего, просто температура высокая была. И что я за болячку подцепил – непонятно...

Старуха, глядя на эту пантомиму, потрогала сухой ладошкой мой лоб, зачмокала губами и, показав пальцем, мол – сиди, двинула к печке. Там она шебаршилась недолго, а когда вернулась, выставила здоровенную миску какого-то гуляша. Дала ложку, хлеба и, увидев, что я, благодарно покивав, начал метать горячее, опять отошла к полкам и принялась там звенеть посудой. После еды в меня был залит маленький кувшин теплого молока со странным привкусом, а чуть позже бабка заставила выпить целую кружку буро-зеленого горячего пойла со вкусом откровенно гадостным. Похоже, этот напиток меня и победил, потому что после него только и смог, что поставить кружку на стол, вякнуть очередное «мерси» и растянуться на лавке, как на пуховой перине. После чего сознание выключилось...

Проснулся я от звука хлопнувшей двери. Сев на лавке, завертел головой, пытаюсь разглядеть давешнюю бабку. Но никого не увидел. Видно, это она дверью хлопнула, когда выходила. Взгляд скользнул по большим ходикам, висящим на стене. Ого! Полдвенадцатого... Ну нехило я проспал – почти сутки! И чувствую себя очень даже хорошо. От вчерашней температуры и следа не осталось. Только опять жрать охота – похоже, меня вчера так накрыло просто от переутомления, а вовсе не из-за болезни. Такое тоже бывает. И бабуся эта очень вовремя подвернулась. Прямо как в сказке – накормила, напоила и спать уложила. Только вот куда она сейчас намылилась? Вчера про это не особо думал, а сейчас вопрос безопасности начал угнетать и тревожить в полный рост. А ну как этот божий одуванчик сейчас к жандармам рванул? На фиг, на фиг! За лечение, конечно, спасибо, но, похоже, пора и честь знать.

Только сбежать не успел, так как опять хлопнула дверь и вошла бабка с полным ведром воды. Я как истинный джентльмен подхватил ведро, поставил возле печки и, прижав руки к груди, с чувством сказал:

– Мерси, мадам! Гран мерси. Оревуар!

Но Яга, покачав согнутым коричневым пальцем у меня перед носом, сбежать не дала, а усадила обратно на лавку, показав, что собирается для начала гостя покормить. На предмет поесть я завсегда горазд, поэтому, очередной раз мерсикнув, сцапал ложку и замер в ожидании. Правда, на этот раз был не вчерашний гуляш, а какой-то жиденький супчик, в

котором плавал разваренный лук. Раньше бы я на такое и не посмотрел, потому что осклизшие ошметки вареного лука может есть только последняя моральная сволочь и, как сейчас выяснилось – французы. Но горячее оно и в Африке горячее, а когда в следующий раз желудок заполнить придется – неизвестно. В общем, начал хлебать этот шедевр кулинарии, а бабка решила наконец выяснить национальную принадлежность неожиданного гостя. У нее уже, судя по всему, были какие-то предположения, поэтому, сидя напротив, она, потыкав в мою сторону пальцем, поинтересовалась:

– Англе?

Я, подавившись луковой шкуркой, передернулся и совершенно неожиданно для себя сказал ей правду:

– Нет, русский...

Сказал и застыл, запоздало кроя себя последними словами. Блин! Ну кто меня за язык тянул? Хотя эта ровесница динозавров, возможно, и не поймет, что же ей ответили? Но у Бабы-яги со слухом был полный порядок. Она удивленно покачала головой и недоверчиво уточнила:

– Рю-юс?

Я, увидев надежду в этом недоверии, уже хотел было отмазаться от принадлежности к славянам, дескать, она все не так поняла, а на самом деле я какой-нибудь голландец, только не успел. Бабуся, несколько секунд побормотав себе что-то под нос, вдруг просветлела лицом и начала возбужденно лопотать, тыкая пальцем в сторону окна. Из этого потока слов было ни фига непонятно. Рюс, рюс, шур мур шур мур санатуа рюс шур мя бур мур. Видя, что до меня не доходит, хозяйка, подхватив гостя за руку, подтянула меня к окну и опять начала возбужденно в него тыкать, пытаясь донести какую-то мысль. Минут через пять постепенно дошло, что где-то там, за лесами, за холмами, но не очень далеко, живут русские. Один или много, я так и не понял, понял только, что живут в месте под названием Сантуа. Яга, видя, что до меня наконец дошло, заулыбалась во все свои четыре зуба и, позволив доест свой луковый супчик, показала, что больше не задерживает выздоровевшего гостя. Уже стоя в дверях, опять потыкала в сторону холмов, дескать, мне туда, а потом, кивнув на очередное «мерси», зашла в дом. Я же, подняв воротник своего пальто, от которого из-за нахождения в тепле откровенно несло псиной, неспешным шагом пошел вдоль дороги в указанном направлении.

Русские, русские... Интересно, что за русские там обитают? Если приверженцы Краснова, то, придя к ним, попаду не просто в жопу, а в самую ее дырочку. А если нет? Помощь-то, как ни крути, не помешает. Температуры, конечно, у меня нет, голова с растрясенными мозгами болит гораздо меньше, но вот бок так и не проходит, простреливая на каждом вздохе, да и колено ушибленное дает о себе знать. М-да... Так что поддержка со стороны сейчас очень необходима. Хотя бы теплый угол, чтобы отлежаться, уже хорошо будет. Но сразу соваться к русским, даже если их найду, не буду. Понаблюдаю вначале, а потом, если их там не больше пары человек живет, попробую познакомиться. Даже сейчас, в таком состоянии двое мужиков для меня особой опасности не представляют. По разговору всяко-разно пойму, что они из себя представляют, тогда и решу оставаться у них подлечиться или рвать когти. Будут нормальными людьми – останусь. Окажутся пособниками фрицев – дам по башке, помародерничаю и свалю.

Хотя в моем положении самый лучший вариант – это добыть себе колеса. В смысле какой-нибудь неброский автомобиль. В нем, если что, можно и поспать, да и от погони уходить лучше за рулем, чем на своих двоих. Исходя из того, что макизары меня сюда ночью без проблем провезли, фельдполиция здесь на службу если и не забила, то несет ее несравнимо более бардачней, чем на Востоке. А значит, есть хороший шанс, добыв бибику, за пару ночей проскочить до Оранжа. Опасно, конечно, без документов, но не более опасней, чем пешедралом. Тем более пешком просто не дойду... Вот так, весь в сомнениях, прихрамывая, я топал по проселку, с каждым шагом приближаясь к пологим холмам, стоящим вдалеке.

* * *

День начинал клониться к вечеру, когда, пройдя за поворот дороги, который она делала, огибая поросший лесом бугор, метрах в ста от себя увидел стоящее с поднятым капотом авто. Не грузовик, не колымагу, а именно авто. Вообще все более-менее нормальные тачки немцы реквизируют в пользу армии, так что в частном пользовании остались только еле ползающие рыдваны. А эта машина была похожа на «опель». Никак немцы чинятся? Но мне, в общем, по барабану, кто это. Хоть фламандцы. В первую очередь это машина, шмотки и, возможно, еда. Так что, похоже, вариант с непонятными русскими отпадал сам собой. Прячась в чахлах придорожных кустиках, я стал приближаться к тачке. А когда подошел, только зубом удовлетворенно цыкнул. Не немцы. Человек, стоящий нагнувшись над мотором, выпрямился, и я увидел, что это совсем молодая, лет восемнадцати, француженка. Там был еще кто-то, но явно не мужик. Или ее подруга или ребенок. Хотя ноги в брюках, значит – скорее всего мальчишка. Ладно, детей пугать не будем и попробуем вначале договориться по-хорошему. Хотя бы на языке жестов. Поэтому вылез из кустов и, не скрываясь, двинул к машине. До нее оставалось шагов десять, когда меня наконец заметили. А я, вспомнив классическую фразу по-французски, пришедшуюся удивительно в тему, сразу выдал:

– Бонжур, мадам, тьфу, мадемуазель. Же не манж па сис жур. – И чисто на автомате, заискивающе улыбаясь, добавил: – Подайте бывшему депутату Государственной думы...

Из-за капота вынырнула вихрастая голова пацана лет четырнадцати, и он, неприязненно глядя на меня, спросил у девчонки:

– Алекс, чего хочет этот клошар?

На какую-то секунду я охренел. Вот те раз! Я что, по-французски врубаюсь, раз понял, о чем он говорит? Но наваждение тут же спало, так как мамзелька удивленно спросила на родном мне языке:

– Вы что, русский?

* * *

Хорошо сидеть чистым, сытым и довольным жизнью. Особенно когда сидишь возле камина и, держа в руке бокал с вином, ведешь неспешную беседу. Аристарх Викторович, хозяин этого шато, предложил на выбор разные напитки, и я, отвергнув коньяк, остановился на вине, что заставило бывшего белого генерала удивленно покрутить носом. С видом знатока отпив маленький глоточек, я почмокал губами. Вино было действительно вкусное, о чем незамедлительно известил хозяина. Тот хмыкнул, поставил свой бокал на столик и задал следующий вопрос:

– Так вы, Илья Иванович, говорите, аж из Италии сюда пришли?

– Так точно, господин генерал!

– Очень интересно...

А уж мне-то как интересно, чего я еще наплету...

Когда Алекс, она же Шурочка, узнала, что бомжеватый тип, подошедший к ней – русский, причем не местный русский, а настоящий, из тех самых, которые краснопузые, то сильно разволновалась. Пацан, которого звали Петром, вообще глядел восторженно. Ну еще бы! Встретить человека из легендарной армии, которая ненавистных бошей гоняет в хвост и гриву, для мальчишки, было сродни фантастике. О положении на фронтах они прекрасно знали из заныканного дома радиоприемника, вот пацанчик и проникся... А я-то как проникся! С ума сойти – старая Яга, выходит, очень даже верное направление показала, где можно русских найти. Только вот не рассчитывал их прямо на дороге встретить. Но ведь не зря говорят – что ни делается, все к лучшему. Сейчас у этих пионэров их политические пристрастия выясню, а там решу – захватывать колеса или ехать с подростками к ним домой.

Ребятишки ударно закончили ремонт и, загрузив «настоящего русского» в машину (даже вонь шибаящая от реквизированного с пугала пальто их не остановила), повезли к папе. Правда, услышав про папу, я несколько взволновался, но Алекс успокоила, сказав, что папа является настоящим патриотом и даже помог спастись одному французскому макизару, который, убегая от немцев, спрятался недалеко от их шато. Так папа его накормил и даже дал свой наган взамен потерянного маки пистолета, когда Жан-Поль уходил обратно к своим. М-да... Я бы такому партизану за утерю оружия в лобешник для профилактики закатал, но здесь, блин, Европа, и даже бывшие русские генералы, похоже, сильно расслабились. Про то, что папик этой парочки – царский генерал, мне рассказал Петька, желая показать, что и он тоже имеет некое отношение к армии, пусть хоть и через ближайшего родственника. Кстати, упоминание, что папа презирает атамана Краснова, активно сотрудничавшего с фрицами, внушало надежду, что такой человек меня с ходу немцам не сдаст. В принципе так и оказалось. Когда машина подъехала к здоровенному двухэтажному, так и хочется сказать, поместью, Петруха шмыгнул в дом и, пока Алекс загоняла машину на парковку, меня вышел встречать хозяин. Крепкий высокий старикан, дождавшись, пока я, кряхтя, выберусь из авто, протянул руку, представившись:

– Генерал Кравцов Аристарх Викторович.

М-да, хитрый жук. Надо же, как он по всей форме доложил. Теперь просто именем не обойдешься... Но так как я жениться на генерале не собираюсь, то и представился без особой похвальбы своими подполковничьими погонами:

– Капитан Лисов Илья Иванович.

Аристарх Викторович удовлетворенно кивнул и, глядя на мои покрытые свежей коростой пальцы, поинтересовался:

– Вы не ранены?

– Нет, только сильно побит, но без особых повреждений.

Потом генерал пригласил в дом, где, оценив мой прикид, предложил помыться и переодеться. Я на это с радостью согласился. После водных процедур меня осмотрела какая-то миловидная женщина, бывшая, как она сказала, в далекой юности сестрой милосердия. Выяснилось, что общие повреждения организма оказались несколько сильнее, чем предполагалось. Помимо сотрясения мозга и сильно изрезанных рук, были треснуты или сломаны два ребра. То-то думаю – дышать больно. До этого рассчитывал, что это просто ушиб, но, видно, об ту хреновину под водой приложило так удачно, что ребра хрупнули. М-да... Только все равно – легко отделался. В МИ-6 из русского офицера вообще отбивную бы сделали, а так всего пара костей пострадала. Потом, наложив на грудь тугую повязку, мне дали чистую одежду. Размеры на два больше, но это фигня. Отдернув пиджак, я сбил невидимую пылинку с лацкана и, улыбнувшись, поблагодарил бывшую медичку. Она улыбнулась в ответ, поправила мне воротник и препроводила в столовую, где за столом сидела вся немалая семья Кравцова. Помимо генерала, там были его жена, муж сестры (кстати, именно сестра хозяина меня и перевязывала), Алекс с Петькой и еще один мужик, который был представлен как боевой товарищ Кравцова. Для полного комплекта не хватало только старшего сына с племянником, которые умотали по делам в Лион. Правда, надо отдать должное Аристарху Викторовичу, поесть дали спокойно. Во всяком случае, вопросов почти не было. Петруха было сунулся, но отец на него только шикнул, и на этом все поползновения узнать, как тут оказался «настоящий русский», закончились. Зато после обеда незваный гость был приглашен в кабинет, и тут началось...

Глава 13

Пока тряся в машине, я продумал линию поведения вместе с легендой. Лучше всего было выдать себя за пленного, бежавшего из концентрационного лагеря. Но даже толком не жрамши два дня, тушка Лисова никак не тянула на дистрофичного лагерника. Да и лагерного номера у меня нет... Поэтому ударился в экзотику. Дескать, попал во Францию из Италии. А

в Италию из Югославии, но только не по своей воле. Будучи советским инструктором в одном из отрядов Тито – угодил в плен. По какой-то причине меня вывезли к макаронникам. А так как Италия – страна непуганых идиотов, то удалось сбежать. Возвращаться в Югославию было слишком далеко, в Швейцарии меня никто не ждал, да и через горы топать как-то не с руки, поэтому двинул во Францию, рассчитывая в Марселе или Тулоне найти судно, которое идет в Задар. Документы тоже думал раздобыть по пути. Нет, эти повреждения получил не во время бегства. Просто позавчера на меня напали четверо придурков, дали по голове, ограбили и бросили в канаве. Собеседники (а помимо хозяина в комнате были его друг и муж сестры) засыпали вопросами, спрашивая и переспрашивая, но, похоже, верили. Слишком уж фантастически для вранья все выглядело. Зато в процессе беседы узнал, где я нахожусь. В долине реки Луары, а ближайшее селение за виноградниками называется Сент-Антуан. До Марселя чуть меньше трехсот километров, но меня, пока не полечусь, никуда не отпустят.

М-да... Где-то так и думал, что два дня назад километров на триста отвезли, не дальше. Автобанов здесь еще нет, а тот «фиат» максимум километров под пятьдесят мог идти, и то, если в нем водила хороший был. Везли всю ночь. Вот и выходит: двести пятьдесят – триста километров. Было б весело, если бы англичане меня в сторону Ла-Рошеля везли. Вот бы хозяева удивились, что я такие круги по Франции наматываю. А у ребят, пока ехали, спросить, где нахожусь, не додумался, больше озабоченный вопросом выяснения личности их папаш.

– Очень интересно, господин капитан. Или вам больше привычней – товарищ?

Да хоть горшком называй, мне по барабану. Сейчас главное – отсидеться несколько дней, пока в себя не приду, а как при этом будут называть – дело десятое. Но Кравцову, судя по всему, было не все равно. Генерал хоть и доброжелательно, но с ехидцей смотрел в мою сторону, ожидая ответа. Поэтому я тоже поставил свой бокал на стол, взглядом попросив разрешения, взял из коробки сигару, обкусил щипчиками кончик и, закурив, ответил:

– Господин генерал, разумеется, мне привычней быть товарищем. Но вы можете называть как вам удобнее.

Аристарх Викторович, откинувшись на спинку кресла, с деланным удивлением сказал своим друзьям:

– Удивительное дело, господа, или за эти двадцать лет коммунисты стали гораздо более терпимы, или нам повезло встретить несколько необычный экземпляр совдеповского командира.

– Офицера.

– Что?

– Офицера Красной Армии. Вы, господин генерал, можете дальше продолжать упражняться в остроумии, но хочу заметить – когда вы во Францию лыжи вострили, я еще под стол пешком ходил. Соответственно к разборкам Гражданской войны отношения никак не мог иметь, поэтому ваш сарказм непонятен. А сейчас я являюсь капитаном той армии, которая единственная из всех мировых держав бьет германцев по всему фронту. И горжусь этой принадлежностью... Да, еще небольшое замечание – неприлично говорить о человеке в третьем лице, когда он сидит перед вами.

Хе! Уел генерала! Он, видно, хотел вспомнить молодость и слегка тонко покуражиться над лапотником, а тут такой облом! Собеседник покраснел, закашлялся и, мельком глянув на своих прячущих улыбки друзей, извинился. А потом, немного оправившись, решил поинтересоваться родителями, рассчитывая, видно, что мое возможное высокое происхождение несколько сгладит неловкость от его промаха. Но и тут оказался в пролете. Я ответил, что происхождение у советского капитана самое что ни на есть рабоче-крестьянское. А образование очень даже среднее – школа-восьмилетка и пехотное училище. Аристарх Викторович несколько усомнился в моих словах. Мол, слишком правильно предложения строю и беседу веду.

– Товарищ, извините, господин генерал, а что вы думаете, если дворяне в основном

удрали из страны, то там все развитие затормозилось? И люди исключительно надясь да чавось до сих пор говорят? За эти двадцать лет очень многое поменялось. Мне даже как-то не верится, что вы не в курсе тех перемен...

Хозяин пожевал губами и уже без всякой издевки ответил:

– Видите ли, Илья Иванович, я, разумеется, следил за всеми переменами, происходившими в России, но одно дело слушать радио и совсем другое встретиться с человеком оттуда. Мы ведь двадцать три года видели только тех русских, которые сумели уйти из красной России после проигрыша в Гражданской войне. А в наших газетах про СССР перед войной писали только в негативном ключе. Может, вы нам расскажете, как обстоят дела на самом деле? – И смеясь добавил: – Только, пожалуйста, без коммунистической пропаганды. Мы на нее давно иммунитет имеем. Если можно, только факты.

– Хм... пропагандировать идеи бородатых классиков я точно не собираюсь, тем более что не очень в них разбираюсь. Но чтобы было проще, сами спрашивайте, что именно вас интересует.

А интересовало старичков практически все. Начиная с того, как обстоят дела в колхозах (правда я и сам об этом имел весьма смутное представление), и заканчивая строительством новых заводов. Ну и, разумеется, жизнь простых людей их тоже не оставила равнодушными. Я даже языком трепать устал, хотя старался говорить правду. И о перегибах с кулаками, и о новых заводах, и о том, как старую гвардию Верховный на ноль чистками помножил. И то, что их бывшие имения после Гражданской, те что целыми остались, в дома отдыха да в пионерлагеря превращены. Как обстоят дела в Красной Армии, тоже поведал. О взаимоотношениях внутри армии рассказал. Про то, что там уже нет комиссаров, они и сами знали, но вот о том, что офицером сейчас можно стать только после училища, были не в курсе. Думали, что у нас как в сорок первом, в результате естественной убыли взводных командиров их места заполнялись сержантами да старшинами. В конце концов, боевой друг генерала с экзотическим именем Игнат Киреевич задумчиво протянул:

– М-да... Изменений произошло в стране очень много. И я бы не сказал, что они плохие. Скорее наоборот... Вы говорите – техника на фронтах практически вся отечественная?

– Конечно. Ленд-лиза очень мало, и в основном это продукты и сырье. Да и зачем нам плохое импортное вооружение? Танки американские никуда не годятся. Пулеметы у нас тоже лучше. Самолеты, особенно последних марок, не уступают, а то и превосходят штатовские. Более-менее нормальными считались американские бронетранспортеры и грузовики. А с выпуском Газ-63 и грузовики стали хуже нашего вездехода.

Собеседники переглянулись, и Аристарх Викторович задумчиво протянул:

– Кто бы мог подумать, господа, что отсталую и аграрную страну можно так взнудать, превратив ее чуть ли не в промышленного гиганта. И это за какие-то двадцать лет. А я ведь, грешным делом, слушая радио, думал, все это пропаганда...

Тут подал голос его родственник. Наклонившись к столу и наполняя бокал, он насмешливо напомнил:

– Аристарх, кто бы говорил. Не ты ли в тридцать девятом нас всех с договором о ненападении просто замучил? Ведь все статьи по косточкам разобрал. Напомнить твои слова? Кто говорил, что впервые за двести лет Россия начала вести независимую внешнюю политику и что ты отныне и навсегда только за это коммунистов уважать готов?

Генерал на эти слова только хмыкнул, а я заинтересовался:

– А что за договор? Пакт Молотова-Риббентропа? И чем же он так хорош, если его немцы все равно нарушили?

Ой, бли-и-н... Судя по тому, как у старичков загорелись глаза, я крупно попал и теперь предстоит выяснить, с чего бы они этим замшелым договором так восторгались. Предчувствия меня не обманули... Но зато действительно узнал сногшибательную вещь. Я ведь как-то до этого политикой не очень интересовался. Про договор, угробленный фрицами,

знал и не более того. Ну еще знал, что в моем времени он считался чем-то очень неприличным. А выяснилось...

В общем – это был действительно прорыв русской политики. Англия до нутряных колик мечтала, что Гитлер пойдет войной на СССР. Франция, кстати, бредила этим не меньше, чего я от лягушатников совсем не ожидал. После Мюнхенского пакта, где бывшие союзники внаглую слили фрицам Чехословакию, они всячески науськивали на Германию – кого бы вы подумали? Польшу! Гордым пшекам была обещана помощь во всем, начиная с техники и заканчивая ударом в тыл вермахта, если тот только дернется. Поляки, охерев от таких обещаний, моментально начали демонстрировать фрицам неприличные части тела, хотя до этого просто мечтали о союзе с тевтонцами. Причем Германия обхаживала Польшу, как престарелый дедок молодую невесту – со всем тщанием и деликатностью. Только главный поляк, маршал Рыдз-Смиглы (во имечко, а?) показал им фак и пригрозил, что доблестные польские войска согнут недоделанных немцев в бараний рог, если те сунутся к вольному городу Данцигу. А Англия, готовясь слить и Польшу, думала только об одном – открыть путь фашистским войскам на восток. Я так прикинул, что если бы наши оставались на старых границах и война началась оттуда, то Гитлер вполне мог взять Москву еще до начала осенней распутицы. Тогда, считай, писец всему... Но Сталин вовремя подсуетился. Видя, что островитяне с французами творят совершеннейший беспредел, при этом всячески отказываясь заключать военный договор с СССР, взял и сыграл так, как это было выгодно России. Ух, как все взвыли! И как я помню, через семьдесят лет продолжают выть. Еще бы – мы не только посмели забить болт на всех европейских козлов, которые мечтали о разгроме моей страны, но еще и, отодвинув свои границы на запад, обеспечили себя людьми, территориями, да и войну отсрочили на год как минимум.

Старички продолжали, перебивая друг друга, просвещать советского командира, попутно удивляясь, как он может этого не знать, а я решил – если получится вернуться, то обязательно узнать всю подоплеку начала этой войны. Обалдеть... В школе этого точно не проходили, да и позже я не знал, что Польша чуть не стала союзником Германии и только ее понты поставили пшеков в такое незавидное положение. То, что Варшава урвала себе кусок Чехословакии, когда туда вошли немцы, тоже не знал. Причем не просто урвала, а ее войска в союзе с немчурой вторглись в эту страну. То, что Франция посылала своих добровольцев в Финляндию для войны с Союзом – даже не догадывался. Всегда считал, что лягушатники пусть и слабые, но искренние союзники СССР. Ну там Нормандия-Неман, де Голль и прочие...

Хрен нанась! Когда Франция уже объявила Германии войну, то одного французского комполка отдали под трибунал за то, что он посмел стрелнуть в сторону немцев. Блин, бред просто какой-то... понимаю, когда наших погранцов за ответную стрельбу мурыжили, но тогда никакой войны не было, и был приказ не поддаваться на провокации. А у французов ведь ВОЙНА была в полный рост! Зараза... не зря ее «странной войной» называли...

Я слушал старичков, открыв рот и херея с каждым сказанным словом. А когда узнал, что после того, как немцы вторглись в Советский Союз, тысячи французов ломанулись воевать добровольцами, то очень удивился, сказав, что никаких добровольцев у нас не видел. Игнат Киреевич, зло хохотнув, уточнил, что добровольцами они пошли в немецкую армию. Причем Гитлер их долго брать не хотел, а потом разрешил сформировать из лягушатников отдельное подразделение, так называемый Legion Tricolore. И перли в него подданные великой Франции со всех концов страны и даже из африканских колоний. Только бывших военных французской армии туда не взяли, на что последние дико оскорбились.

Вот те бабушка и Юрьев день... Правильно я думал – с такими союзниками никаких врагов не надо. Только думал это про америкосов с англичанами. Получается, галльские винограды не лучше...

А последней каплей стало то, что, оказывается, Молотов своим договором рассорил Германию и Японию! Вот почему джапаны в самый ответственный момент Гитлера не поддержали и не ударили по Дальнему Востоку, отмазываясь наличием там крупных

советских сил. Они просто фрицам такого предательства не простили и после смены своего правительства, которая произошла из-за Молотовского пакта, переориентировались на войну с Америкой, предоставив немцам самим разбираться с русскими. Однако... Только сейчас стали понятны все брызги и слюни наших и импортных современных мне демократов, изгаляющихся над этим договором. Он ведь все планы им сломал! А я всегда нутром чуял: все, что хают эти мудаки, – хорошо для России. Выходит – интуиция не подвела.

Бывшие белогвардейцы грузили меня сенсационными знаниями до самого вечера и, только увидев, что слушатель начал клевать носом, наконец уgomонились, и после ужина советский капитан был препровожден в мягкую люлю.

* * *

Утром меня разбудил шепот, доносящийся из-за приоткрытой двери:

– Ну что, он проснулся?

– Вроде спит... Ой, нет – смотрит!

В комнату просунулась Петькина голова, и, не заходя внутрь, он поздоровался:

– Доброе утро, товарищ Илья Иванович!

Рядом с Петрухиной башкой нарисовалась еще одна, на этот раз пацана постарше. Тот близоруко прищурил глаза и тоже поприветствовал меня ломающимся баском:

– Здравствуйте, товарищ красноармеец.

– Дурак, это не красноармеец, а офицер! Он капитан!

Обладатель баска смутился и попробовал исправиться:

– Доброе утро, товарищ красный капитан.

Мне стало смешно. Демонстративно оглядев руки, спросил:

– Ребята, я что-то не понял, неужели советский капитан похож на краснокожего индейца? А может, у меня лицо сильно красное? И хватит там в дверях топтаться. Заходите уж целиком, если все равно разбудили.

Петькин дружок на вид был года на три его постарше и оказался двоюродным братом, носящим имя Леонид. Они со старшим сыном Кравцова вчера вернулись из Лиона, когда я уже спать ушел. Узнав от Петра, что у них в доме находится настоящий советский командир, мальчишки часов с шести утра терлись под дверью, ожидая его пробуждения и мечтая узнать, сколько на моем счету убитых бошей, подбитых танков и сбитых самолетов. М-да... у нас такие вопросы военным задают детишки лет до десяти, а те, кто постарше, уже начинают хорошо разбираться в особенностях и различиях воинских профессий, чтобы понимать разницу между противотанкистами, истребителями и пехотинцами. Но у этих импортных щеглов так горели глаза в ожидании рассказа, что я, рассмеявшись, выдал тут же выдуманную историю про героические подвиги, где присутствовали и танки и самолеты и даже корабли. Пацаны восторженно ахали, но минут через пятнадцать появился Аристарх Викторович и, выгнав всех, пригласил выходить к завтраку.

За утренним жором познакомился с его старшим сыном Михаилом. Мишка – высокий кряжистый парень лет двадцати семи, крепко пожал руку и сразу предложил задействовать свои связи для доставки меня до Марселя. Разумеется, после полного выздоровления советского капитана. Воспользовавшись тем, что все немного отвлеклись, шепнул на ухо:

– Документами обеспечу и с кораблем, я думаю, проблем не будет. Только отцу про это не говори, а то он волноваться начнет.

Ух ты, какой шустрый малый! Везде у него завязки есть. Я удивленно поглядел на Мишку, но он в ответ только ухмыльнулся и, подмигнув, начал активно работать ложкой. После завтрака генерал хотел было опять уволочь меня в свой кабинет, но его старший сын пресек эти поползновения:

– Папа, вы наговориться еще успеете, но ведь Илье надо одежду подобрать. А то он в моем пиджаке как в пальто смотрится. Мы съездим к мадам Ланжо и там его приоденем.

Аристарх Викторович, выслушав это предложение, возмущенно вскинулся:

– Михаил, ты думай, о чем говоришь! Какая мадам Ланжо?! Мы что, нищие, нашего гостя одевать чуть ли не у старьевщицы? Поедете к Пьеру. Он шьет быстро, и дня через три у Ильи Ивановича будет нормальный гардероб.

– Хорошо, папа, ты только не волнуйся. Хочешь, чтобы мы шли к Пьеру, значит, пойдем к нему.

Пока грузились в машину, спросил у Мишки:

– Слушай, я ведь по-французски ни бум-бум. И аусвайса тоже нет. Если немцы тормознут, что делать будем?

– Это не проблема. Немцев в нашем захолустье просто нет, а местных полицейских я хорошо знаю, поэтому вопросов никаких не будет. Но на всякий случай – ты мой приятель из Дьеппа. Вы там живете замкнутой русской общиной, и поэтому с языком ты не в ладах. А кстати, ты кроме русского еще какой-нибудь знаешь?

– Немецкий, английский и польский.

– Тогда не из Дьеппа, а с Корли. Это маленький городок на границе с Германией. Поэтому по-немецки и шпрехаешь. Но вопросов, я думаю, все равно никаких не возникнет. И еще... Мне кажется, что новенькая с иголки одежда в твоём положении будет несколько демаскирующим фактором...

Опаньки... А я ведь только-только рот открыл, чтобы это же ему сказать. Какой предусмотрительный молодой человек. Терзают меня смутные сомнения, что он не только младший партнер в фирме своего папаши, но еще и личные дела вовсю крутит, о которых Кравцов-старший понятия не имеет. Поэтому, согласившись отставить Пьера и ехать сразу к мадам Ланжо, спросил у своего спутника, откуда у него такие познания в конспирации. Мишка долго выделываться не стал. Коротко глянув в мою сторону, он просто ответил:

– Я ненавижу бошей. И пусть меня еще младенцем вывезли из России, но я патриот своей страны.

– Франции?

– Нет, России.

И неотрывно глядя на дорогу, словно говоря сам с собой, продолжил:

– Отец сейчас живет в своем мирке и слава богу. Благодаря тому, что у нашей семьи были неплохие накопления, мы в эмиграции смогли нормально устроиться. Но я видел, как эти лягушатники относились к другим русским. Хуже, чем к выходцам из колоний. Ты не представляешь, сколько раз в детстве мне драться приходилось, чтобы выбить из дворовых мальчишек чванство и пренебрежение по отношению ко мне. Мы ведь раньше в Орлеане жили, и только десять лет назад перебрались сюда. Да и переехали лишь из-за того, что у отца сердечный приступ случился, когда он увидел, что его бывшего командира полка, который таксистом работать устроился, хлещет по щекам какая-то французская мразь. А тот, боясь потерять работу, даже не защищался... У Игната Киреевича дочь тогда тяжело болела, и деньги нужны были как воздух.

– А что, Аристарх Викторович его до этого не встречал?

– В том-то и дело, случайно увидел... Они при эвакуации из Крыма друг друга потеряли, а тут вдруг в Орлеане такая встреча... Отец тогда этому лягушатнику по морде дал, так полиция набежала. С трудом откупились. А вечером приступ...

– Ну а с дочкой что?

Михаил улыбнулся:

– Жива-здорова. Сейчас замужем за моим другом. Они в Лионе живут. А отец тогда решил уехать куда-нибудь в деревню. Купил шато, виноградники и забрал с собой семью. Ну и друга старого с дочерью тоже. Сильно переживал, что остальным помочь не может, хотя постоянно вносил деньги в фонд русских ветеранов.

М-да... Как-то все у них тут безрадостно. Вот уж совсем не ожидал от французов такого отношения к эмигрантам. Я-то в прошлой жизни, глядя телевизор, думал, что все эти князья да графы очень неплохо тут устроились. Оказывается – фиг там. Только очень малая их часть быстро офранцузилась и стала себе жить, поживать, добро вывезенное проживать.

Причем в основном именно та часть, которая и довела страну до революции. Зато остальные хлебнули лиха сполна... а Мишка тем временем говорил уже о другом:

– Ты знаешь, когда я почувствовал искреннюю гордость за свою страну? Даже не тогда, когда по радио о победах СССР говорить начали. Это все происходило очень далеко и казалось чем-то нереальным. Просто год назад, в Лионе, на вокзале, увидел немецкий эшелон. То, что этих битых бошей вывезли с Восточного фронта, я позже понял. А тогда глядя, как они, улыбаясь, пытаются болтать с мальчишками, которые, как и все ребята, бегали смотреть технику на платформах, просто подумал, что германцы какие-то неестественно радостные. И тут один из мальчишек закричал по русски, подзывая своего друга. Эти пацаны были из русской общины Лиона. Ты бы видел, как испугались немцы! Как они при звуке русской речи шарахнулись в сторону, хватаясь за оружие! Вот тогда и почувствовал настоящую гордость оттого, что я русский. Если толпа здоровых мужиков хватается за автоматы, пугаясь маленьких детей, то это очень много значит...

– А вернуться обратно вы не думали?

– Раньше не думали – отец тогда совсем не доверял красным, а сейчас даже он сильно колеблется и в разговорах все чаще говорит, что мечтает быть похороненным в родной земле.

– Ну а сам?

– Хм... Ты думаешь в СССР нужен инженер, специалист по выращиванию винограда? Да и отца я не оставляю...

– Вот и приезжайте после войны всей семьей. Без работы точно не останешься, или ты думаешь, у нас виноград не растет? А насчет того, что Арсений Викторович красных опасается, так Сталин еще месяц назад издал указ о реабилитации всех белоэмигрантов, не запятнавших себя сотрудничеством с немцами и борьбой против СССР после двадцать третьего года..

– Слышал я это выступление... И ты, Илья, считаешь, что это правда?

– Сталин слов на ветер не бросает, а мы столько в этой войне потеряли, что образованные люди сейчас как воздух нужны. Он же говорил, что их руки и их знания как никогда могут понадобиться стране. Про патриотизм, помнишь, как загнул? Так что после войны приезжай на разведку, а потом и своих перетянешь. Во всяком случае, твоим детям, из-за того что они не французы, драться не придется.

Пока Мишка в раздумьях качал головой, я думал, что на мой первый вопрос – про навыки в конспирации он так и не ответил. А еще минут через пять мы доехали до секонд-хенда мадам Ланжо. Там прибрахлились почти новой кожаной курткой, крепкими штанами по размеру, свитером и ботинками-говнодавами. А то в моих штиблетах бегать по зимним дорогам было несерьезно. Упаковав шмотки, мы вышли к машине. Пока пропускали пустую телегу с высоченными бортами, которую тянул крепкий битюг, вдруг почувствовал чей-то взгляд. Глянув направо, увидел парня, который пялился на меня, как на тень отца Гамлета. Француз, вытаращив глаза, вхолостую открывал рот, но, заметив, что я смотрю на него, быстро повернулся и, оглядываясь через плечо, рванул вдаль по улочке.

Блин, что-то морда у этого лягушатника очень знакомая. Особенно вот этот нос – баклажаном. Пихнув Мишку в бок, спросил, не знает ли он этого типа. Тот, глядя в спину быстро удаляющемуся парню, пожал плечами и предположил, что вроде видел его работающим на новой мельнице, а потом поинтересовался, в чем дело. Я ответил, что просто, видно, почудилось, но, сев в машину, неожиданно вспомнил. Ядрен батон! Эта морда показалась знакомой, потому что он был один из тех макизаров, которые ехали в задней машине, когда я от англичан ушел. Во блин, попал! До того моста отсюда километров тридцать. Надо же было так получиться, что нос к носу с этим хмырем именно здесь столкнулись! И ведь он меня точно узнал, поэтому так и пялился. Одна надежда, что англичане, судя по их разговорам, должны были улететь позавчера ночью. Выходит, пока это мурло стуканет кому надо да пока они начнут шевелиться, есть возможность тихо уйти. Вот только бы семью Аристарха Викторовича под молотки не подвести. Ухари из МИ-6 отдельно

стоящее шато возьмут не поперхнувшись. Это не в городе действовать, им для этого даже дополнительные силы не понадобятся... Поэтому когда выехали из городка, попросил Мишку остановиться и, собираясь с мыслями, начал:

– Значит так, Михаил. Я твоему отцу слегка соврал, про Югославию. То есть я действительно являюсь капитаном Красной Армии, но здесь оказался вовсе не сбежав из плена в Италии. У нас в Оранже была важная миссия. Поверь, ОЧЕНЬ важная. Только где-то произошла утечка информации и англичане сумели выйти на мою группу с целью помешать выполнению задания. Ребята смогли уйти, а я, прикрывая отход, попал в плен. Случайно все получилось, живым сдаваться не собирался, но «стэн» заклинил в самый неподходящий момент и в бессознательном состоянии англичане сумели меня повязать. Но потом получилось сбежать. А сегодня столкнулся с одним из тех французов, которые помогали лимонникам. И они постараются повторить захват, как только узнают, где я нахожусь. Так что извини, сейчас семья твоя в большой опасности.

Мишка слушал внимательно и не перебивал. Зато когда я замолк, начал задавать вопросы. И про то, куда меня привезли после пленения. И как удалось уйти. Этот мост он, оказывается, знал, поэтому удивленно присвистнул, когда узнал, что советский капитан с него со связанными руками сиганул. Даже предположил, обо что я под водой треснулся. Там, оказывается, еще перед войной авария была и на дне два грузовика покоятся. Потом неожиданно заинтересовался заклинившим «стэном»:

– Ты помнишь, как его держал, когда стрелял?

Я показал. Мишка, глядя на мои руки, только хмыкнул:

– Распространенная ошибка. Вообще эта машинка достаточно надежная, но когда держишь его левой рукой не под стволом, а за магазин, то идет перекося патрона. Видно, до этого не приходилось с подобным оружием работать?

– Я его только в руках крутил и разбираю, а вот пострелять до того случая не удавалось...

– Тогда все понятно...

Михаил тяжело вздохнул и завел двигатель.

Часть дороги проехали в молчании. Я про себя думал, что самое гадское состоит в том, что даже если прямо сейчас свалю, то налет на шато это не отменит. Кравцовы могут хоть огромный информационный плакат вывесить – «Русский ушел», но их все равно зачистят – для проверки этих сведений. И англичане во время зачистки никого жалеть не будут. А все из-за моей глупости и тормозности. Надо было того носастого сразу хватать.

Хотя, с другой стороны, как я себе это представляю?

С громкими воплями гонять француза по городу, а поймав, прибить в темном уголке? В принципе можно было гоняться и без воплей, но я его вспомнил поздно... А он, сволочь, с такой мордой от меня уходил, что становилось понятно – ЭТА новость в нем на лишнюю минуту не задержится. Так что сведения о воскрешении их бывшего языка уже разошлись по местной ячейке Сопротивления. М-да... И тут появилась одна мысль. Очень ненадежная для меня, но сулящая безопасность семье Кравцовых. С ней и обратился к Мише:

– Слушай, есть одна...

– У меня тут идея...

Начав говорить одновременно, мы одновременно же и замолкли. Потом я фыркнул, а младший партнер фирмы сказал:

– Давай ты первый говори, что надумал.

Ну я и рассказал... Для моей идеи требовалась машина и оружие. Просто прикинул, как можно оттянуть налетчиков от дома? Выход был один – засечь их разведчиков, потом демонстративно загрузиться в машину и ехать до тех пор, пока меня не попытаются перехватить. На этот раз буду умнее и живым взять меня не смогут по-любому. Тут или прорвусь, или положат в бою – третьего не дано. Единственная трудность, засечь этого самого наблюдателя, а там уже – как повезет... Михаил, выслушав все это, задал встречный вопрос:

– То есть просто взять и уйти не хочешь?

– Если я сейчас уйду, то вас все равно трясти начнут, подумают, я в доме прячусь. А потом просто уберут свидетелей, тем более вы – не французы. Единственная просьба к тебе – оружие нормальное достать сможешь? Не охотничье ружье, а автомат. Если гранаты будут – вообще хорошо...

Кравцов, побарабанив пальцами по рулю, хмыкнул:

– Оружие – не проблема. А ты, выходит, о нас решил позаботиться... Понимаешь, что своя шкура дымится, но не уходишь... По какой причине, можешь озвучить?

– Ты ее и сам прекрасно знаешь. Во-первых, обязанным себя чувствую, а во-вторых – русские своих не бросают. По другому я объяснить просто не могу. Слишком много слов получится...

– А по другому и не надо. Теперь я точно верю, что ты настоящий офицер. Поэтому мы твой план немного подкорректируем...

И Мишка рассказал такое, отчего я завис окончательно. Оказывается, он входил в Сопротивление. Но подчиняющееся не англичанам, а организованное русскими эмигрантами. С французами они, конечно, пересекались и даже некоторые дела вместе вершили, но старались держаться особняком. А главное во всем этом, что Кравцов собирается сегодня же рвануть в известное ему место и к вечеру вокруг шато в засаде будут находиться восемь человек. На мой вопрос, а знают ли они, с какой стороны за винтовку держаться, Михаил ответил:

– Там двое наших парней из Лиона и еще шестеро бывших советских военнопленных. Причем все ребята отчаянные. И командир у них очень хороший. Тоже советский офицер, только попавший в плен в начале войны. Они такие дела проворачивали, что французским макизарам и не снилось. Так что за их владение оружием не беспокойся.

Шарман, мля! При таких раскладах мы еще повоюем! Даже если англичан опять французы поддерживать будут. Какие из лягушатников бойцы, я уже видел, а с «джимми», при помощи наших бывших военнопленных, думаю, на равных поговорить удастся. Только как на эти боевые действия Аристарх Викторович отреагирует? Не хватит ли удар бывшего генерала, когда он узнает, что его почтительный сын активно в войне участвует? Но и на этот вопрос у младшего Кравцова был ответ:

– Отец у меня далеко не наивный человек. И мне так кажется, он давно обо всем догадывается. Не показывает вида, считая, что у каждого человека могут быть свои тайны, но по некоторым намекам я понял, что он знает о моей подпольной деятельности. Поэтому особой неожиданностью для него это не будет.

– А может быть, их на эти несколько дней куда-нибудь отправить? У тебя есть такие знакомые?

На это предложение Мишка отрезал:

– Никуда их отправлять не будем! Для отца это станет прямым оскорблением. Если дела совсем плохо пойдут, то женщин и детей спрячем в винном подвале, а остальные примут бой. Хотя я планирую, что этот бой будет не в доме, а недалеко от заброшенной мельницы. Там наиболее удобное место сосредоточения. Вокруг поля голые, а там лог, речка... Лимонники наверняка именно там накапливаться для броски будут. До дома оттуда метров семьсот. А на полпути стоят наши теплицы. Вот возле них мы англичан и встретим.

– Слушай, а что, немцев тут вообще нет? Неужели никто на звуки стрельбы не среагирует? Те же жандармы из города наверняка панику поднимут.

– До Сент-Антуана почти десять километров. И он за холмами находится. Там точно ничего не услышат. А ночью здесь никого, кроме нас, не будет, так что с этой стороны все нормально должно быть.

– Хм... Как-то ты не похож на мирного виноградаря... откуда такие знания в планировании операций?

Кравцов хохотнул:

– Просто я в детстве слишком много времени среди бывших офицеров проводил. А им

только и оставалось, что вспоминать былые дела. Вот и наслушался умных людей.

Что-то темнит этот потомок генерала. Я ведь тоже не в балетной школе вырос, но таких знаний, просто слушая чей-то треп, не приобретешь. Так что надо этот вопрос прояснить, потому что мне не нравятся подобные непонятки. Ну и прояснил... Оказывается, Михаил почти два года в Иностранном легионе прослужил. Мозгов у него тогда не было и только стукнуло восемнадцать, решил попробовать, что значит быть настоящим мужчиной. Вот и попробовал. Отвоевал в Алжире и, получив пулю в плечо от аборигенов, вернулся назад. А университет закончил уже после возвращения. Отец ему тогда крепкой транды дал, более возмущенный не тем, что сын на войну ушел, а тем, что он пошел не просто в ублюдочную французскую армию, а в самое ее говно – Иностраный легион. М-да... Бурная юность была у нашего потомка эмигрантов. Но, как говорится, что ни делается, все к лучшему. Сейчас эти знания ему очень пригодятся.

Глава 14

Когда подъехали к шато, Мишка, отловив отца, сразу потащил его в кабинет, где без особо долгих предисловий вывалил всю мою историю. Ну и последствия, конечно, тоже упомянул. Генерал, услышав о возможных проблемах, повел себя, на мой взгляд, довольно странно. Наверное, именно так ведут себя старые боевые кони, услышав звук трубы. Даже не попеняв мне за вранье, он, отправив сына за подмогой, начал приготовления к предстоящим неприятностям. Для начала, позвав жену, приказал ей подготовить винный подвал к возможной эвакуации женщин, детей и раненых. Потом, пригласив двух своих кентов, рассказал им о будущем бое. Старички моментально перевозбудились и сразу же включились в процесс спасения гостя. Выяснив для начала, как мы планируем встретить налетчиков, они, раздав домашним нужные указания и подзатыльники, притащили охапку охотничьих ружей, после чего приступили к их чистке, объяснив мне, что ничего лучше перед боем так не успокаивает нервы, как чистка оружия. А то я и сам не знал... Удивляли только эти самые ружья. Фрицы, насколько я знаю, все вооружение реквизируют должны были. Во всяком случае, у нас так было. Неужели во Франции по-другому? Оказалось, что да. Какое-то количество определенных стволов они забрали, но разную мелочь оставили. Только вот тот штуцер, стволы которого я наяривал, на мелочь никак не походил. На мой вопрос хозяин ответил, что он просто забил на приказы немцев, не собираясь расставаться со своей коллекцией. Убрал запрещенные ружья в тайник и все. А теперь они, глядишь, и пригодятся. Я не стал говорить, что против «ли-энфильдов» и «маузеров» эти стволы как рогатка против пистолета, сильно рассчитывая, что вечером привезут нормальное оружие. Да и дедов расстраивать не хотел – вон у них как глаза горят. Теперь главное, чтобы они со своим энтузиазмом под пули не полезли. Но я думаю, Мишка на папика управу найдет. А потом увлекся чисткой настолько, что не сразу услышал заданный мне вопрос:

– Илья Иванович, а что это за песню вы напеваете?

– Я?

– Вы, вы!

Блин! Даже не заметил, что машинально под нос мурлыкать что-то начал. А так как я сейчас был за границей, то и песня соответственная на языке вертелась про то, что не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна. Белых офицеров она так заинтересовала, что они чистку отложили и внимательно вслушивались в мое бормотание. А потом потребовали воспроизвести весь текст громко и отчетливо. Старички даже от стихов впечатлились. Аристарх Викторович, покрутив головой, поинтересовался, кто автор данного произведения. Я ответил, что точно не знаю, но вроде кто-то из белоэмигрантов, которые сначала ушли в Стамбул, а потом вернулись в СССР. Тут разговор свернул на указ Сталина про эмигрантов. Пришлось минут тридцать проводить политинформацию, хотя поначалу, помнится, хозяева были настроены против советской пропаганды. Когда я выдохся, Игнат Киреевич, пожевав губами, поинтересовался:

– А лично вы, как считаете, насколько правдивы были слова Сталина в этой речи и не ждет ли нас всех по приезде стенка в ЧК? Слащев вон тоже в свое время вернулся в красную Россию; и где теперь тот Слащев?

– Про Слащева ничего не знаю, поэтому сказать не могу. Но сейчас и политика изменилась, и подход совсем другой. Сами подумайте, зачем собирать людей со всего мира, чтобы их потом стрелять или сажать? Особенно после таких потерь, которые уже понесла наша страна. Союзу сейчас восстанавливаться надо, поэтому каждая светлая голова и каждая пара рук на счету будет. А что касается белых офицеров, то я сам встречал одного бывшего подпоручика, который в начале войны сколотил партизанский отряд в Белоруссии и долбил немцев, только шум стоял. Сейчас он майор Красной Армии, полком командует... Наверное, это показатель?

Дедки покивали, а я, помня о деле, спросил, есть ли в этом доме бинокль. Оптика быстро нашлась, после чего, подхватив штучер, пошел на чердак вести наблюдение. Сегодня, конечно, вряд ли что произойдет, но береженого бог бережет, поэтому службу надо тащить, как положено, и не расслабляться.

До вечера просидел под крышей, только пару раз доверив глазастому Петьке меня подменить. Хозяин дома с друзьями были уже не в том возрасте, чтобы долго сидеть на холодном чердаке, вглядываясь в подернутые туманом голые поля, поэтому пацану в этом деле доверия было гораздо больше. Там же с нами терся и Леонид, который, невзирая на свои минус два по зрению, вносил посильный вклад в дело обнаружения вражеского шпиона. Чтобы мальчишки не заскучали, рассказывал им возможные варианты штурма шато и способы отражения атаки. Потом наглядно демонстрировал на местности, где и как могут группироваться основные и вспомогательные силы нападающих, а также откуда мы их рассчитываем прищучить. М-да... Честно говоря, на таком НП можно всю жизнь провести. Тут тебе и горячий чай с бутерами, и шевелиться можно, сколько захочешь, и сверху не капает, и с боков не дует... А то, бывает, лежишь второй час в луже, и дождь на глазах прямо в снег превращается. Ты уже тела не чувствуешь, а размяться возможности нет, потому что до фрицев меньше ста метров и кто-то из этих скотобаз по закону подлости обязательно в твою сторону пялится...

Часа через три после наступления темноты я увидел отсвет фар на дороге и к дому свернул какой-то грузовичок. Заслав Леньку вниз, чтобы он предупредил отца, сам взял подъезжающую машину на прицел. Петька сопел над ухом, сжимая дробовик, поэтому я, от греха подальше, отослал его наблюдать за тылами. Правда тревога, как и надеялся, оказалась ложной. Из кабины «шкоды» выпрыгнул Мишка, который, держа руку на отлете, осветил свое лицо фонариком, а из кузова мягко посыпались вооруженные люди. Так, так, так. У них там вроде даже МГ имеется? Это есть большой гут...

Теперь бы только Михаил оказался действительно человеком, не связанным с англичанами, и можно будет успокоиться. А то ведь я полдня себе все голову ломаю – вдруг сейчас будет подстава? Младший Кравцов связан с Сопротивлением. Его слова насчет патриотизма и Родины могут быть просто словами. И вполне может случиться, что он на лимонников работает, и когда я выйду знакомиться с приезжими, приткого советского дипломата повяжут по новой. Поэтому с чердака не ушел, только отослал вниз Петьку, а сам остался ждать гостей наверху. Пока ждал, завесил слуховые окна одеялами и зажег керосинку, поставив ее возле входа. Минут через десять в проеме люка показалась Мишкина голова. Щурясь на лампу, он спросил:

– Илья, ты здесь?

– Да.

– Со мной еще двое. Мы заходим.

– Заходите. Только, Михаил, очень прошу, вы резких движений не делайте и оружие возле керосинки сразу сложите.

– Хорошо, понял...

Кравцов буркнул приказ куда-то вниз и вылез на чердак. За ним поднялись еще двое

парней. Один седой, со шрамом от скулы до уха, а второй, небольшого роста, крепенький, без особых примет и одетый в кожанку почти как у меня. Вошедшие спокойно сложили стволы на пол и, отойдя шагов на пять в сторону от люка, стали ждать, чего им еще скажут. Но пока говорить было особо нечего. Присев возле оружия, я потянул из кучи не автомат, как можно было ожидать, а «вальтер», рассчитывая, что даже если это и ловушка, то варить будут патроны именно из автомата, а пистолетные не тронут. Ну не могут же они, в самом деле, портить боеприпасы во всем своем оружии?

Проверив обойму выбранного «вальтера», сразу почувствовал себя гораздо увереннее и, забросив штуцер за плечо, спросил:

– Лагерники есть?

Седой, ухмыльнувшись, ответил:

– Мы с Серегой из «Гелички».

– Руки покажите.

Мужики поняли, о чем я спрашиваю, и, молча закатав рукава, продемонстрировали черные цифры возле запястья. Даже отсюда было видно, что они не нарисованы... Ффух... Выдохнув, сказал ребятам:

– Ладно, мужики, забирайте стволы. И извините, что я так себя вел. Михаил ведь уже рассказал мою историю...

Мишка, как раз в этот момент подошедший к оружию, только кивнул, а я, протянув руку, представился:

– Лисов Илья.

Седого звали Виктором, а кожаного, как я уже понял – Серегой. Потом спустились вниз, к остальным. Там ребята, выставив парный пост возле ворот, уже рассаживались за стол.

А нехило мужики прибарахлились! Глядя на кучу оружия, сваленную возле дивана, только присвистнул. Помимо MG-42, автоматов и винтовок, присутствовала даже экзотическая для этих мест АВС с оптическим прицелом. Седой, как командир этого маленького отряда, тем временем представил меня своим людям. Потом, поев, вчетвером пошли на рекогносцировку. Оглядев в свете изредка включаемого фонарика старую мельницу, решили, что действительно это наиболее удобное место сбора. С дороги к ней можно свернуть так, что от дома заметно не будет. И с верхней части этой мукомолки очень удобно наблюдать за шато. Потом осмотрели теплицы, решив, что для полной гарантии необходимо метрах в ста от них вырыть замаскированный окопчик и усадить туда пулеметный расчет. Прикинули свои действия при разных вариантах развития событий и часа через два вернулись обратно.

Вражеские наблюдатели на мельнице появились только к вечеру следующего дня. Пост с чердака доложил, что засек блик бинокля, а потом обнаружил двух человек, довольно толково маскирующихся в месте предполагаемого появления противника. М-да... как-то вяло тут все шевелится. За это время, что прошло после моего обнаружения, можно было добежать до канадской границы, а они только-только людей выставили. Такими темпами взятие русского гостя начнется минимум через месяц. Хотя я, конечно преувеличиваю. Сегодня наверняка все будет спокойно, но вот с завтрашнего вечера можно ждать гостей.

С утра вместе с Мишкой опять прогуливались вокруг дома, демонстрируя себя наблюдателям со всех сторон. Чуть позже пошел снег и, проболтавшись на улице еще полчаса, мы пошли обедать. А там нас ждал доклад. Игорь Птицын, бывший летчик, попавший в плен в конце сорок первого, вел слежку за вражьи наблюдателями. Он-то и обнаружил, что после нашего ухода по дороге, ведущей от мельницы, проскочил велосипедист. Да уж, тот явно не за свежими круассанами уехал. Наверняка рванул своим хозяевам докладывать, что русский никуда не делся и, хлопая ушами, ждет, когда его возьмут. Поэтому решили, что теплая жизнь для нас закончилась и, как стемнеет, надо скрытно выдвигаться на позиции.

Часов в девять вечера, оставив на всякий случай двоих бойцов в доме, пошли на

заранее распределенные места. Снег то прекращался, то начинал идти опять, но постепенно тучи разогнало и видимость в свете появившейся луны была просто исключительная. Глядя на пятнистый спутник Земли, подумал, что было бы классно, если сегодня все закончится. С таким небесным прожектором, да еще на белом фоне, нападающих как в тире расстреляем. Но часам к пяти утра, основательно промерзнув, понял, что на сегодня все отменяется. Макизарам ведь еще время нужно будет для того, чтобы к своей базе затемно добраться. А до рассвета часа два всего осталось...

Только хотел поделиться этой мыслью с напарником, как вдруг услышали глухой звук мотора. Оп-па! Холод сразу куда-то исчез, и я стал напряженно вглядываться в изломанный контур старой мельницы. Машины так и не увидел, но движок, пофыркав, замолк, а потом, минут через пятнадцать, с той стороны стали выныривать силуэты идущих гуськом людей. Наша пара находилась ближе всех к противнику, поэтому сейчас я, как старшина Васков из известного фильма, беззвучно считал проходящих мимо налетчиков... Восемь... Девять... Десять... Все? Вроде все... Итого десять ухарей с автоматами, да еще и одним пулеметом, бодрым шагом двигаются к шато. И возле грузовика наверняка кто-то остался. Кстати, этот кто-то и есть наша, с Федором Рыжковым, основная задача. Вовсе не улыбалось, если вдруг какой-нибудь особо шустрый фрукт свалит на машине. Надо, чтобы команда ловцов просто исчезла. Лимонники, конечно, поймут, что их людей положили, но зато потом, когда немцев из Франции вышибут, к Кравцовым за убийство солдат претензий предъявить не смогут. Не будет ни свидетелей, ни доказательств. Да и меня тут искать сразу перестанут. В самом деле – не идиот же русский дипломат, оставаться в рассекреченном месте? Так что все должно срастись нормально.

Тем временем облитые луной фигуры перли прямо на пулеметчика, огибая теплицы справа. Показав напарнику, чтобы он оставался на месте, отполз чуть ближе к мельнице и приготовился к рывку. Федька мне будет спину прикрывать – вдруг кто-нибудь сможет вырваться из огневого мешка, а уж с той максимум парой человек, что, возможно, остались возле машины, я и сам разберусь. Откинув приклад МР-40, вглядывался в обшарпанные стены мукомольни, но пока никого не видел. А когда сзади басовито заговорил пулемет, не теряя ни секунды, рванул к мельнице, как на крыльях. В пять секунд добежал до стенки и осторожно заглянул в проем. Так и есть – двое. Один, стоя возле здоровенного каменного бублика, валяющегося на земле, напряженно вглядывался во вспышки выстрелов и что-то по-французски орал трущемуся возле грузовика человеку. Второй, судя по всему, – водила, суетливо подпрыгивал на месте, а потом распахнул дверцу кабины, наверное, собираясь завести свой пепелац.

А вот фиг вы угадали! Автомат коротко татакнул, и француз отвалился от машины, упав под колеса. Я тут же перенес огонь на второго, но тот гад оказался шустрым и почти успел нырнуть за жернов. Только вот почти – не считается. Судя по тому, как противник вскрикнул, свою пулю он не пропустил. Стоя на колене и прижав приклад к плечу, я настороженно водил стволом по сторонам, выискивая возможных затаившихся врагов. Но никто больше не появлялся. Слышны были только все более редкие выстрелы со стороны поля и слезливое бормотание раненого, лежащего за каменным бубликом. Несколькими перекатами проскочил за машину, все время опасаясь гипотетического третьего, который мог затаиться на втором этаже мельницы. Но по мне никто не стрелял, только подраненный лягушатник, откинув подальше винтовку, кособоко встал, опираясь на жернов и глядя в ту сторону, откуда я минуту назад его подстрелил. Не особо обращая на недобитка внимание, нащупал под ногами половинку кирпича и крикнув:

– Граната!

Метнул его в выбитое окно на втором этаже. Француз, услышав мой вопль, шархнувшись в сторону, упал, а вот на мельнице была тишина. Никто там кипеж не поднял, спасаясь от гранаты. Значит, действительно пусто... Ну вот и славно. Адреналиновая волна, которая накрыла с начала боя, стала отпускать, поэтому опять заболели голова и ребра, которые потревожил скачками по этим развалинам. Выстрелы возле теплиц прекратились

совсем, и я подошел к поднявшемуся французу, в котором с удивлением узнал баклажаноносого знакомого. Совсем хорошо, будет кого вдумчиво поспрашивать... В этот момент через заборчик легко перепрыгнул Федор.

– Как тут у тебя?

– Чисто. Даже «языка» взял.

– И мужики тоже закончили. Сейчас сюда подойдут.

– Потерь нет?

– Еще не знаю точно, но вроде нет.

Вскоре показались наши партизаны. Потерь действительно не было. Только Генка-пулеметчик получил в руку по касательной, но это относилось к разряду царапин. Да уж – пулемет в упор и четыре автоматических ствола с фланга, это вам не цапки-печки. Шестерых макизаров уложили в первые же секунды. Оставшиеся четверо брыкались не больше трех минут и, потеряв еще двоих, подняли руки. Увидев морду одного из пленных, я метнулся к нему и с ходу влепил кулаком в ухо. Еще один, блин, знакомый. Жалко, конечно, что не желтозубый, но и рыжий Дик тоже сойдет.

Пока мужики подтаскивали и грузили в кузов убитых, я, извинившись, оттащил англичанина в сторону и, достав нож, приступил к потрошению. Взятая столь рьяно, помня, как эта падла на меня ноги складывала, что рыжий сначала глухо орал, уткнувшись мордой в битые кирпичи, а потом начал вываливать информацию. Оказывается, они были уверены, что я утоп. В глубокой печали и ожидании грядущих звездюлей от начальства приехали к месту посадки самолета. Но улетел только Сэм с двумя лимонниками. Дик оставался во Франции инструктором и координатором этого района. А вчера днем к ним, выпучив глаза, прискакал один из местных макизаров, который клялся, что видел утопленника живым и здоровым в компании местного русского. Рыжий в потустороннюю жизнь закономерно не поверил, но слова насчет русского эмигранта заставили его напрячься, и на всякий случай он сам рванул посмотреть живого мертвеца. Убедившись, что прихрамывающий человек, совершающий променады возле шато, и есть тот самый приткий дипломат, Дик чуть не обделался от восторга. Он тут же собрал весь свой отряд и разработал план операции. Начальству, помня совсем недавний конфуз, решил ничего не докладывать. Думал сначала захватить бывшего пленника по новой, а потом триумфально преподнести его, полностью реабилитировавшись перед командованием и попутно опуская ниже плинтуса желтозубого Сэма. Все мелочи вроде были учтены, но вот на наличие пулемета в упор он никак не рассчитывал.

И соответственно, на такое количество русских тоже. Теперь жалеет, что не провел более доскональную разведку и поторопился. Но, как говорится, поздно пить боржоми, когда почки отвалились...

Поняв, что все, кто знал о моем воскрешении, находятся здесь, я сильно повеселел. И побежал делиться этой новостью с Мишкой. Он тоже порадовался. А позже, выяснив, что рыжий ни хрена не знает, откуда у англичан могла появиться информация относительно нашей миссии, я без особых угрызений совести приобщил Дика к трупам в кузове. Подраненного француза мужики после допроса тоже ухлопали.

Когда ночь уже стала заменяться серой мглой, Мишка с Седым погнали грузовик к известному Кравцову глубокому шикарному омуту, а мы пошли в дом. Очень кстати поваливший снег постепенно скрывал все следы прошедшего боя. Такими темпами через час тут будет нетронутая целина и ни одна собака не догадается о ночной стычке...

Кстати, бой не вызвал никакого ажиотажа в Сент-Антуане. Там просто ничего не слышали. Михаил специально на следующий день ездил туда пообщаться со знакомыми жандармами. И они, пребывая в блаженной неге и расслабленности от качественного вина, привезенного приятелем, так и не задали ему ни одного вопроса относительно ночного шума. Выходит, правильно было предположение, что холмы и лесок надежно скроют все звуки. Да и расстояние в десять километров давало о себе знать. Мы же не с орудий там лупили... Что же касается случайных свидетелей, то зимой в пять утра в сельской местности Франции все спят, так что с этой стороны подвоха тоже не ожидалось. Но несколько дней все равно

провел в напряжении.

Потом, когда окончательно успокоился, попробовал связаться со своими. Я до этого как-то особо не задумывался, но когда Михаил сказал, что ему надо позвонить в Лион, меня как по башке стукнуло! Блин! Тут же Европа и с телефонизацией все нормально! У Кравцовых в доме, правда, телефона не было, и они звонили из Сент-Антуана. Я было заподпрыгивал ехать с Михаилом, но потом резко остыл. Телефона Аленки не знал. Из головы просто вылетело спросить. А звонить в гостиницу – вообще полная глупость. Санин с ребятами уже должен был давно уехать. Поэтому искать там заокеанских бизнесменов смысла нет. Но если их все-таки после ночного шухера замели, то еще и опасно, так как телефон вполне мог быть на контроле у гестапо...

А еще через две недели мы прощались с гостеприимными хозяевами шато. Мы – это я, Птицын и младший Кравцов. Мишка, снабдив гостей хорошими документами, взялся довести нас до Оранжа, а если понадобится – то и до Марселя. А Игорь, единственный из отряда решивший, невзирая на трудности, пробиваться со мной в Союз. У него там жена с дочкой остались, поэтому Птицын все эти годы, думая, как они с ума сходят, места себе не находил. Остальные ребята прикинули, что будут воевать здесь до конца. А вот когда наша армия подойдет ближе, тогда и можно будет на соединение с ней выдвигаться. Я же, предполагая, как их будет трясти впоследствии особый отдел, сказал, чтобы при попадании к особистам сразу говорили, что работают на Колдуна. Тогда сильно мурыжить точно не будут. И еще оставил свой московский адрес старому генералу. Может, такое действие и было грубым нарушением конспирации, но эти люди мне очень сильно помогли, и я считал себя обязанным. А самое главное, оказывается, наобщавшись со мной, Аристарх Викторович решил-таки возвращаться в Союз. Если учесть, что Кравцов-старший обладал немалым весом среди русских во Франции, то они явно не в одиночку приедут. И я собирался костями лечь, но не допустить по отношению к бывшим эмигрантам никакого беспредела от советской власти. Его, возможно, и не будет, но страховка в виде адреса никогда не помешает.

В конце концов, расцеловавшись со всеми, мы загрузились в машину и покатали на юг...

Глава 15

Их что, всех – волной смыло? То, что Санин с ребятами должны были уехать почти три недели назад, я и сам знал. Поэтому, даже не заходя в гостиницу, где мы жили по приезде сюда, сразу рванул к своей благоверной. Там бодал дверь до тех пор, пока на мои стуки, призывы и страстные мычания не появилась хозяйка дома, в котором Хелен снимала квартиру. Она-то и объяснила, что фройляйн Нахтигаль четыре дня назад, собрав вещички и распрощавшись со всеми, укатила в сторону страны сыров и банков. То есть в Швейцарию, к своему дяде. Нет, ну надо же, какая реактивная невеста мне досталась! То есть она за жалкие две недели умудрилась уволиться из армии (наверняка при помощи папика) и дисциплинированно выполнила наказ будущего мужа. М-да... в данном, конкретном случае Аленка, конечно, несколько поторопилась, но в дальнейшем мне только позавидовать можно. Я думал, такая послушность осталась только среди кавказских дамочек: муж бровью шевельнул – жена тут же сделала. Оказывается, и у немок все эти качества в наличии есть. А может, просто сейчас время такое – барышни идеями эмансипации не омужичены и поэтому ведут себя соответственно...

Растерянно оттопырив губу, я, выйдя из дома, еще какое-то время топтался перед подъездом, задумчиво глядя то на знакомые окна, то на здание госпиталя. А потом вдруг озарило. Кузен! Будущий родственник точно должен знать, где можно найти друга Гельмута. Мне эта «царская морда» позарез был нужен. Он ведь как-то связан с нашим человеком в Швейцарии. А то у меня нет вообще никаких хвостов. Блин, кому сказать – не поверят. Немец имеет выход на нашего резидента, а русский разведчик имеет только хер в букете.

Клабке нашелся довольно быстро. Он, конечно, помнил парагвайского коммерсанта, но помочь ничем не мог, так как Браун неделю назад убыл в Берлин. Причем Гальдерих, последний из фрицев, который меня знал, тоже убыл! Биомать! Они что – сговорились?

Зато Клабке рассказал о ночном происшествии возле нашей гостиницы. Я-то Гюнтеру наплел, что в тот день, после нашей встречи уехал в Париж по конфиденциальному делу, а когда вернулся, то ни компаньонов, ни тех бизнесменов, с которыми мы здесь договаривались, на месте не нашел. А хозяйка гостиницы рассказала какие-то страшные вещи про ночную стрельбу под окнами. Гюнтер был не очень в курсе этого происшествия, но, по слухам, там сцепились две группы бандитов, одна из которых до этого убила и ограбила известного конезаводчика. По другим слухам, в этой стычке участвовали бандиты с одной и макизары с другой стороны. Но в живых никого не осталось, поэтому даже полиция гадает, что именно там произошло. Гестапо, возможно, знает точнее, но у него в этой организации знакомых нет, поэтому Клабке больше ничего не может сказать.

– А мои компаньоны? Вы случайно не знаете, куда они делись? Фон Браун вам ничего не говорил?

Оберштабсарц наморщил лоб, вспоминая, а потом, просветлев лицом, воскликнул:

– Точно, вспомнил! Мы отмечали Рождество, и я тогда у Гельмута спросил про вас. А он сказал, что коммерсанты еще днем убыли из Оранжа по своим делам. Кстати, сразу хотел бы извиниться за недоразумение в парке. Просто вы моей кузине сильно напомнили одного знакомого, который погиб у нее на глазах, вот у бедной девочки и случился нервный срыв.

– Ну что вы, господин Клабке, какие извинения! Наоборот, когда вы увидите сестру, то скажите, что я очень извиняюсь за то, что невольно вызвал столь неприятные воспоминания. Только очень вас прошу, не забудьте, обязательно передайте ей мои извинения.

Хирург недоуменно посмотрел на меня и, пожав плечами, пообещал не забыть. Потом спросил, не может ли он мне чем-нибудь помочь? Дескать, он понял, что я достаточно хороший знакомый Брауна, а так как он сам является другом Гельмута, то господин Кольем может на него рассчитывать. Но грузить будущего кузена, или как он мне будет называться, своими проблемами не хотелось, тем более что в моем вопросе помочь он ничем не мог. Поэтому просто пожал Гюнтеру руку и, напомнив еще раз передать мои извинения сестре, убыл в сторону ресторанчика, где меня ждали мужики.

Твою маман! Простой способ возвращения обратно в Союз не получился... Зато узнал, что Санин благополучно убыл на родину и ночной бой на них никак не сказался. Это уже очень хорошо. И Хелен весточку через Клабке передал, что ее жених жив, здоров. Она умная, она поймет, что значат извинения парагвайского бизнесмена.

А что касается меня, то все складывается так, что дальше действовать будем по плану Кравцова-младшего.

У этого парня на самом деле везде есть свои завязки! И теперь, когда у меня ничего не вышло, ждет нас путь в марсельский порт. Там есть несколько человек, которые помогут нам попасть на судно, которое идет в Болгарию или Румынию. Хотя позавчера Румыния как пункт назначения отпала. Красная Армия, судя по-английской сводке, взяла Констанцу, и теперь корабли с оккупированной немцами территории туда не ходят. Так что остается Болгария. Если высадимся в Варне или Бургасе, то до фронта будет рукой подать. А если все будет хорошо, дней через десять нас уже начнут трясти родные особы.

* * *

– И что, Бергман был единственным человеком, который мог нас в Болгарию переправить?

Я раздраженным щелчком выкинул окурок в грязную, покрытую сероватой пеной воду. Даже в стороне от порта, при взгляде на морскую гладь, желания купаться не возникало. И вовсе не от погоды. Всюду мусор, масляные пятна... в довершение ко всему мимо, чинно выставив все четыре лапы в небо, проплыл труп здоровенной крысы.

Сегодня, когда мы приехали в Марсель, Кравцов тут же рванул по знакомым. Вот только результат был нулевым. То, что двое из них находятся в рейсе, он и раньше знал, когда из дома сюда звонил. Оставался еще один человек – старинный знакомый его отца, бывший белый офицер, по фамилии Бергман. Этот, сильно разбавленный двухвековым пребыванием в России швед брался помочь Мишкиным друзьям. И все бы ничего, но буквально перед нашим приездом бывшего беляка скрутил приступ аппендицита. И пипец... Мы с нашими наполеоновскими планами просто зависли в воздухе. Михаил тут, конечно, был ни при чем, но я все равно шипел в его сторону весьма эмоционально. Кравцов, проследив, как бычок медленно обгоняет крысиную тушку, нехотя ответил:

– Есть еще один знакомый. Но шапочный и деньги очень любит. Поэтому ненадежный. За контрабанду, перевозимую им, можно быть спокойным, но вот вас я бы поопасался ему доверять...

– А что такое? Немцам может сдать?

– Нет, но... – Мишка неопределенно пошевелил пальцами. – Скользкий он какой-то. Хотя если хорошо заплатить...

М-да, насчет «хорошо заплатить» – есть проблемы. У нас с Птицыным денег не было. Кравцов тоже не сын миллионера. Аристарх Викторович, по здешним меркам, конечно, достаточно крут, но однозначно не миллионер... Вот только... У этого скользкого знакомого хотя бы расценки-то узнать можно? Михаил на мой вопрос почесал репу и, поморщившись, очередной раз удалился, оставив нас дожидаться известий в какой-то старой хибаре на берегу, принадлежащей его очередному знакомому, который в это время был в рейсе.

День начинал клониться к вечеру, когда Кравцов-младший вернулся. Издалека разглядев его через запыленное окошко, я вылез наружу с вопросом:

– Ну что?

– А... – Михаил только рукой махнул. – Он хочет шесть тысяч за двоих. А на Бургас уходит завтра днем. Вся проблема в том, что здесь мне таких денег не достать и домой не успею съездить...

– М-да... А сколько у тебя есть сейчас?

– Восемьсот. Но в виде задатка он их брать оказался. Деньги ему нужны все и сразу... Я же говорил – этот гад их любит и на слово никому не верит...

Итиская сила! Шесть штук франков, это же сумасшедшие деньги! Почти штука марок! Хотя за невестино колечко я, помнится, сумму в два раза большую отдал... Вспомнив кольцо и все с ним связанное, только протяжно вздохнул. Как там чудо мое белобрысое сейчас поживает? Ночная Певунья... Это так со старогерманского ее фамилия переводится. Не банальное – Соловьева, а Ночная Певунья... А как она той ночью «пела»... Эх-эх-эх...

С другой стороны, чего я волнуюсь? Она-то у любимого дяди наверняка хорошо поживает. Это я сейчас на грязном волнорезе сижу и соображаю, где бабками разжиться. В голове из идей крутились только полузабытые отрывки штатовских боевиков, где герои, бодро постреливая по сторонам, тянут мешки с деньгами из банка. Но здесь такое не прокатит... Шлепнут моментом, только сунься – тут не кино. Вот только ничего толкового в голову все равно не лезло. Перед глазами стояли дипломаты с баксами, натыренные голливудскими красавчиками. И соответственно всякие там полицейские машины, пляж на Гавайях, «однорукие бандиты» и зеленые столы казино. Помотал головой, чтобы избавиться от этих мешающих думать видений, и вдруг замер. Боясь спугнуть пришедшую мысль, осторожно поинтересовался у Кравцова:

– Михаил, а в Марселе в азартные игры играют?

* * *

М-да... Какие сочные цвета... Пальцами попробовал приоткрыть правый заплывший глаз, но, увидев в появившейся щели красный, налитой белок, передернулся и оставил это занятие. Насколько, однако, качественный удар у этого хмыря. Эксклюзивный можно

сказать. Мало кто с левой так вклеить может. Да и шея ноет, а когда башкой крутишь, в ней что-то хрустит.

За спиной слышались шаги, и я, развернувшись всем корпусом, как «Фердинанд», увидел возмущительно бодрого Игоря. Он с кружкой в одной руке и с бутербродом в другой вошел на кухню и, увидев бланшеносного товарища, хмыкнул, но нашел в себе силы не прикалывать, а вежливо поинтересоваться:

– Ты как? Живой?

Я молча отобрал у него чашку, в которой оказался полуостывший кофе, и мрачно ответил:

– Не дождетесь... Я, как Ленин – живее всех живых.

А Мишка что, уже в порт умотал?

Птицын, протянув мне надкушенный бутер, кивнул и ответил:

– Часа полтора назад ушел. Сказал тебя не будить, чтобы ты отоспался да оклемался хоть немного. Он пообещал на обратном пути в аптеку зайти и что-нибудь там посмотреть от синяков.

– Такие фингалы – неделю сводить надо. Я лучше повязку на глаз надену, пусть думают, что одноглазый...

– Кто же знал, что так получится? Но ты, Илья, молодец! Я ведь сначала и не верил, что можно таким образом деньги достать. В голову даже не приходило!

Угу... Не так уж все просто оказалось. Пощупав языком шатающийся зуб, только фыркнул вместо ответа, вспоминая наши вчерашние похождения.

* * *

Тогда, после моего судьбоносного вопроса Мишка несколько заколдобился, но ответил, что есть в Марселе несколько ему известных точек, где люди играют и в карты и в рулетку. В официальные заведения нам, по понятным причинам, ход был закрыт, зато в парочке откровенно криминальных шалманов можно было не опасаться проверки от гестапо. То есть налет полиции, конечно, не исключался, но о таких вещах подпольных держателей предупреждали заранее. Так что в нашем случае жандармов можно не бояться и основной задачей было уйти без потерь и с деньгами. Кстати, насчет последнего Кравцова вообще брали сильные сомнения.

– Илья, ты пойми, это ведь не из портмоне деньги достать! По-твоему, все так легко? В девяносто девяти случаях из ста в выигрыше остается хозяин казино. Удачи, во-первых, очень редки, а во-вторых, если эта удача будет достаточно крупной, то нас, как людей, не имеющих в этом городе влиятельных друзей, могут оттуда просто не выпустить. Да и игроки там – сплошные бандиты. Приличные люди в такие места не ходят, а эти уголовники могут пустить в ход нож при малейшей возникшей проблеме!

Михаил подпрыгивал и страдал до тех пор, пока я, не выдержав, спросил насчет того, какие у нас варианты есть вообще. На это Кравцов почесал затылок и признал, если мы не хотим тут еще месяц торчать, то вариантов, в общем-то, больше нет. Ну а на нет и суда нет. Приблизительно так ему и ответил:

– Тогда особо голову ломать не будем. Сегодня пробуем сыграть. Не выйдет – ждем, когда Бергман от своего перитонита отойдет. Получится с бабками – завтра уже «растет в далеком тумане Рыбачий».

– Какой рыбачий?

– Остров Рыбачий. Или полуостров, точно не помню... Ты не парься, это я образно говорю.

Потомок эмигрантов на это только хмыкнул:

– Ты знаешь, я все время считал, что русский – мой родной язык. А общаясь с тобой, его через раз понимаю. Или ты на неизвестном мне жаргоне разговариваешь, или язык настолько изменился за это время. Вот что значит – «не парься»?

Во как! Докатился... Интересно, а хоть какой-нибудь язык я знаю достаточно хорошо, чтобы меня окружающие без дополнительных пояснений понимали?! Мишка, склонив голову, с ехидной улыбкой ждал объяснений, поэтому попытался донести до него смысл высказывания:

– Ну-у... «Не парься» значит «не грузись»... Бр-р-р... Нет... О! Это значит – не бери в голову!

Кравцов, ничего не сказав, покрутил башкой, ну а потом, после получасового спора, оставив Птицына в доме, мы наконец двинули в гнездо порока. По пути решили, что в игре будем оперировать только половиной из имеющихся у нас денег. Я самонадеянно заверил Мишку, что четырехсот франков для выигрыша нужной суммы мне хватит выше крыши. Да и эти четыреста нужны только для того, чтобы зря время не терять, выигрывая по мелочи. А так, буквально две-три ставки – и мы сможем уходить. Правда, эксперимент с лотереей я так и не удосужился провести, но, держа в голове слова Мессинга о громадной и неохватной халяве, то есть удаче, преследующей меня, особых сомнений не испытывал. Но как оказалось, с такой тонкой материей, как фортуна, нужно быть гораздо более осторожным...

* * *

М-да... вовсе не так я себе представлял подпольный игорный дом. Думал, будет что-то вроде накуренного подвала с мрачными личностями, грязью и страхолюдными вышибалами. Все оказалось немного по-другому. Никаких подвалов не было, а было приземистое здание на окраине, чем-то похожее на пакгауз. Возле него нас встретили не «качки», а двое вертлявых французов, которые после переговоров с Кравцовым показали на вход, находящийся вовсе не за ними, а с торца этого ангара. Там, за железными дверями парочка крепких парней предложили оставить им на хранение имеющееся в наличии огнестрельное оружие. Стволов у нас не было, поэтому, без особых задержек пройдя длинным коридором, вошли еще в одну комнату. Сидевший в помещении мужик поинтересовался, во что именно мы собираемся играть. На долгую игру я даже не настраивался, поэтому выбрал блэк-джек. Уж при игре в «очко» выигрыш только от удачи зависит, то есть как раз то, что мне надо. Единственно, что смущало, так это незнание языка. Но все оказалось вполне демократично. Нас провели еще в одно помещение, заставленное столами, и выяснилось, что крупье, или как называется этот хмырь, который раздает карты, бодро чесал по-немецки. Поэтому, усевшись на стул с гнутыми ножками, я, хрустнув пальцами и ободряюще глянув на потомка эмигрантов, начал игру.

Буквально через десять минут она уже прекратилась. Только вот результат был обратный ожиданиям. У меня, наверное, морда, как у лошади, вытянулась, когда этот сраный раздавальщик на последней взятке опять взял больше очков. То есть в четыре ставки я продул все деньги. Растерянно оглянулся на Мишку, но он, мрачно щерясь, отрицательно покачал головой. Понятно... Последнюю заначку не отдаст. Крупье, вопросительно подняв брови, фальшиво улыбнулся, но я, махнув рукой, показал, что игра окончена и встал, освобождая место.

Потом уже на улице долго пинал ни в чем неповинное дерево, попутно выслушивая все, что Михаил думает насчет игры вообще и моих умственных способностей в частности. Блин! Ну почему так получилось?! Ведь, кидая монетку, из двадцати раз все двадцать угадывал. Может, тут сама механика выигрыша другая идет? Может, надо было на рулетку идти? А может, этот напояженный крупье мухлевал?! Не зря же у него глазки так бегали? И улыбка у этой падлы слишком уж сальная была. У, сволочи! Кругом одни прендегасты!

В конце концов Мишке надоело наблюдать за избиением дерева и он сказал:

– Ладно, хватит психовать. Все равно ничего не изменишь, а в следующий раз умнее будешь. Пойдем отсюда, чего тут зря торчать...

Но я находился на таком взводе от несбывшихся ожиданий, что, развернувшись к нему, злым голосом ответил:

– Нет, Миша, без денег я отсюда не уйду. Мне тут еще месяц бока пролеживать, когда на фронте такие дела творятся, совсем не с руки. Так что завтра мы по-любому уедем. Не вышло выиграть, добуду бабки другим способом!

– Это каким?

И я объяснил. От этих объяснений Кравцов вытаращил глаза и предложил пойти и попробовать выиграть что-нибудь на оставшиеся деньги, лишь бы я от своей задумки отказался. Возбужденно подпрыгивая, он пыхтел:

– Ты вообще с ума сошел! Что значит – грабить проходящих сюда? Тут люди серьезные, с оружием, с охраной! Пойми, это же уголовники, а не ягнята! Да даже если и получится кого-нибудь ограбить, где гарантия, что у него нужная сумма окажется?

– Одна старушка – рубль, а десять – это уже червонец!

– Чего?

Михаил даже подпрыгивать перестал, а я пояснил мысль:

– Будем брать массовостью. Не окажется у одних, доберем с других.

– Так ты что, тут целый конвейер хочешь открыть? Это же несерьезно! На малейший шум среагирует или охрана казино, или если кто-нибудь выстрелит, то еще и патруль пожалует! Да и вообще, как ты себе это представляешь?..

Кравцов пребывал в возбуждении минут пять, поэтому, дождавшись, когда он выдохнется, я сказал:

– Несерьезной была моя затея с выигрышем. И то, потому что ее до этого не проверял. А вот «языков» брать да часовых снимать меня обучали о-о-чень грамотные специалисты. Так что двоих-троих, если напасть неожиданно, я положу без шума.

Потомок эмигрантов попытлся, а затем, мрачно глянув на меня, поинтересовался:

– Убивать будешь?

На этот провокационный вопрос постарался ответить максимально честно:

– Постараюсь только глушить. Но вообще – как получится... И знаешь, ты сам говорил – сюда домохозяйки и приличные люди не ходят. Это ведь твои слова – «при выигрыше могут и не выпустить», так что контингент соответственный собирается... Мне ведь деньги нужны не на баб спускать, и не вино хлестать, а к себе вернуться, чтобы воевать дальше. Здешние же огрызки под фрицами живут и в ус не дуют. В игры вон играют... А у нас там, если ты не забыл – война идет. И чтобы встать в строй, я на многое пойду. Так что особой жалости к этой пене не испытываю. Но все равно постараюсь только глушить...

Мишку, похоже, моя отповедь несколько смутила, и он не нашелся что возразить. В конце концов, побряхтев, согласился, что это тоже вариант. Хлипкий и очень двусмысленный, но вариант.

На руку было то, что здание стояло на отшибе, в окружении деревьев, и то, что на машине к нему не подъедешь. Единственная дорога была перекрыта рухнувшим от бомб зданием, метрах в четырехстах от пакгауза. А так как она была тупиковая, да и этот ангар считался заброшенным, то и расчищать ничего не стали, из-за чего приезжающие на автомобилях топали сюда пешочком. До начала комендантского часа было еще часа два, поэтому можно было рассчитывать, что хоть кто-нибудь да появится. Обсудив план действий, в подступающей темноте засев за деревьями, стали поджидать будущую жертву. Сильно хотелось курить, но сейчас я чувствовал себя как на боевом задании, поэтому мысли о куреве отгонялись легко, и, поглаживая небольшую, но крепкую палку, найденную здесь же, напряженно вслушивался и в шум редких проезжающих машин, и в звуки, доносящиеся от пакгауза. В том, что из него кто-то выйдет, верилось слабо. Мишка говорил, что люди там на всю ночь закупаются, и под комендантский час стараются не попадать, расползаясь оттуда уже утром. Получается, что у нас оставалась одна надежда – на вновь приехавших.

Минут сорок никого не было, затем от развалин послышались голоса. Судя по всему – двое топают. Так как машины не было слышно, значит, эти кутилы добирались на трамвае, остановка которого была дальше по улице. Пихнув в бок напарника, прошептал:

– Миша, как договорились – ты не лезешь, чтобы под руку не попасть. Двоих я быстро

уложу...

В темноте не было видно, как он кивнул, но мне этого и не надо было. Это я больше сказал, чтобы его успокоить. Тем временем стали различимы силуэты. Точно – двое идут. Дождавшись, когда они поравняются с нами, выметнулся из кустов, сразу приложив дубинкой по затылку ближнего. Тот, кто шел чуть впереди, начал поворачиваться на шум, но, получив палкой в лоб, так же без брыканий лег на землю. С помощью Кравцова оттащили тушки подальше в кусты и, сделав из их же кепок кляпы, связали несостоявшихся игроков. Потом быстро обыскали слабо сопящие тела. В виде трофеев достались нож, кастет и два кошелька с общей суммой в тысячу девятьсот франков и пятьдесят рейхсмарок. Мишка после подсчета чертыхнулся, но я ободряюще похлопал его по плечу:

– Фигня война, главное маневры! Начало положено – еще два раза по столько и здравствуй, белый пароход!

На что напарник сварливо откликнулся:

– У этого подонка Мейлица – бывший угольщик, так что белизной там и не пахнет.

– Да по мне хоть говновоз, лишь бы до Болгарии добраться.

На это Кравцов только хмыкнул, после чего, привязав ограбленных апашей к дереву, мы вернулись на позицию. На этот раз ждать долго не пришлось. Минут через двадцать услышали, как хлопнули двери машины и она, рыкнув мотором, уехала дальше. А по тропинке через развалины стали подниматься какие-то люди. На этот раз трое. Было совсем темно, поэтому они подсвечивали себе фонариком с синим светофильтром. Кстати, хороший трофей. Мне всегда нравились эти немецкие фонари с закрывающими отражатель фильтрами. У разведчиков с обеих сторон фронта такие штуки пользовались огромной популярностью. Вещица небольшая, работающая от квадратной батарейки, зато очень удобная. Его можно за петельку пристегнуть к пуговице, оставив руки свободными, а три полозка с желтым, красным и синим светофильтрами, позволяют комбинировать различные сигналы. Пучков в свое время врал, что видел с четырьмя полозками, но я ему не верю. Просто смысла нет добавлять еще один. Вспомнив Лешку, я вздохнул, но особо предаваться воспоминаниям времени не оставалось. Троица уже проходила мимо, поэтому я опять шмыгнул из кустов за их спинами. Чпок! Дубинка с бильярдным звуком отскочила от наголо бритой башки первого. Атакованный тихой бесформенной кучей осел на землю. И тут везение кончилось. Второй, который шел с фонарем, успел развернуться и принял удар на поднятую руку. А потом, гад такой, начал махать ногами не хуже Ван-Дамма! Хорошо еще без криков – только злобно пыхтя. Отбив два быстрых удара, я несколько отошел от неожиданности и, присев, достал его между растопыренных циркулем ног. Он меня по мордасам хотел ботинком зацепить, вот и раскрылся, не ожидая, что противник просто уйдет вниз и влепит по незащитному хозяйству кулаком. Попрыгунчик как стоял, с высоко поднятой ногой, так и свалился, утробно завывая, по пути сворачиваясь в кривую. А только я повернулся к третьему, как в глаз прилетела такая плюха, от которой уже меня сдуло в придорожные кусты, попутно приложив челюстью о валяющийся камень. Чистый нокаут – даже сознание на несколько секунд выключилось...

Ешкин кот! Сейчас нам капут и придет. А все Кравцов – не убивать, не убивать! Да если бы я их наглухо гасил, то было бы гораздо проще. А тут, блин, силу приходилось сдерживать, вот и досдерживался... Не желая верить, что вся задумка была так бездарно просрана, ворочался на обочине, пытаюсь подняться на непослушные ноги. Краем уха слышал буцающие удары, но кто там кого бьет, было непонятно. Во всяком случае, не я и не меня. Держась за дерево, смог подняться и застыл, пережидая звон в голове. За это время звуки ударов затихли и стало слышно чье-то сопение. Потом перед глазами появилась двоящаяся Мишкина физиономия. Он открывал рот, что-то спрашивая, но потом, увидев, что его не понимают, взвалил меня себе на плечо и резво поволок в сторону. Через несколько минут я почувствовал, что прихожу в себя, и дрыгнул ногами. Хрипящий Кравцов, упав на колени, осторожно сгрузил контуженное тельце напарника и, тяжело дыша, откинулся рядом. Пока я прислушивался, нет ли погони, он отдышался и спросил:

– Ты как? Идти можешь?
– Могу, только не очень быстро... А что там случилось? Кто кого бил?
– Это я того боксера, что тебя в кусты отправил, сзади по голове кастетом приложил. Крепкий зараза оказался, сразу даже не упал, поэтому пришлось еще несколько раз добавить.
– А деньги, деньги?

Вдалеке слышались возбужденные голоса, поэтому Михаил не ответил, а, поставив меня на ноги, потащил в черноту деревьев, подальше отсюда. Минут через десять, поняв, что экстренной погони не предвидится, мы сбавили темп и, прячась в тени, двинули к нашему домику. Комендантский час вот-вот должен был начаться, поэтому народу почти не попадалось и только эхо шагов разносилось на полквартила в обе стороны, заставляя нас напряженно втягивать голову в плечи. Когда наконец сошли на тропинку, ведущую к морю, я опять заинтересовался:

– Ты деньги взять успел?
– Вот.

Мишка продемонстрировал два пухлых кошелька и, сунув их опять за пазуху, виновато сказал:

– Ты меня извини, я понимаю, это из-за моего чистоплюйства так получилось.

Хорошо хоть понимает, что это его фактический запрет на убийства меня чуть до кондратия не довел. А самое обидное, если в этих портмоне нужной суммы не окажется. Тогда выходит, что наши телодвижения были совсем зряшными. Хотя если судить по толщине этих бумажников... Но загадывать не буду, а то опять сглажу.

Когда ввалились в хибару, нас встретил испереживавшийся Игорь. Удивленно глядя на мой закрытый глаз, он спросил:

– Ну что, как сыграли? И почему Илья на маяк стал похож?

Тоже мне – приколист. Я на тебя посмотрю, на что ты похож будешь после такого удара. Хотелось сказать много слов, но, сдержавшись и проигнорировав подкол, ответил:

– А вот сейчас подсчитаем, и станет ясно, сколько стоит мой фингал...

Птицын вытаращил глаза на кошельки, но спрашивать ничего не стал, видя, как мы увлечены пересчетом бабок.

– Пять семьсот!
– И у меня семь и пятьсот оккупационными!

Глянув друг на друга, мы с Кравцовым, не сговариваясь, расплылись в радостных улыбках. Потом подмигнув целым глазом, я выдал:

– Говорил же, что завтра мы отчалим! А за одну гулю под глазом такой куш – это даже с перебором будет!

Игорь, недоуменно посмотрев на нас, наконец тоже подал голос:

– Так, парни... Я что-то не понимаю. То есть я понимаю, что вы ходили играть, только не понимаю, во что? Это в какой игре выигрыш сразу в кошельках дают, да еще и в неизвестной для выигравшего сумме? Давайте – рассказывайте, а то я начинаю думать, что вы вообще ночными грабежами промышляли!

Опять переглянувшись с Мишкой, заржали уже в голос, а потом, перебивая друг друга, начали рассказывать...

* * *

А уже днем, сидя на матрацах в крохотной каюте, окончательно поверили, что все наконец закончилось и с Францией мы попрощались.

...Вернувшийся Мишка принес мне какую-то мазь от синяков и известие, что через полтора часа скользкий тип – Эдвард Мейлиц, получивший свой гонорар, ждет нас возле старого причала. Придя туда в назначенное время, увидели двух мужиков, лениво болтающих между собой. Один чуть компактнее и с редкими светлыми волосами был тем самым Мейлицом, а второй, больше похожий на гориллу, у которой отрос армянский нос,

оказался боцманом и компаньоном по имени Мако. Капитан поздоровался с вновь прибывшими и, глядя на мою пиратскую физиономию, неопределенно хмыкнул. М-да... даже черная повязка на глазу так и не сумела скрыть все великолепие шикарного бланша, который нижней своей частью сползал на щеку. Но мне на его хмыки было в общем-то плевать, тем более что настало время прощания с Кравцовым. Крепко обняв Мишку, еще раз напомнил ему передавать привет отцу и не забывать мой адрес. Потом его сграбастал Птицын, а потом, наблюдающий за всем этим с кривой усмешкой Мейлиц на хорошем немецком приказал следовать за ним.

Проведя нас какими-то тайными тропами, ныряя то в подвалы, то пролезая через дырки в заборе, он наконец выскочил прямо к пирсу, возле которого стоял маленький замызганный пароход, на носу которого красовалось название «Пенелопа». Немецкие патрули и таможенники остались далеко за спиной, но все равно боцман заставил натянуть безразмерные плащи, и только после этого мы, пройдя по причалу, поднялись на бывший угольщик.

Вахтенный, глядя сквозь нас, поприветствовал капитана и снова отвернулся, безразлично разглядывая снующих над водой чаек. А потом проплаченные гости были проведены в нутро корабля. Там боцман, отодвинув пожарный щит в сторону, показал на прячущуюся за ним дверцу и, прежде чем мы туда нырнули, проинформировал:

– Сидеть тихо, пока не выйдем в море. Кормежка – три раза в день. Гадить в ведро. Рыгать, если приспичит – туда же. Когда можно будет выйти, я сам скажу, а до этого чтобы ни звука! Поняли?

– Яволь!

Гориллообразный здоровяк ощерился, показав желтые прокуренные зубы, и, кивнув, подтолкнул меня внутрь. Потом дверь закрылась и послышался шум задвигающегося щита. Оглядев при свете тусклого потолочного плафона жилище, я сказал:

– Ну что, Игорь, это, конечно, не «Хилтон», но зато тепло и не дует. Так что предлагаю залечь на эти тощие матрасы и хорошенько вздремнуть. На ужин нас боцман лично разбудить обещал, так что вечерний жор не проспим. Ты как на это смотришь?

Птицын смотрел положительно, и уже через десять минут мы, следуя старой поговорке насчет службы и солдата, всю выводили носами рулады, не сильно заморачиваясь тем, что нас ожидает в дальнейшем.

* * *

Нет, все-таки у меня, оказывается, очень слабый вестибулярный аппарат. Это я на третьи сутки понял. Вначале все было нормально. Уже к вечеру первого дня мы были выпущены из своей каморки с нарисованным очагом, то есть, тьфу, с пожарным щитом и имели возможность сидеть не в трюме, а загорать на свежем воздухе в лодке, подвешенной на кран-балках. Капитан нас сразу предупредил, чтобы пассажиры не вздумали шляться по кораблю, и выделил место для проветривания. В шлюпке было лепо. Мы оттуда вылезали только пожрать и наоборот. Но потом, через два дня подобного балдежа, над бирюзовой, с мелкими белыми барашками волн морской гладью вдруг подул слабый ветер. Я сразу тогда начал предчувствовать недоброе. Просидев с полчаса во все более сильно раскачивающейся шлюпке, сбежал к нашим матрацам, рассчитывая, что ближе к центру тяжести корабля и качать должно поменьше. Хрен я угадал! Качало, по-моему, даже сильнее, во всяком случае, казалось именно так. Потом ни к селу ни к городу вдруг вспомнился вкус и запах баранины, которой нас кормили после выхода из Бейрута. Зря я ее вспомнил...

Почти сутки, проведенные в обнимку с ведром, которое периодически менял участливо поглядывающий на меня Птицын, лишили меня последних иллюзий. Нет, не быть мне вторым Белинсаузену или Лаперузом. Море я не-на-ви-жу!!!

Но когда геройский разведчик и времяпроходимец уже всерьез намыливался отдать Богу душу, шторм как-то незаметно успокоился, и я начал постепенно возвращаться к жизни.

Окружающая корабль вода уже не казалась настолько мерзопакостной, а запахи с камбуза не валили с ног с убойностью хорошей кувалды. При полном штиле, чувствуя себе заново родившимся человеком, я даже стал проявлять интерес к окружающей жизни. Причем настолько, что когда увидел мелькающий недалеко от борта характерный плавник, моментально перевозбудился и заподпрыгивал, чуть не спихнув Игоря в воду. Потом оглянулся в поисках того, чем бы кинуть в морскую хищницу. Акулу живьем я видел первый раз в жизни, поэтому мне кажется, такая реакция была вполне нормальна. И я бы ее обязательно пришиб, но все охотничьи инстинкты пресек скопидом боцман. Он, видя, что пассажир нацелился ухватить багор, висящий возле иллюминаторов, только погрозил огромным кулаком и сделал зверскую морду. Хотя с такой физиономией, как у него, особых усилий и не понадобилось. Этим фейсом даже в благодушном состоянии можно лошадей пугать. Я, не желая портить отношения с командой, но в то же время не собираясь показывать, что мако меня устрасил, все равно дошел до щита, пощупал острие багра и выдал:

– Эх, если бы это был гарпун...

На эти слова боцман ничего не ответил, а только презрительно фыркнул и, косолапо повернувшись, потопал дальше гонять своих матросиков. Слушая его заковыристые ругательства, доносящиеся с другой стороны рубки, я только вздохнул и, не найдя на палубе ничего, чем можно было бы кинуть в акулу, стал просто наблюдать за ней. Но как всякому русскому человеку просто наблюдать было не интересно, поэтому еще раз оглянувшись, увидел здоровенную ржавую гайку, застрявшую в щели возле лебедки. Выцарапав ее оттуда, снова подбежал к борту, опасаясь, что акула уже свалила. Не-е-е. Рыба была на месте. Тщательно прицелившись, метнул железку, умудрившись попасть в воду прямо под плавником. Есть, попал! Акула, дернувшись, резко свернула в сторону, а я с чувством глубокого удовлетворения опять полез в шлюпку разглядывать облака и болтать с Птицыным.

А утром следующего дня нас снова запихнули в каморку, задвинув пожарный щит. Мейлиц сказал, что будем проходить Босфор и возможна проверка, поэтому нам надлежит сидеть тихо и не высовываться. Вот мы и сидели часов десять, наверное.

Игорь, пока мы тихарились в своем убежище, очередной раз рассказывал про свою жену Вареньку и про дочку, тоже Вареньку. Она у него в филармонии работала. В смысле жена, так как дочка на момент ухода отца на фронт только-только ходить начала. Напарник уже в десятый раз расписывал, какие его Варьки замечательные люди. И старшая – талант, и младшая вся в маму. А как они перед войной гулять ходили и какие планы на будущее строили, рассказывал подробно и чуть ли не по минутам. Я, слушая про чужое тихое счастье, дремал, вспоминая свою Ленку, и мне было хорошо. Напарник после рассказов о прошлом перешел к планам на будущее, и под спокойный голос Птицына меня окончательно сморил сон. Проснулся из-за того, что за дверцей заскрежетал отодвигаемый щит и появился человек из команды, который приволок нам поесть-попить, а потом забрал парашное ведро. После чего про пассажиров снова забыли.

Глава 16

Часами я так и не разжился; у Игоря их тоже не было, поэтому, когда именно все произошло, сказать не могу. Наверное, под утро... Сначала мы услышали, как изменился звук машины. Наша посудина явно прибавила обороты. Так продолжалось какое-то время, а потом в гудение движка вплелись посторонние стуки. Приподнявшись и настороженно прислушиваясь, сказал Птицыну:

– Такое впечатление, что по нам стреляют. Причем из какого-то крупняка. Или мелкой зенитки... Во-во, слышишь – опять!

По корпусу как будто сыпанули камушками.

– Слышу, но не пойму, что это...

– Да точно говорю – или ДШК, или зенитка работает. Обычный пулемет мы бы просто не услышали, а более крупное чувствовалось бы гораздо сильнее.

Тут шум двигателя опять изменился, а через несколько минут вообще исчез. Так, похоже, приплыли... Географию я знаю плохо, но вроде, проплыв через Босфор, попадаешь в Черное море. Через пролив мы прошли несколько часов назад, значит, должны находиться уже возле берегов Болгарии. А кто нас тут может так нагло обстреливать? В голове почему-то всплыл момент из «Индианы Джонса», когда большой корабль в море останавливает маленькая подводная лодка. Но ведь этот плешивый Мейлиц контрабандные скрижали на своем корыте точно не перевозит. Или перевозит?..

Из-за чего-то ведь нас тормознули? Причем какие-то вояки. Еще бы знать какие... Кто тут вообще, кроме немцев, румын да турков, отираться может? В то, что это могут быть советские моряки, не верил ни под каким видом. Последний крупный рейд корабли ЧФ совершили на Констанцу, а потом опять зашхерились и их было не видно и не слышно. Так что русские ВМС исключаются. Хотя, с другой стороны, Констанцу уже взяли... Нет, взяли-то ее с суши, поэтому наши мореманы ни при чем. Остаются фрицы и их союзники. Но зачем им тормозить корабль в море? В том, что мы прошли на эту посудину «чисто», сомнений не было. Выходит, все это не из-за нас. А из-за чего? Неужели гад Мейлиц где-то погорел со своим левым бизнесом в виде контрабанды, вот его и взяли за жабры? Хотя почему тогда не дождались, когда он в порт войдет? Для чего эти захваты в чистом море нужны? Блин! Вообще ни фига не понятно. Пока мы с Игорем, шепотом переговариваясь, строили предположения, машина опять заработала и, судя по всему, корабль куда-то поплыл. Твою дивизию! Что там наверху произошло – непонятно... Хотя можно предположить – неизвестное судно, дав несколько предупредительных очередей, остановило нашу лайбу, потом, скорее, всего на «Пенелопу» высадилась десантная команда, которая разрешила движение. Только вот куда?

Прошло совсем немного времени, как стук движка опять изменился, а потом он снова вырубился и через несколько секунд послышался глухой звук мягкого удара.

– Это что? Мы куда-то врезались?

– Не, не похоже. Знаешь, Игорь, кажется, мы просто приплыли. В смысле остановились возле причала.

– И что теперь?

– Я так думаю, будем сидеть в нашей каморке до последнего. Тут ведь как – или Мейлиц все разрулил и нас скоро выпустят, в чем лично я сильно сомневаюсь, или захватчики, прошерстив корабль, уйдут. В самом деле – не будут же они на нем жить? Вот как эти ребята свалят, так и мы выйдем. Поэтому давай сидеть тихо и слушать внимательно. Глядишь, что и поймем.

Сидели и прислушивались долго. Только слышно ничего не было. Потом я отвалился от переборки, потирая затекшее ухо, и как раз в этот момент Птицын предостерегающе поднял палец.

– Что там?

Он, скорчив сосредоточенную морду, потряс рукой, дескать – не мешай, и я опять прилип к дверце. Но толком ничего не услышал, только наверху чем-то загрохотали и послышались удаляющиеся голоса. Причем слышалось все как бу-бу-бу.

– Так чего было?

Игорь с недоумевающим лицом пожал плечами и неуверенно ответил:

– Там по матери крыли...

Я удивился:

– По какой матери?

– По русской! Я четко слышал – «Твою мать!».

Во как... И что бы это значило? «Твою мать» – это, конечно, хорошо, это вам не какой-нибудь «доннер ветэр», но ситуации совершенно не проясняет, а еще больше запутывает. Русских в нашей команде не было, значит, лаялись захватчики... Я почесал затылок и решил:

– Один хрен, сидим до последнего. На фрицев сейчас столько русских работает, что матерки еще ничего не значат. А нашим тут просто неоткуда взяться. Так что попробуем дотянуть до ночи, а потом будем разбираться в ситуации.

На том и порешили. Благо дверь в нашу каморку открывалась внутрь, а сдвинуть пожарный щит, даже с полным ящиком песка, двум мужикам проблем не составит.

Сидели несколько часов. За это время по кораблю больше никто не лазил. Во всяком случае никакого шума, производимого людьми, мы не слышали. Потом, когда, по нашим прикидкам, наступила ночь, открыли фанерную дверцу и постарались с наименьшим шумом отодвинуть от нее щит. Совсем бесшумно не получилось, и этот ящик в тишине заскрежетал, как ржавые ворота. Мы сначала сильно напряглись, но никто на этот звук не отреагировал, поэтому уже смелее сдвинули препятствие до появления щели, в которую можно было пролезть. Надолго замирая и прислушиваясь, прошли по коридорчику к трапу, ведущему вверх. Тихо. Это хорошо, когда тихо, это значит: нас тут не ждут. Зато снаружи слышался какой-то гул из неразличимых далеких голосов да звука техники. Поднявшись до двери, осторожно откинул длинную ручку и высунул нос наружу. Хм, верно угадали – ночь на дворе. Шум стал гораздо громче, и уже можно было определиться с его направлением.

Сгибаясь чуть ли не пополам, я скользнул к борту и огляделся. Во как! Действительно – возле берега стоим. То есть возле пирса. Небо все в тучах, но даже при этой хреновой видимости можно было понять, что это порт.

А в порту соответственно светомаскировка, поэтому так темно. Зато чуть в стороне от нас светили прожектора и в их свете со стоящего там корабля бесконечной вереницей тянулись люди, которые, строясь колоннами, шустро уматывали куда-то в сторону темного города. А над всем этим густо висел наш родной мат. То есть отдельные «Мать!» слышались достаточно хорошо. Оглянувшись на Игоря, с искренним недоумением сказал:

– Слушай, или я брежу, или это наши.

– Откуда они тут взялись?

– Хм, хороший вопрос... Еще бы знать, где мы сами сейчас находимся. Но это точно не Севастополь... да и не Одесса.

Пытаясь разглядеть мельтешение маленьких фигурок, я заскочил на ограждение борта, держась рукой за кран-балку, но ничего толком не разглядел – слишком далеко они были. А потом снизу, от пирса послышался лязг затвора и звонкий голос прокричал:

– Стой, не шевелись, стрелять буду!

Я инстинктивно нырнул назад, но это уже не помогло. Темнота пирса оказалась неожиданно очень насыщена жизнью. Сначала хлопнул выстрел и пуля, взвизгнув, отрикошетила от какой-то железяки за спиной, а потом послышался топот бегущих ног и бас, который недовольно поинтересовался:

– Грубин, ты чего тут палишь?

Невидимый мне Грубин, торопясь и проглатывая слова, зачастил:

– Товарищ сержант, на этом корабле кто-то есть! Я вот только сейчас его видел. Он на борт аж вылез, на тех, кто сейчас возле второго пирса высаживается, паялился. Диверсант, наверное! Или разведчик немецкий!

Я не знал, где мы и кто именно сейчас стоит внизу. Но вот обращение – «товарищ сержант» было как бальзам на сердце. По-русски и красновцы болтать могут, да и предатели из Русской освободительной армии тоже раньше нашими были. Только прибавлять к званию «товарищ» – это чисто советское... Поэтому бегать и суетиться не стал, а спокойно дождался, когда по сходням взбегут четверо в такой родной форме, что меня чуть слеза не прошибла. Средних лет усатый сержант, оглядев фигуры, стоящие с поднятыми руками посередине палубы, удовлетворенно хмыкнул и спросил:

– Кто такие, откуда здесь взялись?

Я решил долго не объясняться с усатым, сказав:

– Терроргруппа Четвертого Украинского фронта. Следуем с задания. Так что, товарищ сержант, проводите нас в особый отдел.

Один из окруживших нас пацанов удивленно вякнул:

– Так они по-русски разговаривают...

А сержант при моих словах как-то хищно подобрался и протянул:

– С Четвертого Украинского говорите... ну-ну... вяжи их, ребята!

Пока двое бойцов держали нас под прицелом автоматов, еще один сноровисто скрутил «диверсантам» руки извлеченной из кармана веревкой. Я на такое действие не то чтобы обиделся, но несколько удивился:

– Мужики, мы же свои, вязать-то зачем? И так бы до особистов дошли...

На что сержант, проверив узлы и с силой встряхнув нас обоих, ехидно ответил:

– Гитлер вам свой! – А обращаясь к остальным, добавил: – Вот уроды! Кого провести думали, сволочи! Плохо вас там учили в ваших шпионских школах! Ишь ты – с Четвертого Украинского!

И наклонившись ко мне в упор, прорычал:

– Четвертый Украинский уже месяц как упразднен. Так что, вражина, прокололся ты!

И влепив мне обидного пинка, приказал вести задержанных вперед. А я, топая под прицелом автоматчиков, крыл себя последними словами за забывчивость. Ведь слышал же перед отъездом, что мой фронт в резерв ставки переводить должны были, но вот вылетело это из башки и теперь выпутываться будет гораздо сложнее. Я-то рассчитывал выйти на Серегу, а теперь его где искать? А если начну буровить про Москву и УСИ, кто мне поверит? То есть потом, после проверки, конечно, все выяснится, но поначалу надо будет вести себя потише. Вспомнив горячее гостеприимство армейских СМЕРШевцев, когда мы осенью к ним попали, потер плечом ухо, в которое тогда прилетела мощная звездюлина. Нет, решено, в этот раз буду вежлив и спокоен, как английский лорд. Усатый цербер, который следовал сбоку, на мои почесывания тут же отреагировал:

– Иди спокойно, не дергайся, а то на орехи добавлю...

– Да я иду... Товарищ сержант, а где мы сейчас находимся?

– Тамбовский волк тебе товарищ! Не разговаривать!

Вот гадский папа, служака хренов. Что ему – ответить тяжело? Но решив не обострять отношения, послушно замолк, решив, что рано или поздно все узнаю сам. Ну в принципе и узнал... Слушая обрывки разговоров проходящих мимо солдат, понял, что мы все-таки в Болгарии. А если конкретно – в Бургасе, который вчера был взят внезапным морским десантом. Части болгарской армии, которые дислоцировались в городе, поддержали десантников, ударив по немцам с тыла. Охренеть! Честно говоря, такой прыти от нашего командования я даже не ожидал. Потом, конечно, узнаю подробности, но, по-моему, это очень круто. Распропагандировать болгар, скоординировать совместные действия... М-да... советские генералы не просто научились воевать, а делают это все лучше и лучше. И судя по тому, что стрельбы не слышно, высадка прошла не просто успешно, а очень успешно. Немцы были отброшены на такое расстояние, что даже грохот артиллерии не доносился до порта. Ну это, конечно, если она сейчас вообще работает... Попутно становилось понятным, что же произошло с нашим кораблем. Десант был настолько неожиданным, что фрицы свои корабли толком предупредить не успели о том, что конечный пункт назначения перешел в другие руки. Может, конечно, и предупреждали, но вот у Мейлица рация глючила, это я точно знаю. Сам слышал, как он вчера на радиста наезжал. Да уж... связь – великое дело. Чуть выпал из информационного пространства и все – приехали. «Пенелопу», видно, сторожевой катер, или что там сейчас у наших есть, на подходе к порту встретил и, слегка попугав, загнал к дальним пирсам. Но, с другой стороны, плешивый капитан и его команда показали себя нормальными мужиками, не выдав своих пассажиров... Хотя, может, у них и не спрашивали?..

Тем временем нас довели до караулки, где после короткого, но бурного разговора с начкаром нас со слегка помятыми фейсами закинули в «Газ-63» и повезли дальше. Двое солдатиков с автоматами сидели рядышком и, внимательно глядя за пленными, тоже пресекали все разговоры. Ну и хрен с вами – помолчим. Сидя на откидной лавке, я сплевывал

кровь из разбитой губы и пытался взглядом подбодрить Игоря. Только вот было темно и моих гримас он не увидел. Зато увидел конвоир и пресек недозволенную мимику. Ну вот... опять в ухо... Словами, что ли, нельзя? «Газон», недолго пропетляв по городу, остановился возле здравенного здания, где нас и сгрузили, передав уже непосредственно в СМЕРШ. Но там был небольшой бардак, поэтому когда принявший нас дежурный сунулся в один из кабинетов, выбегающий оттуда лейтенант, поправляя закинутый на плечо автомат, раздраженно сказал:

– Слушай, Смирнов, сейчас не до этих предателей! Мы там гестаповскую точку накрыли, так что Требухина нет. Давай их пока в камеру – завтра разбираться будем!

Потом нас поводили еще немного, наконец-то развязали руки и в конце концов запихнули в здравенное помещение, которое населяли уже человек тридцать. Дверь за спиной лязгнула, и я, оглядев контингент, коротко матюгнулся. Понятно, почему летеха про предателей говорил. Тут, наверное, шла предварительная сортировка и поэтому немцев не было, хоть люди в немецкой форме и присутствовали. Но явно с рязанскими физиономиями. А так – кто в чем. И в черных полицейских шинелях, и в гражданке, и в вермахтовских мундирах. На некоторых были даже наши шинели. Я повернулся к Птицыну:

– Ну что, друг ситный, пошли искать место под солнцем. Нам тут до завтра всяко-разно кантоваться. А если не хотим торчать под дверью, то надо будет найти себе местечко, где можем приземлиться.

Игорь кивнул, и мы двинули в глубь помещения, туда, где стояли нары и светила тусклая лампочка. Нар на всех не хватало, поэтому кто-то сидел на полу, подстелив шинель, кто-то на полу же и спал. Но я видел, что из дальнего угла какой-то хмырь в гражданском пиджаке, но в форменных полицейских галифе поднялся, освобождая место, и двинул к большому баку с водой, стоящему возле входа. Вот на освободившееся пространство мы с Игорьком и намылились. Осторожно переступая через ноги, подошли к намеченной цели. Но только прицелились упасть, как сидевший справа мужик в натянутой на уши пилотке хрипло сказал:

– Э, куды прешь! Место занято!

Не обращая на него внимания, уселся, а потом я, наклонившись к нему, цыкнул зубом и спросил:

– Тобой, что ли?

Тот, отведя глаза, глухо пробормотал:

– Не... сейчас хозяин подойдет...

– А ты что, бобиком при нем состоишь, псом сторожевым?

Но сосед решил не связываться с наглыми задирками, поэтому, молча подняв воротник, отвернулся и, откинувшись на деревянный брус, сделал вид, что задремал. А через пару минут вернулся ходивший на водопой. Остановившись перед нами, он какое-то время молча стоял, покачиваясь с пятки на носок, а потом наконец подал голос:

– Что за херня? Это мое место...

Я, как будто только сейчас его заметив, ощерившись, глянул на подошедшего снизу вверх и лениво протянул:

– А теперь мое. – И видя, что тот не успокаивается, жестко добавил: – Мордальник завали блюздытина – кадык вырву!

Угу... Претендент спекся. Растерянно оглядевшись, он, что-то, бурча отвалил в сторону. Остальные на эту стычку не обратили никакого внимания, поэтому я расслабился и уселся, обняв колени, попутно разглядывая соседей по камере. Но меня отвлек Птицын, который, наклонившись к уху, шепнул:

– Слушай, ну ты прям как со мной в одном в концлагере сидел. Во всяком случае поведение очень похоже...

– Не сидел, но слышан...

В этот момент в углу кто-то матерно вскрикнул и там возникла короткая потасовка. Хе! Это наш носитель галифе наступил на кого-то из сидящих и сразу заполучил по сусалам.

Нервные тут все какие-то. Хотя, с другой стороны, судя по речевым оборотам, уголовников в камере хватало. Этот сброд, находясь на оккупированной территории, одной частью за свои художества при новом режиме попал в лагеря, зато другая часть вовремя сориентировалась, «перековалась» и двинула в полицаи. Так что теперь они чувствовали себя в камере как дома. Хотя некоторая нервозность в поведении чувствуется. Бывшие урки поднимали хвост, но как-то вяло, без огонька. Пальцы, конечно, гнули, но новый для себя статус военнопленных воспринимали с опаской. Осознание того, что судить их будет не «самый гуманный суд в мире», а военный трибунал, сильно охлаждало пыл...

Поглядывая по сторонам, заметил еще две ярко выраженные группировки. Четверых, в гражданской одежде, сидевших кучкой в углу, тихо переговаривающихся и настороженно зыркающих по сторонам, и еще шестерых в немецкой форме. Те, заняв угловые нары, растопырились там, никого к себе не подпуская. И если с определением гражданских у меня были некоторые непонятки, то люди в форме вычислялись на раз. Судя по темным следам, оставшимся от отпоротых шевронов, эти уроды из Русской освободительной армии. То есть те, кто в начале войны перебежал на сторону немцев, шкуры спасая. Сия веселая организация была создана еще в конце сорок первого. Часть неугомонившихся беляков решила тряхнуть стариной и предложила свои услуги германцам. Власова в этом варианте истории не случилось, поэтому фрицам пришлось использовать за костяк этой армии тех белоэмигрантов, которые настолько ненавидели большевиков, что и простых людей, населяющих СССР, готовы были уничтожать. Обозвали организацию РОА; наверное, фантазии на большее не хватило или само название настолько привлекало, что не изменилось и в этом времени. Ну и поехало... М-да... Уголовники-то в принципе мразь, и что урки добровольно родину защищать будут, могло прийти в голову только современным мне режиссерам. Бандитам по барабану, при какой власти и в каком качестве гнобить свой собственный народ, поэтому другого от них ожидать просто странно. А эти... Из концлагерей в РОА попадало очень мало народу. Во всяком случае, ни одного «пронумерованного» лагерника я среди них не встречал. В основном у «освободителей» были или перебежчики, или те, кто пришел с прифронтовых фильтрационных пунктов для военнопленных. То есть, попав в плен, такие сразу начинали держать нос по ветру, поэтому вовсе не лишения и голод гнали их на сторону немцев. На фильтрах они бы ничего толком не успели хлебнуть. Эти предатели просто шли на сторону более сильного, прельстившись хорошей формой, жратвой и послевоенными предпочтениями. Так что создание Русской освободительной армии для них было как манна небесная. Тогда фрицы еще давили вовсю, поэтому подонков-добровольцев у них хватало. Принадлежность к всесокрушающему вермахту очень льстила предателям. Только немцы были не дураки и уже тогда понимали, что война, похоже, сильно затянется, поэтому и решили создать РОА для пополнения «пушечного мяса», а также для пушного пропагандистского эффекта.

Но потом вдруг все пошло по-другому. Красная Армия начала гонять фрицев в хвост и гриву, и стало ясно – дело пахнет керосином. Изменники сильно заволновались, но выхода, кроме как до последнего драться за немчуру, у них не было. Мысль о советском плене заставляла этих сволочей жидким гадиться – они ведь кровью повязаны были, потому что перед подписанием контракта им предлагали своих же бывших товарищей расстреливать. Да и в плен «освободителей», в общем-то, старались не брать. Нашим бойцам поровну, по каким причинам человек врагу начал служить, и они вполне справедливо считали, что лучший подарок для мудаков из РОА – это пуля в лоб, даже если он успел задрать руки вверх. Я это начинание полностью поддерживаю. Только так с ними поступать надо, и нечего дело доводить до армейских особистов, которым закон запрещает пленных стрелять. Ребята в концлагерях как мухи мрут, предпочитая смерть предательству, а эти козлы сейчас получают лет по пятнадцать на валке леса в Сибири и, отсидев, дальше землю топтать будут. И где, спрашивается, справедливость?..

Я отвернулся в сторону от той шестерки, чтобы чуть-чуть отвлечься и не начинать разборки в камере. Хрен его знает, как все повернется. А ну как и урки захотят

поучаствовать? Если все скопом навалятся – то на ноль в момент помножат. Так что будем сидеть тихо и ждать завтрашнего дня. Всяко-разно на допрос должны будут вызывать. Хотя мне непонятно, почему нас вообще сюда сунули. Ведь посчитали именно за шпионов, а закинули в общую камеру. Но с другой стороны, скорее всего просто не поверили, что мы можем быть разными шпионами-диверсантами. Судя по окружающей меня публике, они могли при взятии говорить, что у них папа – Гитлер, лишь бы на месте не пришили. А там пойдут допросы, протоколы, глядишь, и удастся жизнь сохранить... В принципе, наверное, так и есть. А из-за того, что мы говорили по-русски, нас, невзирая на французские документы, запихнули именно сюда. Непонятно только, откуда в Бургасе столько русскоговорящих? Особенно полицаев? Или они так драпали, что с Румынии до Болгарии добежали и не заметили? Хотя какая разница... Я пихнул в бок Птицына и сказал:

– Давай-ка, Игорь, поспим. Только массу давить предлагаю по очереди – мало ли что?

– Тогда спи первый – я не хочу...

Ну первый так первый. Подняв воротник куртки, я втянул голову в плечи и, привалившись к теплому боку товарища, закемарил. Потом мы с ним поменялись и незаметно наступило утро.

Глядя на оживление, которое с первыми лучами солнца посетило камеру, я спросил у вчерашнего соседа:

– Чего все так суетятся? Экзекуция готовится?

Тот, сделав вид, что не помнит вчерашней обиды, ответил:

– Не... Какая экзекуция? Мы же не у немцев. Завтрак сейчас будет, вот и зашевелились.

Угу... Понятно. Утренний жор – дело, конечно, хорошее, хотя я сильно сомневаюсь, что будут какие-нибудь разносолы. Но даже баланды мы с Игорьком не дождались, потому что в камеру вошел старший сержант с бойцом и, глядя в бумажку, запинаясь на иностранных фамилиях, сказал:

– Дюбуа и Ферне – на выход!

Мы с Птицыным переглянулись и, расталкивая народ, пошли к дверям. Сержант, оглядев нас, уточнил:

– Вы, что ли?

– Так точно...

Собеседник фыркнул и сказал, обращаясь к солдату:

– Видишь, Голубев, как эти падлы маскируются. Даже документы себе иностранные справили, но один хрен попались!

Потом нас вывели из камеры и солдат, взяв на изготовку ППС, скомандовал:

– Руки за спину, не оглядываться! Шагом марш вперед!

Пройдя несколькими коридорами, мы поднялись по лестнице, где нас и разделили. Боец повел Игорька дальше, а меня сержант завел в кабинет и доложил:

– Арестованный доставлен.

Вышел, прикрыв за собой дверь и оставив пленного. один на один со старшим лейтенантом, сидящим за большим столом. Я не успел удивиться, что следак один, как из соседней комнаты появился здоровенный старшина, который пихнул меня к табурету и приказал садиться. Ну вот теперь все нормально – и допрашивающий, и силовая поддержка при нем. А то поначалу мне даже странным показалось одиночество старлея. Старшой тем временем, покрутив мой отобранный при задержании липовый документ в руках, отложил его в сторону и, потеряв красные воспаленные глаза, спросил:

– Что вы делали на корабле?

– Я на нем приплыл из Франции. Мы с товарищем воспользовались услугами капитана этого судна, который и провез нас в Болгарию. Плыли, прячась в потайной каюте, поэтому во время захвата нас и не заметили.

– Та-а-к... А этот паспорт ваш?

– Это «липа». Мне ее сделали подпольщики в Леионе.

Старлей, откинувшись на спинку стула, несколько секунд молча смотрел на меня.

Потом, достав папиросу, постучал ее о пачку и закурил. Выпустив клуб дыма, продолжил допрос:

– Очень интересно... Если это «липа», то как ваше настоящее имя?

– Лисов Илья Иванович. Три месяца назад я входил в состав спецгруппы ставки Четвертого Украинского фронта. Но потом был отозван в Москву. Выполняя задание во Франции, в результате провала был лишен возможности штатной эвакуации. Поэтому пришлось воспользоваться помощью бойцов Сопротивления. Все это, так же как и мою личность, может подтвердить генерал-полковник Колычев, который сейчас находится в столице.

Старший лейтенант слушал, криво улыбаясь, но не перебивал. А когда увидел, что я уже высказался, уточнил:

– Ага, то есть ты предлагаешь мне связаться с Москвой, затребовать целого генерал-полковника и сказать, что его человек нашелся? А не слишком ли фантастично звучит твоя история? Я бы еще понял, если б ты выдавал себя за бывшего пленного, который сбежал из лагеря и партизанил во Франции, а теперь решил двинуть на соединение со своими. Но лагерного номера у тебя, скорее всего, нет, поэтому ты и придумал такую историю. Зачем вот только – я не пойму. Поэтому задаю вопрос по новой – твое имя, фамилия и что ты делал в порту?

М-да... честно говоря, я бы и сам не поверил в такую историю, тем более что детали и прочие нюансы раскрывать этому СМЕРШевцу не могу. А он подобной чухни, наверное, по самые гланды уже наслушался. Я тоже как-то был свидетелем, когда ребята из контрразведки четверых ухарей раскручивали. Те себя за героических партизан выдавали. А потом выяснилось, что они не просто полициями были, а еще и во вспомогательную зондеркоманду входили...

И в Москву старлей, конечно, звонить не будет. Во-первых, не его уровень, а во-вторых, если из-за каждого пленного, который несет подобный бред, терзать начальство, то этому следователю не просто карьеры не видать, а все может закончиться должностью участкового где-нибудь на Крайнем Севере. Хорошо еще, что я Берию не затребовал, а то бы сразу по мордасам заполучил. Старшой посчитал бы это за издевательство и в дело тут же включился старшина, сопящий за спиной. Но следователь, похоже, парень не дурной, во всяком случае не похож на некоторых, которые тупо на горло берут и с воодушевлением выбивают показания из арестованных. Так что можно будет попробовать его убедить хотя бы на свое начальство выйти. То есть он, конечно, по-любому доложит, но в камере сидеть и баланду хлебать, пока они разберутся, что к чему, я совершенно не хочу. Поэтому очень надеюсь, что все выяснится при первом допросе. А для этого надо сохранять спокойствие и не сильно давить на следака, который опять подал голос:

– Что, теперь решил молчать?

– Никак нет. Я подполковник госбезопасности Лисов Илья Иванович. Во Франции выполнял секретное задание командования. Если вы, товарищ старший лейтенант, доложите обо мне хотя бы своему начальству, то моя личность выяснится быстрее.

Потом я несколько сбился с размеренного тона и гораздо бодрее заговорил:

– Слушай, старлей, неужели от нашего Четвертого тут никого нет? Ну не весь же фронт в резерв вывели? Может, хоть кто-то остался? Меня многие знают. Генерал Левин – начальник СМЕРШ фронта, генерал Ордынцев из армейской разведки, генерал-майор Гусев. Ребята с главного разведуправления... Не хочешь на Москву выходить – я тебя понимаю. Но на них-то можно выйти? В конце концов ведь все выяснится, но я сегодня ночью этих сук из РОА чуть не удавил. Так что в дальнейшем боюсь не сдержаться. Да и вообще...

Старшой слушал внимательно, постукивая пальцами по столу и кусая губу. Потом поднял руку, призывая меня заткнуться, и спросил:

– А второй, тот, который с тобой вместе был, он кто? Тоже из Москвы?

– Нет, вот он как раз – лагерник. Они во Франции шорох наводили, не давали фрицам спокойно дышать. Там отряд из бывших наших военнопленных действовал. И еще как

действовал! Эти ребята мне и помогли в живых остаться.

– А почему не все с тобой ушли, а только он?

– Ммм... Как сказать... У него жена с маленьким ребенком в Куйбышеве остались. Остальные-то или детдомовские, или родственники погибли, или просто более спокойные. А Птицын сильно за своих переживал, вот и рискнул со мной отправиться. Оставшиеся же бойцы приняли решение идти на соединение с нашими, когда фронт ближе подойдет. Да и тем путем, что мы уходили, толпу не вывезешь. Два человека – край...

Следователь покивал, слушая меня, потом что-то почеркал в бланке протокола допроса и в конце концов выдал:

– Ладно, я попробую про тебя выяснить как можно быстрее. Пока посидишь в отдельной камере, чтобы больше никого не тянуло удавить. Но смотри, если соврал, то я тебя своей рукой...

Старлей многообещающе посмотрел на меня, но я только кивнул:

– Само собой, я же все понимаю...

– Тогда...

Но что именно «тогда», следак не договорил, так как в коридоре послышался какой-то шум, кто-то громко спросил:

– Требухин на месте?

А потом у меня за спиной открылась дверь и старший лейтенант, поднявшись, козырнул:

– Здравия желаю, товарищ капитан!

Я хотел глянуть на вошедшего, но стоящий за спиной цербер, положив руку на плечо, не дал повернуться, поэтому пришлось продолжать сидеть, тупо глядя перед собой. А прибывший капитан тем временем приказал:

– Александр Витальевич, приготовьте документы по вчерашним арестованным. Понимаю, времени мало было, но хоть что-то есть?

– Так они уже у вас!

– Хе!

Услышав это «ххе», я очень сильно напрягся. Голос, за три года почти, конечно, забылся, но такое хеканье ни с чем не спутаешь. Хотя нет. Не может быть... Их же тогда всех с пулемета покروшили... Или не всех? Я ведь видел, как несколько фигурок нырнули в лес, с другой стороны дороги. Неужели?.. Больше надеюсь на удачу, чем на что-либо, я, заблокированный старшиной, глядя на стол, громко спросил:

– Сухов?

* * *

– Ну что, за встречу?

– Давай!

Пить неразбавленный спирт было, конечно, извращением, с которым я решил покончить после того достопамятного стакана, но хлебать по поводу такой неожиданной встречи местное вино было еще большим извратом. Так что большую оплетенную бутылку с молодым виноградным оставили на потом. Андрюха как радушный хозяин ухаживал за бывшими арестованными, улыбаясь, хекая и крутя головой. Видно, тоже чувства переполняли...

А сначала он меня сразу и не узнал. Услышав свою фамилию, Сухов удивленно протянул:

– Не понял... – И сделав два шага вперед, уставился на допрашиваемого: – Ты меня что, знаешь?

Я, глядя на полузабытую физиономию погранца, улыбнулся и ответил:

– Отож... И ты меня знаешь. Двадцать первого июня сорок первого кто на участке твоей заставы вышел? Помнишь «студента»?

– Итить твою мать! Лисов! М-м-м... Илья? Живой!

– Илья, Илья. Узнал все-таки...

Андрюха договорить не дал, а, сдернув со стула, крепко обнял. Потом отстранился и с веселым удивлением спросил:

– А здесь ты как оказался? Все за передком ползаешь?

– Теперь, конечно, в другом качестве, но ползаю.

Требухин и старшина, неуверенно улыбаясь, смотрели на нас, а потом старлей решил прояснить ситуацию:

– Товарищ капитан, этот человек говорит, что он подполковник Красной Армии и что находится в подчинении ставки, поэтому требует связаться с Москвой для подтверждения личности.

Бывший пограничник удивленно хмыкнул:

– Ого! Быстро растешь! Тогда, помнится, в одном звании были? – И обращаясь к старшине, добавил: – Так, Реутов, ты разведке чайку организуй, а я скоро вернусь.

Потом, повернувшись ко мне, пояснил:

– Сейчас не могу с тобой, дел по горло, но через полчаса освобожусь, тогда потолкуем! Я быстро!

Но прежде чем Сухов, забрав Требухина и бланк моего допроса, сбежал, я его тормознул:

– погоди, Андрей. Там со мной еще один парень был – вместе работаем. Он где-то в соседнем кабинете находиться должен...

– Не волнуйся и напарника твоего сейчас сюда приведут. Я быстренько дела разгребу, тогда обо всем переговорим.

После чего, хлопнув меня по плечу, исчез за дверью. Потом я, хлебая принесенный по приказу Реутова чаек, ухмыляясь про себя, думал, что Андрей как был человеком крайне недоверчивым, так и остался. С другой стороны, при его теперешней профессии по-другому и нельзя. Как же – дела у него. Так я и поверил. Сухов сейчас наверняка к начальнику управления рванул, чтобы связаться с Москвой и выяснить, есть ли у них в штате подполковник Лисов и соответствует ли мой словесный портрет тому подполковнику.

Я уже надул чаем, как бочка, когда часа через полтора наконец вернулся Андрюха. В принципе, как только он с каким-то полковником, довольно улыбаясь, вошел в комнату, было уже все понятно. Но я все равно спросил:

– Ну что, подтвердили личность?

Сухов глаза не отвел, понимая, что его слова про полчаса и дела были интерпретированы верно, а просто ответил:

– Так точно, товарищ подполковник! – И после небольшой паузы добавил: – Илья, я даже извиняться не буду, ты сам все должен понимать...

– Да о чем разговор...

Потом нас познакомили с полковником Васиным. Он оказался начальником шестого отдела СМЕРШ фронта и после разговора с Андрюхой тут же позвонил в Москву. Там сначала несколько переполошились, но, сразу подтвердив все мои полномочия, приказали создать Лисову режим наибольшего благоприятствования. Васин, сидя напротив, рассказал:

– Сегодня ночью за вами придет самолет. А пока я приказал баньку сообразить. После бани – обед. Вы не против?

– Конечно, не против. А где Игорь Птицын?

– Его сейчас приведут и можно начинать. Я вам еще хочу человека в сопровождение дать, пока здесь находитесь, а то вы без документов, мало ли что...

– Само собой... разрешите, чтобы это был Сухов?

Полковник несколько замаялся, не желая отдавать начальника отдела в простые провожатые, но, подумав, махнул рукой, наверное, вспомнив слова москвичей про всяческое содействие, и сказал:

– Хорошо, тем более вам надо о многом поговорить.

Я же понимаю – старые боевые друзья встретились...

На том и порешили... Сначала сходили в баню, правда без Андрюхи, у которого были действительно срочные дела. После баньки перекусили, а потом Сухов уволок нас к себе. У него было и чем отметить встречу и чем закусить, поэтому расположились основательно, тем более до самолета времени было вагон. Меня, конечно, очень интересовало, как он тогда спасся и что делал после памятного налета на колонну пленных. Оказывается, Андрюха чисто случайно в живых остался. Ему пуля по касательной в голову попала, слегка контузив, и только благодаря своему сержанту Иванову, который начальника заставы успел подхватить и в лес шмыгнуть, мы сейчас с капитаном и разговариваем. Андрей, размякнув от выпитого, рассказывал:

– Веришь, нет, тогда, когда очухался – застрелиться хотел... Это ведь из-за меня люди погибли. Не сдержался, проявил слабость, вот почти все и полегли. Четверо только на ту сторону проскочить успели. Но бойцы, как увидели, что я стреляться надумал, пистолет отобрали, а потом еще и пристыдили. До сих пор вспоминаю – уши горят... Эх!

Сухов, махнув рукой, наполнил рюмки и продолжил рассказ. Они тогда еще дней десять по лесам бродили, пока не наткнулись на наших танкистов. Танковую бригаду раздолбали, а от батальона, на который вышли пограничники, осталось три танка. Но это была воинская единица, вокруг которой постепенно сосредотачивались окруженцы. Сборная солянка со всех частей. И летчики с трех сбитых самолетов, и противотанкисты с двумя исправными «сорокопятками», но без снарядов, и кавалеристы, у которых даже сохранились несколько лошадей. В основном, конечно, была пехота. Таким макаром их постепенно набралось человек двести пятьдесят. Андрюха, помня мои советы, с разрешения командира батальона организовал несколько летучих отрядов, которые добывали снаряды к орудиям и горючку к технике, попутно пуская немцам кровь при каждом удобном случае. А когда все укомплектовали, то двинулись на прорыв. То есть сначала скрытно передвигались на восток, благо лесов в Белоруссии хватало, а потом, внезапным ударом прорвав неустоявшуюся линию фронта, вышли к своим. Вышли, чтобы через два дня опять оказаться в окружении. И опять прорыв и снова окружение...

В общем, на фильтр Сухов попал только в сентябре. Документы были при нем, да и выходил он не один, поэтому проверяли пограничника недолго и, провоевав еще два месяца командиром истребительного отряда, он попал в армейскую контрразведку. Честно говоря, достаточно случайно попал. Просто его отряд отличился на поимке немецких диверсантов, вот Андрюху контрики и приметили. Так и продолжил службу в одном из подразделений Центрального фронта. Потом ранение, долгое лечение, и после выписки он попал в СМЕРШ Третьего Украинского фронта, где и продолжает службу по сей день.

– А сержант твой – Иванов – живой?

– Жив курилка! Только он уже младший лейтенант. На Центральном воюет. Мы с ним даже иногда переписываемся.

– Взводным?

– Нет, он в армейской разведке ордена зарабатывает.

– Ну тогда давай за него...

– Давай!

Выпили, а потом Андрей поинтересовался моей эпопеей. Я ему выдал сильно отредактированную версию, а он, услышав про Зальмута, чуть со стула не упал:

– Твою мать! Я же про это знаю! Получается, именно про тебя в газете писали – «В результате умелых действий советских разведчиков под командованием майора Г. был захвачен в плен крупный немецкий военачальник генерал фон Зальмут».

– Ну ты, блин, прямо наизусть чешешь!

– Да ты что, это же такое впечатление произвело на всех! Народ в полном охренении ходил и каждый мечтал такое же дело проверить!

Выпили за поимку Зальмута, а потом Сухов неожиданно озабочился вопросом, не имею ли я какого-либо отношения к автору известных песен – Лисову? Смущенно шаркнув

ножкой, ответил, что еще как имею. Тогда Андрюха, окончательно потеряв начальственную сдержанность, начал вопить. И вопил до тех пор, пока нам не принесли гитару, после чего состоялся импровизированный концерт. Но я его уже плохо помню. К нам заходили какие-то люди и громко хлопали после каждой песни так, что у меня начала побаливать голова. Потом вроде даже Васин на огонек заглянул...

А как нас грузили в машину и везли на аэродром, не помню совсем. Последний проблеск сознания был, когда Андрюха наконец отлепил меня от себя и передал с рук на руки летчикам со словами:

– Адрес, адрес мой не потеряй! Там и полевой почты и на всякий случай домашний. Он у тебя в кармане!

Согласно кивнув, дескать, все понял, позволил летунам затащить себя в самолет, где благополучно отрубился.

В себя более-менее пришел только на пересадке в Одессе. Там, добыв в летной столовой банку рассола, реквизировал ее с собой, и весь путь до Москвы мы с Птицыным то хлебали из банки по очереди, то мирно дремали под шум моторов. Поэтому по прилету чувствовал себя нормальным человеком.

И это было хорошо, так как в аэропорту нас встречал лично мой командир. Колычев в хипповом кожаном пальто и, невзирая на мороз, в фуражке дождался, когда я сойду с трапа, а после так меня стиснул, что ребра затрещали. Но, видно, смутившись от своего порыва, отстранился и строго спросил:

– Ты почему так долго шлялся?

Но не выдержав строгого тона, опять заулыбался и сказал:

– Вот ни на столько не верил, что ты можешь просто так сгинуть, но все равно очень рад твоему возвращению.

А потом, видя, как мы жмемся в наших курточках на ветру, подтолкнул меня и Игоря к машине со словами:

– Так, давайте грузитесь, а то только вашей простуды мне сейчас не хватало!

И нырнув в теплое нутро ЗИСа, я наконец почувствовал, что вернулся домой.

Глава 17

Стоя перед зарешеченным окошком одиночной камеры, я покачивался с пятки на носок и самозабвенно во все горло выводил:

Два бычка курили мы, сев в углу на корточки,
Все на свете семечки, друзья,
В дом любой входили мы
Только через форточку, корешок мой Сенечка и я...

За железной дверью что-то лязгнуло и хриплый голос часового вякнул:

– Петь не положено!

Прервавшись, чтобы глянуть на морду, появившуюся в «кормушке», я презрительно сощурился и, протянув: – Да пошел ты... – продолжил вокал:

Сколько недопили мы, сколько недоспали мы,
Все на свете семечки, друзья,
В Уголовном кодексе все статьи узнали мы...

– Ну, товарищ подполковник! Ну не положено ведь, услышит кто – и меня и вас накажут!

Вот зануда, такую песню испортил! А она у меня по ассоциации родилась, когда здесь огляделся. В далеком детстве фильм видел и момент из него запомнил – такое же окошко,

камера и главный герой поет про Сенечку... Только ему при этом никто не мешает. И вообще интересно – как они меня смогут за песню наказать? Посадят в другую камеру? Карцера, однако, для старшего комсостава уставом не предусмотрено. М-да... а ведь солдатики-то действительно могут поймать за то, что допустил подобное. И всем будет плевать, что я офицер, а он ефрейтор и никак на меня повлиять не может... Еще раз глянув на просящую физиономию бойца, прекратил пение и сказал:

– Хрен с тобой, золотая рыбка! Тогда буду читать стихи...

– Товарищ подполковник, у нас вообще шуметь нельзя.

– А что у вас можно?

– Сидеть...

– Ну ты и шутник... Ладно... Обед в вашей богадельне когда?

Круглое лицо ефрейтора, увидевшего, что высокопоставленный узник перестал дизелить, озарилось радостью, и он, глотая слова, зачастил:

– А скоренько уже, скоренько. Через час, в аккурат, и принесут!

Ну вот и славно. Кушать еще не хотелось, только узнать про расписание «губы» никому не рано и никогда не поздно. Мне, правда, его вчера начгуб доводил, но я все пропустил мимо ушей, даже не рассчитывая, что придется здесь задержаться более чем на ночь. Только Колычев, похоже, сильно обозлился и решил наконец всерьез засадить старого боевого друга в кутузку. Чтобы, так сказать, прочувствовал разгильдяй Лисов всю глубину своего падения и морального разложения. Правда, начав с угроз трибуналом, Иван Петрович закончил всего десятью сутками гауптической, блин, вахты. И даже когда я ему напомнил, что мое задержание, если судить по словам Мессинга, может всем выйти боком, никак не отреагировал. То есть отреагировал, сказав, чтобы товарищ подполковник не сильно задавался и вообще этот арест не просто так арест, а наказание за конкретное деяние, и что, мол, по закону я вообще попадаю под статью. Но зная меня давно и учитывая обстоятельства, он готов не доводить дело до трибунала, а дать своей властью десять суток. Чтобы я, так сказать, больше проникся...

Только один фиг обидно. Ведь не поленился отец родной и аж на гарнизонную губу отправил, а не просто домашним арестом ограничился. И главное, это все проделал со свежее испеченным лауреатом Сталинской премии и кавалером уже второго ордена Ленина, а я еще после банкета толком не отошел...

Хотя я и говорил, что верну эти сраные бабки, но командир закатил целую лекцию о равенстве перед законом и недопустимости подобных действий, тем более человеком, наделенным такими полномочиями, как у меня. Трындел о чистых руках, горячей голове, спокойной совести и прочей фигне. Даже Уголовный кодекс показывал. Я эту книжечку взял, но сразу полез смотреть не свою статью, а пятьдесят восьмую и все, что с ней связано. Попутно немного прокомментировал...

Для Колычева это стало последней каплей, и, обозвав меня неисправимым долбодобом, он в ярости упек подчиненного расхитителя на гарнизонку. А если смотреть трезво, то пострадал я, как и все великие люди, исключительно за правду. Но того же Галилея за заявку про то, что «она вертится», святая инквизиция к домашнему аресту приговорила, а меня за правдиво написанный отчет сразу обвинили в растрате государственных средств и в тюрьму посадили. А главное, за какие-то жалкие две штуки марок, будь они неладны!

И ведь, когда писал отчет, была мысль соврать, будто я их потерял во время неравной битвы с англичанами. Но тогда той мысли только ухмыльнулся и написал как есть. Кстати, потом, когда выйду, Колычеву скажу, что фиг я все две штуки возвращать буду! Полторы сотни, оставшиеся после покупки кольца, у меня лимонники слямзили. Так что с честного Лисова только штука восемьсот пятьдесят! И ни копейкой больше! А то моду взяли обдираньями заниматься...

Это мне тот момент вспомнился, когда Иван Петрович намекал, чтобы гонорары за песни, которые я принес в этот мир и которые стали шлягерами, отдал в какой-нибудь фонд. Типа по большому счету я их украл и поэтому, чтобы облегчить совесть, гонорары с

пластинок и отчислений за прокрутку по радио надо бы вернуть. Ага, шаз! Может, у меня еще старые инстинкты живы, но с государством я никогда, ничем и ни под каким видом делиться не буду! Не фиг морду баловать. Правда, прямо так, как думал, говорить не стал, а просто сказал, что ничего никому не отдам и с большой совестью как-нибудь постараюсь справиться. Командир, глядя на мою решительную физиономию, тогда удивился – мол, в каких-либо тратах я не замечен, в карты не играю, любовницы нет, до денег не жадный, так для чего мне такая куча бабок?

Колычев искренне недоумевал, поэтому и пришлось раскрыть свою задумку о том, что я собираюсь Лехе с сестренками взять квартиру в Москве. Найду жука-маклера, он все и сделает – только плати. И с пропиской проблем не будет – я или с Иринкой фиктивный брак оформлю, а потом она остальных пропишет, или чтобы девчонке паспорт штампом не пачкать, просто усыновлю Пучкова. Командир, как про Леху услышал, только что папиросу не проглотил:

– Ты ж старше его всего лет на десять, какое тут усыновление?!

– Какая разница, на сколько?! И кстати, закон этого не запрещает, так что возраст тут ни при чем! Зато пропишут моментом!

– А как же махинации с маклером? Это как раз запрещает – до восьми лет строгача.

– Если никто не заложит, то не поймают!

Колычев тогда на этот намек сильно обиделся и разговор свернул, а меня выгнал. Ну а потом – командировка во Францию, похищение моей персоны англичанами, неожиданное возвращение, и вопрос с отдачей денег в фонд государства умер сам собой...

Зато теперь мелкоуголовный тип Лисов показал себя во всей красе, прикарманив народные денежки. Только я, честно говоря, про это даже и не думал, когда с Санина их требовал. Вот ведь действительно – тут уже три года нахожусь, а старые замашки до сих пор живы. И чем же я лучше наших тогдашних правителей получаюсь? Те тоже – все государственное на карман тырили, только шум стоял. У меня просто масштабы поменьше, но такой же вор, как и они... М-да... Гонорары – это, конечно, чисто мое, но вот с марками я, похоже, погорячился. Тут ведь дело принципа и не важно, сколько украл. Быть похожим на современных приватизаторов мне не хотелось совершенно, поэтому, загрустив, уселся за столик и, подперев голову руками, сильно задумался...

Но, наверное, я все-таки в душе пофигист, потому что уже через пару минут прекратил терзаться высокими государственными мыслями, решив просто отдать эти деньги рублями по курсу и вопрос закрыть. А потом начал вспоминать прием в Кремле по случаю награждения сначала премией, а еще через день и орденом – за осеннюю разведку.

Лешка обещанного «Ленина» получил, так сказать, на рабочем месте. Хоть фронт и был на переформировании, но представленных к государственным наградам оказалось столько, что дедушка Калинин поднял свою древнюю задницу и поехал в Минводы, где и проходило награждение. Только тем, кому «Героев» присвоили, звезды вручали в Кремле, а остальных просто свезли в хорошо сохранившийся курортный городок и раздали всем сестрам по серьгам.

Ну а мне повезло удачно вернуться – почти сразу, всего недели через три после приезда попал под раздачу пирожков и плюшек. Пока отписался по французским похождениям, пока отвечал на вопросы своих командиров, а потом еще и Верховного, пока контролировал процесс проверки Птицына, вот время и пролетело. А пять дней назад Колычев приказал чистить перышки и готовиться к получению премии. Я даже сначала не понял какой. Про слова Сталина о включении меня в списки лауреатов, конечно, помнил, но прошло уже столько времени и событий, что давно перегорел и даже как-то подзабыл. То есть в голове-то держал, но особо внимание на этом не акцентировал.

Так что когда наступил час «Ч», меня, всего начищенного и при всех регалиях, прямо с работы, на колычевском «ЗиСе» отвезли в Кремль. После проверки документов, приглашений и еще кучи бумаг наконец провели в большой зал. Там народу было, как блох на собаке, и стоял непрекращающийся монотонный гул голосов. Хотя, как выяснилось,

далеко не все из присутствующих сегодня получали премию. Большинство были просто приглашенными, да и разных репортеров тоже хватало. Причем импортных в том числе. А самих лауреатов оказалось довольно мало – человек тридцать. Сопровождающие нас провели и показали места в первом ряду, только народ там не усидел и все сразу начали бегать и здороваться между собой. Большинство из них знали друг друга, и только я и еще несколько человек остались сидеть, с интересом крутя головой.

Хотя потом постепенно начал замечать и знакомые физиономии. Вон тот подполковник, это Астров, который «гололохопый Фердинанд», он же СУ-76 изобрел. Я с ним в сорок втором уже встречался. А сейчас, по слухам, он на базе Газ-63 бэтээр придумал. То есть не то чтобы он, но под его руководством. Опять-таки по слухам – зверь машина, ни один из теперешних броневииков и рядом не стоял, особенно если учесть, что новый БТР будет владимировским пулеметом вооружен.

И вон тот, с бородкой, тоже знаком. Геолог по фамилии Иванов, а как звать, не помню. Помню, что мы с ним сцепились из-за алмазов. Это он еще с парочкой товарищей доказывали, что их на территории СССР нет. Чуть фейс ему тогда не начистил... О, похоже, геолог меня узнал, ручкой машет. Ну и я в ответ помашу, мне не тяжело. А это Ильюшин и чуть дальше Лавочкин. Стоят в сторонке друг от друга, каждый окруженный своей толпой почитателей.

С ними я не сталкивался, только в газетах фотки видел.

Пока вертел головой во все стороны, заметил, что народ как-то разом рассосался по местам, а через пару минут все встали и начали хлопать. Это когда Сталин вошел. Я тоже похлопал, потом, оглядевшись, еще похлопал. Потом появилось странное ощущение, как будто нахожусь на концерте заезжей знаменитости. Остальные ведь рукоплескали, только что из штанов не выпрыгивая, как будто были барышнями и Джона Леннона в зените славы увидели. Единственно – не визжали при этом. Минуты через две мне стало окончательно скучно. Чтобы не очень выделяться и не бросаться в глаза, я продолжал похлопывать, при этом наблюдая за Виссарионом. Верховный, судя по всему, чувствовал себя как рок-звезда во время заключительного концерта. С довольной мордой он качал головой и, улыбаясь, оглядывал зал. Потом, сделав движение руками типа – «уйдите, противные, надоели», – угомонил своих фанатов. Правда не сразу – наиболее рьяные еще отбивали ладони, но постепенно шум стихал.

Блин! Вся эта истерика минут пять длилась, не меньше! И ведь что характерно – Сталину такая встреча, похоже, нравилась. Вот уж не ожидал от старичка подобной тяги к самолюбованию. А потом начались выступления... Офигеть! Вот только за это всех коммунистов бы перестрелял – за долгие, тягомотные речи! Виссарионыч-то со своей частью закончил, по их меркам, довольно быстро – минут за тридцать, а остальные... нет, не то чтобы их речи длились дольше, но ведь они были совершенно однообразными. Особенно когда пошли лауреаты с благодарностями.

Меня, кстати, с этой благодарственной речью Колычев просто достал. Сначала затребовал, чтобы я написал, что буду говорить с трибуны. Потом, прочитав четыре строчки, из которых состояла будущая речь, высказался совершенно нелитературно и взялся за дело сам. После чего, вручив двенадцать листов, исписанных мелким почерком, приказал это перепечатать, чтобы читать удобней было, и, потрясая кулаком перед носом, предостерег от самодеятельности. Я перепечатал, сложил листики в красивую кожаную папку, подаренную командиром, и отнес ему на проверку.

Иван Петрович надел круглые очки, сразу став похожим на сельского учителя, внимательно все перечитал и наконец отстал от меня. Только я все равно эту папочку чуть перед отъездом не забыл. Командира разве что удар не хватил, когда он увидел меня без заготовленной речи. Затащив будущего лауреата в кабинет, генерал полковник, совершил неуставные действия в виде неудавшейся попытки вклеить мне подзатыльник и, вручив злополучную папку, лично сопровождал до машины. Так что я теперь ничем не буду отличаться от остальных говорящих.

Поэтому, когда назвали мою фамилию в номинации «за достижения в науке и технике» под аплодисменты зала, быстро прочел творение Ивана Петровича, получил диплом, сертификат и медаль, после чего убежал на свое место. Ф-фух! Вроде бы все нормально прошло – нигде не накосорезил. Так что теперь можно расслабиться и получать удовольствие от предчувствия будущего банкета. Хотя после уяснения суммы несколько напрягала сквалыжность вождя. Премию мне, разумеется, дали, но только второй степени. Деньги, конечно, огромные, но пятьдесят тысяч – это ведь не сто? Жмоты!

Правда, с другой стороны, это, наверное, справедливо будет. Остальные ведь действительно ее за заслуги получили, а я только за то, что оказался в нужный момент в нужном месте. Так что ладно – пусть будет пятьдесят. Да и Виссарионыча жмотом назвать очень тяжело. Я ведь когда узнал, с каких фондов эта премия берется, полностью обалдел. Думал, что закрома государства трясут, оказывается – фиг вам! Это личные деньги Сталина, полученные за публикации его книг у нас и за рубежом. Во бли-и-н!

Я себе такого и представить не мог. Верховный, конечно, тиран и еще какой тиран, но ни в коем случае не рвач и не скопидом. То есть собственных накоплений у него нет. Вааще. Ни здесь, ни в швейцарских банках. Понятно, у него есть власть, но ведь и у современных мне правителей ее хватало, только они, дорвавшись до трона, тут же начинали себе состояния сколачивать, а «палач всех народов» ведет себя в этом вопросе совершенно для меня непонятно... Епрст! Действительно, очень тяжело понять человека такого уровня...

А потом торжественная часть наконец закончилась и всех пригласили поучаствовать в банкете. Глядя на народ, покидающий зал, так и хотелось выкрикнуть, как кричали в моем детстве:

– Товагищи! Геволуция, о которой так долго тренедали большевики, отменяется! А теперь – дискотека!!!

Но меня бы тут не поняли, поэтому я, задавив в себе хулиганские порывы, двинул на выход вместе со всеми...

* * *

– Ваши stodvadcatimilimetrovye минометы – это просто убойные машины! Батарея «русских самоваров» на моих глазах смогла задержать прорыв японского батальона. А я ведь до этого даже не предполагал, что у вас есть такое оружие!

Ну, ты много чего не предполагал... С этим американцем из военной миссии я столкнулся на исходе второго часа развлечений. К моему удивлению, на банкете было довольно много иностранцев, но поначалу общался только с нашими. Даже с Капицей поручкался. Не то чтобы я разбирался в физике или млел от его открытий, но наслышан был об этом человеке еще в свое время достаточно, чтобы после его рукопожатия неделю руку не мыть. Потом пообщался с Несмеяновым, который довел до ума мой самопальный напалм. Правда он не знал, что это я стоял, так сказать, у истоков, но все равно пообщались хорошо. Видел даже Лысенко. Он свою премию в прошлом году получил и в этот раз был просто в списках приглашенных. Радостно улыбаясь, директор института генетики поздравлял кого-то из своих подчиненных и как раз в этот момент толкал речугу. Глядя на его худую, кстати, довольно неприятную физиономию, только хмыкнул... Надо же как получается. Сколько слышал – его по телеку называли шарлатаном и душителем советской науки. А как выяснилось, он в натуре чего-то там изобрел, с травками-муравками, что дало сильный экономический эффект. Я в этой ботанике, конечно, не шарю, но, по слухам, изобретений у него много. Вот и верь после этого телевизору... Хотя, с другой стороны, может, он их просто натырил, пользуясь своим положением? Хрен его знает, как там у них в профессорской среде принято, возможно – истинного изобретателя на зону, а лавры себе? Но в теперешних газетах про Лысенко пишут как о гениальном рационализаторе и первооткрывателе, так что с уверенностью сказать ничего нельзя.

М-да... Зато убийцей «основоположника советской генетики» его теперь точно

называть не будут – на своем супермарафонском допросе я упомянул и ДНК, и овечку Долли, и Вавилова, так что последнего, по словам Колычева, извлекли из тюрьмы, откачали, откормили и теперь он трудится в какой-то шарашке. На свободу бывшего оппонента Лысенко не выпустили, уж не знаю почему, но возможность работы по специальности дали. Так что, глядишь, лет через сорок первая «Долли» появится именно у нас.

А потом, дефилируя по залу, столкнулся с мужиком в парадной америкосовской форме. Причем столкнулся в прямом смысле этого слова – я ему случайно чуть бокал из руки не выбил. Извинился, конечно, но сразу не ушел, и мы зацепились языками. Майор Вильям Флэтчер прибыл в американскую военную миссию в Москве меньше месяца назад, и это был его первый выход в свет. Поэтому янки пребывал в щенячьем восторге, и ему все вокруг казалось прекрасным и удивительным. Я сначала было подумал, что это обычная штабная крыса, только чуть позже в разговоре выяснилось, что он всю воевал на тихоокеанском ТВД. И вот от него я узнал странные вещи. Виду, конечно, не подавал, что удивляюсь, но охреневал, слушая Вильяма, сильно. Оказывается, с начала сорок третьего года американским войскам, воюющим на островах, шла целая куча советского снаряжения. Америкос пребывал в восхищении не только от наших минометов. Майор говорил, что за бронежилеты, невзирая на их тяжесть, американские солдаты готовы молиться на «дядю Джо». А советские одноразовые гранатометы гораздо лучше их базук, электровоспламенительные устройства которых в вечной сырости тропиков быстро выходили из строя. Удобные разгрузки с надписью «Сделано в СССР» тоже пришлось очень по нраву штатовским бойцам. Жалко только, что этого всего поставляется не так много, как бы хотелось, но Флэтчер отлично понимает, что мы, можно сказать, от сердца отрываем эту амуницию и вооружение, неся основное бремя войны...

Вот я и завис, все это слушая. Интересная картинка получается: выходит, Сталин, с одной стороны, сливает информацию японцам – во всяком случае насчет Мидуэя у меня сильные подозрения есть, а с другой – осуществляет поставки советского оружия и снаряжения американцам. То есть шлет за океан не сырье, а готовую продукцию, причем военного назначения и очень нужную США. То-то я думал, чем это наши так штатовцев заинтересовали, что они автомобильные заводы у нас построили. А вот оказывается чем... Так что это какой-то обратный ленд-лиз получается, и после его подсчетов еще неизвестно, кто кому больше должен будет, особенно если учесть, что с Америки нам сейчас военного снаряжения практически не идет – своего вполне хватает. И если будет «холодная война», настроить против Советского Союза человека, которому жизнь спас русский бронежилет, будет уже гораздо тяжелее. Да уж... Это сколько же сейчас америкосов постоянно имеют перед носом надпись – «Сделано в СССР»? А ведь это, как ни крути, пропаганда...

Уточнив у майора еще некоторые детали, я с ним распрощался и в задумчивости пошел прогуливаться дальше. Ну Виссарионыч, ну жук! Он, значит, янки «фаустпатроны» первых выпусков и «броники» устаревшего образца сбегивает, а те их и хватают, повизгивая от восторга. Ну прямо как они нам, когда в реальной истории свои неликвиды сбегивали, а мы радовались и этому барахлу. А если учесть, что на фронте я недостатка во всей перечисленной американцем продукции не замечал, выходит, это снабжение идет без обделения своей армии. Однако «дядя Джо»... Молодец, по-другому и не скажешь!

Так, барражируя по залу, я то смотрел выступление артистов, то общался со знакомыми и незнакомыми людьми, пока в конце концов не набрел на группу писателей и эти творческие личности в пять минут споили слабохарактерного Лисова, поэтому отъезд домой помню плохо.

* * *

Потом был перерыв в четыре дня и опять Кремль с попойкой, на этот раз по случаю награждения орденом Ленина. Это меня за осеннюю разведку облагодетельствовали, когда мы предотвратили фланговый удар корпуса Роммеля. Там все шло штатно, за исключением

того, что на последующей за награждениями пьянке увидел живого Брежнева! Нет, я знал о его существовании, и даже воевали мы недалеко друг от друга, но как-то никогда не сталкивались. Поэтому сейчас, выпучив глаза, наблюдал знакомые брови и все, что к ним прилагается. Офигеть! Бровеносец оказался здоровенным мужиком, выше меня чуть не на полголовы. Вот уж никак этого не ожидал, помня невменяемого старичка в телевизоре и его «сиськи — масиськи», и «сосиски сраные», соответственно — систематически и социалистические страны. Здесь же «масисек» не было и в помине. Брежнев, сверкая новенькой звездой Героя, полковничьими погонами и свежим шрамом от уха до подбородка, был весел, бодр и поднимал тосты с пулеметной частотой. Я, слегка отойдя от обалдения, понял, что просто так мимо пройти не могу. Это было выше моих сил, ведь как ни крути — Сталин и прочие для меня просто исторические персонажи, а этот — при мне правил. Поэтому, подрулив к незабвенному Леониду Ильичу, сначала тактично вставил пару реплик, а потом представился. Брежнев несколько секунд шевелил своими устрашающими бровями, что-то вспоминая, а потом зарокотал:

— Лисов Илья Иванович? Как же, конечно, знаю! Это ведь вы Зальмута захватили? Очень, очень приятно познакомиться! Леонид Ильич Брежнев, можно просто — Леонид!

Оба-на! Вот так вот! Я чуть бокал не проглотил. Даже слов нет — «просто Леонид!» Меня разобрал какой-то нервный смех, а потом, чтобы объяснить свое поведение, сказал, что вспомнил анекдот в тему. Рассказал — поржали. Потом анекдот рассказал «просто Леонид», опять поржали. Потом выпили и я опять ввернул что-то смешное. Опять выпили. В общем, через какое-то время Брежнев предложил выпить на брудершафт. Я согласился, но от поцелуев, помня его подозрительную привычку, категорически отказался. Под конец вечера мы уже скантовались настолько, что он держал непривыкшего к таким скоростям поглощения спиртного Лисова за локоть, а я заплетающимся языком пытался донести до него мысль, что парень он отличный, но вот четыре геройские звезды и орден матери-героини — это явный перебор. Леня согласно кивал и отвечал, что за такое вообще убивать надо. По-моему, он плохо соображал, что я говорю, да и у меня никак не получалось четко донести свою мысль. Потом мы немного тихонько попели про то, что «по Дону гуляет казак молодой», и расчувствовавшийся Ильич, все-таки словив момент, умудрился смачно меня чмокнуть. Тьфу! Вот гомосек тайный! Пока я полоскал рот коньяком, Брежнев успокаивающе гудел рядом. А через какое-то время к нам присоединились майор-летчик с капитаном морской пехоты, и свеженагражденный Лисов чуть было опять не впал в алкогольную нирвану. Правда, на этот раз, помня, насколько мне было нехорошо после получения премии, втайне перешел на минералку и поэтому окончание вечера встретил бодрячком. Но, как выяснилось уже ночью, мне это только казалось... Обнимая белого фаянсового друга, с ожесточением думал, что отныне, какой бы ни был повод, ничего крепче сока в рот не возьму. Это местные привычны квасить как лошади, а у меня организм плохой, экологией подорван, и тягаться с ними — просто опасно для здоровья...

* * *

На следующий день с квадратной головой и красными глазами сначала привидением шатался по конторе, а потом, уже очухавшись, поймал Колычева, снова пристал к нему, интересуясь результатами французских переговоров. Когда спрашивал ранее, командир отвечал, чтобы не лез не в свое дело. Но тут, когда меня очередной раз послали, я проявил упертость:

— Товарищ генерал-полковник, что значит «результаты тебя не касаются»? Они всех касаются! А меня — в первую очередь! Как я могу работать, если и в дальнейшем конечный результат моей деятельности от меня же будут засекречивать?

— Товарищ подполковник, вы соображаете, что вы говорите?! Или понятие «секретность» — не для вас?! Идите и занимайтесь своим делом!

Тут я не выдержал и заорал:

– Каким делом? Опять евреями? Так все мои выкладки у вас, а в одиночку устроить захват Палестины я не способен!

Иван Петрович тоже не выдержал:

– Прикажут – будешь способен! А сейчас иди к Малахову, он тебя работой нагрузит!

Идти к этому зануде-востоковеду совершенно не хотелось, поэтому, сбавив тон, я заявил:

– Тащ генерал-полковник, а ведь я уже год без отпуска, хоть по уставу и положен. Разрешите неделю взять?

Командир удивился:

– Зачем тебе в отпуск? Что ты там делать собираешься?

– Покупкой квартиры для Пучкова займусь – денег-то у меня теперь много...

Колычев, услышав про квартиру, опять вскипел:

– Ты снова за старое?! И кстати, про деньги, вот. – Он выдернул из папки какую-то бумагу, скользнул по ней взглядом и зашипел: – Как ты мог позволить себе трату государственных денег для личных нужд? Я тебя спрашиваю?! Ты знаешь, как это называется?!

И пошло-поехало... Как говорится – слово за слово, хреном по столу... Вот так, в конце концов, я и оказался вместо отпуска – на губе...

* * *

Дверь опять лязгнула, но в камере вместо шныря с обедом появился Колычев собственной персоной. Командир несколько секунд оценивающе осматривал меня, а потом приказал:

– Давай собирайся!

Я сделал руки типа – «Ах» и ехидно спросил:

– Никак амнистия вышла, гражданин начальник? Или без меня ни дня обойтись невозможно?

Иван Петрович поморщился и ответил:

– Ты бы у меня для профилактики все десять суток отсидел. Но сейчас неожиданные дела закрутились. Так что давай быстрее.

Блин, похоже, что-то нехорошее приключилось, поэтому хохмочки надо отставить. Быстро подхватив шинель, я потопал следом за командиром, даже не пытаясь выяснить на ходу, что же произошло. Задержался только получить деньги и карманные вещи, сданные перед посадкой. Когда сели в машину, Колычев коротко бросил водиле:

– На Лубянку...

Я решил поинтересоваться:

– Что случилось?

Генерал-полковник покачал головой, мол, не здесь, но потом, видно, что-то для себя решив, коротко сказал:

– Ты пока вспоминай, что тебе известно про «ось мира».

Вот те на! На такой вопрос я только глаза выпучил. Это что он имеет в виду? Палку, вокруг которой земля вертится? Есть еще одна «ос», но это «желтый полосатый мух», если исходить из анекдота. Но почему – «ось мира»? И ведь что-то знакомое в этом словосочетании, помимо анекдота, тоже проскакивает. Но что именно, не могу вспомнить. Видно, вся ошарашенность и напряжение памяти отразилось у меня на морде, поэтому командир, наклонившись, пояснил:

– Это должно находиться где-то на востоке, возможно в Гималаях... Но с тем же успехом и в Индии, в Палестине, в Иране...

Блин, ни фиги себе, разброс по шару... Задумчиво почесав затылок, глянул в окно, машинально оценив фигуристую, несмотря на мешковатое пальто, девушку, стоявшую возле светофора. И вдруг я вспомнил! Точно – есть такое! И ведь как вспомнил – та деваха на

тротуаре навела на мысль.

Было у меня, еще в прошлой жизни, мимолетное увлечение – барышня на всю голову ударенная, но весьма изобретательная в постели. Внешне очень даже хороша, только с бзиком – полностью повернута на разных эзотерических прибабасах. Вот так, скажем, в виде прелюдии и приходилось слушать ее измышления про третьи глаза, эгрегоры и прочие чакры. Меня от всех этих мистических бесед в сон клонило, но слушал вежливо и даже кивал впопад. Правда, больше всего из потусторонних упражнений тогда только тантрические игрища интересовали. Желательно без групповух и всего прочего. А вот к воскриванию индийских вонючек и эротическим танцам партнерши я относился весьма благосклонно, считая это компенсацией за перегруженную лишними знаниями голову. Но как говорят – лишних знаний не бывает. Вот кто бы знал, что Милкин бред может пригодиться...

И еще интересно, почему меня командир с губы выдернул? Ведь он не мог предполагать, что я про эту «ось» знаю. Никак наверх доложил о моем аресте, а оттуда ему пальчиком погрозили – мол, не балуй, вот он и приехал – отец-освободитель... Хотя нет, не сходится – на фига тогда в Госужас везти? Мог бы сразу к нам в контору. А может, их действительно этот мистический вопрос интересует и из меня знания посредством гипноза хотят добыть? Но ведь уже пробовали, и выяснилось, что я гипнозу не поддаюсь. В общем, ничего непонятно...

Пока я занимался размышлениями, машина доехала до места. Колычев, который всю дорогу только поглядывал на меня, но не мешал соображать, сейчас, глядя на сосредоточенную физиономию подчиненного, спросил:

– Что-нибудь вспомнил?

– Так точно!

– Тогда за мной!

И мы порысили мимо вытянувшегося дежурного наверх. Секретарь Берии, увидев нас, поднял трубку и, доложив, открыл двери кабинета. Бывший генеральный комиссар, а ныне маршал Советского Союза встретил нас приветливо:

– А, здравствуйте, товарищи, проходите, присаживайтесь.

Потом Берия поручался с пришедшими и только после этого перешел к делу:

– Товарищ Лисов, Иван Петрович вас уже ввел в курс дела?

Э-э-э... Блин! И что на это отвечать? По-моему, вопрос про мифические оси не является объяснением, зачем я понадобился. Но тут вовремя вступил командир:

– Я решил в машине не заниматься объяснениями. Спросил только, знает ли Илья про «ось мира».

Маршал блеснул в мою сторону стеклышками пенсне:

– И что вы на это сказали?

– Ответил, что знаю... У меня там... – Я мотнул головой. – Была, кхм, знакомая девушка. Сам я такими вещами не очень интересовался, но от нее слышал. Вообще, она много бредятины говорила, но это запомнил, потому что сам факт очень удивил. Она рассказывала, что существует такая штука, под названием «ось мира». У разных народов про нее разное говорят, сейчас точно не помню, что именно. И про ось запомнил только потому, что знакомая говорила, будто во время войны, в смысле – этой войны, Гитлер, поняв, что проигрывает, послал воинское подразделение в Гималаи...

При этих словах мои собеседники переглянулись и кивнули друг другу, как будто получив какое-то подтверждение своим мыслям. Я на секунду запнулся, глядя на эти кивки, и продолжил:

– Там, на Тибете, в одном из монастырей, судя по легенде, находится эта самая ось. Вот немцы и захотели с ней что-то сделать, то ли повернуть, то ли нагнуть, я точно не помню, но, по задумке, их действия должны были принести победу на фронте. Только Сталин, узнав про намерения Гитлера, послал туда наших ребят с приказом немцев остановить, но в монастырь не лезть, а охранять его от подобных посягательств.

Лаврентий Павлович, видя, что докладчик замолк, поинтересовался:

– Это все, что вы знаете? Может, еще какие-нибудь детали?

– Никак нет, товарищ маршал Советского Союза! Я рассказал все, что знал. – А потом, не выдержав, добавил: – Но ведь это все – мистика сплошная! Как может несуществующая ось поменять ход жизни? Да теперь, даже если немцы ею, как флагом, размахивать будут, мы их задавим! Тем более что ее не существует!

Берия на эти слова только хмыкнул:

– Мне бы вашу уверенность, товарищ Лисов...

А Колычев подлил масла в огонь:

– Последнюю глупость, связанную с легендами, мы допустили, раскопав могилу Тамерлана. После этого старались больше подобных проколов не допускать. Теперь, получив от вас подтверждение имеющимся ранее сведениям, мы сумеем предотвратить все действия гитлеровцев.

Я стоял в полном обалдении. Как-то не верится, что эти двое говорят на полном серьезе. И при чем тут Чингисхан, то есть этот, как его – Тамерлан? Какая насчет его легенда была, что доблестные чекисты на ней прокололись? Но долго стоять столбом мне не дали. Берия, видя, что из меня больше ничего не вытянуть, сказал:

– Товарищ Лисов, спасибо, вы нам очень помогли.

А сейчас можете быть свободны. Я слышал, – тут он ехидно ухмыльнулся, – вас подвергли аресту, но ничего, вы не обижайтесь на товарища Колычева, тем более, он был прав, а вы, чувствуя свою вину, позволили себя арестовать без каких-либо эксцессов. Но сейчас я, как старший по званию, освобождаю вас от дальнейшего несения наказания. Езжайте домой, отдыхайте, а завтра Иван Петрович поставит вам очень ответственную задачу, которую может выполнить только человек, обладающий вашим везением.

Фигассе! Это какую еще задачу? Неужели... Я не выдержал и, прежде чем выйти, спросил:

– Мне готовиться на Тибет?

Начальнички переглянулись с улыбкой, и Колычев ответил:

– Нет, все будет гораздо ближе, но от этого не менее серьезней.

Тут опять влез Берия:

– Идите, товарищ Лисов, завтра вам все объяснят...

Я еще пару секунд изображал стойку «смирно», а потом, повернувшись, вышел из кабинета.

По пути домой все соображал, что это может быть за задание, но так ничего и не придумал. Зато четко отследил интонацию главного чекиста, когда он сказал про мой арест без эксцессов. Голос-то у него – довольный был, причем очень довольный... Думает, наверное, что предостережение Мессинга смог обойти. А вот фиг вам! Я действительно вину чувствовал, да и перед командиром было неудобно, поэтому тогда даже и не дергался. Тем более, десять суток для науки еще никого не убивали. Но вот если бы мне за это же дело попытались восемь лет влить, то всем было бы плохо. Кстати, Берия, кажется, это тоже понимает, поэтому и провел эксперимент в таком мягком и щадящем варианте. Командиры, так сказать, проверили, есть ли у меня совесть в наличии или Лисов – монстр, отмороженный на всю голову. Смешно получается – за убийство Хрущева я бы хрен дал себя посадить, потому что чувствовал свою правоту, а за две тысячи вражьих денег сел и не пикнул... А ведь судя по физиономиям, результаты проверки их удовлетворили. Ну что ж – пусть думают, будто они меня могут просчитать вдоль и поперек. Флаг в руки, как говорится, особенно если учесть, что я иногда сам свои действия предугадать не могу...

Весь в размышлениях я повернул к своему подъезду, где, нос к носу столкнувшись с Селивановым, выбросил из головы посторонние мысли и, поддавшись на уговоры, пошел к нему в гости, на какую-то суперзамечательную наливку, которую он привез с собой. Особо долго мы не засиживались, и, приговорив бутылку обалденно вкусной вишневки, уже часов в десять я побрел баиньки. Правда уснуть долго не мог, все соображая, чем же меня может озадачить Иван Петрович, но, ничего не надумав, незаметно для себя уснул.

Глава 18

Шустрый пухлый майор, потрясая руками, проскочил мимо нас, вопя на ходу:

– Где, где этот мудак с физическим именем?! Это же нужно быть таким долбаком! Где этот сын Карпат? Где эта трембита недодуденная?! Я его сейчас додужу!

Глядя вслед круглому, орущему метеору, я только удивленно поднял брови и спросил у местного сержанта, который передавал Захарову «уазик»:

– Это кого он так? И почему собственно – «мудак с физическим именем»?

– А это, тащ капитан, он Иона Катаряну снова гоняет – молдаванина нашего. Тот, видно, опять что-то отчебучил... – И с гордостью за командира добавил: – Наш майор, он до войны учителем физики был, вот и рассказал нам, что ион – это мелкая частица, током заряженная. А с греческого ион переводится как «ищущий». Ну точно Катаряну – мелкий и все время на свою жопу приключения ищет...

Крики майора доносились уже с другой стороны гаражей. Потом послышался торжествующий вопль и все затихло.

Сержант удовлетворенно кивнул и констатировал:

– Поймал... он его всегда ловит! Сейчас «убивать» будет...

Я, встав со скамейки и идя к машине, позавидовал:

– Как у вас тут все живенько. Весело, а главное, с огоньком... Поймал, убил и съел...

Сержант только кивнул, улыбаясь и вытирая ветошью руки, отошел от «УльЗиСа», показывая, что теперь за машину в ответе Захаров. Я, плюхнувшись рядом с водителем, поинтересовался:

– Ну что Миха, как аппарат?

– Новье, товарищ капитан, обкатку нормально сделать – до Берлина дойдет!

– Смотри, ты принимал, тебе и трахаться потом...

– Да все нормально, тащ капитан, отличная машина, тут даже печка есть! Сейчас движок прогреется – сами почувствуете!

– Тогда рули домой.

Домой – это значит в Кибартай, небольшой городок прямо на границе с Восточной Пруссией. От Вилкавишкиса, где находились армейские склады и авторемонтные мастерские и где мы получили машину, до нашей базы было пара часов езды. Тем более по хорошей рокадной дороге. Ее правда немного покоцали танками, но ездить можно... «Уазик», выплескивая жидкую грязь из-под колес, резво рванул с места, а я сначала вертел головой во все стороны, а потом, пригревшись от печки, потихоньку расслабился и начал обдумывать очередной поворот, который совершила моя судьба...

* * *

Когда наутро пришел в контору, меня сразу вызвал Иван Петрович. Командир имел вид серьезный и даже где-то задумчивый. Предложив сесть, он несколько секунд молчал, барабанив пальцами по столу. Я, глядя на Колычева, сразу почувствовал, как зачесалась давно заросшая дырка в боку. Ох, не зря генерал-полковник тянет. Он точно так же себя вел, когда меня в Измаил засунул. Так же мялся, жался и вздыхал. Вот и теперь явно какую-то гадость предложить хочет. Но вместо гадости командир неожиданно спросил:

– Илья, как ты смотришь опять с Гусевым поработать? В смысле – с его командой?

Епрст! Я такого подарка даже не ожидал! Поэтому, не усидев, подпрыгнул и чуть не завопил:

– Иван Петрович, да я только – за! Хоть говно ложками хлебать, лишь бы с мужиками, вы же знаете!

Командир на этот крик души улыбнулся и, показав на стул, приказал:

– Садись, чего скачешь... Предатель... Значит, меня на Гусева готов променять, не

раздумывая? – И видя, что я готовлюсь лопнуть от возмущения, примирительно добавил: – Ладно, ладно, не выпучивай глаза. Это я пошутил. А теперь давай серьезно...

И пошло серьезно... В общем, Колычев, как обычно, начал издалека. Дескать, в Третьем рейхе творятся какие-то странные дела. Геббельс во всеуслышание начал бредить про чудо-оружие. Он и раньше, еще с полгода назад, плел что-то про вундерваффе, но сейчас аж ножкой дрыгает и заливается соловьем. Наши, прикинув, что может являться в его устах вундервафлей, пришли к мнению, что это ФАУ обыкновенная, недоделанная. Перспективы у этих ракет, конечно, громадные, но надеяться, что они хоть как-то смогут переломить ситуацию на фронтах, не просто глупо, а сказочно глупо. Разведка по указанию сверху очередной раз проверила, как в Германии обстоят дела с атомной бомбой. Выяснилось, что в общем-то тоже никак, то есть работы ведутся, но это и все, что можно сказать. В этом вопросе мы опередили не только немцев, но и американцев, а ведь даже у нас вместо ядерной бомбы получается кукиш с маслом. Ученые репу чешут, но, невзирая на украденные у америкосов документы, что-то у советских ядерщиков не клеится.

Зато когда разведка разнюхивала возможность создания бомбы немцами, она накопила интересный факт, причем вовсе не со стороны прогресса в ядерной физике. На засекреченных немецких объектах были замечены появившиеся во множестве бритоголовые азиаты, в шафрановых одеяниях. Они были так же похожи на арийцев, в немецком понимании этого слова, как старый папуас на Любовь Орлову, только это совершенно им не мешало раздавать ЦУ крупным нацистским чинам. И кстати, именно после появления этих лысых выходцев с востока фрицы стали готовить экспедицию на Тибет. А так как немцы вообще повернуты на мистике и в этих вопросах продвинулись достаточно далеко, то Верховный проявил некоторую озабоченность. Он, оказывается, тоже не чужд разной эзотерике (наверное, обучение в семинарии не прошло бесследно) и поэтому приказал разобраться, чего еще можно ожидать от притких колдунов из Аненербе. То есть нашей группе следует брать на карандаш все возможные места сосредоточения арийских мистиков, а потом, следуя за передовыми частями Красной Армии, отлавливать недоразбежавшихся магов, желательно вместе с документами и брать их за цугундер.

Вот так нихренаськи! Я настолько удивился, что придется заниматься ловлей современных Калиостро, что даже не возмущался странностью задания, а только хлопал глазами. Колычев, глядя на мою физиономию, в конце концов не выдержал:

– Ну чего ты морды строишь? Гусев уже полностью проинструктирован, что и как делать. Если у тебя есть вопросы – задавай.

– Иван Петрович, что-то я совершенно не понял, как мы будем брать «языков», причем именно из этого общества. Если бы у них на груди плакат висел – «Аненербе», еще куда ни шло, а так... Да и вообще, где мы их искать будем? По всей Восточной Пруссии бегать? И сколько мы так пробегаем? Это же дело агентурной разведки – документы добывать...

– Ты, Илья, до конца никогда не дослушаешь, а сразу пыхтишь. «Тихони» будут давать координаты наиболее интересных мест, а дальше дело за вашей группой. Этим помимо вас будет заниматься целый отдел ГУГБ НКВД, но именно команда Гусева должна будет при приближении к ним линии фронта проверять сведения агентурных разведчиков и при подтверждении этих сведений препятствовать эвакуации подобных объектов.

Я, закрыв глаза, представил, как именно несколько человек советских разведчиков могут остановить эвакуацию особо секретного подразделения немцев. Картинка получилась феерическая. Разведчики все были размером со Святогора и раскидывали фрицевские танки щелбанами. А потом, собрав наиболее ценные магические экземпляры в авоську, радостно топая, так что земля тряслась, приносили добычу аналитикам. Видно, даже с закрытыми глазами вид у меня был очень многозначительный, поэтому Колычев стал раздражаться:

– У тебя опять фантазии не в ту сторону пошли? Так можешь их прекратить! Поясняю для особо впечатлительных – ты с группой, по наводке «тихонь» идешь за линию фронта. Там, на месте смотришь, что и как, и там же принимаешь решение. После чего, если это реализуемо, вызываешь десантников для захвата объекта. Потом – эвакуация документов

«языков» и либо прорыв к своим, либо вы на месте дожидаетесь подхода передовых частей. Все понятно?

– Так точно!

Ну это другое дело! Теперь действительно все стало понятно, а то вначале я зависал от необъятности задачи. Одно неясно, а за каким чертом нам эти мистики вообще нужны? По моему, гораздо более прагматичней за конструкторами да изобретателями таким образом охотиться. Того же Вернера Брауна отловить – и в космос мы уже лет через восемь выйдем. Кстати, про Брауна – когда я у «царской морды» спросил, не является ли известный инженер его родственником, то получил отрицательный ответ. У них там, оказывается, Браунов, как у нас Петровых – немерено. А жаль... Было бы замечательно бескровно заполучить себе такого инженера. Они бы на пару с Королевым таких дел наворотили...

Но ведь отца ФАУ можно просто похитить? Тем же макарон, как мы собираемся колдунов ловить... Сколько там в Панемюнде может быть войск прикрытия? А такая фигура, как Браун, стоит десантной дивизии, отданной за его поимку. Поэтому, несколько помявшись, спросил про немецких изобретателей у командира – мол, почему не их ловим? Оказывается, и это планируется, только несколько позже. Аналитики все просчитали, и выяснилось, что такими вещами оптимальнее всего будет заниматься, когда наша армия войдет в Германию. Шансов на удачное завершение операции гораздо больше получится. Тут, главное, не протянуть – а то все инженеры сменяют документы да как тараканы разбегутся в разные стороны – лови их потом поодиночке... Но аналитики и это учли... Так что наша задача сейчас – четкое выполнение приказов. Сказано ловить мистиков – ловим их. Скажут брать Брауна – возьмем его.

Покивав на эти слова Ивана Петровича и видя его благодушное настроение, набрался наглости и опять поинтересовался:

– Товарищ генерал-полковник, а что с Гальдерихом и заговорщиками? Когда они фюрера своего шлепнут? Ведь больше двух месяцев прошло...

Колычев сначала было вскинулся по привычке, но потом обмяк и, пожевав губами, ответил:

– Похерены переговоры. Там сейчас волна арестов прошла. Гальдерих и еще несколько человек застрелились, но кое-кого гестапо взяло. – И, видя, что я пытаюсь что-то спросить, успокаивающе махнул рукой: – Гельмут фон Браун сейчас в Швейцарии, от него мы все и узнали. Кстати, доктор этот, как его... ну твой родственничек будущий – там же. Так что можешь не переживать...

Вот гадство! Ведь как догадывался, что не зря темнят и не говорят о результатах французской миссии. Я только что не сплюнул прямо в генеральском кабинете, а потом уточнил:

– Англичане сдали? Блин, и как они вообще про это узнали? Неужели от немцев утечка произошла?

Командир хрупнул карандашом, который крутил в пальцах и сказал:

– Кто сдал – неизвестно. Скорее всего, именно лимонники, но у нас доказательств нет... А вот утечка произошла не от немцев... Это из нашего НКВД в МИ-6 информация ушла. Шпионов сейчас чекисты допрашивают, и уже много чего выяснилось... Литвинов, сука, оказывается, давно с англичанами снюхался. Еще до Первой мировой, когда в Лондоне жил... Его Шпильман сдал с потрохами, а сейчас, когда Литвинова из Америки вызвали, он и сам начал петь как соловей. Такие дела теперь проясняются – жуть берет... Б...ь!

Охренеть... Я думал, это только нам с Шеварднадзе так повезло, а у него, оказывается, предшественники были... На всякий случай уточнил:

– Так Литвинов – это же бывший министр иностранных дел! Выходит, островитяне про Союз знали все, причем информация шла с самого верха?!

– Вот именно... А ты говоришь – враги народа, репрессии, уничтожение генералитета, Сталин – людоед... Эх!

Колычев только рукой махнул, а я ошетинился:

– Вот и надо было не по доносам работать, а нормально, как все контрразведки работают, и не простых людей к стенке ставить да на лесоповалы гнать, а настоящих шпионов ловить! А то пересажали туеву хучу народа, и теперь выясняется, что не тех!

– Фу-у-у-х! – Командир устало выдохнул. – Илья, ты не знаешь – не говори. Под репрессии попадали и невинные люди, но дела их или уже пересмотрены, или пересматриваются. А шпионов, причем самых разных мастей, действительно была отловлена, как ты говоришь – туева хуча... Но, как выясняется – не всех вычислили... И эта недоработка теперь будет стоить нам сотни тысяч жизней людей на фронте...

Иван Петрович замолчал, устало потерев щеку, а я только сейчас увидел, как он осунулся. Да уж... На фронте Колычев даже в самые тяжелые моменты бодрячком бегал, а сейчас что-то вымотался. С другой стороны, он ведь является не только начальником УСИ. Ко всему прочему, генерал-полковник – первый зам Берии, да еще и в Политбюро ЦК входит. Нагрузили человека, как лошадь, вот и стал сдавать...

С командиром просидели почти до обеда, а потом он, когда уже хотел меня отпустить, вдруг хлопнул рукой по лбу и, протянув какой-то конверт, сказал:

– Ты меня совсем заморочил. Вот ведь чуть не забыл – держи и займись этим делом!

– Что это?

Колычев ехидно ухмыльнулся и ответил:

– Ты ведь с покупкой квартиры так и не уgomонишься, знаю я тебя. А нам криминал не нужен, поэтому, рассмотрев этот вопрос, решено предоставить Алексею Пучкову его прежнюю квартиру, благо сейчас там никто не живет, и восстановить Ирину Михайловну Пучкову в институте. Ее ведь со второго курса отчислили? Вот на второй и восстановят. У тебя до отъезда неделя, как раз за это время и перевезешь девчонок в Москву. Поможешь обустроиться, покажешь где что, да и вообще... Машину возьми нашу – полуторку с будкой. Там и вещи и людей можно перевозить. Начгар в курсе, я ему уже дал распоряжение. На заводе, где Ирина работает, тоже извещены, так что с завтрашнего дня она уволена.

От этого известия я чуть со стула не свалился, а потом, влюбленно глядя на собеседника, прижал руки к груди и искренне произнес:

– Спасибо, Иван Петрович! Век не забуду!

– Не забуду, не забуду, – пробурчал командир, скрывая улыбку, а потом, наставив на меня палец, добавил: – Но перед отъездом свой долг в бухгалтерию чтобы внес. Тысяча восьмьсот пятьдесят марок – по курсу это семьсот восемьдесят четыре рубля. Или ты думаешь, что я все забыл?

– Никак нет, товарищ генерал-полковник! Сегодня же внесу! А полуторку когда забрать можно?

– С пятнадцати ноль-ноль она в твоём распоряжении.

– Разрешите идти?

– Иди уж...

* * *

И я двинул – сначала домой за «бабками», а потом, разобравшись с этим делом, рванул в гараж. Летучка была готова, бак заправлен, водила накормлен, так что в начале четвертого мы уже выдвинулись в сторону Тулы. Правда, расстояние в двести километров на грузовике преодолевали больше пяти часов. Этот рыдван разогнался только до сорока, да еще и дорога не ахти, так что я не особенно гундел на Рыбина – водителя этого пепелаца.

В Туле сначала зарулили в облотдел НКВД. Там себе вытребовал провожатого, чтобы не искать по темноте улицу Железняк. Я здесь всего один раз был и то больше года назад, так что проводник не помешает. Пропетляв по частному сектору, остановились около нужного мне дома. Именно тут жили Лехина тетка и его сестренки. Сказав Рыбину, чтобы он отвез провожатого и сам возвращался обратно, я постучал в калитку. За заборчиком забухала здоровенная дворняга, а через минуту дверь открылась и на крыльце появилась

бесформенная фигура, держащая свечку. Фигура оказалась бабкой в накинута полушубке, которая, не подходя к калитке, надтреснутым голосом вякнула:

– Да когда же ты утомонишься, ирод? Нет Иринки дома! В ночную работает! И не приходи сюда больше! Моду взял – девке прохода не давать, до слез доводить!

М-да... Шекспировские страсти прямо... Только интересно, кто это Лехину сестренку до слез доводит? Ничего, сейчас все узнаем.

– Глафира Архиповна, это я, Лисов, Лешкин сослуживец. Я к вам в гости в позапрошлом году приходил, помните?

– Ох господи! Сейчас я открою...

Загнав собаку в будку, меня провели в дом. А там с двух сторон на гостя набросились и Ирка, которая, как оказалось, была вовсе не на заводе, и младшая – Ольга. Они испугались, что с их братцем что-то случилось, но я девчонок успокоил, а потом сообщил, для чего вообще сюда приехал. Все тут же заохали, заахали, потом начали шмыгать носами. Пришлось это мокрое царство успокоить, заодно поинтересовавшись, от кого Иринка прячется. Оказывается, есть тут один местный гопник – Дубно Макар. Живет недалеко, где работает – никто не знает, зато ходят слухи, что он якшается с блатными. Появился чуть больше полугода назад и сразу положил глаз на Лешкину сестру. Сначала вел себя более-менее корректно, но потом вообще распоясался. А прознав, что она дочка врага народа, окончательно оборзел. Архиповна пожаловалась на него местному участковому, и после беседы с ним Макар было притих, но неделю назад попытался затащить к себе домой Ирку, возвращавшуюся со смены. Народу на улице не было, и только вмешательство Ольги помешало Дубно. Мелкая, гордо вздернув нос, рассказывала, как она, услышав шум, выскочила и успела огреть ухажера по спине дровиной, валявшейся тут же.

– Он заругался и Ирку отпустил, а мы сразу к нам во двор убежали и Полкана с цепи отпустили. А этот дурак матерился и грозился, что Ирку все равно поймает.

М-да... Вот черт, а ведь я практически рядом все время жил. Кто мне мешал раньше сюда приехать, просто провести девчонок? Все, блин, времени не было... Ну да ничего, еще не поздно разобраться с этим Макаром. И пусть завтра Пучковых тут уже не будет, только скотство один хрен надо наказывать. Поэтому поинтересовался:

– А где этот Дубно живет?

Ответить мне не успели. За окном послышался голос:

– Эй, Ирка, шалава драная, все прячешься?

Девахи при этом вопле сжались, а бабка, всплеснув руками, проговорила:

– Ой господи, я же Полкана в будке оставила!

Пришедший, видно, тоже понял, что собаки нет, поэтому, пройдя через калитку, подошел к крыльцу и там начал куражиться:

– Архиповна, зови Ирку, поговорить надо! Зови, б...ь!

Я встал и сказал:

– Глафира Архиповна, впустите его. Видите – человек очень хочет...

Та немного поупиралась, но я ее подтолкнул к дверям, а сам встал возле печки, чтобы вошедший меня сразу не увидел. Через несколько секунд в дом ввалился парень в полушубке. Увидев Пучкову, довольно хихикнул и сказал:

– Что, падла белогвардейская, дошло, что от меня не спрячешься? А то ишь ты – дочь врага народа, а ведет себя как фифочка-целочка. Да я тебе вообще одолжение делаю, когда с тобой говорю, а ты тут кобениться будешь? Да...

Тут он заткнулся, так как увидел меня. Я молча подошел ближе и, приветливо улыбаясь, врезал между ног позднему гостю. Девчата ойкнули, бабка быстро перекрестилась, а Макар всхлипнул и мешком осел на пол.

– Архиповна, у вас сарай есть?

– Есть, Илья Иванович, как не быть? А ты его не убил часом, а то так по хозяйству пнул, что он аж побелел весь... И даже не стонет... Господи...

– Пока не убил. Мне еще с ним поговорить надо. Так что покажите, где сарай.

После осмотра помещения я удовлетворенно кивнул и, перетащив в него Дубно, выгнал женский пол, после чего зажег свечку. Потом подвязал слабо шевелящуюся тушу к потолочной балке и стал ждать, когда он более-менее очухается. Ждать пришлось долго. За это время приехал мой водитель, потом мы попили чай, и только через час я снова вернулся в сараюшку. Пленник к тому времени уже пришел в себя и встретил обидчика угрозами, подвываниями и неизобретательным матом. Некоторое время послушав этого уroda, вздохнув, заткнул ему рот его же шапкой и, зафиксировав ее шарфом, начал месить висящее тело руками и ногами. Через пару минут прекратил. Вот теперь этот гаврик точно соответствует своему липовому «белому билету». Даже немного больше. Почкам практически амбец, ливеру тоже. На девчонок ему смотреть нынче тоже без надобности. Во всяком случае, детей у этого козла гарантированно не будет. Да и твердую пищу, пока раскрошенная челюсть не срастется, ему еще не скоро жевать получится.

Блин, я знал, что у нас в тылах разные люди встречаются, но с подобным не сталкивался. Здесь ведь народ не то что в девяностых – люди как-то более дружно держатся и подобных типов обычно обламывают сами. Только в процессе чаепития выяснилось, что на улице Железняк на данный момент проживают всего четверо мужиков. На четверых у них пять ног и шесть рук. То есть все инвалиды-фронтовики. Макара, после жалобы Архиповны, они пробовали поймать и даже один раз начистили рожу, только он с ними предпочитал не связываться и норовил гадить втихаря, пытаясь зажать Иришку, когда никто не видит. Бабы, зная о домогательствах Дубно, тоже следили за ним, но ведь за всем не уследишь? Тот же участковый мог только грозиться, но, пока нет реального преступления, сделать ничего не мог. Зато теперь этот прыщ никому угрозы представлять не будет. В последний раз глянув на безжизненно висящего мудака, вздохнул и отвязал его от балки. Если до утра не сдохнет – его счастье. Ну а на нет и суда нет... После чего, вернувшись в дом, успокоил всех, и мы, поужинав, начали готовиться ко сну.

А наутро была сцена прощания. Девчонки уговаривали бабку ехать с ними, но та всячески отпиралась, аргументируя это тем, мол, как бросить хозяйство? Того хозяйства было – несколько куриц, петух да коза, но Архиповна за него держалась крепко и в конце концов отмазалась от переезда. Потом они хором поплакали и начали собирать вещи. После увязки всех узлов снова стали реветь, наверное, на дорожку, а я с Рыбиным, пока суть да дело, закинули Дубно в будку. Этот хмырь был живехонек – зарылся на ночь в сено, да и тулуп у него был хорош, вот ночь и провел без вреда для себя. Кстати, из-за тулупа ливер я ему не очень попортил, это выяснилось, когда мы его в машину закидывали. Почки, конечно, опущены, яйца и челюсть вдребезги, но в остальном – будет жить. Другой вопрос – как? Если бы он просто хотел Иринку поиметь, то я бы ему челюсть свернул и на этом успокоился – ну мало ли кто как ухаживает? И после экзекуции отпустил бы домой. Только это мурло упирал на то, что она дочь врага народа, и именно этим ее пытался сломать. Вот теперь и заполучит на всю катушку. Не нравятся мне такие подленькие наезды. Поэтому когда все наконец загрузились и по сотому разу расцеловались, мы сначала заехали в облотдел НКВД. Там я сдал скрюченный трофей дежурному и, вызвав начальника, объяснил:

– Вот этот человек обвиняется в нападении на члена семьи сотрудника НКВД. Так что вы уж разберитесь с ним сами. А то у меня сейчас времени нет, но если вопросы появятся, позвоните по этому телефону.

– Слушаюсь, товарищ подполковник!

А когда я вернулся к машине, то меня ожидала удивленная Ира и крутящаяся возле нее Ольга. Мелкая, идя следом, слышала мой разговор с начальником, который тут же передала сестре, и теперь у старшей Пучковой появились закономерные вопросы:

– Илья, а почему вы сказали про офицера НКВД? Леша мне писал, что он в разведке воюет, да и у вас петлицы пехотные...

Кхм... Да уж, недодумал... Но ничего страшного, я так думаю, не будет, если скажу, где их братик служит. Поэтому, загрузившись в теплую будку, я объяснил, в какой именно организации работает Леха. Рассказал также, почему он не мог сказать правды. Ольга

восхищенно хлопала глазами, а Иришка, наоборот, насупилась и сказала:

– После того, что НКВД сделало с нашим папой... – Но не закончив, озаренная внезапно пришедшей идеей, вдруг спросила: – А вы не знаете, что с ним? Вы ведь считаетесь крупным чином? Подполковник, это же старший комсостав, не может быть, чтобы вы не знали, что с папой!?

Черт! И как им сказать... Я ведь давно это узнал, да и Лехе сказал тоже... А этот жук, оказывается, молчал в письмах, что Михаил Владимирович Пучков умер в лагере еще в начале сорок первого. Нет уж... Пусть сам такие вещи говорит... Исходя из этих мыслей, правду открывать не стал, а покачивая головой, ответил:

– Нет, не знаю. Мы пробовали найти следы, но он хоть и заключенный, а все-таки специалист-путейщик, поэтому был отправлен на строительство укрепрайона в Белоруссии. Потом война, и все пошло кувырком. Так что вполне может быть, что он сейчас жив.

– Но ведь Белоруссию освободили, а про него так ничего и не слышно?

– Э-э-э, видишь ли, Ира, немцы тоже ценили грамотных спецов, и его вполне могли угнать в Германию. Так что, сама понимаешь...

Та кивнула и снова спросила:

– А как же Алексея взяли в НКВД? Туда же членов семей врагов народа не берут?

– С чего ты взяла, что твой отец – враг народа? В сорок первом дело Пучкова было пересмотрено и доказано, что вашего папу оклеветал его же заместитель – Михалев.

– Дядя Сережа? Не может быть!

Ольга выразилась более кратко и эмоционально:

– Вот же гад! А ведь в гости к нам ходил, конфетами угощал!

Я же, подтвердив, какую роль в их жизни сыграл «дядя Сережа», и в этот раз не соврав ни единым словом, задумался над странным феноменом подобной ситуации. Как в мое время все кричали про тридцать седьмой год... А я тогда еще думал – по каким критериям гэбэшники арестовывали людей? Ну ведь не по телефонной книге, в самом деле? А оказывается, вот так и арестовывали – по доносам коллег и «друзей». Кто-то хотел комнату в коммуналке получить, кто-то, убрав начальника, сам на его место метил, кто-то вообще доносил из любви к искусству. То есть на каждого посаженного был свой стукач... Хотя в основном было именно так, что, получив донос и проверив его несостоятельность, дело просто прекращали. Только один хрен – количество стукачей просто поражает... Хорошо хоть сейчас эту лавочку прикрыли – как ввели статью за ложный донос и перестали рассматривать анонимки, так сразу количество бумагомарателей сошло на нет. Так что дело не только в «кровавой гэбне», и каждый репрессированный, внимательно оглядевшись вокруг, всегда может найти в своем ближайшем окружении человека, которого надо благодарить за путевку на Соловки... Как там говорили в древности – «о времена, о нравы»? Ну прямо про нас сказано...

* * *

А потом я размещал Лешкиных сестренек по школам и институтам. Там все прошло быстро и без заморочек. Нигде давить авторитетом не пришлось – люди оказались душевные и с пониманием. Декан факультета даже назвал хороших репетиторов, чтобы Иринка могла освежить знания, забытые за эти годы. И уже уезжая, я, не слушая возражений, вручил старшей Пучковой пачку денег:

– Здесь пятнадцать тысяч. На первое время хватит, а потом еще подкину. И не брыкайся! Вам сейчас надо питаться нормально, мебель купить, да и вообще – ты теперь не рабочая, а студентка, поэтому деньги вовсе не лишними будут!

– Илья, вы с ума сошли! Зачем нам такие огромные деньги?! Алексей свой денежный аттестат нам перевел – этого вполне хватает!

– Считай это подарком на новоселье! И хватит пререкаться! Ты лучше письмо Лехе напиши, я ведь его через три дня увижу.

Хе, как я ее отвлек резко! Что значит умение общаться с барышнями. Сразу перестала спорить и убежала эпистолярным жанром заниматься. А то – «не возьму, не возьму»... Тоже мне – нашла миллионы. Да я бы и больше дал, только вот опаска взяла – девчата молодые, как бы от крупных «бабок» не одурели. Хотя на них это не похоже, но лучше подстраховаться и подкидывать по мере надобности. А сейчас – пусть себя побалуют немного, тем более что на базаре цены просто несусветные, а на карточки учащихся не пожирешь... Смешно даже – на то колечко с брильянтом, что я Хелен подарил, здесь на базаре мог бы купить аж четыре бутылки водки или три ведра картошки. Офигеть... Дела-то теперь обстоят, как у нас в конце восьмидесятых – в магазинах шаром покати и товары по карточкам, зато в коммерческих есть все, только цены совершенно космические. Причем именно на продукты питания, и поэтому, к примеру, хороший шмат сала можно легко поменять на отличный шифоньер. Но сейчас здесь война идет, и все это считается временными трудностями, а почему в конце двадцатого века так получилось – непонятно...

И еще вспомнился интересный факт – ведь всегда все «слуги народа» получали зарплату, которая немногим выше средней по стране. Вроде те же копейки, что и остальной народ, а ведь не пухли с голоду. И все потому, что получали специальный паек и доступ к интересующим их товарам именно по госцене. То есть оклад какого-нибудь третьего секретаря превращался со смешных полторы штуки рублей в полновесные тысяч сорок, так как разница между барахольной и государственной ценой была раз в пятнадцать. Да уж... Есть за что попу рвать и быть довольными существующим положением вещей. Вот за это и не люблю коммунистов. За рвачество, лицемерие и неудержимый звездех... Сам-то я, когда впервые в УСИ мне выдали положенную пайку – здоровенную коробку со всевозможными деликатесами и по копеечной цене, сначала даже не врубился, откуда такая роскошь? Тупому фронтовику объяснили откуда. Оказывается, служащие управления попадали под какую-то из категорий, существующую для «слуг народа», поэтому положенное надо получить и быть счастливым от принадлежности к касте избранных.

Я тогда подивился извращенному подходу р-р-революционеров к распределению разнообразных ценностей, но орать и возмущаться не стал, а просто, забрав паек домой, честно разделил его на три части. Одну оставил себе (кто же от халявы отказывается), а две других отнес Селиванову и нашей домоправительнице. Они, конечно, брыкались, но я проявил большую упертость, вплоть до повышения голоса, и всучил-таки эти продукты, попутно успокоив совесть.

Пока я это вспоминал, Иришка успела написать все, что хотела, и мне было вручено письмо с объемистой посылкой, которая должна была порадовать воюющего Пучкова. Забрав все это, тепло распрощался с Лешкиными сестренками и отбыл к себе домой – собираться.

* * *

А еще через день меня отвезли на аэродром, где загрузили в самолет, идущий до Смоленска. Там дозаправка и посадка в Минске. Потом Вильнюс, откуда уже на По-2 добрался до Вилкавишкиса. В штабе фронта нашел начальника СМЕРШ Третьего Белорусского – Зеленина Павла Васильевича. Он насчет меня был в курсе и предложил либо вылететь завтра самолетом до Кибартая, где располагается спецгруппа ставки, либо выехать сегодня, но машиной. Причем водитель, приданный спецгруппе, находится здесь же.

– Да тут езды пару часов, так что, товарищ генерал-майор, я лучше на машине.

– Ну смотрите, как вам удобнее, только на дорогах еще неспокойно. Район ведь недавно освободили, и немецкие окруженцы с литовскими националистами вполне могут обстрелять одиночную машину.

– Даже днем?

– Тут леса вокруг... так что советую дождаться воин-ской колонны и с ней добраться до места.

– Спасибо за совет, я так и сделаю. А где мне нашего водителя найти?

– Вы в секретариате узнайте, вам подскажут.

Правда, из секретариата меня послали к операм, которые и показали, где искать водилу из спецгруппы. Заодно познакомился с тамошними ребятами и разжился у них автоматом, а то с одним ТТ по здешним дорогам ездить как-то стремно. Ну а потом с Михаилом Захаровым получили в гараже новенький «УльЗиС» и, пристроившись к колонне тяжело груженных «студеров» и «газонов», покатали в сторону Кибартая.

Глава 19

– И раз! И раз!

Я, взлетая высоко вверх и дрыгая ногами, вопил:

– Осторожно! Не уроните, сволочи! Поставьте меня на место, а то всем плохо будет!

Но пацаны, одурев от вида старого друга, только ржали, не прекращая меня качать. Причем Гусев, гадский папа, невзирая на генеральский чин, участвовал в этом насилии наравне со всеми.

– И раз!

– Положите где взяли! Я больной, меня укачивает!

В конце концов более-менее чистенького Лисова, конечно, уронили. Повезло – не в грязь, а в остатки почерневшего снега. Потирая ушибленное, я ругался, только меня все равно продолжали тискать. Незнакомые бойцы, стоя в сторонке и наблюдая эту картину, скалили зубы, прикалываясь и показывая пальцами на впавший в детство комсостав. Хорошо еще, что эта попытка запуска коллеги на низкую орбиту продолжалась всего минут пять, после чего мы всей гурьбой пошли в дом.

А потом была средних размеров пьянка и знакомство с новыми членами спецгруппы. У нас появились штатный радист-ходок, сержант Иван Тельцов и подрывник, в пару к Марату – Максимилиан Шмидт. И если Иван был обычным «маркони», с подготовкой бойца терроргруппы и самой славянской физиономией, то Шмидт был самым настоящим фрицем! Причем не просто немцем, а бывшим офицером вермахта.

Кстати, до войны он никаким коммунистом или антифашистом не был и воевал столь прытко, что заслужил за Польшу Железный крест. Но в начале сорок второго он, с остатками своего саперного взвода, стал свидетелем расстрела жителей одной русской деревеньки. По этому поводу Макс имел наглость сделать замечание унтершарфюреру СС. Эсэсовский сержант охренел от такого наезда, послав лейтенанта далеко и надолго, да еще и пригрозив последующими разборками. Ну а Шмидт, находясь в состоянии полного расстройств от потерь, понесенных его взводом, да еще и увидев среди приготовленных к расстрелу людей маленькую девчонку, копию своей младшей сестры, слетел с катушек. Вставив ствол пистолета унтершарфюреру в ухо, он предложил прекратить веселье, в противном случае грозясь вышибить мозги командиру зондеркоманды. Его саперы, видя такое дело, своего лейтенанта не бросили и тоже было взялись за оружие. Не все правда, но поддержка от них была. Только черных оказалось больше, да и физически они были сильнее. Рядовым просто набили рожу, а вот Максимилиана скрутили и сдали в особый отдел, тем более что, пока шла разборка, жители деревни в основном успели разбежаться. Особый отдел был не армейский, а эсэсовский, поэтому Шмидту там пришлось совсем туго. Почти три месяца шло следствие, а потом неожиданно для всех его приговорили не к штрафной роте, а к расстрелу. Лейтенант от такого поворота обалдел окончательно (тем более что поначалу-то все шло к штрафняку) и высказал трибуналу, какие мысли он имеет о судьях в общем и о политике фюрера в частности. Договорить не успел, его заткнули, а трибунал, быстренько пересмотрев приговор, в виде последней каки решил заменить наглому командиру взвода расстрел повешением.

Так бы и вздернули невыдержанного фрица, но на Белянино, где он сидел, был совершен налет советской авиации. В общем, как в кино – от бомбы часть стены рухнула, и

Макс, вместе с какими-то подозрительными личностями, тоже вырвавшимся на свободу, дал деру. Часть из этих личностей были уголовниками, а вот двое оказались подпольщиками, которые слышали про немецкого офицера, вступившегося за мирных жителей. Они-то и притащили Шмидта в партизанский отряд.

Поначалу он кобенился, не желая поднимать оружие против немцев – его даже чуть не пристрелили уже в отряде, но постепенно, глядя на зверства, творимые его земляками в России, Максимилиан стал сначала инструктором минно-взрывного дела, а потом и сам вошел в группу, совершающую диверсии. Единственно, что старался – обычных солдат не убивать, зато эсэсовцев рвал изобретательно и с огоньком. А про подрыв гестапо в Мамоново даже я слышал, только не знал, что это дело рук бывшего противника.

Потом партизанский отряд слился с наступающими частями Красной Армии, а Шмидт опять угодил в особый отдел. На этот раз – советский. Там долго чесали репу, соображая, что же делать с этим фрицем. В лагерь военнопленных кавалера ордена Красной Звезды отправлять как-то неудобно, но с другой стороны – союзник он был не идейный, а вынужденный. Крутили и так и эдак, только в конце концов здравый смысл победил и его сунули инструктором в центр подготовки саперов. Хотели сначала к пропагандистам послать, но Макс, при всей накопившейся нелюбви к Гитлеру, гладко и красиво изъясняться не мог, будучи по натуре не звездун, а технарем, поэтому и попал по специальности.

Почти год он готовил советских подрывников, успел выучить язык и даже организовать небольшой оркестр, пользующийся большой популярностью в городке, как вдруг на него опять вышло НКВД. Там решили – спецов-подрывников у нас и своих хватает, а вот человека, знающего Германию изнутри, надо бы еще поискать. Причем не всю Германию, а как раз то, что нужно – Восточную Пруссию. Шмидт был родом из Алленбурга и ту местность знал как свои пять пальцев.

Так он и попал к Гусеву. Серега несколько дней вел беседы с бывшим представителем вермахта и решил, что он нам подходит. А потом Макс как-то очень быстро скантовался с Шарафутдиновым, и эти два фаната минно-взрывного дела на пару начали пропадать в ближайшем карьере и пугать людей грохотом своих новых изобретений.

Обалдеть... Я, честно говоря, даже не предполагал, что в наше секретное подразделение могут немца запихнуть. Хотя его проверяли и перепроверяли по всем позициям, только что дым из ушей не шел. И еще одно – умению Гусева разбираться в людях я верю на все сто, да и просто проводник-консультант нам позарез нужен. Где еще найти человека, который всю эту Пруссию с закрытыми глазами пройти может? Так что будем считать, что нам крупно повезло заполучить себе такого человека.

На улице уже темнело, когда в разгар веселья я услышал рев двигателя за окном и надсаживающийся голос бойца, орущего:

– Ну куды?! Куды ты прешь?! Сдавай назад!

Выглянув наружу, увидел, как тяжелый самоход пытается развернуться на узкой улочке. В конце концов, снеся кормой забор, он крутанулся на брусчатке и, выпустив клуб едкого дыма, загрохотал траками в сторону выезда. Похоже, «мазута» опять заблудилась. Их полк за южной окраиной стоит, я стадо ИСУ-152 засек, когда сюда ехал, а эти балбесы, наверное, указатель не увидели...

Вообще танкисты меня сегодня напугали чуть не до усрачки. До сих пор вздрагиваю... А дело было так – когда мы отделились от основной колонны и поехали в сторону базы, то свернув за поворот, густо поросший по обочинам деревьями, я увидел четыре «пантеры», прущие прямо на нас. Откуда тут взялись эти фрицы, особо задумываться времени не было, тем более до них оставалось метров двести. И ведь главное – развернуться негде, да и не успеем. Поэтому, ткнув водителя в плечо, завопил:

– Немцы! Валим из машины!

А сам на ходу вывалился в заснеженный кювет, быстро отгребая за деревья и удивляясь, почему фрицы еще не стреляют. Краем глаза видел Миху, который, дав по тормозам так, что машину развернуло поперек дороги, убежал в посадки с другой стороны.

Высунув нос из голых кустиков, наблюдал, как танки, не стреляя и не сбавляя хода, прут на наш новенький «УльЗиС». В голове еще мелькнуло, что у этих «пантер» силуэт странный и что «уазику», похоже, писец – в лепешку раздавят, но додумать не успел, потому что передний танк остановился возле нашего джипа и танкист, повернувшись в мою сторону, проорал:

– Эй, славяне, хватит по кустам ползать! Убирай свою таратайку с дороги!

И только тут я с удивлением увидел, что «коробочка», принятая мною за «Пантеру», на самом деле Т-44, совсем недавно принятый на вооружение. Но, блин, как же он похож на немецкую «кошку», особенно спереди...

М-да... Неудобно получилось. Под ржач «мазуты» я выбрался из кювета и с независимым видом уселся в машину. Мишка, не успевший далеко убежать, занял свое место через несколько секунд, и мы, стараясь не смотреть друг другу в глаза, поехали дальше. Потом, правда, несколько отошли и сначала начали подхихикивать, а потом и смеяться в голос, вспоминая свои прыжки и кульбиты.

...Горячая, спиртоводочная встреча однополчан закончилась ближе к полуночи. В ней участвовали только старики, поэтому я, не особо скрытничая, рассказал и о своих французских похождениях, и о переселении Лешкиных сестренек в столицу, и о том, как я себя ощущаю в роли лауреата и почти миллионера. Поведал и как познакомился с американцем, а потом вообще пришлось рассказывать обо всех, кого встречал на банкетах. Мужики в ответ просветили, как они жили-поживали без меня.

В конце концов Гусев, положив ладонь на стол, скомандовал:

– Так, баста – отбой! Завтра дел много, пора сворачиваться.

И все быстренько, без возражений свернулись. Было видно, что Серегу тут уважают не меньше Колычева, и за время своего командирства он держал очень правильную линию, не гоня подчиненных зазря, но и не впадая в панибратство. М-да... Редко какой офицер может себе позволить совместную пьянку с подчиненными, не опасаясь потерять авторитет, а Гусев смог себя поставить так, что никому и в голову не приходит, что после таких посиделок к нему можно относиться не как к командиру. Я незаметно показал ему большой палец и кивнул. Сергей понял, к чему это показываю, и сделал морду типа – «ото ж»! А потом мы тихо-мирно отбились...

* * *

Зато начиная со следующего дня все как в жопу укушенные знакомились с предстоящим местом работы по картам и рассказам Шмидта. Голова пухла, но информация была жизненно необходима, поэтому доставали Макса по каждой мелочи, по каждому оврагу и озерцу.

Фронт к тому времени рывком продвинулся и встал на линии Тильзит – Гумбиннен – Голдап – Кистен – Иоханнисбург. Под Летценом шли страшнейшие бои. Фрицы цеплялись зубами за каждый фольварк и в конце концов сумели остановить наступление. Правда они так только за свою землю дрались, а в других местах откатывались достаточно резво. На юге наши взяли Белград и освободили уже практически всю Югославию. Очень сильно в этом помогли тамошние партизаны под руководством Тито. Так что в тех местах бои идут практически на границе Австрии и под Будапештом.

А вот на центральном направлении происходит что-то странное. Первый Украинский фронт вошел в Чехословакию и, долбая группу армий «Северная Украина», освободил Кошице, похоже, нацелившись на Будапешт с севера. Первый Белорусский фронт, дойдя до Люблина, почему-то остановился, и его терроргруппы занимаются полным беспределом на правом берегу Вислы. Второй Белорусский фронт, подойдя к Варшаве, встал и подтягивает тылы. Диверсанты этого фронта тоже не сидят без дела, доводя немцев до совершенного исступления. Фрицы даже опять дошли до того, что после долгого перерыва возобновили практику взятия заложников. Это чтобы местные жители при виде «невидимок» скачками

бежали в гестапо, не дожидаясь проведения очередной диверсии. И вот тут ляхи показали себя с неожиданной стороны...

Как рассказывал Гусев, в Польше вообще творится черт знает что. У пшеков как крышу сорвало. Там происходят не только выступления против немцев, но еще и попутно идет уничтожение населением ребят из наших терроргрупп. Особенно усердствует образованная под патронажем Англии Армия Крайова. Те воюют на два фронта, поэтому советским диверсантам в Польше приходится особенно тяжело и потери на этом направлении превышают все разумные пределы. Кстати, в Кракове поляки подняли восстание, но жестоко обломились. Немцы их в блин раскатали, причем довольно быстро. А после того, как там поработали тяжелые орудия, Краков проще отстроить на новом месте.

Зато Варшавское восстание до сих пор притягивает к себе большие силы вермахта. В польской столице за оружие взялись не «герои-подпольщики», а доходяги из гетто. Но хитромудрые дети израилены, в отличие от АКовцев, координировали свои действия не с англичанами, а с советским командованием, поэтому дела у них шли вполне успешно. Наши их исправно снабжали оружием, боеприпасами и жратвой. Причем, в отличие от англичан, которые то же самое скидывали в Кракове с четырехкилометровой высоты и на девяносто процентов в результате разброса все попадало к гитлеровцам, советская помощь была гораздо более адресной. ПО-2 с тридцати метров бросали тюки со снаряжением не просто на нужную улицу, а чуть ли не прямо в руки восставшим. Правда, немцы их все равно чуть не придавили, но когда в город была переброшена русская воздушно-десантная бригада, ситуация опять изменилась. При поддержке авиации десантники отбивались от гитлеровцев, попутно обучая гражданских тактике городского боя. Как мне Гусев рассказал, парни из десантуры были нацелены на выполнение именно этой задачи. Адресные тренировки у них начались после того, как три месяца назад к советскому командованию обратились люди из гетто с предложением скоординировать свои действия в данном мероприятии. Так что поддержка Варшавского восстания была не только чисто армейской операцией, а туда все руку приложили – и армия, и НКВД, и политики. Работа была проведена – будь здоров, но зато и результаты налицо. Армия Крайова – в полном дерьме и показала свою совершенную несостоятельность, зато силы, находящиеся под патронажем Союза, сумеют освободить и удержать Варшаву как раз к подходу наших войск.

А самое интересное – через несколько дней боев к нашим и евреям стали присоединяться поляки, живущие в Варшаве. И не просто поляки, а представители Армии Крайовой. Ясновельможные паны, поглядев, что к чему, и прикинув, что артиллерийская и авиационная поддержка, предоставляемая ненавистными москалями, гораздо более существенная помощь, чем восторженные передачи Лондонского радио, примкнули к восставшим. Примкнувших подвергли обструкции непримкнувшие, и таким макаром у АКовцев приключился раскол. Проанглийское правительство Миколайчика, видя такое дело, сильно задергалось и, поняв, что оно может просто потерять большую часть «боевых отрядов», резво переходящих на сторону русских, решило предпринять хитрые шаги. Через голову своих кормильцев Сикорский, по поручению Миколайчика, вышел на наше правительство с предложением о сотрудничестве напрямую. Тут уже задергались англичане, поняв, что продажные поляки их могут нагло «кинуть». В общем дела там закрутились нешуточные...

А вообще, исходя из направлений ударов, складывается такое впечатление, что в Польше хотят взять в котел большую часть группы армий «Центр» вместе с частью группы армий «Северная Украина» и поэтому остановились, подтягивая тылы и накапливая силы. А немцы, понимая это, занимаются ударным истреблением потенциально враждебного мирного населения. Интересно, после всего этого от Польши что-нибудь останется?

Хотя помня то, что гордые сыны Речи Посполитой творили перед войной да и во время войны, меня они совершенно не колышут. Особенно когда узнал от летунов, что поляки творили еще в начале войны с экипажами сбитых над территорией Польши самолетов. Нет, некоторым летчикам везло и им нормальные люди помогали, а вот другим... Если они

попадали в руки «Союза вооруженной борьбы», как тогда назывались АКовцы, то живыми наших парней обычно не отпускали. Эти хмыри ненавидели русских ничуть не меньше, чем немцев, и относились соответственно крайне отрицательно и к тем, и к другим.

А второй польский корпус чего отчебучил? Я про эту так называемую армию Андерса раньше и не знал, а то бы обязательно рассказал про этих «помощников» в борьбе с немцами. В самое тяжелое время, еще летом сорок первого, когда фрицы перли как по бульвару, Англия и польское правительство в изгнании надавили на СССР с требованием отпустить всех военнопленных и арестованных поляков, создав из них воинское подразделение. Каждый солдат был на счету, поэтому Сталин пошел на это. Их кормили, обмундировывали, вооружали, отрывая от русских бойцов последнее, только армия получилась, как бы помягче сказать, – херовая. Настроения в ней были категорически антисоветские, и что характерно, поляки, куражась, отказывались идти на фронт до тех пор, пока армия не будет доведена до списочного сотысячного состава. То есть сформированные и готовые к бою дивизии просто сидели в тылу, подхихикивая над тупорылыми «Иванами», тысячами гибнущими на фронтах. А в конце концов, заявив, что их, дескать, плохо кормят, опять-таки при помощи Англии добились разрешения и умотали из Союза в полном составе. Сначала в Иран; а потом в Палестине, добрав людей, мирно влились в английскую армию. Там их, наверное, кормили лучше... Так что спрашивается – на фиг нам тот геморрой вообще нужен был? А зная, как они в мое время к нам относятся, то на Польшу и ее будущее мне вообще чихать с высокой башни, тем более что сейчас у моей группы и так забот полон рот.

* * *

Я еще в прошлой жизни и в Калининграде и в одноименной области бывал, поэтому насмотрелся на всякие там остатки укрепрайонов, которые сейчас пребывали в полном здравии и ждали наши наступающие части всеми фибрами своей железобетонной души. Тогда, глядя на руины, очень удивлялся, как их вообще можно было взять? А сейчас, похоже, на своей шкуре придется испытать, как именно...

Нет, нас в переднюю линию атаки, конечно, не сунут, но вот обычного пехотного Ваню жалко до невозможности. Ведь именно ему придется своим телом затыкать плюющиеся огнем амбразуры... Хотя генерал армии Черняховский – мужик очень толковый, и если в прошлый раз сумел этот орех расколоть, причем с достаточно небольшими потерями, то и в этот раз, думаю, не подкачает. Только вот с англичан я теперь за каждого нашего убитого парня спрошу. До икоты спрошу и кровавых слюней. Ведь если бы не эти сволочи, глядишь, и войне уже конец бы настал...

Хотя все эти разборки, я так думаю, будут потом, а сейчас наша личная головная боль заключалась даже не в укрепрайонах, а в просеках. Да-да, в самых обычных лесных вырубках. Оказывается, аккуратисты немцы уже в это время очень тщательно следили за природой, и все леса у них были расчерчены ровной линейкой проселочных дорог, проходящих по этим просекам. Квадратики такие – километр на километр. То есть прочесывать такие квадраты – одно удовольствие. Перебрасывай солдат на машинах по хорошим дорогам, оцепляй понравившийся участок и вперед... Ну не козлы?! Как в таких условиях работать – не представляю.

Одно хорошо – Макс говорит, что тамошние леса труднопроходимы. Наличествуют буераки, кусты и прочие прелести, в отличие от довольно просторных белорусских лесов, так что возможность спрятаться даже в таком маленьком «квартале» леса у разведгруппы будет. Кстати, попутно выяснилась еще одна штука – хищников в Восточной Пруссии нет вообще. Уничтожили, чтобы не было конкуренции охотникам, а потом даже памятник поставили последнему убитому волку. Вот балбесы...

Еще ко всем прочим неудобствам можно добавить крайне недружелюбное местное население. Хотя когда мы первый раз мотались в Тракенен – мелкий городишко к востоку от Гумбиннена, это самое население было дружелюбным до оскомины. Правда жители города в

основном состояли из детей и баб со стариками. Мужиков призывного возраста я там практически не видел. Небось все сейчас на фронте. Тотальная мобилизация она потому и тотальная, что гребли и косых, и хромых, и кривых, невзирая на возраст, лишь бы оружие держать могли...

А я, пока ехал в джипе по узенькой брусчатой мостовой, с интересом оглядывался. Тракенен наши взяли с ходу, и уличных боев здесь не было, поэтому разрушенных зданий практически не видел. Зато физиономии всех встречных немцев были сильно похожи друг на друга.

Я сначала даже не понял, почему мне это так кажется, и только потом дошло – их всех объединяло выражение удивления и страха. Любимый фюрер ведь зуб давал, что на территорию рейха ни один вражеский солдат не ступит, вот ему сдуру и поверили. А теперь, глядя на наших бойцов, не верят своим глазам и ждут, когда же русские Иваны их резать начнут. Город уже неделю как наш, и фронт ушел чуть дальше на запад, а они все в ожидании резни пребывают...

Мы-то в этот Тракенен следом за квартирными приехали, посмотреть, что нам подобрали в качестве жилья. Поэтому возле центральной площади я вышел из машины и спросил у первого попавшегося старикана, который вместе с двумя молодухами тащил куда-то сетку от панцирной кровати, где здесь находится Линден-аллее? Так эта троица сетку моментально бросила, девки спрятались за старика, а тот, сдернув с головы суконную кепку, поклонился и дрожащим голосом пустился в объяснения. При этом все тряслись настолько, как будто по окончании объяснения я им голову откушу. Зрелище было довольно неприятное, поэтому, плюнув на заикающегося фрица, прошел чуть вперед по улице и узнал о местонахождении Липовой аллеи у нашего регулировщика. Дядька довольно толково объяснил, как туда добраться, и мы двинули дальше, в сторону усадьбы, которую нам определили под постой. В общем, в тот раз так и не вышло пообщаться с настоящими гражданскими немцами гитлеровского разлива.

Зато потом, когда мы переехали, наобщался – по самое «не могу». Пока мы ждали сведений от «тихонь», в свободное от изучения обстановки время прогуливались по городу. Так вот что хочу сказать – немцы откровенно лебезили. Вывесив из каждого окна по простыне, типа – сдаюсь, сдаюсь, они и на улице лишний раз старались не появляться. А те, кто осмеливался высунуть нос, старались прошмыгнуть как можно быстрее и незаметнее, а если к ним обратишься с каким-нибудь вопросом, обязательно снимали свои прикольные шапки с длинными козырьками, кланялись и только тогда отвечали.

В самой же усадьбе произошла неожиданная встреча. Этот здоровый дом стоял на окраине, в окружении каких-то хозяйственных построек. Мы подрулили к крыльцу и вместе с Пучковым вошли в наше будущее жилище. По сохранившейся обстановке было видно, что здесь жили люди далеко не бедные. Там даже настоящий рояль «Беккер» присутствовал и масса картин, развешанных по стенам. Картины были как на холстах, так и нарисованные внутри больших фарфоровых тарелок. Леха снял одну из них и, удивленно покрутив в руках, спросил:

– Слушай, Илья, а зачем они в тарелках рисуют? Или у фрицев посуды слишком много и девать ее просто некуда? Ведь уже в который раз вижу – висит суповая тарелка, а в ней картинка...

– Хрен его знает – традиция, наверное, а может, просто мода такая... Ладно, пойдем второй этаж проверим.

На втором этаже тоже никого не было и были видны только следы поспешных сборов. Всюду валялись какие-то тряпки, а из распоротой подушки, лежащей посреди длинного коридора, высыпалась целая куча пуха. Пока я оглядывался, прикидывая, где и как мы разместимся, Пучков, уже убежавший вниз, завопил:

– Илья! Смотри, что я нашел!

А нашел этот неисправимый желудок несколько банок с вареньем. Пока я добрал на его крик, он одну уже вскрыл и прицелился откусить:

– Во, гляди – вишневое, без косточек! Будешь?

Гек зачерпнул варенье, но больше ничего сделать не успел. Я отобрал и ложку и банку, возмущенно сказав:

– Лешка, ты что – сбрендил? Помнишь, что на инструктаже говорили? Фрицы специально продукты оставляют отравленные, а наши лохи и рады стараться халявой воспользоваться. В двести тридцать шестой дивизии два отделения так же компотику попило и все – никого не откачали... А взводного, который хоть сам и не пил, но это не пресек, – под трибунал...

Лешка, глядя на банки, только вздохнул и заметил:

– Надо будет их не выбрасывать, а на собаке испытать, вдруг неотравленное. Я там на улице пару шавок видел, вот их и покормим. Если не сдохнут – сами съедим. Он опять вздохнул, добавив: – Вишневое – это мое любимое...

– У, проглот! Только собак сам ловить будешь, я тебе в этом не помощник. Я собак живых люблю...

Уже выйдя на улицу и вдохнув свежего, несмотря на конец февраля, уже пахнущего весной воздуха, я унюхал какие-то посторонние запахи:

– Лешка, чуешь – вроде гуляшом пахнет?

Гек, покрутив носом, уверенно указал направление:

– Вон оттуда несет. Глянем, кто там?

– Конечно...

Мне самому стало интересно, кто это на территорию нашего будущего объекта вперся. И почему сидят не в доме, а в дальнем сарае, похожем на длинный свинарник. Взяв на всякий случай автоматы на изготовку, по большой дуге приблизились к строению. Узкие окошки проходили высоко, и глянуть в них не получилось, поэтому, подойдя к двери, я ее распахнул пинком и, сразу уйдя с линии возможного выстрела, гаркнул:

– Хальт! Хенде хох!

В полутьме строения что-то звякнуло, бумкнуло и задрезбужало, а испуганный тонкий голос охнул:

– Ой, лышенько!

И все затихло. Кхм... похоже, что не немцы, но соваться все равно как-то стремно... По уму – гранату бы катнуть, только судя по голосу там или ребенок, или деваха. И когда испугались, то крикнули вовсе не – «о майн гот», значит – не немцы. Но с другой стороны, вдруг там и фрицы присутствуют? Поэтому, не суясь в проем и показав Геку, чтобы не расслаблялся, громко сказал, на этот раз по-русски:

– Кто там есть, выходи по одному, а то гранату кину!

Опять что-то звякнуло, и уже другой женский голос крикнул:

– Не надо гранату, мы свои!

Хе, похоже, действительно наши. Пригнувшись, я вошел в сарай и увидел, что там, возле перевернутого, исходящего паром котелка, стоят три замотанные в платки фигуры. Девчата, лет по двадцать. Одна из них, увидев мою форму, прерывисто выдохнула и сказала:

– Леська, Стешка, это точно наши. – И уже обращаясь ко мне: – Вы нас так напугали, мы сначала подумали – немцы опять вернулись...

Я с удивлением разглядывал девушек, а потом поинтересовался:

– Вы откуда здесь взялись? Или из угнанных? Тогда почему в комендатуру не пошли? Там бы вам помогли...

– А мы, товарищ командир, только вчера вечером из Буглайна сюда пришли. Там сейчас стреляют сильно, вот нам один дяденька солдат и посоветовал уходить на восток.

После упоминания про дяденьку солдата я пригляделся получше и скинул возраст девчонок года на три-четыре. Они просто грязные и измотанные, а так им лет по шестнадцать, не больше. Глядя, как они жмутся друг к другу, и преодолевая спазм, внезапно перехвативший горло, спросил:

– Девчата, а почему в сарае-то сидите? Почему в дом не пошли?

– Нам в господские дома запрещено заходить. За это убить могут.

Кхк... Я только глаза вытаращил, не находя, что сказать, поэтому вступил Пучков:

– Вы что, здесь же наши кругом, какие еще господские дома? Кто вас убьет?

Говорившая потупилась и тихо ответила:

– Это да, только мы за два года привыкли, что в усадьбу, пока не позовут, входить нельзя... Нам это накрепко вбили...

Твою мать! В этот момент у меня как-то резко пропало все сочувствие к гражданским немцам. Значит, лебезите, суки? Вот так теперь и будет! Ведь в этих девчонок не каратели и не эсэсовцы «вбивали» понятия про «господские дома» и про то, как положено вести себя рабам с востока. Обычные законопослушные и чадолюбивые главы семей этим занимались. Чувствуя, что от этих мыслей меня начинает трясти внезапно нахлынувшей яростью, резко сказал:

– Слушай меня, девочки. Быстренько собирайтесь и пошли в дом.

Пока бывшие рабыни увязывали свои узелки, с сожалением поглядывая на опрокинутый котелок с каким-то варевом, Лешка тронул меня за руку:

– Командир, в «уазике» НЗ есть, я принесу?

– Само собой, мухой давай, мы в гостинной будем...

А потом мы кормили отощавших девчат разными вкусностями. То есть это для них обычные консервы – деликатесами казались. Стеша, самая младшая из подруг, похожая на маленького взъерошенного воробушка, в своей деревеньке, находящейся в Западной Белоруссии, такую штуку, как сгущенное молоко, пробовала один раз в жизни. В сороковом году ей отец из города подобное лакомство привозил. И теперь, глядя на эту пигалицу, которая тоненьким слоем мазала белую тягучую массу на галету, сначала умилился, а потом, не выдержав, сказал:

– Эй, ребенок, я ведь каждой по банке дал, чего ты ее размазываешь? Так и вкуса не почувствуется.

На что она ответила, серьезно глядя на меня:

– Нет, дяденька командир, очень даже чувствуется. Спасибо вам, храни вас Господь...

Я опять сглотнул комок и, погладив ее по голове, отвернулся... Пипец вам, фрицы, настал! За время войны разных зверств насмотрелся по уши. Но они творились солдатами вражеской армии, и чего-либо другого я от них и не ожидал. Только ведь здесь гражданские немцы были! А девчата рассказывали, что у них даже не хозяин был, а хозяйка. Причем у нее было трое детей. Двое мелких пацанов и дочка – ровесница пригнанным с Союза девчонкам. И вот эта муттер четвертую рабыню – тихую украинку с Полтавы насмерть кнутом забила за то, что она за свиньей не уследила и та простудилась.

– А Галя не виновата была. Она от голода совсем слабая стала, а свинья огромная, ее с ног сбила и убежала. Галя ее всю ночь искала, сама заболела, но нашла... А потом хозяйка про это узнала и избила Галю. Но когда свинья кашлять начала, то еще раз Галю кнутом так исхлестала, что у нее горячка началась, а через два дня она умерла...

Леха, который внимательно слушал девчонок, вдруг рывком встал с места и вышел из комнаты. Я, показав рукой, дескать – кушайте, кушайте, рванул за ним. Только далеко бегать не пришлось. Пучков стоял, упершись лбом в стекло, и, когда я подошел к нему, резко повернувшись, сказал:

– Командир, я их своими руками душить буду. Всех этих бюргеров, муттеров, фатеров, господ! Это не люди!

Я его в этом начинании поддерживал, но, задавив в себе все чувства, сказал:

– Отставить, Гек! И чем ты тогда от них отличаться будешь? Еще киндеров в свой список добавь – точно каратель получится! Да и немцы разные встречаются. Это баре у них так развлекаются, вот с них и спросим по полной. А обычный работяга, он ведь себя совершенно по-другому ведет, ты же сам видел... Да и сколько их здесь, этих «господ»?

– Все равно тошно мне, Илья... Чувствую – стервенею...

– Блин, думаешь, мне легче? Возьми себя в руки и хватит сопли распускать! Сейчас

лучше пойдем, поможем – пусть девчата себе из оставшегося барахла одежду нормальную подберут, а потом их в комендатуру свозим для регистрации.

– Так репатриантов же еще не эвакуируют. Куда их комендант сейчас денет?

– Здесь будут жить, при нас, пока команда на эвакуацию не соберется. Я с Гусевым договорюсь!

Когда, оставив малолеток в усадьбе, мы вернулись на базу, с Серегой удалось договориться в пять секунд. Глядя на наши белые от злости физиономии и выслушав рассказ о судьбе девчат, он дал команду после проверки оставить их с нами, пока не начнут работать эвакокоманды.

Проверка подтвердила все сказанное девчонками, и они перешли под руку Грини. В суровом хохле неожиданно проснулся столь мощный родительский инстинкт, что мы диву давались. Он не только начал откармливать своих подопечных как на убой, но и еще, мотаясь по округе, постоянно привозил им подарки. Количество разнообразного барахла в конце концов превысило все разумные пределы, и Гусев его урезонил, напомнив о том, что отдельный вагон для шмоток девчатам никто предоставлять не будет. Подарков к тому времени и в самом деле набралось если не на вагон, то уж на грузовик – это точно. Правда старшина, выслушав приказ, совсем от презентов девчонкам не отказался, а только несколько сбавил напор.

Ну а у нас наконец стали появляться некоторые наметки по интересующим объектам. Наиболее перспективных насчитывалось два. Один – пункт Аненербе в Пиллау, а второй располагался в старинном замке Бальга. Причем тот, что в Бальге, был наиболее «вкусным». Именно там терлись «черные монахи» – так назывались консультанты с Тибета, и именно там гитлеровцы чего-то мутили по-крупному. Во всяком случае, по сведениям агентурной разведки, почти три тысячи наших военнопленных были переведены туда в последние полгода и пропали – как в воду канули. Причем никаких видимых строительных работ в тех местах не велось. Значит, там находится или что-то сильно замаскированное и скорее всего подземное, или я ничего в жизни не понимаю. Только вот все равно нам туда сейчас ход заказан. Фронт еще слишком далеко от тех мест находится, поэтому и соваться на разведку в ту же Бальгу – смысла нет. Ползая вокруг замка, ничего все равно не увидим, а взять его штурмом не получится – немецких войск вокруг слишком много. Даже если десантную бригаду скинуть – только людей зря положить, потому что помощи ждать будет неоткуда. Да плюс у нас сведения сильно расплывчатые. Знаем только, что там тусуются «черные монахи», какие-то физики и что туда проложена новая ЛЭП. То есть объект, возможно, ОЧЕНЬ перспективный, но пока мы сами к нему не готовы...

До предстоящего наступления оставалось еще недели три, если не месяц, так что спецгруппа сидела на месте и работала с наиболее интересными для нас пленными, предоставляемыми ребятами из армейской разведки.

Только вот толку от этих «языков» не было никакого. Они говорили много чего, но того, что нас интересует, просто не знали. Я уже начал маяться от безделья, как вдруг от одного из пленных узнал, что в Ангербурге – это город совсем недалеко от передовой – состоится эсэсовский парад. Так сказать, для поднятия духа населения. Причем эсэсманы были из двадцатой дивизии СС! Как раз те, кого я люблю особой и пламенной любовью, – эстонские фашисты! Их остатки после разгрома под Биржаем успели отойти в Восточную Пруссию, и теперь они небось собираются демонстрировать непоКОБЕЛимую дружбу нацистов всех стран. Парад должен состояться в воскресенье, после утренней молитвы, а сегодня день понедельника, так что если все срастется, вполне успеем использовать мою давнюю, но так и не выполненную задумку, изобретенную как раз для подобных мероприятий. Поэтому после вдумчивого допроса пленного я резвым козлом поскакал к Гусеву.

Серега, выслушав предложение, отказал, уложившись всего в четыре слова, включая предлоги. Но зато в этом отказе был и сам отказ как таковой, и сомнение в моих психических способностях, и заодно засылка вопрошающего в пеший эротический тур. И все это

четырьмя словами! Порадовавшись за великий и могучий родной язык, я подошел к этой проблеме с другой стороны:

– Хорошо, командир, я тебя понял и даже разделяю такой настрой. Это дело, разумеется, совершенно не наше, и «невидимки» его выполнят не хуже. Но ты и меня пойми. Я ведь почти четыре месяца на асфальте пасаю и из войны совсем выпал. Да и ребята месяца два за передок не ползали. А ведь здесь все по-другому будет. Здесь – Германия, с массой своих особенностей и нюансов. Если нас сразу на крупное дело кинуть – можем ведь и накосячить... А так, считай – сходим недалеко, заодно оботремся, освоимся и пойдем, как себя вести.

– А что, сейчас не понимаете? Тренировки каждый день, карты заучили только что не наизусть. Да и дело это, как ты правильно заметил – не наше. Задача чисто для террористов.

– Блин! Ты же сам по тылам ходил и знаешь, как важен психологический настрой! А тут – страна совсем другая! Люди другие, отношения другие! Те же продукты – где мы добывать будем? Это в Белоруссии хорошо – в любой деревне подкормят, а здесь? Каждый раз хутора вырезать, чтобы они по следу карателей не пустили? Так через два дня за нами не только каратели, но и все местные гоняться начнут, местью пылая.

– Хе! А ты думаешь, если вас просто увидят – не доложат?

– Кто-то, конечно, доложит, а кто-то сомневаться будет – все-таки жизнь-то у них вот-вот поменяется. Красная Армия на подходе, и у фрицев сейчас в мозгах смятение. Вот мы и посмотрим сейчас и здесь, кого больше всего опасаться, а к кому и подойти можно будет. И если что – до фронта рукой подать, всегда уйти сумеем. А на западе – куда мы денемся? Через всю Пруссию переть? Поэтому предлагаю – половиной группы провести разведку и ознакомление с будущим нюансами географических особенностей местности. Ты сам про леса-кварталы слышал, вот мы и посмотрим вживую, что это такое. Заодно посмотрим на поведение местного населения. Причем изнутри... После выполнения задания – эвакуация двумя Ш-2.

– Ладно, почти убедил... Про то, что окунуться в среду – согласен. Но вот проведение диверсии... Тут я тебя не понял совершенно – зачем это надо?

Я вздохнул, почесал стриженный затылок и честно ответил:

– Серега, это личное... Если бы ты знал, как я этих сволочей хотел к ногтю взять, когда они наши памятники крушили, а потом свои парады устраивали. И если сейчас такой момент упущу... Ну и согласись – план-то какой красивый?!

– Он скорее наглый, как раз в твоём духе... Кого думаешь брать?

Оп-па! Есть разрешение! Гусев просто так спрашивать не будет, поэтому торопливо ответил:

– Пучкова, Шарафутдинова, Шмидта. Леха идет за радиста, а Макс как знаток обычаев.

– Не опасаясь за немца – там ведь и гражданские будут? Как он себя поведет?

– Я с ним уже говорил – он согласен. Ангербург Максимилиан знает хорошо, и с Шарафом они ювелирно сработать могут, чтобы только СС покрошить. Конечно, все будет зависеть от того, по какой улице колонна пойдет, но там главная одна, так что вариантов немного и места для закладок можно найти нормальные.

– Что для этого нужно?

– Вот. – Я сунул Гусеву заранее приготовленный список и застыл, ожидая его дальнейшей реакции.

Но Серега, даже прочтя про радиовзрыватели, и бровью не повел, сказав:

– Добро. Значит – все получаешь и начинаешь готовиться. По окончании доложишь, я вас сам проверю. И еще – почему думаешь использовать Ш-2? Может, лучше «кукурузник»?

– Нет, снег уже сходит и вокруг слякоть. Сесть он может только в поле, а поля сейчас, как губка. Зато лед уже сошел, да и озера фрицы в чистоте держат – мало шансов на топлёнку наткнуться. Поэтому и считаю Ш-2 оптимальным вариантом.

– Угу... Понятно... Ладно, тогда иди, готовься!

– Есть!

А потом началась обычная предрейдовая беготня, но со всеми успели договориться и скоординировать дальнейшие действия точно в срок, так что в четверг вечером мы, нагруженные, как караван верблюдов, тяжелой походкой шли к «дугласу»...

Глава 20

– Твою маму через колено! Ну что это за непруха такая?!

Я дергал за стропы, только парашют намертво застрял в ветвях. Причем это уже второй... Марат свой тоже не смог сдернуть и теперь, стоя рядом, помогал справиться хотя бы с моим. В конце концов, поскользнувшись на грязных остатках снега, он злобно сказал:

– Командир, может, хер с ним? Нам тут что – до утра торчать?

Да, действительно, я уже и сам понял, что сдернуть купол не выйдет, поэтому, бросив стропы, просто молча махнул рукой, показывая направление движения. Через несколько минут мы наткнулись на остальных членов нашей группы. Ребятам повезло больше, и они приземлились в поле, поэтому, замаскировав купола, уже выдвигались к нам. Пучков, узнав о брошенных парашютах, заволновался:

– Илья, немцы ведь сразу на хвост упадут...

– Не сразу, а только с утра, когда их увидят. Поэтому надо быстренько уносить ноги. Да и дождь очень в тему – собачками они воспользоваться не сумеют. Так что за мной, бегом марш!

Ну бегом не бегом, но быстрым шагом, постоянно вслушиваясь и всматриваясь в темноту редколесья, группа двинула на восток. Выбросить нас должны были в районе Энгельштайна, это километров двадцать северо-западнее Ангербурга, конечной точки нашего рейда, потому теперь придется поработать ногами. Хотя так и задумывалось: уйти подальше от места выброски – первейшая заповедь диверсанта. Теперь, когда фрицы найдут парашюты, они нас будут искать гораздо западнее. Правда, это все при условии, что летуны не промахнулись. А ведь в этих местах – малейшая промашка и ты просто можешь брякнуться в какой-нибудь город, фольварк или хутор. Тут нашими просторами и не пахнет, а расстояния между населенными пунктами хорошо если километров по десять будут. Но потом смогли сориентироваться и выяснилось, что летчики не подвели...

Небо уже начало рассветно сереть, да и моросящий дождь прекратился, когда мы, обогнув несколько патрулей, шляющихся по лесным просекам, подошли к окраине Ангербурга. Причем на подходах я вдруг буквально в нескольких метрах от себя увидел бетонную стену дота. Летом бы я его вообще хрен заметил, настолько он удачно вписывался в пейзаж, а сейчас, увидев часть бетонного фрагмента, резко присел и вскинул сжатую в кулак руку. Ребята замерли, а потом, повинаясь жесту, быстро порскнули в разные стороны. Только все вокруг было тихо. Из дота никто не выходил, да и человеческим присутствием не пахло. Причем в прямом смысле – не пахло. Я, например, фрицев всегда могу учуять по запаху кофе и порошка от вшей. Сейчас пахло только отмокающей прелой листвой и сыростью...

Постепенно сердце перестало подпрыгивать и я попробовал встать. Только сразу у меня не получилось – рюкзак перетянул, и я шлепнулся на задницу. Вот ведь зараза – такой тяжеленный груз давненько не таскал, вот мышцы и забились... А ведь в мешках только необходимое. Причем еды и патронов – мизер, основной вес составляли разные шмотки и взрывчатка. Я, ворочаясь, встал сначала на четвереньки, а потом поднялся во весь рост, щелчком языка подзывая свою компанию собраться вместе.

Глянув на приближающихся ребят, только ухмыльнулся – ну вылитые фрицы, только сильно замороженные.

В немецких касках, с немецким оружием, в камуфлированных эсэсовских куртках, они сильно напоминали группу немецких диверсантов, шляющихся по своему же тылу. Кстати, и документы у нас были соответствующие. По ним мы были спецкомандой штурмбанфюрера

Рауха, выполняющими специальное же задание. Обычная пехтура со спецслужбами старалась не связываться, поэтому при встрече с неожиданным патрулем в лесу предполагалось не стрелять, а, запугав его «корочками», следовать дальше. Но встречи не произошло, поэтому сейчас переходим ко второй части марлезонского балета.

Обследовав дот и выяснив, что он, как и предполагалось – пустой, решили остановиться в нем. Судя по всему, этот дот входил в недостроенную систему укреплений, должную прикрывать город с юга. Но что-то у немцев не заладилось и они строительство не закончили. И это хорошо – судя по отсутствию каких-либо следов, тут сто лет никого не было, а сидеть под крышей – это гораздо лучше, чем в мокром, голом лесу. Конечно, в случае обнаружения дот превращался в ловушку, но будем надеяться, что за эти два дня ничего не случится, да и наблюдатель в случае опасности вовремя подаст сигнал. Выставив Гека пасти местность, мы, распотрошив рюкзаки, сначала поели, а потом, немного отдохнув, начали переодеваться. После всех перевоплощений в конечном итоге получилось: Макс – обер-лейтенант, служащий в ОТ «Танненберг I», то есть работающий на организацию Тодта. А мы с Маратом стали просто лейтенантами, имеющими отпуск по ранению. Шараф с собой даже лакированную гнутую палочку прихватил и теперь, топая по дороге, вполне натурально прихрамывал, опираясь на нее. Ну а Пучков так и остался стеречь наше снаряжение, замаскированное недалеко от дота.

В задачу на сегодня входило – разведка местности и выяснение маршрута продвижения парадной колонны. Ну и по возможности уточнение времени проведения этого мероприятия. Мы уже знаем, что все будет утром, только подтвердить эти сведения никогда лишним не будет.

В город вошли, обойдя сторонкой КПП на дороге. Документы у нас нормальные, но может показаться подозрительным – что это трое офицеров делали ночью в полях? Если по работе – то почему без транспорта? Так что ну их на фиг, лучше прошмыгнуть со стороны обводного канала. Там тоже есть пост на мостике, но вопросы вряд ли возникнут, так как мы видели, что народ по этому мосту ходит туда-сюда довольно интенсивно. В принципе так и получилось – двое фольксштурмовцев с винтовками в нашу сторону даже не посмотрели. Кстати, насчет фольксштурма – такое впечатление, что гражданских в городе просто нет. Я имею в виду мужиков. Те, кто помоложе, ходят в армейской форме, а старики со щеглами – все в коричневой фольксштурмовской, и у каждого повязка со свастикой на рукаве. Я только одного не понял: эта повязка – элемент формы или просто мода такая? Хотя исходя из складывающегося на фронтах положения вещей следовать такой моде весьма опасно для здоровья. Дураков среди фрицев довольно мало, так что скорее всего свастика в белом круге относится к уставной форме одежды.

Прогуливаясь по городу, чувствовал, как меня давит окружающая обстановка – эти красно-коричневые дома с такого же колера черепичными крышами выглядели как казармы. А узенькие окошки вообще делали их похожими на тюрьму. Вокруг все, конечно, ухожено и вылизано, но это только подчеркивает общую мрачность обстановки. И как последний штрих – низко висящее свинцово-серое небо. М-да... Я так думаю, хороший, веселый и добрый человек в таком месте долго не протянет. Поэтому их и обзывают сумрачными тевтонцами – поживи в подобной обстановке и пожизненная меланхолия с мрачностью обеспечена навсегда. Смеха на улицах я тоже не слышал. Даже маленькие дети шли группками, сосредоточенно и без обычных для школьников криков, толчков и писков. Взрослые тоже радостью не блистали. У всех на мордах было такое выражение, будто они спешат по суперважному и ответственному делу, малейшая задержка которого может обернуться катастрофой.

Погоуляв так около часа и обойдя почти весь город, мы поняли, что больше, чем выяснили в результате визуальной разведки, ничего из разговоров окружающих нас людей узнать не получится. Они, блин, почти не разговаривали даже между собой, а спрашивать самим, когда и где пройдет парад, было как-то страшновато. Складывалось такое впечатление, что здешние люди четко следовали указаниям плакатов, развешанных на

стенах. Там разнообразные личности, или прижав палец к губам, или сурово нахмутив брови на фоне большого оттопыренного уха, призывали – «Не болтай»! Кстати, плакатов было просто немерено. Правда, все они печатались в мрачных коричнево-черных или красно-черных тонах. Но, несмотря на мрачность, плакаты выполнены довольно красиво, в смысле графики. Особенно понравился один, призывающий к светомаскировке. На нем был нарисован скелет, сидящий верхом на английском самолете и кидающий бомбу в одинокое освещенное окошко дома, стоящего на земле. Нарисовано, если это допустимо сказать применительно к плакату, – очень здорово! И скелет такой – мерзкий, что ли... В общем, смотришь и сразу хочется выполнять все требования ПВО.

М-да... Вот в чем можно поддержать Гитлера, так это в том, что он не терпел разный постмодернизм, кубизм и прочие «измы» в искусстве. А то как увидишь хаотичные пятна, размазанные по холсту, сильно напоминающие испорченный тест Люшера, так сразу вспоминаются слова убиенного Хрущева, обращенные к таким «художникам». Он одним словом охарактеризовал всех этих деятелей – «Педерасты»! И я с ним полностью согласен – нормальный человек свою блевотину, срыгнутую на холст, за картину, а тем более шедевр выдавать не будет. Так что мне глубоко плевать на мнение «утонченных» критиков о «гениальности» этих творений. Я не специалист-искусствовед, но глаза у меня есть, чтобы составить свое собственное мнение... А вообще высшим пилотажем кидалова в искусстве считаю «Черный квадрат». Просто снимаю шляпу. Это же надо было так пропиарить подобную херню, у которой даже непонятно, где верх, а где низ, что она теперь сумасшедшие деньги стоит. Нет, прав был Алоизыч, когда подобных «художников» пинками из своей страны выгнал. И я не думаю, что это проявление фашизма, а держу за одну из очень немногих нормальных человеческих реакций, которые были у Гитлера...

* * *

В конце концов прогуливаться и разглядывать плакаты надоело, поэтому Макс, которого, судя по довольной физиономии, окружающие стены вовсе не давили, предложил:

– Господа лейтенанты, пойдемте в гаштет. Там всегда найдутся люди, готовые поговорить даже если не с нами, то между собой.

Ну гаштет так гаштет, тем более немецкое пиво всегда отличалось отменным вкусом.... Только по пути к кабачку я, увидев очередной плакат, начал хихикать. Там была нарисована группа людей, сидящих в пивной, а над ними нависала зловещая тень в плаще и шляпе, призванная олицетворять иностранного шпиона. Вот теперь и мы так же – нависнем. М-да... Эта картинка была не в бровь, а в глаз.

В местной забегаловке народу было очень мало, а гражданских не было совсем. Присутствовал только народ в форме. В серо-зеленой вермахтовской и коричневой – фольксштурма. Сидели тихо, по два-три человека, и цедили пиво из высоких стаканов. Мы, заняв свободный стол в глубине помещения, заказали кельнеру три светлых и начали приглядываться к окружающим. Но ничего особенного нам это приглядывание и прислушивание не дало. Троица фольксов, сидевших через столик, вдумчиво рассуждали о том, как надо ухаживать за поросятами, чтобы снизить смертность. Пара зенитчиков – говорили о письмах из дома, а компания щеглов, с кинжалами гитлерюгенда на поясах, обсуждали достоинства и недостатки какой-то Гретхен.

Когда думали уже заказать по второй, наконец-то начало происходить хоть какое-то интересное нам движение. До этого народ уходил, приходил, сидел, тихо переговариваясь между собой, а тут вдруг на входе появилась фигура, которая, опираясь на палочку, резво прошкандыбала внутрь и плюхнулась за стол, стоящий рядышком с нашим. Фигура обладала погонами обер-лейтенанта и зычным голосом, которым заказала кельнеру сразу пару темного. Прежде чем принесли заказ, обер орлом оглядел зальчик и увидел тросточку Марата, прислоненную к столику. Немец оживился, но сразу разговор начать как-то не решился. Прихлебывая из кружки, он изредка поглядывал на нас, а когда Шараф, заметив его

внимание, демонстративно потер ногу, то фриц не выдержал:

– Господин лейтенант, я вижу, у нас одинаковые ранения? Меня вот тоже в ногу зацепило... А теперь старый Гофман сидит вдалеке от друзей и вынужден пить пиво в одиночку...

Намек нами был понят, и через минуту Гофман, сидя за нашим столом, уже вовсю трепал языком. Рассказал, что его ранили еще под Сувалками, но кость была не задета и вскоре он опять вернется к своим гренадерам. Что здесь фронтовиков очень мало – в основном штабные крысы и фолькштурм, так даже выпить толком не с кем, а в нас он сразу разглядел своего брата-окопника. Видно было, что мужик соскучился по хорошей компании и готов трепаться безостановочно. Он поинтересовался характером ранения Марата, потом спросил, куда меня жажнуло. Я, запинаясь, ответил – что контузило русской миной от тяжелого миномета. Фриц сочувственно покивал и опять начал заливаться соловьем. Рассказывал про город и про госпиталь. Поинтересовался, где нас лечили. Шараф быстро увел разговор от опасной темы, сказав, что его старинный друг Вилли забрал нас из Кенигсбергского госпиталя, предложив провести отпуск у него. А потом Макс, который стал на этот момент Вилли, начал говорить про воскресный парад. Гофман о нем отозвался отрицательно, сказав, что сейчас вовсе не до парадов, хотя, с другой стороны, для поднятия духа гражданского населения парад – это всегда хорошо. А еще через полчаса обер-лейтенанта после третьей кружки порядком развезло, поэтому, узнав все, что нам было нужно, мы поспешили свалить. Поспешили, потому что, сделавшись пьяненьким, Гофман моментально стал неблагонадежной личностью. Громким шепотом он начал доносить до нас мысль, что все – капут. Германия войну практически проиграла и дальнейшее сопротивление только окончательно уничтожит немецкий народ.

– У меня в роте в наличии только две трети от списочного состава! Пополнения практически нет. Понимаете? Людей в рейхе почти не осталось! А если и пришлют какого-нибудь юнца или старика, то что мне с ними делать? Поэтому каждый мой ветеран на счету. Я их берегу как собственных братьев. Люди – золотые, но и они каждый день гибнут в этой бойне. И главное, что это все уже бессмысленно – Иванов теперь никому не остановить. Они до Ла-Манша дойдут, попомните мое слово...

Фриц пригорюнился, а мы, переглянувшись, быстренько распрощались с ним и сбежали, так как на наш столик стали обращать внимание сидящие вокруг посетители. Так что – на фиг, на фиг. Заметут сейчас, как паникеров и разложенцев – вот обидно-то будет...

Выйдя на улицу под опять начавшийся дождь, целенаправленно пошли на улицу Кирхенштрассе. Именно по ней в воскресенье промаршируют эсэсовцы, а потом после этого марша загрузятся в грузовики и прямым ходом отправятся на передовую. Только вот я надеюсь – после нашего выступления отправлять будет некого. Восемь мин направленного действия – это не цацки-пецки. Это больше двухсот метров сплошного поражения, причем не паспортного, а фактического. Прогуливаясь по Церковной улице, нашли наконец место, где гражданских не должно быть по умолчанию. Ну не будут же они в самом деле смотреть на парад с руин двух длинных разрушенных домов. Дорогу, куда эти пятиэтажки рухнули, конечно, подчистили, но сами остатки многоэтажек почти не разбирали. Судя по навалам – достали из-под кирпичей живых и мертвых, да и то – по возможности, после чего оставили руины в покое. Так что на них стоять – это все равно как по могиле пройти... Вот и славно, трам пам пам! Лучшего места для закладки – просто не найти.

В конце концов, осмотрев все, что нам понадобится для завтрашней работы, мы, опять-таки через мостик обводного канала, вышли из Ангербурга.

* * *

К доту за время нашего отсутствия никто не подходил, поэтому, снова перетащив в бетонную коробку мешки, занялись приготовлениями к акции. Лешка завалился отдыхать, я стал на фишку, а Макс с Маратом стали разбирать свои смертоносные игрушки.

Наблюдая за дорогой, пытался осмыслить, что сегодня видел и слышал. М-да, работать в Восточной Пруссии будет тяжело. Каждый местный житель будет считать своим долгом сообщить о русских диверсантах. Только вот сообщать станут в том случае, если они будут одеты в нашу форму и рассекать с нашим оружием. При других раскладах понять кто есть кто, особенно если не объявлено об охоте на русских разведчиков, будет весьма проблематично.

Я в гаштете почитал местные газеты – там рассказывалось об одной советской диверсионной группе, совершающей зверские преступления, и об истории ее поимки. Если отместить все пропагандистские преувеличения, то картинка становится более-менее понятная. Армейские разведчики шустрили, выявляя замаскированные укрепрайоны и фиксируя перемещение частей по территории. Пока они молчали, немцы и не чухались, но как только выходили на связь, этот квартал леса тут же оцеплялся и прочесывался – пеленгация здесь на самом высоком уровне работает. Только все это я и без газеты знал, общаясь с ребятами, ходившими на ту сторону. Но они ходили максимум дней на десять. А эта группа, о которой писали в местной прессе, скорее всего не меньше месяца действовала. И погорела не из-за пеленгаторов, а потому что продукты кончились и она стала кормиться с хуторов. То есть у фрицев появились уже две зацепки – выход рации и появление разведчика в немецких домах. В то, что ребята хозяев вырезали, я, конечно, не верю – бессмысленное занятие. Достаточно их просто связать и все – часа три-четыре форы у «глубинников» будет. Только вот своими появлениями на людях и постоянными выходами в эфир пацаны немцев беспокоили, как чирей на заднице. А те уже объявляли войскам и запуганным местным жителям, в каких именно квадратах необходимо проявлять особую бдительность. Потому что при других раскладах – народу тут по лесам шляется немерено и если на каждый сигнал реагировать, то ягдкоманды через неделю, как запаленные лошади, свалятся.

То есть в будущем надо намотать на ус, что первое – выходить в эфир не менее чем в двадцати пяти – тридцати километрах от места базирования, как это в партизанских отрядах делают. Причем это самое место лежки по возможности постоянно менять, а то какой-нибудь лесник случайно увидит и точно стуканет, даже если не будет объявлена повышенная готовность. Раньше мы постоянно перемещались и таких проблем со связью не имели – дашь радио и дальше рванул. А в будущем задании совсем по-другому надо себя вести... Так что чем дальше будут уходить радисты, тем более безопасной у нас жизнь получится.

Второе – работать в немецкой форме – тогда случайных глаз можно не так опасаться. Конечно, при поимке это чревато моментальным расстрелом, но нам не привыкать нарушать конвенции. Третье – хутора потрошить только в самом крайнем случае и опять-таки как можно дальше от мест постоянного обитания. И только выполняя все эти пункты, можно будет вести спокойное наблюдение за Бальгой.

Армейцев ведь, как ни крути, выручает только постоянное маневрирование, а мы должны наблюдать за определенным объектом, причем неизвестно сколько времени, вот и подход должен быть другим. Кстати, продукты надо брать – не консервы, как обычно, а изюм, курагу, шоколад и орехи. По объему и весу они меньше, зато по калориям – больше. И мясо – только вяленое. Воды здесь везде хватает, так что от жажды не помрем, а вот сколько времени мы чисто на своих продуктах просидим, столько времени фрицы о нас ничего знать не будут...

Погруженный в свои мысли, не сразу заметил, что на дорогу опустилась темнота и вести наблюдение вдаль стало бессмысленным. Но и того, что увидел, хватало, чтобы сделать выводы о жизни, бьющей здесь ключом. Немцы массово мотались туда-сюда на телегах, велосипедах, мотоциклах. Реже проезжали дымящие, как самовары, грузовики на газогенераторных двигателях. Проще говоря – работающие на дровах. Я даже у нас такие видел, когда в тылу дефицит бензина образовался, а уж у фрицев, особенно в последние полгода, это стало массовым явлением – всю технику, кроме танков и самолетов, они переводили на деревянное топливо.

Сзади донесся еле слышный шорох, и я моментально направил ствол в ту сторону. Но

это оказался Шараф, который пришел меня подменить. Потом мы поели, опять отдохнули и глубокой ночью приступили к одной из самых ответственных частей плана – заброске взрывчатки в город. Сами мины занимали немного места, но тяжелые были сволочи, как будто из свинца их делают. Поэтому, побряхтывая и ругаясь под нос, распределили груз и двинули в сторону Ангербурга.

Дав небольшого кругаля, мы, обойдя и основные посты и охрану на мостиках канала, зашли в город недалеко от намеченных заранее разрушенных домов. Потом, переждав, когда пройдет мимо подсвечивающий себе фонариком и громко бухающий сапогами патруль, стали расставлять закладки вдоль дороги. В темноте, среди битых кирпичей, это было то еще удовольствие. Я ободрал себе руку, Леха прищемил палец, а Макс чуть не вызвал кирпичный оползень, пытаясь прорыть нору, чтобы запихать мину поглубже. Один Шараф обошелся без каких-либо повреждений и, быстрее всех выполнив свою часть работы, начал помогать Шмидту. Вообще основная задача по минированию легла, конечно, на подрывников. Мы с Пучковым, сделав по закладке, занимались в основном наблюдением. Только патруль тут ходил хорошо если раз в час, а до окон ближайших домов было метров сто, и те были плотно завешены шторами светомаскировки, поэтому работали почти без опаски.

Чуть позже, пропустив очередной обход патруля, мужики потянули провода, маскируя их мусором, к довольно крупному ящику усилителя. Это было ноу-хау Марата и наших радистов. Они там чего-то намудрили, и теперь радиус действия приемника радиовзрывателя увеличился в несколько раз. Причем, во избежание случайного срабатывания от постороннего сигнала, сначала включался усилитель, а через него уже сам взрыватель, так что теперь мы можем наблюдать за всем очень издалека. Пучков мартышкой взлетел по одиночной, чудом сохранившейся стене здания, протянув проволочную антенну, и еще через десять минут, проверив все, мы начали собираться. Город спал, а припустивший по новой дождь разогнал даже собак, поэтому, никем не замеченные, вернулись обратно к доту.

А потом мы отдыхали всю оставшуюся ночь и большую часть дня. Менялись, только наблюдая за подходами, а так – дрыхли как сурки, даже есть неохота было. Зато отдохнули на неделю вперед. Вечером же, когда я, разобрав свой МР-40, чистил автомат от легких пятнышек ржавчины, появившихся на тех местах, где обшаркалось воронение, ко мне пристал Гек:

– Илья, а как ты думаешь, что в этой Бальге может быть? Это ведь старинный замок – значит, там и так разные подземные ходы должны быть. Зачем туда столько пленных засунули? Новые ходы копать? Да еще и ЛЭП провели...

Марат, который только что сменился с дежурства, при этом вопросе тоже наострил уши, а я, отложив масленку, ответил:

– Не знаю, Леха. Поэтому нас туда и посылают, чтобы выяснить. Но вот жопой чую – ничего хорошего там точно нет. Я про это Аненербе столько всего слышал, что мозга за мозгу заходит. У них ведь все практикуют – от опытов над людьми до вызывания духа Наполеона.

Пучков недоверчиво хмыкнул:

– Скажешь тоже – Наполеона... Они там что, как старые бабки – спиритизмом занимаются? Тьфу!

– Ты не плюйся, а просто головой подумай – для этого общества до сих пор выделяют миллионы, если не миллиарды, марок. На эти деньги можно дивизии танковые строить, но эти придурки их на какие-то бабкины суеверия пускают... Вот и возникает вопрос – а может, они что-то такое там творят, по сравнению с чем эти дивизии просто детский лепет?

Мужики задумались, и через пару минут тишины Марат спросил:

– Ну, допустим, у духов они могут будущее узнать. Направление главных ударов, места дислокации войск, хотя это, конечно, бред полный – разведка гораздо надежней. А что еще? Ведь чудо-оружием не Аненербе занимается?

– Неа. – С щелчком вогнав магазин на место, я поставил оружие возле стены и продолжил: – И Аненербе в том числе. И если можно предугадать, что следует ожидать от всех остальных изобретателей, то чего ждать от этих мистиков – никто не знает. Кстати,

именно это напрягает по полной – я подобной потусторонней жути сильно опасуюсь. Так вот сунемся дуриком в подземелья замка, а оттуда разные зомби ползут.

– А это что такое?

– Ожившие мертвецы. Р-р-р!

Я, сделав морду, зарычал на Шарафа, а он обиженно сказал:

– У него серьезно спрашивают, а он нас какими-то зомбями пугает...

– А если серьезно – то не знаю, что там будет и чего ожидать. Может, просто эсэсманы свои ритуалы проводят, так мы их повяжем, документы заберем и ага! А может, будет то, чего никто из нас еще не видел. Не зря же нам целый полк десантуры дают в помощь?

Леха, шмыгнув носом, поинтересовался:

– Думаешь эти самые зомби там сидят? Не зря ведь туда несколько тысяч пленных запихнули... Сделают им операцию на мозге и против нас воевать отправят. Гофман же говорил, что у них людей уже не хватает, вот они и решили недобор компенсировать. Хотя это фантастика, как у Беляева, получается. Ты помнишь – как в «Голове профессора Доуэля»? Только там без всяких зомби было.

И откуда ты про них вообще взял?

– Не зомби, а зомби. Это из сказок и легенд.

– Что-то я таких сказок не слышал... Про упырей, леших, утопленниц – это да. А про зомби – нет.

– Это, Леха, потому что детство у тебя было хорошее и иностранным влиянием не испорченное. А зомби – это гаитянское народное творчество.

Тут опять влез Шараф. Он до этого сидел тихо, видно, что-то вспоминая, а тут вдруг выдал:

– Ты, Гек, не хихикай. Я как-то с одним земляком говорил – он сам из летчиков будет. Так он рассказывал, что в сорок первом самолет из его полка со специально привезенной иконой Казанской Божьей Матери несколько раз вокруг Москвы облетел... И немцев сразу остановили... Помнишь ведь, как они перли, а тут как отрезало. А потом наше наступление пошло...

– Марат, ты ведь комсомолец, как ты можешь в такую чушь верить? Илья – скажи ему!

Я, протянув руку, натянул каскетку на нос Пучкову и пояснил:

– Старших надо слушать, а не спорить. Было такое дело. По личному приказу Верховного. А потом ее вокруг Питера возили и там тоже немцев от города отбросили. – На этом месте пояснения я ухмыльнулся, продолжив: – Странно только, почему ее по всему фронту не протасили? Наверное, не додумались, а то бы, глядишь, и войне давно конец пришел. Но может, такой финт далеко не каждый раз срабатывает, может, у иконы батарейки чудотворные сели, вот теперь ждут, когда подзарядится... Хотя мое мнение – лажа все это насчет иконы. Таскать ее, конечно, таскали, но вот фрицев била не сила небесная, а наши ребята. В том числе и мы с вами. Так что здесь ничего потустороннего не было вовсе. Просто накопили сил да врезали супостату от всей души. – И меняя тему, добавил: – Ладно, пойду Макса сменю, а вы отдыхайте – завтра день тяжелый будет.

А чуть позже, когда Шмидт, чуть слышно шелестя кустами, утопал к мужикам, я, прислушиваясь к шуму ветра в верхушках деревьев, задумался, насколько может быть серьезно то, что наговорил ребятам. В принципе после инопланетян я был готов верить во что угодно. Даже в оживших мертвецов и прочие кошмарники. Хотя в Бальге этого точно не должно быть. Физики и мертвечина как-то не вяжутся. Тут скорее можно ожидать, что они изобретут какой-нибудь портал, как в фильме про летающую пирамиду, с Расселом в главной роли. Или землетрясение в нужном месте вызовут, что тоже довольно чревато. Хотя что там гадать – захватим этот доисторический замок и посмотрим!

Потом мысль перескочила на слова Марата. Блин! И как я про это запомнил? Ведь в прошлой жизни даже передачу видел о том, как икону туда-сюда таскали, но вот забыл и все. Даже когда Колычев про Тутанхамона, то есть, тьфу, про Тамерлана говорил, я про Божью Матерь и не вспомнил. Надо же – получается, правду по телевизору про нее трендели.

Только все равно считаю – в людях все дело было да в резервах. Не успей подойти эшелоны из Сибири или мужики-ополченцы дрогнули и все – пипец. Никакие иконы не помогли бы. Так что теперь, по-хорошему, именно с тех ребят, что в мерзлую землю Подмоскovie ложились, и надо новые иконы писать. Вот такой вот материализм...

* * *

– Подъем, мужики. Труба зовет! Давай в темпе – оправиться, пожевать и на выход! Максимилиан, зови сюда Марата, хватит ему под кустами торчать.

Народ, распахиваемый легкими пинками, стал быстро подниматься и готовиться к утреннему жору. Потом, уничтожив все следы своего пребывания в доте, закопали лишнее барахло под деревом. То есть закапывали мы с Геком, а остальные по последнему разу проверяли свои минно-взрывные прибабасы. В конце концов, когда до рассвета оставалось не более часа, моя команда построилась, попрыгала, и мы начали выдвижение к Ангербургу. Правда перед этим я сказал:

– Во избежание случайностей с этой минуты все разговоры только по-немецки. Понятно?

– Яволь!

– Ну тогда за мной!

К нужной точке подошли как раз с первыми лучами солнца. Епрст! Ну надо же, даже в этом болотно-хмарном краю тоже солнышко бывает! Я за эти дни даже соскучиться по нему успел. А то в Германию попали – как к морокам угодили – серость, хмарь, низкое свинцовое небо, черные деревья... Но только солнце вылезло, сразу все поменялось. И ярко-синее небо поднялось вверх, на свое место, и лес стал обычным, и даже запахи весенние появились, которыми вчера и не пахло. Сразу жить захотелось. Причем желательно – с молодой и красивой... С трудом отогнав непотребные мысли, но так и не сумев стереть улыбку с физиономии, приказал:

– Действуем, как планировали. Вам – рацию на прием и выдвигайтесь к каналу. Мы с Геком оттягиваемся к лесополосе и наблюдаем. Как только появится голова колонны – даем сигнал. Все ясно?

Ребята, на которых, видно, тоже подействовала погода, щерясь от уха до уха, кивнули.

– Тогда – разбегаемся. Встреча – ниже плотинки, там где речка к озеру поворачивает. Погнали!

И мы разошлись... По уму, конечно, лучше бы не разделяться, но вот чтобы все было без осечек, передатчик должен быть как можно ближе к радиовзрывателю, а с того места совершенно не видно Кирхенштрассе – деревьями закрывает. Ближе подбираться – так потом, сваливая, канал надо будет форсировать, а это не есть гут. Так что мужики будут сидеть со своими машинками, где и договаривались. А мы с Лехой пойдем к грузовикам, которые стоят на выезде из города. Метрах в трехстах от них торчит замечательный бугорок, с которого нужный нам участок улицы отлично просматривается. На той высоте даже жидкие и прозрачные кустики есть, так что замаскироваться худо-бедно получится.

В общем-то, как задумывали, так и получилось. Я сначала хотел было понаблюдать в бинокль за мужиками, но, так и не найдя их, перенес внимание на город. Только там ничего интересного не происходило, лишь людей, наверное, из-за хорошей погоды на улицах прибавилось. Да еще появились нацистские флаги, вывешенные в окнах домов. Так как вчера их не было, то это означает, что подготовка к параду идет полным ходом – даже наглядную агитацию развесили. М-да... А эта Церковная улица – довольно оживленное место. Блин, может выйти нехорошо, если гражданских покрошим. Перед Максом очень неудобно будет. Глядя на повозки и людей, так и шмыгающих по Кирхенштрассе, раздраженно сплюнул. Зараза! Ведь только вчера – была тихая улочка! Хотя руины, в которых делались закладки, почти на выезде из города, и будем надеяться, что основная масса «восторженных» зрителей останется в центре. Постепенно беготня прекратилась, и до меня стали доноситься обрывки

речи, звучавшей по «матюгальнику». Ага! Началось! Сейчас они помитингуют, а потом эти прибалтийские суки пройдут маршем до наших мин. Дальше им ходить точно не придется. От избытка чувств пихнул ботинок наблюдающего за своим сектором Гека. Он, оторвавшись от бинокля, показал мне большой палец – дескать, все просто замечательно складывается, и мы опять прилипли к оптике.

«Матюгальник» надрывался минут сорок, потом наступила тишина. Ну все, скоро вся эта эсэсовская кодла будет здесь! Я проверил коробочку рации, выставленную перед собой – нормально, работает... Потом справа послышался шум двигателя, и, повернувшись туда, засек подъезжающий к грузовикам автобус. Интересно, а автобус зачем? Офицеров возить с комфортом? Ну-ну... Теперь вам только их трупы фрагментарные возить придется! Я злобно хмыкнул, но тут увидел такое, отчего чуть не выпустил бинокль из мгновенно вспотевшей руки.

Из автобуса выводили детей. Маленьких, лет по шесть, не больше. Много. Чистенькие и ярко одетые, они все выходили и выходили из автобуса. Потом три девки, наверное воспитательницы, раздали им флажки со свастикой и, построив в колонну, повели навстречу параду. Не доходя до руин и соответственно до нашей последней закладки метров тридцать, малышню распределили по обеим сторонам дороги, и те остановились, размахивая своими флажками.

Твою мать!! Траханые бабуины!! Что же делать?!

Я никак не мог сообразить, попадают ли эти детсадовцы в сектор последней мины. Вроде не должны... А вдруг?.. Пилять! В этот момент Гек, не отрываясь от бинокля, сказал:

– Идут... Наблюдаю голову колонны. Минут через пять дойдут до места!

Лешка смотрел в другую сторону, имея задачу засечь появление фрицев на дальних подступах, поэтому не видел, что творится недалеко от нас. Поняв, что я никак не реагирую, он сначала недоуменно взглянул на меня, а потом перевел бинокль и охнул:

– Твою же мать!! Это что же? Что делать будем, командир?!

Что делать, что делать... Портянки сушить... Нутро аж в комок холодный скрутило, и взмок я сразу как мышь, пытаюсь принять правильное решение. А потом, представив, как эти яркие фигурки сначала падают в придорожную грязь и сразу следом их накрывает облако взрыва, добывая кирпичами оставшихся в живых, осторожно убрал руку от передатчика. Фу-у-у-х! Судорожно выдохнув и отложив оптику в сторону, просто перевернулся на спину и, глядя в такое высокое синее небо, спокойно сказал:

– Делай, как я. Рацию только не зацепи, а то шумнешь случайно – наши это за сигнал примут...

Он, наверное, кивнул, потому что ответа я не услышал, а потом, немного пошебуршившись, так же как и я, закинув руки за голову, уставился вверх.

* * *

Лежали долго, минут тридцать. Уже после лающих команд разъехались грузовики, потом, судя по прекратившемуся далекому гомону голосов, загрузили и увезли малышню, а мы все молча лежали. Потом я рывком сел, выключил рацию, сунув ее в чехол, и приказал:

– Харэ валяться, нам еще войну выигрывать надо, так что пошли!

Гек поднялся, странно глядя на меня, и, когда мы уже собрались спускаться вниз, глухо сказал:

– Командир, Илья, ты – настоящий мужик...

– Но-но! Без рук! Ты меня знаешь, я эти объятья не люблю – гомосятиной пахнет!

Лешка, криво улыбаясь, хмыкнул:

– Да ну тебя! Я ведь серьезно... И как это у тебя только получается – в самый такой, – он покрутил пальцами, подбирая слова, – ну вот такой момент, просто все – раз, и в шутку перевести. Я ведь знаю, как ты хотел этих эсэсовцев положить и как тебе сейчас хреново, что задание не получилось выполнить...

– Тю! Много ты знаешь! И вовсе мне не хреново, а очень даже наоборот. Не я, так другие их к ногтю прижмут, зато мы с тобой сегодня грех на душу не взяли, а это много значит. Ведь и на том свете бы не отмылись...

Кстати, говоря, что мне совершенно не плохо, ничуть не кривил душой. Внутри было такое ощущение... Блин, даже словами не передать... М-да, в первый раз со мной такое... Даже той бешеной злобы по отношению к эстонским эсэсовцам почему-то не ощущаю. Вот встретил бы сейчас кого из них – не то что пальцем не тронул, а может, даже и поговорил как с человеком...

От возвышенного состояния отвлек неугомонный Гек.

– А я сразу, как детей увидел, понял, что ты отбой дашь!

– Да ну? С каких пор таким догадливым стал?

– Потому что ты – это ты. И поэтому я за тебя и в огонь и в воду...

– Ладно, хватит слюнями брызгать, лучше ходу прибавь. А то ведь мужики все в непонятках – отчего сигнала не было? Может, нас уже повязали и мы вовсю для гестапо сольные песни поем?

Говоря это, я уже совсем не шутил. Что еще могут подумать наши подрывники, если мы ушли и пропали с концами? А я, честно говоря, когда все уже разъехались, по радиции связываться вовсе не хотел. Одно дело, подняв всех на воздух, потом быстро уходить, обрубая возможные хвосты, и совсем другое – просто тихо уйти. А засветись я в эфире – запеленгуют моментом, и получится – мало того, дело не сделали еще и убегать, как в жопу раненым бизонам, придется.

Только волновался я зря. Макс с Шарафом спокойно ожидали нас возле речки. Оказывается, от их точки было видно, как детей грузили обратно в автобус. Когда он подъехал, они не видели, а вот обратную загрузку наблюдали хорошо. Поэтому Макс впал в полное охренение и, как потом рассказывал Шараф, все полтора часа, пока они нас ждали, расхваливал меня как командира, а прицепом и всех русских как добрых и душевных людей. Он и мне попробовал сразу толкнуть благодарственную речь, только я эти поползновения пресек и, построив своих людей, куцей колонной повел в сторону озера, где нас должны были подобрать гидросамолеты. Предварительно, правда, дали радио о подтверждении эвакуации и только потом рванули. Единственная задержка произошла, когда педантичный Макс поинтересовался судьбой оставленных зарядов:

– Командьир, неужели мы мины так и остафим? Это зер шлехт, м-м, отцень плехо. Там ратиофзрыфатели. За этто строко спросят.

– Спросят – ответим. А нам тут еще сутки торчать – совершенно не с руки. Помнишь, Гофман говорил, что сегодня в город тяжелый артдивизион войдет? Это значит, количество патрулей вырастет в несколько раз. Засыпаться можем моментом, тем более – было бы за что... А в те развалины, я думаю, никто сто лет не лазил и теперь не полезет... Единственно – вы коробку с усилителем нормально замаскировали?

– Так точно!

– Вот и хорошо. А дней через двадцать тут уже наши войска будут – так что схему минирования саперам отдадим и про это можно забыть. Еще вопросы есть?

– Никак нет!

– Тогда – за мной!

Километров десять проскочили внаглую – по нешироким лесным проселкам, но потом пришлось свернуть. Просто по пути нос к носу столкнулись с патрулем, который передвигался верхом на велосипедах. Но они даже документы у нас не проверили. М-да – мельчают фрицы. Хотя и патруль был не фельджандармерии, которым плевать на любые чины и рода войск, а фольксштурма, который при виде эсэсовцев подобрался и козырнул мне так, что чуть не свалился с велосипеда, я посчитал нужным уйти подальше в лес. Сейчас эти лохи попались, а дальше, глядишь, и на толковых нарвемся – оно нам надо? Так что лесочком привычнее будет, тем более спешить совершенно некуда.

К озеру подобрался засветло. Огляделись, обнюхались и, убедившись, что в округе

людей нет, замаскировались метрах в двухстах от воды. Было тихо, безветренно и как-то по-весеннему тепло. Даже птицы это почувствовали и чвиркали совершенно жизнеутверждающе. Ближе к вечеру мы добились сухпай, и только я собрался распределить дежурства, как вдруг внимание привлёк странный звук. Эдакое стрекотание с присвистом. Ещё не поняв, откуда он идет, начал крутить головой, а Гек, врубившийся быстрее, протянув руку, спросил:

– Ого! Это что за бублик?

Марат удивленно подхватил:

– Немецкий! Смотри – вон свастика! Е! Никогда таких не видел! Командир, не знаешь, что это?

Я знал... Ещё как знал, только вот сказать ничего не мог. Заклинило напрочь! Только и получалось, что вхолостую открывать рот и хлопать глазами. А все потому, что в вечернем небе над озером, двигаясь в сторону северо-запада, проплывала самая обычная, невзрачнейшая такая, летающая тарелка...

Глава 21

– Как это – трагически погиб? Это точно?

Я сидел, слушая Гусева, совершенно не представляя, как такое вообще могло произойти.

– Позавчера шифрограмма была. Трагически погиб при испытаниях нового оружия.

– Блин! Зачем его вообще туда понесло?

Серёга, тяжело вздохнув и пожав плечами, ответил:

– Ты маршала лучше меня должен знать... Но насколько я наслышан, Лаврентий Павлович никогда не упускал момента поприисутствовать при проверке новых вооружений, особенно находящихся под его контролем.

– Но ведь они же не в чистом поле стояли и смотрели?! Для этого бункер есть!

– Бункер и был... Просто до этого шли испытания малого количества смеси и вела она себя по-другому. А здесь, видно, решили удивить высокое начальство и рванули около пятисот килограммов. Убежище стояло предположительно в безопасной зоне, но и его чуть не смело обломками щебня и бетона, оставшимися от предыдущих испытаний. Из двенадцати наблюдателей пятеро погибших, остальные ранены. В числе погибших и маршал...

Во бли-и-н... Я настолько растерялся, что даже спрашивать дальше ничего не мог. «Кровавый тиран» и умнейший человек, «душитель свободы» и самый лучший хозяйственник, из всех, кого я только знал – Лаврентий Павлович Берия, погиб при испытании объемно-детонирующего боеприпаса. Это то, что впоследствии журналюги будут неправильно называть – «вакуумная бомба».

Когда стало понятно, что с атомным оружием идет сильная пробуксовка, то внимание высокого начальства очень привлекли мои слова про оружие, которое по мощности сравнимо с ядерным, но при этом не загрязняет все вокруг отходами и является гораздо более простым в изготовлении. Вот за полгода и смогли, получается, слова провести в жизнь. На нашу голову... Черт, и что дальше? Ведь Берия был главным «паровозом» всех наших новейших разработок! Без него все замедлится в несколько раз...

А воткнул на место главы НКВД какого-нибудь Абакумова или Чередниченко, который в этих делах ни ухом ни рылом, может совсем невесело получиться. Да и Сталин уже старенький, помрет вот так же неожиданно – кто на его место придет? Я-то, честно говоря, очень в этом смысле на Лаврентия рассчитывал, а тут... Жопа какая-то... Воткнув окурочку трофейной сигареты в массивную чугунную пепельницу, доставшуюся от прежних хозяев, спросил:

– Серёга, а кто теперь вместо него будет?

– Пока назначен наш командир...

– Не понял, какой командир?

– Колычев назначен. Теперь Иван Петрович является главой НКВД СССР.

Охренеть... Вот уж чего совершенно не ожидал. Хотя с другой стороны... Командир являлся первым замом Берии, был посвящен в самые ответственные дела, курировал направления, являющиеся стратегическими и особо секретными. А в последнее время ко всему прочему еще и политическими играми сильно увлекся. То есть не то чтобы увлекся, но с Лаврентием Павловичем они в ЦК, которое всегда делилось на кучки, группки и группировки, конкретно шишку держали. М-да... А если учесть, что он стал очередным главой «кровавой гэбни», то получается, со смертью Берии не только остался на плаву, но и влияния не утратил.

– А УСИ кто теперь вести будет? И самое главное – мы теперь в чьем подчинении?

– В УСИ, наверное, его зам – Самойлов, точно не скажу, а подчиняемся мы по-прежнему Колычеву. Если раньше через Ивана Петровича – Берии, то теперь напрямую – командиру.

Ядрен батон... Вот ведь как выходит... В задумчивости прикурил еще одну сигарету и молча стал глядеть в окно. Мыслей в башке было – миллион, но все какие-то прыгающие и хаотичные. Думал о разном: и о том, что дальше будет, и о том, что, похоже, история совершает очередной резкий поворот, совершенно не предусмотренный известным мне сценарием. Думал, как может измениться Колычев, будучи на месте главы ТАКОГО ведомства, и чем это может грозить лично мне. Хотя насчет грозить это я сильно загнул. Как раз, пока командир сидит наверху, мне вообще ничего грозить не может. Ивана Петровича знаю давно, про его отношение к себе тоже знаю давно, а также знаю то, что Колычев за своих людей всегда горой стоит. Сам наказать может – мама не горюй, но чужим в обиду не даст. Так что пока можно выдохнуть. Смерть Берии – это, конечно, очень хреново, но вот личность человека, занявшего его место, может компенсировать подобную потерю. Работоспособности, мозгов и энергии у Ивана Петровича не меньше.

Потом мысль неожиданно перескочила на другое – вот интересно, почему я там, в будущем, фамилию Колычева никогда нигде не встречал? Наверное потому, что важных постов этот человек не занимал, а историей ЧК—КГБ я никогда не интересовался. Но что-то сидевшее в мозгу не давало принять эту нормальную и логичную версию. Тут еще Гусев отвлек:

– Ты чего в окно уставился и примолк? Смерть Лаврентия Павловича – это, конечно, крайне херово, но мы все смертны. Просто очень неожиданно все произошло. Только, с другой стороны, ты представь – ведь и Колычева в любой момент, пока он на фронте был, убить могли. Вот это было бы действительно горе. Во всяком случае для нас... Я ведь такого человека и командира еще не встречал...

Серега продолжал что-то говорить, а я вдруг вспомнил! Точно! Когда он ляпнул, что и Ивана Петровича могли убить, поймал-таки ускользающее воспоминание. Это было в сорок первом, когда мы торчали возле НП под Батуриным. Командир с комдивом Басовым что-то обсуждают, а я, поймав краем глаза блик с кровли водокачки, чисто автоматически сильно пихаю своего начальника в плечо. Через мгновение в том месте, где была его голова, отлетает щепка, выбитая пулей снайпера. Колычев мне тогда только кивнул, и они с комдивом спрыгнули в ход сообщения, а пятеро бойцов рванули искать засевшего врага. Кстати, так и не нашли – снайпер успел свалить, а этот случай в общей чехарде отступления забылся через пять минут... Интересненько получается... Может быть, поэтому я про этого человека никогда ничего не слышал, что его убили в начале войны?

Озаренный этой идеей, немедленно поделился ею с Гусевым. Тот, пожав плечами, ответил, что после появления некоего Лисова вся война идет несколько по-другому, так что на теперешний момент мои знания частных практических вещей ничего не стоят. Что-то глобальное – например, нюансы послевоенного мирового экономического развития еще как-то играют, а вот частности так сильно изменены, что на них можно не обращать внимания. Потом, убрав несколько фотографий «летающей тарелки» в сторону, предложил выпить за

помин Берии, а потом за назначение Колычева.

Глядя на фотки, сложенные аккуратной стопкой, я только уныло ухмыльнулся. Ведь когда летели на «большую землю», у меня чуть мозги не закипели. Все это НЛО перед глазами стояло. Странное, конечно, но – тарелка тарелкой! Правда я их до этого вживую не видел, только по телевизору, и там они вели себя несколько по-другому. Порхали, как стрекозы – резко и бесшумно. Моя же тарактелла и была похожа в движениях на майского жука – заваливалась в разные стороны, и казалось, что сейчас брякнется. Только это было по барабану – НЛО со свастикой привело меня в такую панику, что к Гусеву ворвался, только что не вопя:

– Все пропало, шеф! Все пропало!!

Потом, подпрыгивая и выпучивая глаза, рассказывал Сереге о встреченном объекте. Даже рисовал летающий кругляш, запугивая грозящими катаклизмами и вселенской жопой, если у фрицев появилась такая техника. Генерал-майор, видя мою возбужденную физиономию, сначала тоже сильно напрягся, но, посмотрев рисунок, неопределенно хмыкнул и полез в сейф. Вытащив штук пять фоток, он спросил:

– Вот это видел?

Пока я с открытым ртом разглядывал фотографии «летающей тарелки», Гусев пояснил:

– Это новый летательный аппарат. Ну или дисколет, как его еще называют. Ни в какое сравнение даже с ПО-2 не идет. Скорость – мизерная, маневренности никакой. Они у немцев даже не летали – постоянные аварии при взлете происходили. Ты, наверное, один из первых, не упавших сразу дисколетов видел. Он быстро двигался?

– Да нет... Еле-еле... Нырлял и дергался постоянно...

Меня это удивило, но думал, так и надо... Вот черт, а напугала-то как, таратайка хренова! – И уже приходя в себя, добавил:

– Я всегда говорил, фрицы – козлы! Нет чтобы «вертушку» свою до ума доводить, так они вместо этого разными «бубликами» честных людей пугают! А интересно, как эта хреновина вообще устроена и за счет чего двигается?

– Почти никак не двигается. Как устроена, тоже черт его знает – я не авиаконструктор. Могу только сказать, что вот это – кабина пилота.

– Так ему же земли не видно будет? Как садиться-то? И кстати, почему мне никто не сказал, что у немцев такая штука есть? Я ведь ее увидел – волосы на ногах поседели!

– А чего говорить? Совершенно бесперспективная разработка... Кто же знал, что ты на нее такотреагируешь? Да и мы были не в курсе, что в Пруссии подобный экземпляр имеется. Их вообще-то в Чехословакии испытывали. Если уж на то дело пошло, то шансов встретить вертолет FA 223, хоть их и по пальцам пересчитать можно, у тебя было больше... Ты лучше давай докладывай, как сходили? Получилось «окупиться в среду»?

А потом, после доклада, Гусев мне вставил здоровенный пистон за оставленные мины, но общее поведение и решение по детям одобрил полностью. Да у меня в этом сомнений и не было. Когда же начальство остыло, я поинтересовался, что произошло за время нашего отсутствия: дали премию, открыли второй фронт, взяли Берлин? Вот тут Серый меня и огорошил известием про Берию. М-да... Настроение шутить сразу пропало...

Хотя, с другой стороны, если следовать моему лозунгу – все, что ни делается, делается к лучшему, особо предаваться унынию не стоит. Жизнь идет, и неизвестно еще, что и как повернется. Может, оно и действительно – к лучшему...

Уже когда отправился отдыхать, лежа на необъятной барской кровати, все пытался привести мысли в порядок. Я ведь только в последнее время начал вникать в ситуацию, которая творилась в стране. До этого все больше на передовой терся, видя в основном разрушенные города и деревни, а во время довольно частых приездов в Москву меня возили по треугольному маршруту – Кремль, Лубянка, дача. Таким макаром много не узнаешь. Нет, с людьми я, конечно, тоже общался, причем на самые разные темы, но реально оценить, что же из себя представляет советская система, смог, только когда в УСИ работать начал. До этого ведь как считал – все было хорошо, просто замечательно, а как же по-другому?

Общество, блин, равных возможностей и почти победившего социализма. Тем более что служа в армии, где тебя кормят, поят, одевают и спать укладывают, о жизни на гражданке имеешь очень слабое представление. Думал, что единственное завихрение – это ловля врагов народа, а в остальном – все пучком. Хотя и с ловлей тоже все несколько запутано...

В свое время узнал от Колычева об амнистии 1940 года. Тогда была выпущена целая толпа политзаключенных, в число которых, кстати, входило много командиров Красной Армии. Вот это было настоящим откровением – нигде никогда про нее не слышал. Про «холодное лето 53-го» слышал и фильм одноименный смотрел, а про сороковой год все современные мне демократы почему-то молчали как в рот воды набрав. Да и в пятьдесят третьем тоже все было несколько не так, как в том фильме показывали... Я в прошлой жизни имел массу знакомств, и вот один из таких знакомых – древний, как экскремент мамонта, ворюга на пенсии мне про пятьдесят третий год рассказывал.

Человек он был интересный, да и рассказчик хороший, ранее в брежне незамеченный, поэтому я ему верю. Дед, который как раз в то время сам чалился на зоне, поведал интересную штуку. Оказывается, по этой амнистии выпускали вовсе не бандитов и убийц, которых и без того на свободе немерено было, а людей, получивших срок до пяти лет. Так называемых «бытовиков». Исходя из того, что пять лет тогда могли впаять за кражу курицы или обычную драку на танцах, то и вышли из тюрем не матерые зэки, а люди, совершившие проступок, за который в наше время получили бы не более пятнадцати суток. М-да... соответственно все политические и рецидивисты, со своими запредельными сроками, так и остались сидеть... И выпустил их уже вовсе не Берия, а Хрущев. Выпустил и тех и других, не особенно разбираясь, наверное, на радостях...

Кстати, знакомый дед вышел именно в пятьдесят третьем, поэтому знает, о чем говорит. Ему тогда три года дали за то, что они с одноклассниками из сейфа директора училища стырили несколько наборов готовален. Засыпались, когда их на барахолке продать хотели. На этом путь начинающего рабочего прекратился и Корень, как впоследствии стали звать пацана-ФЗУшника, стал матерым уголовником...

Блин, что-то у меня мысль не в ту сторону пошла... Я ведь пытался сообразить, чем же меня советская действительность не устраивает, а унесло на разных репрессированных – наверное, по привычке. Но какая интересная картинка получается. Оказывается, и в благословенные советские времена жизнь тоже далеко не фонтан была. Идеи и пропаганда – это, конечно, хорошая штука, но когда жрать нечего, они булку с маслом не заменят. А то, что этой самой булкой и не пахнет, понял, окунувшись в «гражданку» с головой и получив свой первый паек в УСИ. Как-то это все сильно унижительным показалось. Понятно – война, карточная система и вообще, но ведь и до войны все вовсе не радужно было. Колхозники пахали даже не за деньги, а за какие-то «трудодни». Я сначала не мог врубиться, что это такое. И только после дошло, какое наглое кидалово со стороны государства осуществляется по отношению к двум третям населения страны. И с чего бы тогда продуктивное изобилие появилось, когда человек практически на халяву работает и не заинтересован в конечном результате? Кстати, с этого все и началось – люди всеми силами пытались сорваться с деревень в город, а так как именно крестьяне являлись всегда хранителями народных традиций и устоев, то от этих традиций в конечном итоге остался пшик.

Вот на конец века мы и имеем тьму алкашей да толпы девчонок, мечтающих стать валютными проститутками. Это, конечно, все очень утрировано, но до тех пор, пока партия, которая «наш рулевой», будет давить свой собственный народ, ничего хорошего не получится. А не давить она не может, потому что основная часть партийных руководящих работников являются крайне некомпетентными в своем деле людьми. Языком молоть могут, но на этом их достижения заканчиваются. Ладно бы еще не мешали работать действительно знающим людям, так нет – по-настоящему толковых стараются вопреки всякой логике побыстрее утопить. Ведь профессионал своего дела будет постоянно оспаривать идиотские указания, исходящие от такого начальства. А какому дураку понравится, что кто-то знает, что он дурак, да еще и другим рассказывает? Гораздо проще сказать, что этот специалист

похож на белого офицера, который порочит честное имя коммуниста и ведет дискредитацию политики партии. Вот на этом основании и передать дело в НКВД. А там ребята простые, тем более что высказывания такие были и неоднократно. Называл решения первого секретаря идиотскими? Говорил, что таких тупарей природа еще не видела? Сомневался в решении партии? Теперь добро пожаловать на кукан! Конечно, так было далеко не всегда, но ведь было же?

В армии, кстати, ситуация похожая была, только вот с началом войны, в результате естественного отбора, наверх выбились профессионалы. Вот бы еще на гражданке такой же отбор устроить, чтобы рулил профессионал своего дела, а не мурло, который если чего и знает, так это только труды классиков марксизма-ленинизма.

И как это все изменить? Я ворочался на перине, чесал репу, прикидывая и так и эдак, но по всему выходило, что быстро изменить ничего не получится. Ведь начинать надо с увольнений некомпетентных чиновников. А они все партаппаратчики со стажем и за свой элитный паек с привилегиями кому хочешь глотку перегрызут. Хоть горячо любимому товарищу Сталину. Мне Колычев как-то рассказывал, что Верховный, чуя близкую жопу, в свое время подчистил «верных ленинцев», которые в двадцатые—тридцатые годы, охренев от вседозволенности, чуть не угробили страну. Тогда Виссарионич на волоске висел, но успел первым. То есть по сравнению с тем, что было и что сейчас есть, это земля и небо. М-да... Если сейчас это чисто повидло, то просто страшно представить, что же творилось раньше... Вот и верь после этого демократам, кричащим об уничтожении элиты нации и оплакивающим «старых партийцев». Да если бы этих партийцев вовремя не тормознули, то никакой войны не надо было – они сами свой народ ударными темпами к сороковому году уничтожили. Хреново только, что у пришедших им на смену чиновников хоть завихрений в мозгах и поменьше, но тоже хватает, поэтому дела изменились не столь кардинально, как бы хотелось.

М-да... как все запущено... А ведь Верховный в курсе всего беспредела, но ничего не предпринимает. Боится? Может быть, и боится, а может, просто не до того сейчас – война как-никак в полный рост идет, вот он и не дергается. Эх, теперь бы только не ухлопали меня раньше времени, а то очень интересно посмотреть, как Сталин, зная развитие ситуации в будущем, будет пытаться это изменить. Надеюсь, что не очередными массовыми чистками. Хотя если они только зажавшихся чиновников коснутся... Я ухмыльнулся, представив первого секретаря на валке леса. Да уж – картина феерическая. Это все равно что представить себе Березовского или Ходорковского за шитьем верхонок. Под эту радужную картинку и уснул...

* * *

А потом опять пошли тренировки. На этот раз все больше чисто физические, а то мы, плюща задницу за картами, совершенно упустили из виду, что разведчика ноги кормят. И когда бегали по Пруссии под нагрузкой, наше пузогрейство чуть не вылезло боком. Во всяком случае, «умирали» тогда все. Так что полная выкладка и вперед – километры мотать! В остальном же жизнь продолжалась прежняя, без изменений.

О гибели Берии по радио сообщили только через неделю, при этом, как обычно, исказив правду до неузнаваемости. По словам Левитана – верный ленинец, преданный сын, пламенный боец и тому подобное скоропостижно скончался от внезапного инсульта. Хотя это, наверное, правильно – зачем весь мир информировать, отчего да почему все случилось. В ответ на выступление Левитана Геббельс от восторга обосрался непосредственно в прямом эфире. Во всяком случае, когда мы его речь слушали, впечатление сложилось именно такое. Там было столько напора, ликования и экспрессии, а также экзальтированных стонов и страстных пожеланий, что после всего этого штаны министру пропаганды Третьего рейха явно пришлось менять...

Ну а еще через неделю, 24 марта, началось наступление. На нашем участке за два дня

продвинулись на тридцать километров, но потом уперлись в мощный укрепрайон и начали грызть в нем дыры. Южнее приключилась та же история – войска дошли до крупного железнодорожного узла Ортельсбург, только на этом быстрое продвижение прекратилось. У фрицев, от перспективы массовой резни их фатеров, мутеров и киндеров, напрочь снесло башню. Когда заканчивались снаряды и фаустпатроны, они с противотанковыми минами просто ложились под наши танки.

Блин! Вот уж чего-чего, но трусами немцев не назовешь. Они и раньше особой нерешительностью не отличались, а сейчас, защищая свой дом, вообще как с цепи сорвались. Генерал армии Черняховский, предвидя такое дело, срочно перебросил на юг два батальона огнеметных танков, которые слегка охладили напор охреневшей немчуры, но дальнейшему быстрому продвижению войск помогли не сильно. Единственно, где за это время получилось достигнуть успеха, так это на севере. Там местность не настолько болотистая, поэтому, довольно быстро взломав оборону противника, наши части вышли к Куршскому заливу. А мы, очередной раз переселившись, на этот раз в поселок под названием Грюнхайде, от которого после взятия осталось восемь более-менее целых домов, обживались на новом месте, попутно тряся переданных нам пленных и продолжая свою беготню по окрестностям. Правда на этот раз тренировки были на грани. Невзирая на огромное количество наших войск и тесноту территории, разных недобитков по ней шарахалось просто немерено. Поэтому бегали с большой оглядкой и чувствовали себя как будто уже за линией фронта. А после того, как нас третий раз обстреляли, на этот раз какие-то обнаглевшие щеглы, которые возомнили себя «вервольфами», Гусев волевым командирским решением прекратил все тренировки. Раздраженно глядя на двух оставшихся в живых «оборотней», которые, распутив слюни, жались к полуразрушенному забору, он сказал:

– Не хер! Хватит больными зайцами по здешним буеракам скакать! Пристрелят случайно вот такие щенки, вам же самым обидно будет. Так что с этого дня сидеть на базе, изучать обстановку и заниматься только теми пленными, которые СМЕРШ предоставит. А то вы с вашей физзарядкой уже вот здесь сидите!

Гусев, показывая, как его достали, провел ребром ладони по горлу, а пленные пацаны, увидев красноречивый жест, залились слезами в три ручья. Глядя на рыдающих «вервольфов», я ободряюще пихнул ближнего коленом:

– Эй, камрады, хватит выть. Никто вас стрелять сейчас не будет. – И, переходя на русский, спросил: – Командир, а с этими что делать? Ну не к стенке же в самом деле ставить? Им же лет по шестнадцать, не больше. Может, ремнем по жопе и домой, к мамке?

– Лисов, ты когда умный-умный, а когда и дурак! К какой мамке?! Сам же их на месте колот, и они признали, что входят в группу «оборотней». Так что сдавай обоих Показилову, и пусть он эту братию в СМЕРШ везет!

М-да... Это я, действительно, чуть не лопухнулся. Наверное, вспомнились старые фильмы, где генерал, подняв пробитую пулей фуражку, давал отеческий подзатыльник подведенному к нему немецкому пацану-снайперу и отпускал того с богом. Тут не кино, поэтому альтруизмом никто страдать не собирается. Ведь отпусти мы сейчас этих щеглов, они утрут сопли, достанут из тайника оружие и по новой наших ребят стрелять начнут. Это ведь не пехтура с фольксштурма, а по уши зазомбированные деятели гитлерюгенда, которых, невзирая на возраст, в диверсанты взяли. Доверяли, значит... Так что прав командир. Полностью прав... Поэтому, поправив автомат, примиряюще сказал:

– Я их сам отвезу, тем более что к Саблину из второго отдела заскочить надо.

– Хорошо, только не сам, а с охраной! А то взяли моду...

– Есть, товарищ полковник! Разрешите взять Тельцова и Пучкова?

Полковник, в которого по традиции превратился Серега, несколько секунд, сурово хмурая брови, начальственно глядел на вытянувшегося по стойке смирно подчиненного, но потом, не выдержав, ухмыльнулся:

– Добре! Только долго там не засиживайтесь. Чтобы до темноты вернулись!

– Вернемся. Этих сдадим, с Саблиным перетрем и сразу назад.

* * *

Вот только сделать все быстро, как планировалось, не получилось. Началось все с того, что я сказал Лешке свернуть с шоссе на проселочную дорогу. Движения по ней почти не наблюдалось, потому что про этот раздолбанный проселок, идущий под углом к рокаде, мало кто знал, зато, двигаясь по нему, можно было выиграть во времени минут тридцать. Мы эту грунтовку нашли, когда, тренируясь, бегали по окрестностям. Там как раз полуторка чинилась, и, узнав у водителя, куда выводит данная дорога, я взял себе сведения на заметку. То есть сейчас, обладая подобными знаниями, пулей слетаем и поразим нашими скоростями Серегу, который, как последний лох, никуда с шоссе не съезжает, добираясь до штаба армии часа по полтора.

Проехав уже километра два в сторону Гумбиннена, вдруг заметил странную нестыковку в пейзаже. Сначала не понял, но потом, ткнув Леху, который был за рулем, попросил:

– Ну-ка тормозни и сдай назад.

Гек без вопросов надавил на тормоз, так что машину немного занесло, а потом, врубив заднюю передачу, резво покатиł обратно к развилке дороги.

– Стоп!

Достав бинокль, убедился, что глаза меня не обманули. Метрах в трехстах от нашего проселка стояло немецкое орудие. Слегка скрытое редколесьем, но с этой точки были хорошо видны и ствол и несуразно огромное колесо FN18. Интересные дела... Я передал бинокль Пучкову, попросив:

– А ну, посмотри. Что скажешь?

Леха, подрегулировав оптику, удивленно присвистнул:

– Что за фигня? Мы же здесь позавчера пробежали – этого тут точно не валялось...

– Вот и я думаю: с этих мест немцев выбили чуть меньше недели назад. Техники, и битой и целой, валяется вокруг до черта. Но эту дуру что-то не припомню. Вон тот «тигр» помню, «мерс» в кустах помню, «ишака» шестиствольного возле поворота помню, но гаубицы здесь точно не было.

– Что будем делать?

– Смотреть, однако, надо...

Обращаясь к Тельцову, приказал:

– Вань, ты пока за этими волчатами пригляди, а мы по-быстрому сбегает, глянем, что к чему.

Сержант кивнул, и мы с Гekom порысили в сторону непонятной гаубицы. Шли, стараясь не оставлять следов, напряженно зыряка вокруг, но никакого шевеления рядом не происходило. Интересная картинка, позавчера ее не было, сегодня вдруг появилась... Хм, как там говорят – если звезды зажигают, значит, это кому-то надо. Только вот кому понадобилось с такой тяжелой штукой возиться? Осторожно подойдя ближе, я, глянув в ту сторону, куда был направлен ствол этой дуры, только хмыкнул. Все страннее и страннее. Орудие смотрело на шоссеиную дорогу, проходящую километрах в полутора отсюда, по которой и шло основное движение. С этой позиции был отлично виден мостик через небольшую речушку, и хорошо различимые машины сбрасывали скорость, проезжая по кое-как заплатанной переправе.

– Илья, а ведь ее сюда на «газоне» притащили. Я колею глянул...

– Чего? А, ну да... И след возле пня тоже от русского сапога. Причем свежий след.

– И что это может значить?

– Без понятия...

Поправив автомат, я еще раз огляделся и сказал:

– Сделаем так – вы сейчас фрицев армейцам сдаете и сразу дуйте назад, а я пока тут еще погляжу, что к чему. Кто-то ведь корячился, тащил ее сюда. Это тебе не трофейную

винтовку с разбитым прикладом на обочину выкинуть – в этой хреновине живого веса тонны под три, и просто так она бы здесь не оказалась...

– Понял... Ты только поосторожней...

– Не учи отца и баста!

Гек в ответ на эту незамысловатую присказку хмыкнул и побежал к машине, а я, прислонив автомат к станине и усевшись на корточки, стал оглядывать местность вокруг орудия. Действительно – вон колея видна от машины, а вот еще один след... и еще один... и еще... Блин, этих следов тут до хрена и больше. И все от советских офицерских сапог. Спрашивается, зачем несколько человек, обутих в наши сапоги, приволокли сюда эту дуру? Двигаясь в полуприсяде, переходил от следа к следу. Вот черт, как же сейчас Бахыта не хватает! Абаев бы всю эту запутанную картинку на раз расколол, а я только минут через сорок смог составить более-менее ясное представление о том, что здесь происходило. Судя по следам, сюда с проселка сворачивал ГАЗ-63. Потом он дал кругалю по бездорожью и развернулся мордой к дороге. А вот дальше началось интересное – из кузова выскочили два человека и, не отцепляя гаубицы от грузовика, стали пытаться запихнуть орудие в эти кусты. После нескольких неудач у них все получилось. А после этого – они просто уехали. И спрашивается – зачем все эти пляски с бубнами? Для того чтобы толкать FH18, нужно как минимум человек шесть. Здесь справились втроем, считая водителя, подкрепленного вездеходом. Причем все были, если судить по обуви – офицеры.

Я достаточно хорошо знаю нашу армию, чтобы четко усвоить – там, где надо что-то делать пердячим паром, обязательно припадут солдата. Ну если это не явный криминал. Хотя даже если и явный, то все равно тяжелую работу будут делать солдаты. Почему так уверенно говорю – потому что осенью двух старлеев повязали. Эти ухари додумались, когда воровали продукты со склада, для погрузки машины взять четырех солдат. Причем даже не своих, а из запасного полка. Когда следствие началось, то солдатики офицеров сдали моментально и не задумываясь. Там прицепом еще и ротного арестовали, который за долю малую с товара бойцов давал. Я тогда еще общей лени, борзости и скудоумию тыловииков очень поражался. Это же вообще надо не иметь мозгов, чтобы свидетелей в таком деле допускать, но, видно, у ворюг лень победила здравый смысл...

М-да... а здесь, значит, все решили провернуть без рядового состава... Так, вообще что мы имеем? Позавчера орудия тут не было. Я это точно знаю, потому что аккуратно во вторник мы в этих местах беготней занимались. Значит, вчера вечером или сегодня ночью кто-то приволок сюда эту громилу и оставил ее в кустах, причем развернув в сторону основного шоссе, проходящего за каналом. Те, кто ее прикатил, действовали несуразно малыми силами, поэтому и использовали грузовик для того, чтобы закатить гаубицу на нужное место. Вопрос – зачем? Усевшись на станину, я закурил и принялся соображать дальше.

Сначала надо определиться, кто это сделал? В смысле, может, это вообще немцы были? Я еще из читанной в детстве книги знал, что присобачить нужную подошву на обувь для фрицев проблем не составляет. Здесь, правда, с таким еще не сталкивался, но Богомолу верю. Так что, могут ли это быть немецкие диверсанты? Хм... с одной стороны, конечно, да, но с другой – меня сильно смущала нелепость уже сделанного. Тут и ежу понятно, что, несмотря на отсутствие панорамы на орудии, его притащили сюда, чтобы обстрелять рокаду. Другой вопрос – с обученным расчетом у него скорострельность не более шесть выстрелов в минуту. В том, что диверсанты будут сильно обученными артиллеристами, я сомневался. То есть бабахнут они пару раз с непредсказуемым результатом (ведь еще попасть надо) и все. Ладно, вокруг сыро и пылью от выстрела они себя не демаскируют. Но как быть с точностью попадания? Не проще ли заминировать дорогу и дело с концом? Саперы ее уже проверили, да и ночью интенсивность движения сильно падает – можно двадцать минут улучшить и мину сунуть... Для чего весь этот геморрой с орудием понадобился? Я все ставил себя на место немцев и не мог найти ответ. Глупость какая-то получается, а не диверсия.

Так, а если это наши? Но объяснить все эти потаскушки с гаубицей нашими солдатами или офицерами, не получалось вообще... Только ведь зачем-то ее сюда приволокли.

Надрывались, пыхтели, скользя ногами по мокрому глинозему, приглушенно матерясь... Стоп! А почему мне пришло в голову, что они ругались именно приглушенно? Угу... а если вот так – наши втихаря сюда волокут немецкую гаубицу. Задействованы только офицеры, причем очень мало офицеров – всего три человека. Трое – это минимальное число, с которым можно ее хоть как-то ворочать. Та-а-к... Они устанавливают эту дуру, оставляя рядом один ящик с осколочно-фугасными снарядами, после чего уезжают, забрав панораму с собой как наиболее хрупкую запчасть. Значит – все это собираются использовать.

Блин! Тут я опять забуксовал – как могут наши офицеры использовать немецкую пушку в данной ситуации, я понять не мог. Ясно, что собираются стрелять в сторону мостика через канал, но опять возникает вопрос – в кого? На хрена это вообще кому-то понадобилось? В том, что все это обычная армейская «шалость», меня брали сильные сомнения. У нас шутят по-другому, не затрачивая столько сил. То есть, конечно, шутки, как и люди, могут быть совершенно разными, но у меня никак не получалось просчитать дальнейший ход подобного прикола. Ну, допустим, рванут они этот мост и что? Такая шуточка уже пулей пахнет. Стрельнуть в проезжающую машину? Тогда они или полные придурки типа тех, кто кидается камнями в проходящий поезд, или не менее безбашенные идиоты, потому что дело опять-таки может кончиться трибуналом.

Затянувшись в последний раз, я встал и, подойдя к дереву, сунул бычок под прелую листву. Новых мыслей не появлялось, но в то, что это немцы, уже не верил, все больше склоняясь к мысли об отечественных приколистах. Может, тот дебил, который обкидывал поезда камнями, просто вырос, а мозгов у него не прибавилось? А тут их собралось сразу трое себе подобных, вот они и решили вспомнить молодость? Не... Лажа, лажа, совсем лажа.

Я чего-то не догоняю. Что мы там вообще видим на этой дороге? Вглядываясь в бинокль, наблюдал совершенно рядовую для войны картину. Ну мотаются машины, причем не так уж и часто – основная рокада проходит километрах в восьми отсюда. Да и мостик этот явно не стратегический – даже если его подорвать, саперы за пару часов возведут новый. Значит, цель – не мост. Долбануть в грузовик, благо перед мостиком все сбрасывают скорость и еле ползут? А дальше?

Пока смотрел в сторону переправы, увидел, как командирский «виллис», обогнав по обочине небольшую колонну грузовиков и вынырнув прямо перед «студером», лихо въехал на мост. Судя по тому, что водила грузовика явно не приветственно махал ему рукой вслед, матов там сейчас много... М-да... А вот таких оборзевших, как шофер легковушки, еще больше. Он считает, что если везет какого-нибудь майора, то дорожные правила писаны не для него. А если целый полковник в машине, то у извозчика вообще башню сносит – ведут себя как современные водители «мерсов» с мигалками. Я таких уже столько повидал...

Тут у меня опять мысль свернула в сторону. А если... Имеем – орудие, два ОФ² снаряда к нему и возможно очень хорошего наводчика. А на той стороне ствола машину с видным военачальником. Есть шанс ее хлопнуть? Есть и очень неплохой. Только для этого надо точно знать, что нужный командир в ближайшее время поедет именно этой дорогой. Почему в ближайшее? А потому, что просто стоящее в леске орудие никакого внимания к себе не привлечет – тут техники до хрена валяется. Даже трупы еще не все похоронили, чего уж про железо говорить. Но вот тусующиеся возле него люди сразу обратят на себя внимание.

Угу... И кто из крупных начальников у нас может мотаться по этой шоссейке? Да кто угодно! Там, чуть дальше, штаб дивизии, и к ним намерен лично член Военного совета приезжал – пистон вставлять. Цель – куда уж круче! Хотя Шаламов у них уже был и второй раз люлей втыкать не скоро должен приехать. Но как гипотеза это подходит. Получается, некто, имеющий информацию о передвижении нашего комсостава, вчера, а, судя по следам, скорее всего сегодня ночью, приволок сюда орудие и приготовился валить какую-то шишку.

² ОФ – осколочно-фугасный.

Ой-ой-ой... Это совсем плохо, так как подобной информацией обладают люди, которых можно пересчитать по пальцам. К примеру, о том, что генерал-лейтенант Володин поедет в штаб дивизии, будет заранее знать его командир, начальник личной охраны, начальник штаба, командир дивизии, в которую он едет (но комдив может и не знать), и еще максимум парочка не менее достойных доверия людей. Случайно просочившуюся информацию о предстоящей поездке, неожиданно узнавшую каким-нибудь писарем, я отмечаю именно потому, что это дело случая – может узнать, а может и не узнать. А эта акция явно была спланирована заранее. То есть план – грузовик, оружие, минимум исполнителей – был готов загодя. Осталось только узнать маршрут и выбрать место. Причем то, что гаубица немецкая, тоже играет в пользу моей версии. До линии фронта порядка двенадцати-тринадцати километров. А это вроде как максимальная дальность выстрела для этой дуры... То есть метким выстрелом из гаубицы валят нужного командира, а все можно списать на шальной снаряд.

Вот теперь вроде все становится на свои места. Дело за малым – узнать, кто и кого хочет замочить? Да причем так изысканно? Я уже выкурил третью подряд сигарету, крутя свою версию и так и эдак, прежде чем появился наш «уазик». До этого машины тоже гоняли, хоть и редко, поэтому старался не особо маячить, чтобы с грунтошки мою тушку не было заметно. Вдруг супостат сейчас просто мимо ездит и наблюдает за подходами? Именно на этот случай и отошел в сторону от орудия метров на триста, а увидев знакомую машину, резво выскочил из кустов и свистнул, привлекая внимание. «УльЗиС» тормознулся, а я, добежав и с размаху плюхнувшись на сиденье, приказал:

– Малым ходом вперед и внимательно меня слушать.

Гек с Иваном, не уточняя, сразу сделали сосредоточенные физиономии. Я на секунду даже возгордился – что значит правильная дрессура. Приказал командир малым ходом – едут километров десять в час, приказал слушать – никаких вопросов, молча растопырили уши и внемлют.

– Сейчас завернем за поворот, вы в темпе выскакиваете и рысите обратно. Только скрытно! Занимаете позицию недалеко от гаубицы и маскируетесь. И сидите там, как мыши, пока я не вернусь. Самое главное – если меня еще не будет и к этой дуре кто-нибудь подойдет, а тем паче начнет ее заряжать, то, невзирая на форму и звание, пробуете их повязать. Там народу не много должно быть, трое – максимум. Хотя знаете, – я повернулся к Тельцову, – это могут быть зубры еще те, а ты до конца не натаскан. Поэтому вначале прострелите им ляжки и потом уже вяжите. Но осторожно! Если вас зацепят – обоим головы пооткручиваю за плохую подготовку. Понятно?

– Так точно!

Но на этот раз Пучков, в отличие от Ваньки, подтверждением приказа не ограничился и уточнил:

– Думаешь, фрицевская терроргруппа?

– Я думаю, что это наши, но от этого еще хуже. Так что не расслабляйтесь. Мы с остальными подойдем максимум через полчаса. Все, ребята, машин нет, выскакивайте в темпе!

Мои бойцы шмыгнули из джипа, а я, пересев за руль, притопил газульку так, что уже через десять минут рассказывал о своих подозрениях Сереге. Надо отдать ему должное, что тормозом Гусев не был никогда, и еще через пятнадцать минут, я, Марат и Змей уже мчались назад.

Высадив по пути Марата, который тут же рванул в сторону канала, мы оставили «уазик» возле горелой «четверки», не доезжая метров семьсот до места засады. Дальше двигались на своих двоих, стараясь не особо маячить в подлеске. Успели вовремя. В смысле никто еще к орудию не подходил. Подтвердив Геку и Тельцову задачу, я занял место возле вывороченного взрывом дерева, недалеко от гаубицы. Змей ускакал дальше и устроился за перевернутой «колотушкой» – немецким противотанковым орудием, метрах в пятистах от нас. У Женьки сейчас своя задача – пасти окрестности и, если он увидит наблюдателя,

оставленного будущими стрелками где-то в отдалении, не дать ему уйти, когда начнется кипеж. Ну и заодно наблюдать за шоссе возле канала. Вдруг там что-то неожиданное начнет происходить...

Глава 22

Когда устроился под своим выворотнем, присыпавшись для маскировки листьями и прочим мусором, то меня опять начали терзать смутные сомнения. Ну не лепится все это! Слишком ненадежно... Я бы, получив подобную задачу, просто заминировал дорогу и всех делов. Радиовзрыватели еще никто не отменял, так что нужная машина будет ухайдакана гарантированно и без заморочек. Ладно – можно предположить, что будущие злодеи опасаются возможного следствия, поэтому и не хотят пользоваться миной. Хорошо, тогда – тот же радиофугас, но на базе немецкого гаубичного снаряда. А для надежности можно использовать и парочку. Почему они так не сделали? Мозгов не хватило или картина взрыва другая получится? Хрен его знает, как там должно быть, но воронка вроде должна получиться похожая. Во всяком случае на первый взгляд. Может, разлет осколков от фугаса по-другому идет? Блин, никогда о таких тонкостях особенно не задумывался. Вот Шараф – тот наверняка это знает, но он сейчас фиксирует тех, кто мотается по основному шоссе, через мост, чтобы можно было понять, за кем охота была, а то вдруг будущие «языки» сразу не заговорят. Если же будет известен объект, то можно хоть прикинуть, кто его заказал, так как брать мы будем всего лишь исполнителей. Во всяком случае я не думаю, что заказчик лично станет возле прицела сидеть...

Вот так, весь в думках пролежал почти час, но никого не было. Из знаменательных событий произошло лишь то, что на меня нагадила неопознанная мерзкая птичка, судя по объему сделанного, размером с небольшую корову, и начал моросить редкий, холодный дождь. Сразу стало совсем мокро, а настроение стремительно испортилось – даже плащ-палатки нет, лежишь в одном ватнике и чувствуешь, как он, напитываясь влагой, постепенно тяжелеет.

И только уже после обеда, часам к пяти, наконец начались шевеления. Из притормозившего невдалеке «виллиса» резво выбрались два человека в нашей форме и бодрым шагом пошли к засаде. А джип, что характерно, уехал дальше и вскоре скрылся за деревьями.

Два советских офицера с деловым видом подошли к гаубице, и пока один прилаживал на место бережно извлеченную из-за пазухи панораму, второй оглядывал местность в бинокль. Потом по нашей грунтовке прошла небольшая колонна грузовиков, и они, присев за орудием, настороженно проводили ее глазами.

Ну вот в принципе и все... Лично мне больше никаких доказательств не надо – прицел, принесенный с собой, маскировка от колонны, все это указывает на то, что это именно те, кого мы ждали. Хотя, пока они сидели возле колеса, я тянул время, рассчитывая узнать побольше. Пока их еле слышный разговор совершенно никакой информации не давал. «Чисто», «нормально», «порядок» – вот в общем и все слова, сказанные пришедшими. Зарядив орудие, они вообще заткнулись и только молча пялились в сторону дальнего участка шоссе. А минут через тридцать пошло действие. Скорее всего, увидев ожидаемую цель, один из них отошел в сторону метров на пятнадцать и там растопырился с биноклем, а второй присел к панораме. Вот теперь – пора!

Махнув рукой пацанам, я, привстав на колено и держа «вальтер» двумя руками, начал работать по наводчику. Вогнав ему пулю в ногу, тут же рванул вперед, краем глаза наблюдая, что бинокленосец тоже стал заваливаться. Значит, и ребятки не промахнулись... Вот только потом все пошло наперекосяк. Наводчик, с погонами младшего лейтенанта, упав за станину, завопил:

– Епть, засада!

И, умудрившись достать пистолет, вознамерился меня продырявить. Только немного не

успел – ствол у него я выбил и, навалившись сверху, приглубил по башке, после чего стал заламывать руки. И тут совсем рядом рвануло и по гаубице с противным звуком прошли редкие осколки, одним из которых меня крепко дернуло за ватник. От неожиданности я чуть не упустил дернувшегося мамлея, но он после удара был совсем вялый, поэтому я, рывком затянув на нем веревку, смог отвлечься на этот странный взрыв. Твою дивизию! Вот что это было... Наблюдатель не стал заморачиваться с вытаскиванием оружия и решил проблему кардинально. Он себя просто подорвал. Судя по тому, как Гек растерянно держится за руку, Леха тоже словил «подарочек». Придавив коленом пленного, я крикнул:

– Быстро проверить – может, еще живой?

Тельцов, который уже копошился возле этого долбаного камикадзе, вытер руки о землю и поднялся со словами:

– Готов. Считай, все осколки на себя принял...

– Ты сам цел?

– Да...

– Гек, что с рукой?

– Зацепило малость – я ведь почти успел добежать, вот и досталось...

– Косорукие! Быстрее надо было бегать! Запал у нее целых три секунды горит! Да пока он врубился, что к чему – у вас секунд восемь было! За это время можно до канадской границы добежать! Тормоза долбаные! – И, уже остывая, добавил: – Иван, перевяжи этого «шустрика» и убитого обыщи, а я пока с «языком» покалякаю...

Пока подчиненные занимались собой, я начал общение с пленным. Первым делом, разорвав штанину, убедился, что моя пуля, сидящая чуть выше колена, опасности для него не представляет, и, решив не заморачиваться на перевязку, принялся колотить младшего. Тут ведь как – начти я ему медпомощь оказывать, хрен бы он у меня под руками разговорился, а так – пусть думает, что мне его жизнь совершенно не дорога...

Мамлей держался минут пять, так что я даже начал сомневаться в успехе. Ведь и по точкам ему прошелся, и ногу раненую потеревил, а он только выл и молчал. Даже сознание потерял, мальчиш-кибальчиш гадский, но заказчика не выдавал. Только когда я, достав нож, стал без наркоза им ковырять тушку серого офицера, тот сломался:

– Горбу... Горбуненко... Приказ отдал Горбуненко...

Я на несколько секунд задумался, вспоминая... Горбуненко, Горбуненко... Но потом вроде вспомнил:

– Майор Горбуненко, который в штабе армии? Начальник десятого отдела СМЕРШ?

Серо-зеленого цвета пленный только кивнул, а после почему-то опять отрубился, и из уголка рта у него стекла тонкая струйка крови.

Что за фигня? Это еще почему так приключилось?

Я ведь его совсем не буцкал, а от ранения в ногу кровь горлом не идет... Холодея от предчувствий, дотронулся до горла младшего. Пульс еле чувствовался. Да что такое творится – он ведь помирать намылился! Я быстро перерезал веревки у пленного на руках и, перевернув его на бок, чтобы не захлебнулся своей же кровью, заорал:

– Быстро сюда машину! Ванька, она возле подбитой «четверки» стоит. Пулей ее ко мне!

Тельцов, который уже прекратил перевязывать Леху, слышав мой вопль, с низкого старта рванул в указанном направлении, а я, придерживая потерявшего сознание летеху, бормотал:

– Ну что ты, родной, ну чего ты помирать надумал. Ты, парень, держись. Сейчас тебя в санбат – там быстренько откачают...

Только младшему на мои слова было глубоко начихать. По его телу прошла слабая судорога, и он, резко вытянувшись, обмяк.

Писец! Приехали... Пилять! Ну с чего бы ему вдруг помирать приспичило? Ведь я его хоть и резко, но довольно нежно обрабатывал, все больше на голос беря... Тут меня вдруг посетила смутная догадка. Расстегнув на трупе шинель, я начал шарить руками у него по

бокам и спине и тут же вляпался во что-то мокрое. Оглядев ладонь, только раздраженно сплюнул и, вытряхнув младшего лейтенанта из верхней одежды, убедился в своей правоте. Осколочное – в грудь справа, чуть ниже подмышки. Вот гадство! То есть второй, подорвавшийся гранатой, уделал ею сразу троих. Себя – моментально и наглухо, Пучкова – сквозным в предплечье и этого парня в грудь. Да и мне чуть не досталось... Завернув руку за спину, я выдернул большой клочок ваты, торчащей из прорехи, сделанной осколком. Вот тебе и взяли «языков»...

Мудаки! И я – главный мудака! Усевшись на станину, достал папиросу и в полном расстройстве закурил. Ну и что теперь Гусеву говорить? Бывшая лучшая спецгруппа всех времен и народов обделалась очередной раз и по полной. Одно во всем этом утешает – я хоть фамилию заказчика из него вытряхнуть успел, а то если бы сразу загрузили в машину, без допроса, он бы у нас просто тихо помер в пути... Хотя утешение, конечно, фиговое. Как ни крути, а операцию провалили. Нет пленных, нет доказательств... Вообще ничего нет. Тот же Горбуненко сделает удивленные глаза и от всего будет отмазываться. Особенно если это не его люди здесь шустрили, а к примеру, командированные из Москвы.

Хотя зная, что тут замешан начальник десятого отдела, думаю, будет глупо колотить его с соблюдением социалистической законности, так что у меня он все равно заговорит. Вот только его коллег привлекать к расследованию нельзя... Тут надо все провернуть быстро и втайне, так как я совершенно не верю, что этот майор сам надумал кого-то из высокого начальства завалить. Ему ведь тоже приказали. Так что СМЕРШевцев сейчас подключать к делу совсем не в тему. А вдруг не ему приказ был? Вдруг мамлей соврал? М-да... И что теперь делать?

Когда подъехала машина, я, находясь в полном раздразе, при помощи мужиков загрузил трупы в машину, снял прицел с орудия и, усевшись за руль, поехал собирать остальных членов команды. Только вот Змея на указанном месте не нашел. Возбравшись на капот, я удивленно оглядывал окрестности, постепенно закипая, а когда наконец увидел знакомую фигуру, приближающуюся от дальних кустов к нам, взорвался окончательно:

– Эй ты, брюхоногое, шевели поршнями! Бегом, я сказал!

И когда трусящий рысцой Змей приблизился достаточно близко, продолжил свой монолог:

– Тебе, чудо эфиопское, где приказали сидеть? А ты куда уперся? Вконец все оборзели! Одни бегать разучились, другие на приказы болт забивают!

Но когда Козырев подошел к машине, пришлось заткнуться, потому что он, став во фрунт и вскинув руку к шапке, выдал:

– Товарищ командир, разрешите доложить? – И после моего растерянного кивка продолжил: – Я, ведя наблюдение за отъехавшим «виллисом», проследил его маршрут вон до того леска. Там он остановился, из машины вышел человек и, маскируясь, выдвинулся к отдельно стоящей группе деревьев. После чего вышедший, достав бинокль, стал наблюдать за шоссе. От меня он был в полукилометре, поэтому я принял решение подобраться поближе. Ближе ста метров приблизиться не получилось – местность открытая, а обходить слишком долго могло получиться.

Потом Женька не выдержал и перешел на более привычный язык:

– Илья, он сначала просто наблюдал, а потом из вещмешка машинку достал подрывную. Ну типа как вы с собой брали, когда эсэсовский парад рвануть хотели. Я и за ним и за дорогой смотрел, а когда на шоссе показался трофейный «хорьх» с машинами охраны, решил, что ждать больше нельзя. Хотел ему плечо прострелить, чтобы он не ничего не сделал, но тут с вашей стороны что-то взорвалось и этот паразит дернулся... В общем – в голову... Наповал...

Вот те бабушка и плюшки с изюмом... Я даже сказать ничего не мог. Выходит – на дороге двойная ловушка была... Выстрел из орудия с вовсе не гарантированным, но возможным попаданием маскировал гарантированно убийный подрыв. И закладка была не под мостом, там мы успели посмотреть, а где-то на дороге... Скорее всего на обочине.

Кюветов тут нет, так что смести все с шоссейки должно было наверняка... А я-то их дураками считал... Не-ет, умный человек это придумал. Охрана, если останется в живых, будет утверждать, что был именно снаряд. Уж его звук ни с чем не спутаешь. А в ту же секунду, когда разорвется снаряд из гаубицы, сработает фугас на дороге и все. Все свидетели скажут, что было два снаряда, и будут по-своему правы. И следствие, особенно если не сильно копать будут, подтвердит то же самое. Так что если бы не Змей, то мы бы сейчас пребывали в такой заднице, по сравнению с которой мои предыдущие страдания показались совершенно не заслуживающей внимания фигней.

Я шмыгнул, прыгнул с капота «уазика» и, подойдя к Женьке, молча его обнял. Молодец пацан! Всех спас. И нас от полнейшего конфуза, и пока неизвестную мне личность, которая так и укатила в неведении, что смерть сегодня прошла мимо него. Поэтому, отстранившись от растроганно сопящего парня, сказал:

– Старшина Козырев, от имени командования за проявленную смекалку и принятие верного решения объявляю вам благодарность! И вообще, Жека, крути дырочку – за то, что ты сегодня сделал, минимум Красную Звезду получишь. А если выяснится, что тот хмырь на «хорьхе» со штаба фронта, то бери выше!

А потом, сев обратно за руль, погнал машину к труп, сделанному Змеем. Забрав тело и передатчик, приводящий в действие радиопугас, пересадил Ивана в трофейный «виллис», который тоже может много о своих хозяевах рассказать... Машины должны регистрировать, так что, пробив джип по номерам двигателя, мы выйдем на его владельцев. Документы трупов зацепки могут не дать, оказавшись «липой», а вот машина – это другое дело, конечно при условии, что и ее не угнали. Хотя это уже паранойей пахнет... Собрав все трофеи, поехали за Маратом, справедливо решив, что поисками закладки можно заняться и позже, а вот сведения, полученные от умершего «языка», промедления не терпят...

* * *

– !!!!.....! Мать вашу! Вы что, совсем работать разучились? Три трупа! Три долбаных мертвяка и никаких зацепок!!!!.....!

– Почему никаких, а Горбуненко из «десятки»?

Я стоял перед командиром, который устраивал мне блиц-разнос, попутно обдумывая дальнейшие действия. Только вот получалось пока слабо. Узнав от Шарафутдинова, чей это был «хорьх», я впал в полное офигение. Машина была ни много ни мало, а командующего фронтом, генерала армии Черняховского. Честно говоря, на ТАКУЮ фигуру и не рассчитывал... Серега, видать, тоже, поэтому и брызжет сейчас слюнями, а сам наверняка лихорадочно соображает, что можно сделать в этой ситуации. Хотя, услышав мое замечание, Гусев, начавший было успокаиваться, опять взвился под потолок:

– Горбуненко?! Ты башкой думай! Ты про него узнал только со слов того жмурика, и нет никакой гарантии, что он тебе не соврал! А Филиппа я с Халкин-Гола знаю – он предателем не мог бы стать, характер не тот!

Тут уж и я не выдержал, заорав в ответ:

– Никто не говорит, что он предатель! Он просто исполнитель! Не зря спецотдел возглавляет! Получит приказ от того же Серова и выполнит, невзирая на лица и согласно уставу! И вообще – хватит орать! Да – живых взять не получилось, но это чистая случайность! Там и позиции для засады практически не было, поэтому пришлось замаскироваться слишком далеко. Но покушение мы сорвали, причем, считай, совершенно без подготовки и на пустом месте. А трупы – они тоже говорить могут. Даже если документы липовые, то снимем пальчики и выясним, чьи это люди. Тогда и раскрутим всю цепочку.

– Знаешь, Илья, я боюсь, что эта цепочка очень далеко может увести.

Серега как-то очень быстро успокоился и теперь говорил тихо и устало.

– Просто в последнее время слишком много несчастных случаев происходит – Ватутин в непонятную засаду УПАшников попал, Берия погиб, Леселидзе вместе с машиной под лед

ушел, теперь вот Черняховский... Ведь если бы не вы, его смерть можно было списать на шальной снаряд. Странно это все... Тут бы сейчас дров не наломать...

– Ну и как поступим? Что, сделаем вид, будто ничего не произошло?

– Разумеется, нет. Если уж вляпались, то надо доводить до конца. Я сейчас с Иваном Петровичем свяжусь, а ты готовь машину...

– Горбуненко брать будем?

– Ну, так скажем, просто привезем сюда Филиппа и побеседуем.

– Понял... Вдвоем поедem?

– Да.

Гусев висел на телефоне минут сорок. За это время я успел у Марата узнать, можно ли различить по воронке и картине разлета осколков, закладка это была или прилетевший снаряд. Оказывается – можно! И грамотный специалист это сделает на раз. То есть мои предположения были верны – выстрел из орудия с подрывом фугаса создаст картину несчастного случая. Тем более, этот участок дороги в принципе попадает в зону действия максимальной дальности гаубицы. Ни о каком прицельном обстреле, конечно, и речи нет, но шальной снаряд сюда может залететь, что и требовалось доказать. Только с другой стороны – все равно очень странно получается. Такого просто не может быть, чтобы вклеить одиночный снаряд в воронку от фугаса, и любой эксперт моментально скажет, что тут была закладка, а гаубица только для отвода глаз пальнула. Поэтому для чего все эти сложности нужны были – непонятно.

А потом, когда Серега наконец излил душу начальству, мы поехали в дивизию. По пути я поинтересовался разговором:

– Что Иван Петрович сказал?

– Да в общем-то ничего хорошего. Он сейчас на доклад к Верховному идет, а нас ждет послезавтра, в Москве.

– Нас с тобой?

– Нас и Горбуненко...

– Угу, то есть твоего Филиппа в столице теперь крутить будут...

Гусев на эти слова только чертыхнулся и ответил:

– Да нормальный он мужик и служака честный. Может, его тот младшой просто оклеветал, чтобы от тебя отвязаться. Назвал первую знакомую фамилию и сдох, собака такая. Да и вы тоже хороши – считай, всей группой ни одного живого «языка» взять не смогли. Навыки, что ли, теряете?

– Слушай, не заводись по новой! Сейчас приедем и разберемся...

Но разобраться не получилось. По приезде в штаб дивизии Горбуненко на месте не нашли, а на вопрос, где искать начальника «десятки», последовал ответ, что он часа полтора назад укатил к танкистам в Треппен. Меня как-то сразу начали терзать нехорошие предчувствия. С чего бы майор на ночь глядя к «мазуте» поехал? Причем, как мы узнали, его туда не вызывали, а он сам рванул. Связавшись со штабом танкового полка, выяснили, что СМЕРШевец к ним не приезжал. Гусев, видно, тоже почуял неладное, поэтому, взяв два отделения из комендантского взвода, мы двинули в Треппен.

Уже было совсем темно, когда мы, следуя небольшой колонной, не доезжая километров пяти до городка, увидели на дороге солдат, стоявших возле уткнувшегося в кювет «виллиса». Я, глядя на толпу рядом с темнеющим силуэтом машины, сказал:

– Знаешь, Серега, зуб не дам, но вот на фофан с тобой готов поспорить, что там наш клиент. Сейчас выяснится, что это очередная автокатастрофа или случайная мина, на сто раз проверенной дороге...

Подполковник, не отвечая и не дожидаясь остановки машины, выскочил на ходу и тут же зычным голосом поинтересовался:

– Кто старший, что здесь произошло?

Жалко, что Гусев спорить отказался, а то бы я по его коротко стриженной башке такого леща влепил... Все потому, что, в кювете действительно валялась машина Горбуненко, а он

сам и водитель, вытащенные солдатами, лежали тут же, возле обочины, накрытые одной плащ-палаткой.

Что случилось, нам объяснил сержант-пехотинец, который вел своих людей в расположение части. Сначала его отделение обогнал этот «виллис» и скрылся за деревьями. А через несколько минут оттуда послышалась пара очередей. Отделенный погнал свое подразделение бегом, но все, что они нашли, так это только заглухшую машину, съехавшую с дороги, и в ней два трупа. По мыслям сержанта, это прячущиеся немцы, которых хватало по окрестностям, заведя одиночную машину, не удержались и прошили ее очередями. В пользу этой версии говорила небольшая россыпь свежих гильз от МР-40, валяющихся недалеко от джипа. А сразу организованная пехотой проческа местности никаких результатов не дала.

– Я думаю – немного немцев было, поэтому они даже в бой не вступили, а сразу убежали, когда нас увидели. Скорее всего, вон к тому леску.

Сержант показал предположительное направление бегства фрицев, а я поинтересовался:

– Так вы их видели?

– Никак нет, товарищ капитан. Когда мы прибежали, тут уже никого не было. Только вроде звук машины слышался, но света фар видно не было, так что это, наверное, показалось...

– То есть ни вы, ни ваши люди своими глазами ничего не видели и лишь можете догадываться, как все произошло?

– Так точно!

– А звук, который после стрельбы слышался, от легковушки был или как от грузовика?

Сержант нахмурил лоб, но толком ответить не смог:

– Так это... я же говорю – еле слышно было. Дорога вон там поворот делает, и весь звук деревья глушат. Может, и показалось...

– А перед «виллисом» кто-нибудь проскакивал? Ну минут за пять-десять до него?

– Не знаю. Мы ведь, считай, как с проселка сюда вышли, так эта легковушка и проехала. А что там до нее было, бог весть...

Тут меня посетила очередная мысль:

– А машина? Когда машина проезжала, сколько там людей было, не заметили? Сзади кто-нибудь сидел?

Собеседник задумался, а потом покачал головой:

– Темнело уже, да и внимания особого не обратил. Видел только командира с водителем – это точно. А вот что сзади было – не заметил. Они быстро проскочили, плюс на машине тент натянут был...

– Может, кто из бойцов твоих видел? Или потом звук отъезжающей слышал?

– Сейчас узнаю. Разрешите построить отделение?

– Валяй.

Но и солдаты тоже не обратили на проезжающий джип никакого внимания и никакой уезжающей машины не видели и не слышали. Пока я все это выяснял, Гусев с комендантским лейтенантом ковырялся возле «виллиса», а теперь разглядывал трупы, подсвечивая себе фонариком. Сидя на корточках, он, видно, усек что-то интересное, поэтому махнул рукой:

– Илья, иди сюда! – И когда я подошел, направив световое пятно на голову мертвого водителя-ефрейтора, спросил: – Чего видишь?

Я присел рядом и, сунув нос ближе, разглядел только пулевое отверстие в голове трупа.

– Ну дырку вижу входящую, а что?

– А здесь?

Сергея перевел фонарь на Горбуненко.

– Еще одну дырку...

– А еще у каждого по паре входных в туловище, с правой стороны спины... Теперь

пойдем к машине.

Подойдя к джипу, он осветил пробоины в тенте и борту.

– Что скажешь?

Я ковырнул пальцем пробитый брезент, а потом, заглянув внутрь, полюбовался на то, как луч фонаря просвечивает сквозь отверстия, но особых мыслей от этого не прибавилось. Оглянувшись на полковника, пожал плечами и ответил:

– Что можно сказать – прямо какие-то снайперы работали. Двенадцать попаданий в машину, из них шесть пуль вклепили исключительно точно.

– Больше мыслей никаких не возникает?

Я от этих вопросов начал постепенно раздражаться:

– У меня одна мысль, но совершенно неподтвержденная. Судя по россыпи гильз, стрелок был или один, или они во время работы рядом стояли, а значит, это лохи. Спецы так засаду не делают. Но для лохов они слишком хорошо стреляли. По движущейся мишени настолько хорошо отработать не каждый сможет. Опять-таки – гильзы прямо на обочине. Это что получается – немцы вдоль дороги шли, а может, даже голосовали? Тем более что, судя по следам, «виллис» тут тормознул. Почему он остановился? Фрицев увидел и решил подбросить? Бред полный... А моя мысль такая – в машине был третий, который и ухлопал остальных. Доехав сюда, под каким-то предлогом остановил джип и пулянул обоим в голову, а потом выскочил из него и, отойдя, добавил из автомата, чтобы на нападение похоже было...

– Вот! – Серега поднял палец: – И у меня такая же мысль появилась. Так что поехали назад в дивизию и узнаем, кто был этот третий.

– погоди, пехотинец говорил, что вроде звук машины слышал сразу после стрельбы, но не уверен в этом. Я следы посмотрел, но ни фиги не понял – была еще одна тачка или нет, непонятно...

– Да там все так затоптано – черт ногу сломит. А сейчас надо ехать быстрее, вдруг что и выясним насчет возможного попутчика.

Отпустив сержанта и оставив людей из комендантского взвода грузить трупы и забирать «виллис», мы поехали обратно. По пути я не удержался и начал цеплять Серегу:

– Ну что, нерешительный ты наш? Если бы ты не орал, как больной бегемот, а потом не навел по часу телефонные консультации, то мы бы этого Филиппа тепленьким взяли. Но тебе обязательно повыпендриваться надо было, гнев начальственный демонстрируя. Опустить любимых подчиненных ниже плинтуса, куражась и тыкая пальцем в больные места. Как ты там вопил? «Ваше беспробудное пьянство опять одержало верх над половыми излишествами»?

Гусев на эти слова моментально отмазался:

– Что ты несешь, не говорил я такого!

Но потом до него дошел смысл сказанного и он коротко хохотнул. После чего, снова став угрюмым, спросил:

– А если в штабе никакого третьего не видели, какие действия предлагаешь?

– Элементарные – готовиться к ректальной тонзилэктомии, потому что этот возможный спутник Горбуненко не такой дурак, чтобы светиться перед штабными.

Серега, с удивлением подергав себя за ухо, признался:

– Хм... слово «ректальная» я знаю, а все вместе что означает?

– Гланды будут рвать через жопу...

– Эхе-хех... Я вот тоже так думаю – вряд ли мы там видевших этого третьего найдем. А ведь он, скорее всего, и контролировал всю ситуацию. И еще я думаю, днем он наверняка на дороге был и видел, что вы засаду сорвали. Возможно, даже проследил, куда трупы повезли. Ты, кстати, не заметил, за вами никакой машины не шло?

– Нет... Там этих машин, после съезда на шоссе, до хрена мотается, да и не думал я про возможную слежку.

– А этот контролер, поняв, что засада не удалась, вернулся обратно и под каким-либо

предлогом вытащил Горбуненко из штаба. Потом где-нибудь в сторонке подсел в машину и обрубил хвосты...

– И что теперь?

– Ты сам сказал – готовиться к ректальной ...этой ...как ее? В общем – готовим гланды...

– Может, еще обойдется? Может, найдем третьего?

Но надеждам не суждено было сбыться. Несколько человек видели, как майор уезжал в одиночку. В смысле только с водителем. Чтобы он днем или под вечер разговаривал с кем-нибудь незнакомым, тоже никто не видел. Фамилии – Картавин, Кружков и Липкин, так по документам значилась троица засадников, тоже никакого узнавания не вызвали. Хотя удостоверения личности у несостоявшихся убийц Черняховского были обычные – армейские, что в свете последних событий внушало сильные подозрения, что эти ксивы – липа. В конце концов Гусев, сказав, что весь СМЕРШ в заговоре участия принимать точно не будет, решил вызвать профессиональных следователей для оприходования накопившихся трупов. Прежде чем ребята приступили к работе, Серега их долго страдал особой важностью и секретностью дела, а я, поглядев на все на это, просто пошел спать. Утро уже скоро, да и набегался за сегодняшний день по самое «не могу»...

* * *

А с самого раннего утра меня разбудил красноглазый с недосыпу командир, и мы, взяв машину с охраной, опять отправились в дорогу. На этот раз путь держали в штаб фронта. Гусев с самого начала перелез на заднее сиденье и сказал:

– Я с адъютантом командующего созвонился. Сам Черняховский еще отдыхает, поэтому я приказал предупредить его, что мы едем. Так что ты рули пока, а я подремлю – вторые сутки на ногах...

– Спи, часа два у тебя будет.

Времени отоспаться у Сереги было даже больше, чем пара часов. Оказывается, ночью неопознанные и неотловленные злодеи, уничтожив пост охраны, рванули мост через небольшую речку Корле. Это, конечно, не Днепр и даже не Москва-река, но машин возле переправы, которую с «шутками и прибаутками», густо висящими в воздухе, ударно ремонтировали саперы, собралось достаточно. Там мы еще часа полтора потеряли и поэтому, приехав в штаб, только-только застали командующего, который уже собирался сваливать. Но все-таки успели вовремя и Черняховский, коротко ответив на приветствие, поинтересовался:

– Сергей Андреевич, мне передали, что вы хотели со мной переговорить по какому-то важному делу? Я сейчас в тридцать третью армию собрался; может, по пути поговорим?

– Нет, Иван Данилович, в дороге о таком говорить не получится... Кстати, познакомьтесь – мой заместитель, Лисов Илья Иванович.

– Наслышан. – Генерал пожал мне руку. – Ну если вы настаиваете, то прошу ко мне. Только сразу предупреждаю – больше часа уделить вам не смогу, на сегодня много дел запланировано.

– Часа, я думаю, нам выше крыши хватит...

Черняховский с некоторым удивлением посмотрел на свободно ведущего себя заместителя представителя спецгруппы ставки, но, ничего мне не ответив, молча показал, куда идти. А в его кабинете Серега сразу взял быка за рога:

– Товарищ генерал армии, вчера, в районе Ротелюде, моими людьми было предотвращено готовящееся покушение на командующего фронтом, то есть на вас. Покушение должно было быть оформлено под несчастный случай и уже сейчас, практически со стопроцентной уверенностью, я готов сказать, что готовились совершить его не немцы.

Черняховский, на мой взгляд, воспринял новость достаточно спокойно. Он закурил и, подумав несколько секунд, уточнил:

– Не немцы? А кто это был, по-вашему?

– Предварительно можно сказать, что тут был замешан начальник одного из отделов СМЕРШ тридцать первой армии.

– Так... – Генерал прошелся по кабинету и попросил: – Расскажите, как вообще дело было и как вы вышли на исполнителей?

Гусев уложился буквально в десять минут. Говорил он точно, четко – я даже заслушался, а потом, когда после его рассказа возникла пауза, спросил у комфронта:

– Товарищ генерал, не могли бы сказать, в последнее время вы никому дорогу не переходили? Причем кому-нибудь из высокопоставленных и злобных? Этот человек должен обладать достаточной властью или связями, чтобы задействовать против вас офицеров СМЕРШ, но этой власти у него недостаточно, чтобы нагадить вам, так скажем, официально. Поэтому все и хотели оформить под шальной снаряд...

– Нет, товарищ подполковник. У нас тут не детский сад, чтобы обидами считаться. И дорогу, как вы выразились, я переходил только немцам! Там и ищите!

Черняховский обозленно прихлопнул ладонью по столу, и Гусев, чтобы разрядить обстановку, примиряюще сказал:

– Иван Данилович, вы не кипятитесь. Товарищ Лисов, конечно, торопит события, но глава НКВД уже в курсе произошедшего и доложит обо всем Верховному. Так что подобные вопросы вам задавать все равно будут. А Илья Иванович интересуется не из пустого любопытства. Ведь мы сорвали только одно покушение, и нет никакой гарантии, что не готовится второе...

– Угу... И мы не следователи, чтобы все это раскручивать. Нормальный человек поблагодарил бы за спасение жизни, а вы, вместо того чтобы нам помочь, кричите...

Я это пробурчал себе под нос, но генерал услышал. Смущенно потерев бровь, он хмыкнул и извинился. А потом, выйдя из-за стола, произнес:

– Не поймите меня неправильно, товарищи. Я действительно вам благодарен, но не считаю возможным вмешивать какие-то свои личные дразги в это дело или голословно обвинять кого-либо. Тем более, как говорили древние – предупрежден, значит вооружен. Так вот, я теперь предупрежден.

Гусев все это выслушал и возразил:

– Извините, Иван Данилович, это не может быть вашим личным делом. Вы – командующий фронтом и при этом один из самых выдающихся наших военачальников, поэтому потерять вас из-за каких-то, как вы выразились, дразг мы просто не имеем права.

– Это точно. Придет на ваше место кто-нибудь вроде Жукова и все, что вы сохранили за все годы войны, положит под Кенигсбергом. Людей беречь, как это вы делаете, мало кто может...

При упоминании мною Жукова Черняховский катнул желваки на щеках и, отойдя к окну, несколько минут смотрел во двор. Потом он повернулся и сказал:

– Хорошо. Если вопрос стоит так... Но учтите – это только слова и никаких доказательств у меня нет... Полтора месяца назад, будучи в Москве на совещании, я крупно повздорил с Георгием Константиновичем...

– Прямо на совещании?

– Нет, уже после него. Разговор был приватный, но от этого особо острый. Жуков начал хамить в своей обычной манере, я тоже не выдержал и сказал все, что о нем думаю. После чего маршал пообещал мне очень недолгую жизнь.

Сергеа поинтересовался у замолкшего генерала:

– А почему вы ничего не доложили Верховному?

Черняховский посмотрел на него, как на маленького ребенка:

– Сергей Андреевич, вы что? Я, генерал Красной Армии, буду жаловаться Верховному на угрозы маршала? Как это будет выглядеть? Не говоря, что это совершенно не по-мужски, так это еще и просто смешно – что это за боевой офицер, который угрозы испугался? Как же он с врагом сражаться будет, если его словами напугать можно? Да и не принимал я их особо всерьез. У Жукова характер взрывной, но чтобы пойти на такое...

Тут влез я:

– А из-за чего вы с ним поцапались? Почему маршал так взбеленился?

Генерал пожевал губами в раздумьях, а потом махнул рукой:

– Вы, наверное, в курсе, что некоторые наши военачальники любят сувениры. Ну так сказать – военные трофеи. Особенно это стало заметно, когда мы перешли границу СССР. В Европе много соблазнов... Только Георгий Константинович отличается ОСОБОЙ любовью к подобным вещам. Когда я указал, что такое поведение не пристало советскому маршалу, Жуков начал орать. Хамить он умеет, поэтому разговор быстро перешел в другую плоскость...

М-да... Про безудержную любовь к «трофеям», как мягко выразился генерал, я был в курсе. Если говорить прямо – мародерничали все, по мере возможности. Кто-то больше, кто-то меньше, но чем выше звание, тем большее количество ценностей отсылалось на родину. Причем если солдата за явную мародерку могли поставить к стенке, то генералитет развернулся вовсю. Конечно, далеко не все, но как правильно сказал Черняховский – в Европе много соблазнов... Таких людей иногда арестовывали и даже судили, только общий напор любителей «сувениров» возможность ареста не сильно останавливала, тем более что на все это следственные органы в основном смотрели сквозь пальцы. Да чего далеко ходить – тот же Гриня в поисках подарков для своих подопечных девчонок шмотки далеко не в магазине покупал. Да и я сам... Как-то в одной усадьбе увидел шикарный меч и сдерживаться не стал – тут же его прихватизировал. А в другом доме Марат нашел похожий клинок и тоже его урвал. Мы с ним потом решили устроить рыцарские бои с этими тяжеленными железяками, только Серега все испортил. Увидев сей средневековый махач, он молча отобрал у нас древнее оружие и запулил оба меча в ближайшее болото...

А по мелочи и вспоминать не хочется... Та же табакерка – старинная серебряная с разными вензелями и финтифлюшками зачем мне понадобилась? Табак я не нюхаю, да и в кармане не потаскаешь, но ведь тоже себе забрал – просто как красивую вещицу. До сих пор в вещмешке валяется...

Правда, тут все зависит от размеров мародерки. Я думаю, что солдат, набравший несколько коробочек швейных иголок, находится в своем праве – дома это дефицит. Да и не только я так считаю. Следователи военной прокуратуры на подобное вообще внимания не обращают. А вот если какой-нибудь генерал вывозит все убранство из средневекового замка где-нибудь в Чехословакии, это кажется чересчур. Интересно, в каких же количествах прибарахлялся «маршал победы», что ему Черняховский замечание посмел сделать? Эшелонами?

За подобными мыслями я чуть не упустил окончание разговора. Генерал армии, выговорившись, повеселел и уже искренне, от всей души поблагодарил нас за предотвращение теракта. Воспользовавшись этим и подчеркнув особую роль, сыгранную Козыревым, сказал, что буду ходатайствовать о его награждении. Черняховский в ответ, обращаясь к Гусеву, попросил дать представление на всех участников, а он, мол, с удовольствием его подпишет. На этой радужной ноте мы и распрощались.

Глава 23

А на следующий день нас встречала весенняя Москва. Снега практически нигде не было, только изредка в темных углах виднелись грязные, почти растаявшие остатки сугробов. Мы прилетели днем и сразу, на аэродроме сев в ожидающую машину, покатали на Лубянку. Я думал, Иван Петрович себе выберет новый кабинет, но он ожидал нас в бывших бериевских апартаментах. Только секретарь сменился, и, увидев за столом в приемной знакомую физиономию Василия Кружилина, я обрадовался и тепло поздоровался с ним на правах старого знакомого. Вася тоже был рад меня видеть, только работа есть работа, поэтому после рукопожатия он, доложив о прибывших, пригласил заходить в кабинет.

Иван Петрович за обширным столом смотрелся очень органично. Только вид имел

малость затраченный. Видно, с новой работой сон пришлось ограничить до необходимого минимума, вот командир с лица и спал. Да еще и нервозность по приему дел... Но разговаривал Колычев, несмотря на зеленоватый цвет лица и запавшие глаза, бодро и энергично. Потребовав доклада, он внимательно выслушал меня и Серегу и, положив наши рапорта в серую папку, сказал:

– Что я могу сказать... С одной стороны, поработали неплохо, но с другой – допустить смерть всех известных исполнителей – это явный непрофессионализм. Что-то ты, Илья, сдавать начал. Или удача отвернулась?

– Товарищ генерал-полковник, вы совесть имейте! На пустом месте вскрыли такое дело! А что «языков» нет, так это чистая случайность! На подготовку времени вообще не было... И то умудрились почти все предусмотреть, даже страхующий вариант с фугасом! Да если бы не тот камикадзе с гранатой, мы бы...

Тут я заметил, что командир лыбится, и заткнулся, а Иван Петрович, не переставая улыбаться, заметил:

– Эх ты разошелся, уже и пошутить нельзя. А вообще вы, ребята, молодцы. Действительно, дело важное сделали, и не ваша вина, что с исполнителями так получилось. Так что, Сергей, я думаю, тебе надо представление на свою группу писать...

– Так мы уже...

– Ну да... Как это я упустил... Про ЭТО вы никогда не забываете. Особенно Лисов шустростью отличается – как что ни сделает, тут же бумаги на звание Героя мне подсовывает.

Я надулся и буркнул:

– Один раз всего было и то за дело, а вы мне это теперь всю жизнь вспоминать будете...

– Конечно, буду – такое не забывается, ведь прямо за горло хватал, требуя звезду для своего крестника.

И видя, что я хочу опять возразить, предупреждающе поднял руку:

– Ладно, все – пошутили, и хватит. – И, сразу став серьезным, продолжил: – Сегодня, в девятнадцать ноль-ноль, вам обоим быть готовыми для доклада Верховному. Он уже в курсе случившегося, но про ваш разговор с Черняховским еще не знает. Хотя, возможно, Сталин ему звонил и генерал армии лично докладывал Иосифу Виссарионовичу о вашем приходе. Еще прошу учесть, что на совещании будет присутствовать Абакумов, поэтому следите за языком – это тебя, Илья, касается.

– Иван Петрович, что я, совсем дурак, что ли?

– Не совсем, поэтому, я надеюсь, мои слова до тебя дойдут. Сейчас можете быть свободны. Отдыхайте, пообедайте – у нас есть почти два часа. В восемнадцать часов чтобы были в моей приемной.

– Разрешите идти?

– Идите.

* * *

На совещании у Сталина я впервые увидел того самого Абакумова совсем рядом. До этого нас жизнь как-то не сталкивала, а сейчас с удивлением смотрел на молодого генерал-лейтенанта и прикидывал, насколько же он старше меня? Выходило, что совсем ненамного – года на три максимум. С ума сойти – почти ровесник, а возглавляет самую лучшую контрразведку всех времен и народов. Во всяком случае именно так СМЕРШ в мое время называли.

Само совещание началось с доклада Гусева и последующих за ними моих дополнений и комментариев Колычева. Когда Абакумов услышал, что в этом деле, возможно, замешаны люди из СМЕРШа, он сразу надулся и принялся ерзать, видно соображая, кто из подчиненных ему такую подляну мог подсунуть. Сталин слушал всех не перебивая и только

изредка задавая вопросы. Было видно, что хоть ему и доложили обо всем заранее, он до сих пор в шоке из-за методов разборок генералитета. Ну да – раньше, в старинные времена, на дуэль вызывали, позже в крайнем случае морду били или донос писали, но чтобы так...

Хотя Виссарионыч, скорее всего, уже принял какое-то решение и теперь, следуя своей привычке, выслушивает остальных, чтобы составить окончательное мнение на этот счет. Глядя на вышагивающего Верховного, который изредка пыхал своей знаменитой трубкой, я неожиданно заметил, как его подкосила внезапная гибель ближайшего сподвижника. От Сталина остались только оспины и усы... Да еще и при ходьбе он стал странно крениться в левую сторону. Микроинсульт, что ли, со старичком приключился? Надо будет потом у Ивана Петровича спросить – с чего Верховный так сдал? Неужели действительно из-за Берии? М-да... Теперь ему и поговорить по-грузински не с кем будет – только если с охранниками...

Кстати, я, заинтересовавшись вопросом, какие последствия были после гибели Лаврентия Павловича и как эти последствия скажутся на выпуске боеприпасов объемного взрыва, выяснил – никаких. Приказ увеличить количество смеси отдал генерал-лейтенант Ложкин из военприемки, который и погиб в том же бункере. Зато ведущие инженеры остались живы и в скором времени сие секретное оружие появится в войсках. Вот это было бы очень хорошо, а то фрицы в Германии зарылись в землю, как кроты, и выковырять их оттуда уже сейчас стоит большой крови.

Я это на примере Восточной Пруссии хорошо понял – куда ни ткнишь – укрепрайон с дотами, дзотами, «крабами» и бетонными капонирами. А с новым оружием мы их оттуда быстро выйдем...

– А вы, товарищ Лисов, так же считаете?

Ффух! Хорошо, что, задумавшись о своем, я не упустил нити разговора, идущего в кабинете, поэтому, резво вскочив, ответил:

– Так точно, товарищ Верховный главнокомандующий! На засаду это мало похоже. На случайную сшибку тоже. У обоих убитых – пуля в затылке. На войне всякое случается, но тут шанс был очень мал – так попасть.

Только я ответил, влез Абакумов:

– В тех местах мы столкнулись со специально подготовленными диверсантами, как они себя сами называют – «вервольфы». Подготовка у них достаточно хорошая, и даже одиночка сумеет так изрешетить машину, чтобы гарантированно убить находящихся в ней.

– А я и не спорю. Говорю же – на войне все может быть. Только эти «вервольфовцы» очень «вовремя» свою засаду сделали, что и наводит на размышления...

– Хм... засады диверсантов всегда «вовремя» случаются...

Во блин, как Абакумов за честь мундира борется.

В принципе в его словах, конечно, что-то есть, но шанс, что нужный нам человек в дивизионных тылах нарвется на засаду, причем как раз, когда мы поехали его брать, исчезающе мал. Я уже открыл рот, собираясь спорить дальше, но Сталин, подняв руки, сказал – брэк. То есть, конечно, он сказал несколько другое:

– Не будем спорить, товарищи. У нас есть дело о покушении на командующего фронтом, и это дело надо расследовать. Я понимаю ваше волнение, Виктор Семенович, ведь возможно, здесь замешаны ваши люди и вам, как начальнику Главного управления СМЕРШ, этот факт особо неприятен, но следствие должно разобраться во всем. Как вы думаете?

– Так точно, товарищ Сталин! Считаю, что дело и так непозволительно долго не расследуется. Ведь покушение произошло позавчера, а в нашем деле расследование именно по горячим следам может многое дать. Чем больше времени проходит, тем меньше шансов выйти на заказчиков – теряются многие улики. Я немедленно дам распоряжение следственному отделу фронта.

– Не надо торопиться, товарищ Абакумов. Вот товарищ Гусев подозревает, что здесь замешаны люди из СМЕРШа, как мы можем доверить расследование им же?

Колычев на этих словах удивленно поднял брови:

– Вы предлагаете расследовать это нам? Госбезопасности? Мы готовы немедленно выслать специалистов!

Сталин хмыкнул и, глядя на меня, незаметно подмигнул, отчего я чуть со стула не свалился. А потом, жестом усадив и Ивана Петровича, сказал:

– Это важное и ответственное дело мы поручим... мы поручим МУРу. Там специалистов тоже хватает, а вот о том, чтобы милиционерам м-м-м... не мешали, позаботится товарищ Гусев. Полномочий у него хватит, чтобы пресечь все попытки препятствовать следствию. Он, как человек, возглавляющий спецгруппу, предотвратившую это преступление, будет рад довести начатое до конца. Я прав?

Видно было, что Серегу такая заморочка совершенно не радовала, но он, резво вскочив, ответил:

– Так точно, товарищ Сталин!

– А товарищ Лисов, когда вернется с задания, вам поможет. Я мало знаю людей, способных, как Илья Иванович, находить самые нестандартные решения и в конце концов добиваться своего. Да, товарищ Гусев, о ходе расследования вы будете мне докладывать каждый день. Следственная бригада уже сформирована и готова к вылету. Старший этой бригады сейчас ожидает в приемной. Больше я задерживать вас не буду. Вы можете идти, товарищи.

Мы с Серегой поднялись и потопали из кабинета знакомиться с неизвестным ментом, а Колычев с Абакумовым остались на месте – видно, для решения очередных глобальных проблем...

* * *

Надрывно гудя моторами, самолет с каждой минутой все дальше и дальше удалялся от Москвы, увозя нашу сборную компашку в сторону фронта. А компания собралась не маленькая. Помимо меня и Сереги, летела вся следственная группа МУРа в количестве аж пяти человек. Кроме их старшего – Александра Третьякова, присутствовали два его помощника, Денисов и Калныш, а также пара экспертов. Сейчас все менты, расположившись на каких-то тюках, дрыхли, а мы с Гусевым сначала попробовали общаться, пытались перекричать шум двигателей, но потом мне это дело надоело и я тоже завалился на мешки. Вообще, в этот раз повезло – попутным грузом шли не твердые угловатые ящики, а мягкая почта, поэтому, расположившись с комфортом, сунув шапку под голову, закрыл глаза. М-да, удобно устроился... Это вам не на жесткой лавочке часами попу плющить или на откидных стульчиках мучиться. И укачивает на них почему-то сильнее, может потому, что поперек движения сидишь? Причем интересно – когда к немцам летишь, там хоть вдоль, хоть поперек располагайся, по барабану – как огурчик себя чувствую, а когда по нашим тылам на самолете мотаюсь – мутит... Да и Ли-2 еще тот лайнер – все воздушные ямы его, благо хоть не сдувает сквозняками, как в ТБ и в тулуп кутаться не надо.

Постепенно проваливаясь в сон, вспоминал нашу первую встречу со следственной группой. Вначале, еще в Кремле познакомились с Третьяковым. Когда мы вышли от Сталина, Поскребышев показал на напряженно сидящего худощавого майора приблизительно моего возраста. Увидев жест сталинского секретаря, парень вскочил и рубанул в нашу сторону строевым. Подойдя ближе, он, встав по стойке смирно, представился:

– Товарищ генерал-майор, начальник приданной вам оперативно-следственной бригады Московского уголовного розыска, старший оперуполномоченный майор Третьяков, прибыл в ваше распоряжение!

Серега несколько секунд оглядывал тянущегося майора, а потом, скомандовав «вольно», пожал ему руку, сказав:

– Генерал-майор Гусев, а это мой заместитель, подполковник Лисов.

Мент протянул руку и мне, но я, не дожидаясь рапорта, сбил весь его мандражно-

пафосный настрой, возникший при виде многозвездных и орденосных офицеров госбезопасности:

– Лисов, можно просто Илья. И не напрягайся ты так, мы люди нормальные. Устав и субординация – дело, конечно, хорошее, но нам теперь вместе работать, так что шагистику и козыряние прекращай. От тебя не строевая требуется, а знания по специальности. Ну а мы будем помогать по мере сил.

Майор от такого пассажа несколько растерялся, но, надо отдать ему должное, быстро взял себя в руки. Улыбнувшись в ответ, сказал:

– Третьяков, можно просто Саша. Ваше замечание учту.

Гусев на это только хмыкнул и предложил:

– Ну что, товарищ майор, пойдёмте знакомиться с вашей командой. Они сейчас где находятся?

– Вся группа с сегодняшнего утра считается на казарменном положении и расположились у нас, на Петровке.

– Хорошо. Тогда поехали к вам.

* * *

Пока катили в МУР, я еще немного пообщался с ментом и он несколько оттаял, а то вначале парень сидел, как будто лом проглотил, и общался односложно, стараясь говорить исключительно уставными фразами. С другой стороны, его можно понять – обычного опера выдергивают в Кремль и передают под начало незнакомых начальников, которые мало того что являются представителями госбезопасности в больших чинах, так еще и в этом самом Кремле ориентируются, судя по поведению, как у себя дома. А нам этот парень и его люди нужны были не зажатыми и пугливыми, а работоспособными и соображающими. Поэтому когда мы уже выходили из машины, я, пихнув Гусева в бок, прошипел:

– Серега, перестань так надуваться. Это ведь не твои подчиненные, а просто прикомандированные. Сейчас вот запугаешь людей одним только видом, когда они еще очухаются и работать начнут?

Гусев, подумав пару секунд, кивнул, поэтому знакомство и общение с командой следователей получилось не казенно-деловым, а гораздо более человечным. Менты, поняв, что гэбэшный генерал, по сути, нормальный мужик, сразу включились в работу. Выслушав мой и Серегин рассказ, они начали задавать вопросы. Только вот толком мне отвечать не пришлось. В дверь постучал дежурный и попросил к телефону подполковника Лисова. Недоумевая, кому это я понадобился, прошел за лейтенантом. Взяв трубку, услышал голос Васи Кружилина, который сообщил, что меня вызывает Колычев. Уточнив, одного или вместе с Гусевым, удивленно хмыкнул и спустился к нашей «эмке», стоящей у входа. Когда приехал на Лубянку, водилу отправил назад, а сам знакомым путем взбежал по широкой лестнице на второй этаж.

Генерал-полковник уже вернулся от Верховного и встретил меня в своем кабинете, имея на физиономии очень странную улыбку. Правда, причина этой улыбки тут же выяснилась. Только я вошел, Иван Петрович достал из папки конверт и сказал:

– Извини, Илья, сразу тебе это письмо не отдал, чтобы не отвлекать перед встречей с Иосифом Виссарионовичем. А сейчас бери, читай. Захочешь написать ответ, возьми конверт и бумагу у Кружилина, а потом отдашь мне для отправки адресату.

Я с удивлением покрутил вытянутый конверт в руках и, не найдя на нем никаких реквизитов, разорвал. Внутри был еще один конверт. Блин, это что за матрешка бумажная? Причем, судя по всему, самая первая шкурка от этого послания в папке у Колычева лежит. Мне отсюда хорошо виден кусочек вскрытого коричневого пакета с сургучными печатями. Но когда наконец добрался до письма и прочел первую строчку, все встало на свои места. Глупо улыбаясь, я попросил разрешения выйти. Командир кивнул, а счастливый Лисов рванул читать письмо от своей невесты, пришедшее к нему через черт знает сколько границ.

Расположившись на диванчике, сначала долго разглядывал ее фотографию, а потом жадно глотал строчки, написанные каллиграфическим почерком. Хелен, то ли сомневаясь в моих лингвистических способностях, то ли желая показать свою крутизну, писала по-русски. Двоечница! Ошибок наделала целую кучу! Но зато почерк у нее хороший, типично девчачий – буковки ровные и пузатые. В волнении я даже закурил прямо в приемной, но потом спохватился и начал искать глазами, обо что можно погасить бычок. Видя мою суету, Вася, который сидел за столом и делал вид, что занят бумагами, улыбнулся и предложил:

– Ты лучше иди в мой кабинет. Там и покуришь и ответ напишешь.

Благодарно кивнув, переместился в кружилинский закуток, где опять принялся за лицезрение Аленкиной мордашки. Блин, я уже забывать начал, какая она у меня красивая! В конце концов, поставив фото возле лампы и периодически поглядывая на него, начал перечитывать письмо.

Нахтигаль расстаралась аж на пять страниц, так что почитать было чего. Писала, как она устроилась в Швейцарии и как теперь работает врачом в женевском филиале больницы своего отца. Писала, что очень скучает. Писала, что когда на нее вышел человек из нашего дипломатического представительства в Женеве, она чуть в обморок не брякнулась от восторга, хотя здоровье у нее отличное и даже более того. Причем слова «более того» были подчеркнуты. Интересно, что это значит? Пару минут поразмышляв, что она под этим имела в виду, решил, что, может, по Женеве грипп повальный ходит, а она одна здорова осталась, чем сейчас и хвастает. Но после этой, безвредной и безопасной, пришла мысль несколько настораживающая. Так, так, так... Да нет, не может быть! У нас-то и было что всего один раз. Правда, с тремя подходами, но с первого раза «залететь» – это надо сильно постараться! Я с барышнями неоднократно дела имел и достаточно хорошо знаю, что к чему, поэтому мысль о моментальной беременности откинул как несостоятельную. Наверное, она на что-то другое внимание обратить хотела. Понять бы еще – на что? Подумав над этим еще какое-то время, но так и не придя к определенным выводам, стал читать письмо дальше.

Аленка еще писала, что уже намекнула родителям про имеющегося жениха, но сказала, что познакомит их только после войны. На мутер это произвело такое впечатление, что будущая теща моментально примчалась в Швейцарию и теперь живет рядом с Хелен, вся в надежде хоть одним глазом увидеть избранника своей дочери. М-да... тут мутер придется обломиться как минимум на полгода. Вот возьмем Берлин, тогда и насмотрится. Вообще написано было много о чем, но когда я случайно взглянул на часы, то пришлось отложить очередное перечитывание ее письма и заняться написанием ответа.

Долго и длинно писать я не умею, поэтому ответное послание получилось только на полстранички, хотя вроде написал обо всем. И про чувства и про жизнь. А самое главное, задал прямой вопрос – что значит «более чем отличное», да еще и подчеркнутое двумя линиями, здоровье? Как эти ее слова надо понимать? В общем, посетовав на собственную тупизну, попросил сделать намек несколько толще, для большей доходчивости.

В конце концов, критически оглядев недописанный листок, очередной раз закурил и начал ходить по кабинету, соображая, что бы еще вписать, а то как-то несолидно и мало получается. Потом вдруг озарило. Некоторое время выбирая между Звездинским и Высоцким, склонился в сторону более любимого поэта и, быстро сев к столу, начал выводить: «Здесь лапы у елей дрожат на весу...» и далее по тексту. Барышни с этого даже в мое время тащились, так что надеюсь, моей зеленоглазой прелести эти стихи из будущего тоже понравятся.

А когда отдавал письмо Колычеву, на всякий случай, даже не надеясь на положительный ответ, спросил:

– Иван Петрович, а я могу ей свою фотографию послать?

Спросил и настороженно замер, думая, что командир сейчас опять начнет песни про бдительность и секретность петь. Но вместо этого он раздраженно хмыкнул и со словами:

– Вот как знал! А то ведь у тебя мозгов бы хватило ей себя в форме и со всеми регалиями послать. Но это запрещено, а вот эту можно... – И протянул мне глянцевый

прямоугольник.

Оба-на! С фотки на меня смотрела моя же физиономия, только в гражданском обличье. Это перед поездкой во Францию нас для документов щелкали; наверное, оттуда у Ивана Петровича карточка и появилась. Но как он меня просчитал... Ведь снимок наверняка в личном деле хранился, а Колычев заранее позаботился. Растроганно шмыгнув, я поблагодарил командира и пошел за новым конвертом, так как старый был уже запечатан. В том, что послание будет подвергнуто цензуре, сомнений не было, но отдавать письмо незакрытым как-то не хотел. Если надо, пусть без меня вскроют и перлюстрируют на здоровье...

Под эти приятные воспоминания, убаюканный шумом самолетных двигателей, я в конце концов и уснул.

* * *

– Вот, смотрите, товарищ подполковник...

– Кхм... сколько раз говорил – капитан или просто – Илья!

– Извини, все время забываю, смотри, Илья, видишь?

Третьяков подвинул мне снимок, найденный в планшетке убитого Горбуненко. Пока я разглядывал скупую улыбку на физиономии Филиппа, которому пожимал руку радостно скалящийся Жуков, Сашка молча сопел у меня над ухом. В конце концов, раздраженно отложив фотографию, спросил у него:

– И что тут надо было увидеть? Твои спецы уже сказали, что это не фотомонтаж, дальше что?

– Они сказали, что это не похоже на фотомонтаж. Только Казимир Львович все равно сильно сомневается. То, что это монтаж, они наверняка сказать не могут, но вот Луганский в свое время очень сильно увлекался психологией, поэтому его эта фотография сразу так заинтересовала. Посмотрите, как улыбается Горбуненко и как маршал?

– Да я ее уже сто раз видел, ты толком скажи, что в ней Львовичу не нравится?

Третьяков тоже начал потихоньку раздражаться. Первая зажатость, возникшая при знакомстве, уже прошла и мент, во всяком случае в моем обществе, чувствовал себя достаточно свободно. Поэтому, фыркнув, ответил:

– А то, что не может майор ТАК улыбаться, когда ему маршал руку жмет. Тут даже не в субординации дело, а в обычной человеческой реакции! Посмотри на лицо Жукова и на лицо Горбуненко!

– Ну ты, блин, даешь! Может, ему комфронта руку передавил, вот майора и перекосило.

– Этому амбалу руку передавил? Не смейся. И его вовсе не перекосило. Это улыбка старшего – младшему. Не важно, по званию ли, по возрасту. И поза его тоже...

– А в позе что не так?

– Слушай, может, я лучше Казимира Львовича позову, он тебе все по-научному объяснит?

– Стоп, не надо по-научному и прекрати меня Луганским пугать. Ты давай своими словами скажи, в чем дело?

– М-мм... есть такая наука – физиогномика. И исходя из нее, выражение лица, а также вся поза майора противоречат тому, что должно быть.

– То есть ты считаешь, что если он угодливо не изгибается и льстиво не улыбается при виде Жукова, то снимок может быть «липой»?

– Да при чем тут угодливый изгиб! Я ведь про другое!!

– Так, – вытянув руки ладонями вперед, прекратил крик души майора. – Не ори, я понял, что эта фотка тебя сильно смущает. Что предлагаешь?

Третьяков, остывая, закурил и уже спокойно продолжил:

– Насколько я знаю, люди из контрразведки вовсе не склонны позировать перед

каждым фотографом. То есть снимки делает либо кто-то из своих, либо... все равно кто-то из своих. А задумка такая – мы убираем с фотографии Жукова и оставляем Горбуненко с протянутой для пожатия рукой. После чего показываем это фото в его отделе и в других отделах СМЕРШ фронта. Есть надежда, пусть и маленькая, что кто-нибудь может сказать, кому он на самом деле жал руку.

– Ты сам в это веришь?

Александр твердо посмотрел мне в глаза и спокойно ответил:

– Верю. Слишком уж в этом деле много неясностей. Чересчур много улик указывают на причастность Георгия Константиновича. А когда улик много, то это значит: или действовали непрофессионалы, во что не верится, или наоборот – слишком большие профессионалы, имеющие какие-то свои цели, пока непонятные нам.

Насчет неясностей Сашка точно подметил. Они громоздились одна на другую со скоростью лавины. Начнем с того, что «камикадзе» и не думал себя подрывать. Наш знаток психологии, являющийся по совместительству патологоанатомом, сложив все ошметки трупа, установил, что взрыв произошел на уровне чуть выше колена. Так как подобный способ самоубийства, совмещенного с кастрацией, он посчитал странным, то предположил, что диверсант, увидев засаду, сунул руку в глубокий карман галифе, где у него лежала граната. Но из-за того, что ребята целили по ногам, пуля вполне могла попасть в эту «лимонку». Или он сам, пытаясь вытащить свою «ручную артиллерию» и получив в этот момент ранение ноги, мог от боли, случайно, с силой дернуть за кольцо. То есть жертвовать жизнью для сохранения в тайне имени заказчика «камикадзе» вовсе не собирался.

Следующей странностью было то, что у второго, который был наводчиком, помимо пачки папирос, был еще кисет с табаком. На окопника тот хмырь совершенно не походил, и зачем таскать с собой два вида курева – непонятно. Кстати, в кисете была аккуратно нарезанная полосками газета. Причем не «Правда» какая-нибудь, а армейская – «Вперед на врага» Первого Украинского фронта, но это, впрочем, лишний раз подтверждало причастность Жукова к этому делу. Ведь именно он Первым Украинским рулил.

И еще хочу сказать насчет второго трупа – когда Луганский распотрошил наводчика, то выяснил, что помер он все-таки из-за меня. При вскрытии стало понятно, что во время блиц-допроса осколок, который особой опасности для жизни вначале не представлял, повредил артерию и легкое, вот лейтенант и скончался. Именно поэтому он сначала был бодрячком, а потом резко откинул копыта. Блин, вот кто бы знал...

Зато в этой череде проколов была и удача – в кисете, среди нарезанных газет, были обрывки старой накладной, подписанной Горбуненко. Что именно он в этой накладной требовал, непонятно, так как верхней части не было, но после складывания всех полосок его подпись читалась на раз. Так что сомнения майора я не очень понимал. Даже если учесть, что хвостов от трофейного «виллиса» мы не нашли – учет автотранспорта был поставлен несколько хуже, чем я рассчитывал, и «пробивка» по номерам двигателя не дала ничего, все равно следы прямо указывают на начальника «десятки». И тот, умирающий, его фамилию назвал, и накладная...

Все получалось достаточно стройно – варяги с Первого Украинского прибывают к нам, под крыло Филиппа. СМЕРШевец их курирует и дает наводку. Только Жуков решил подстраховаться и послал еще одного человека для контроля над ситуацией, а когда все провалилось, этот человек грохнул Горбуненко как слишком много знающего и обрубил тем самым все хвосты. Но у нас есть трупы с документами. Удостоверения, конечно, «липа», только против фотографий не попрешь. А фото жмуриков, с соответствующими указаниями, отосланы в штаб «украинцев». Так что, только они ответят, можно будет копать дальше.

Во всяком случае, мы именно так думали, но у ментов появилось свое мнение. Поначалу они тоже придерживались нашей версии, но вот когда выяснилось, что крики во время ссоры высшего комсостава слышали несколько человек, менты сильно задумались. Наши военачальники шепотом ругаться не умеют, поэтому вопль маршала – «Писец тебе трам-там-там! Я тебя, трах-тибидох, живо под землю загоню, трам-тарарам! Тебе, сука, жить

немного осталось!» дошел до следствия, даже не от Черняховского. Их стычка, оказывается, особым секретом не являлась и достаточно бурно муссировалась в штабных кругах.

В смысле, в штабе Первого Украинского. Там своим маршалом гордились и пересказывали этот эпизод даже с гордостью – мол, как наш командир этого салабона Черняховского на место поставил. Дескать, крут наш маршал настолько, что может, как хочешь, строить остальных командующих фронтами. Да что там фронтами – даже товарищ Сталин к нему всегда прислушивается!

Вот после этого Третьяков стал ходить каким-то смурным. Мы усиленно занимались подготовкой к заброске в тыл, поэтому я в дела следственной группы не очень лез, а тут выдалась у нас обоих свободная минута, вот и решил спросить, в чем дело? Сашка на мой вопрос предложил пройти в их расположение и там переговорить. Усевшись за стол, майор несколько секунд молчал, а потом выдал:

– Знаешь, вот сердцем чую, что все не так, как мы думали...

– В смысле?

– А сам посмотри. Давай начнем по порядку.

Александр, достав лист бумаги, нарисовал прямоугольник:

– Пусть вот это будет пушка...

– Орудие.

Третьяков, фыркнув, возмущенно посмотрел на меня: мол, какая разница? Я только рукой махнул:

– Ладно-ладно, продолжай.

– Так вот... вот это, – он нарисовал еще один прямо-угольник, – мина с радиовзрывателем.

Вообще-то в закладке был фугас, очень грамотно сделанный из гаубичного снаряда, но чтобы не сбивать с мысли следователя, я промолчал.

– Мы беседовали и с Шарафутдиновым и с теми приглашенными армейскими саперами, так они в один голос утверждают, что без особых затруднений смогли бы определить, что взорвалось – снаряд или заложенная мина. Тогда зачем вся эта катавасия с пушкой?

– Как зачем – чтобы замаскировать работу фугаса и списать все на шальной снаряд.

– Неа, – Саша покачал головой, – я же говорю – ничего замаскировать не выйдет. Шансы, что снаряд влетит в воронку от мины, исчезающе малы. Ответим на вопрос – для чего была возня с... – он, глянув на меня, хмыкнул, – ...с орудием, сможем ответить и на другие.

М-да, это Третьяков правильно сказал. Я вот тоже до сих пор так и не смог допетрить – на хрена нужна была эта гаубица? Ну захотел Жуков мочкануть обидчика, так для чего так мудрить? Обычная закладка и – привет несостоявшемуся маршалу Черняховскому! Все можно было спокойно списать на «вервольф», благо этих оборотней в округе достаточно ползает – что ни день, так контрразведчики диверсионную группу вылавливают. Так нет – возились с тяжелючей дурой, таская ее туда-сюда, и в конце концов, на ней же и погорели. А майор тем временем, нарисовав очередной квадратик и ткнув в него карандашом, продолжал:

– Больше всего меня смущает этот кисет с газетами и накладной, что был у трупа. Ты же мне сам рассказывал – идя на задание, вы все документы сдаете. И не только документы, а письма и вообще все бумаги, до последнего клочка. Но ведь и покушавшиеся действовали, как в тылу у противника, поэтому все должны были сдать... А здесь, как по заказу – и газета, четко указывающая на «украинцев», и особенно обрывок накладной с фамилией. Слишком уж все явно...

Третьяков рассуждал, конечно, правильно, только я вспомнил, как в свое время, уходя за передок, забыл отстегнуть погоны. Выходит, забыть можно что угодно, и никто от этого не застрахован. Так и ответил, добавив:

– Может, просто радоваться надо? Лопухнулись враги, нам на счастье. Хотя с другой стороны – действительно странно. Меня этот кисет тоже смущает, но по другой причине –

ведь у младшего была початая пачка папирос. Значит, он именно их курил? Зачем тогда ядерный самосад таскать? Им же после папирос если затянешься – дуба дашь с непривычки!

– Вот и я про то же!

Тогда нам договорить не дали, потому что Гусев вызвал на совещание, а чуть позже у Сашки появилась странная версия. Мол, по приказу некоего человека «Х» его люди устраивают удачное покушение. Никто ведь не рассчитывал на появление чересчур наблюдательного Лисова, так что засада имела все шансы на успех и Черняховскому было положено под прощальный залп убыть в мир иной. После убийства генерала армии киллеры отваливают, оставив будто бы случайно, возле гаубицы, этот кисет с табаком и газетами. Следователи, разумеется, выясняют, что имел место подрыв фугаса, который пытались замаскировать под случайный снаряд. А так как присутствует еще и воронка из-под снаряда, то поиски орудия быстро выводят к немецкой гаубице. И тут такой подарок! Газета Первого Украинского и накладная с фамилией Горбуненко. После чего начинают допрашивать начальника «десятки». Хотя Третьяков сомневался, что майора мы бы нашли живым. Это в его версию не укладывалось. Филиппа должны были грохнуть по-любому, но зато оставалась бы фотография, где с ним чуть не обнимается Жуков. И тогда в свете недавней ссоры следователи начали бы трясти уже самого маршала.

Мне все это казалось чересчур запутанным и притянутым за уши, но мент с мощью бульдозера стал отрабатывать свою новую задумку. Сейчас вот с этой фотографией носится... Очень ему хочется доказать, что это «липа». Ведь если получится, то его шаткая версия станет основной.

В то, что Третьяков прав, я верил слабо, не понимая, для чего убийцам нужна была такая сложная многоходовка, но у нас было указание помогать следователям всемерно, поэтому спорить дальше не стал и просто сказал:

– Добре. Бери машину, Пучкова, охрану и вперед – опрашивать контрразведчиков. Может, повезет. А я с тобой не поеду, извини, у самого дел по горло. Нам ребята свежего «языка» притащили, так что дуйте, разбирайтесь сами.

Сашка кивнул, и мы разбежались. Он – в штаб армии, а я потопал в дальнее крыло особняка, которое мы отвели под «губу».

Глава 24

– Нет, если бы вы знали, как я это быдло ненавижу. Полуграмотное, вечно пьяное, не понимающие, что мы, истинно интеллигентные люди, гораздо лучше их знаем, что надо для народного блага! Их пороть, пороть на конюшне надо, чтобы мозгов добавить! По-другому до этих ленивых скотов ничего не дойдет! И Петр Николаевич именно это предлагал!

Изо рта собеседника густо летели пенные брызги, поэтому я отклонился назад и убрал руку с папиросой подальше. От особой брезгливости меня война отучила, но сейчас были серьезные опасения, что у этого пропагандиста из РОА слюни могут быть ядовитые. Честно говоря, подобный экземпляр в первый раз попался. Такой вот весь из себя, предатель-прогрессор, непрестанно радеющий о народном благе. Слушать это существо было очень познавательно, тем более, бывший советский интеллигент, похоже, так увлекся, что напрочь потерял связь с реальностью и забыл, где находится. С ними такое бывает, особенно когда в раж входят – ничего не видят и не слышат, прямо как глухари. А тут, видно, стресс от попадания в плен сказался, да еще я с ним разговаривал спокойно и вежливо, даже немного в философию ударился, вот РОАвца и понесло...

Сопроводилровку на Бляхина Ипполита Аристарховича, 1902 года рождения, я уже прочел и теперь молча слушал его страстный монолог, удивляясь, как человек, всю жизнь проживший в России, может настолько ненавидеть свой собственный народ. Хотя поначалу разговор шел во вполне сдержанном и конструктивном русле. В сопроводительных документах мужики из СМЕРШ указали, что Бляхин был на сборах пропагандистов, которые проводились недалеко от Бальги. Вот я и выуживал из него те крупницы сведений насчет

местности, которую он мог наблюдать из окна автобуса, курсировавшего между казармами и учебным центром. Толку, правда, было мало, но даже то, что он увидел, как саперы ставят на полях, к юго-востоку от замка, минные поля, можно считать удачей. Ведь будет совсем не гут, если сброшенный десант приземлится среди кучи смешанных, противотанковых и противопехотных мин.

Отметив на карте местоположение минированных мест, я заодно спросил, что именно делали на этих пропагандистских сборах? Оказывается, все как обычно – там давали накачку замполитам перед решающими битвами, чтобы они глаголом жгли сердца подопечных солдат.

У этого сына Аристарха глаголом жечь, судя по всему, получалось очень хорошо, в чем сейчас и убеждаюсь на собственной шкуре. И дернул меня черт за язык...

Ведь как получилось: просто в конце допроса я допустил стратегическую ошибку – уже убирая карту, чисто по-человечески поинтересовался, как мог образованный человек, преподаватель русского языка, настолько легко перейти на сторону врага? И тут понеслось... Сперва понемногу, но в конце концов пропагандист распалился, как на митинге, и радиус слюнопоражения стал достигать нескольких метров.

Оказывается, в СССР его раздражало абсолютно все. И страна, и строй, и народ. Страна – за отсталость от западного мира, строй – за свое отличие от действительно демократического и продвинутого мирового общества, ну а народ – за то, что быдло и хамы.

Я, глядя на покрасневшую морду разорявшегося предателя, украшенную свежим фингалом, вспоминал все те «прелести», которые принесли на нашу землю «освободители от коммунистического гнета». Вспоминал деревни, начисто сожженные карателями. Вспоминал, что люди рассказывали о «новом порядке», который устанавливали «просвещенные демократы» на оккупированных территориях. Вспоминал и медленно, но верно закипал. Эта тварь продажная даже не осознает содеянного, называя все происходящее «поркой на конюшне»! И ведь, падаль такая, к немцам пошел, даже не шкуру свою спасая, а исключительно по идейным соображениям. А потом, именно после его накачек, предатели из РОА людей пачками стреляли да вешали. Такие, как он, ненавидят вовсе не «жидов и комиссаров», как они пропагандируют, такие ненавидят весь народ целиком, не делая никаких различий. Они ведь только себя считают светочами разума, пупом земли и вершиной творения. А если вдруг кто-то имеет мнение, отличное от «правильных» понятий, тогда подобных оппонентов моментально записывают в недалеких хамов, не умеющих постичь всего величия их мудрости.

Блин, ну кого же он мне все-таки напоминает? Причем вовсе не мордально, а именно речами, безапелляционностью и апломбом? Достав новую папиросу, я смотрел на продолжающего вещать Бляхина, а сам пытался поймать хвост, проскочившей на периферии сознания мысли.

И вдруг вспомнил! Ну конечно! Ведь уже забывать начал реалии того времени, откуда меня забросило. Телевизоры, зубные пасты, сотовые телефоны, комфортабельные пассажирские самолеты... Как будто во сне все было или не со мной. Да что там говорить – я даже названия женских прокладок забыл, хотя считал, что из-за непрерывной рекламы их до гробовой доски помнить буду!! Поэтому сейчас и соображал так долго, на кого же похож пленный.

А все оказалось так просто... Я ведь уже слышал подобные речи! Правда, они были несколько завуалированы и не настолько кровожадны, но вот недовольство собственным никчемным народом в них было точно такое же.

Этот Бляхин являлся точной копией той части наших эмигрантов, которые либо перед самым развалом СССР, либо после него рванули за бугор. Народу тогда уехало довольно много, только в основном они были нормальными, работающими людьми, которые на новом месте стали строить свою новую жизнь. Но среди нормальных иногда попадались такие... Учителя и спасители, блин! Посчитав себя «настоящими иностранцами», они преисполнились собственной значимостью и моментально издалека принялись учить свой

бывший народ уму-разуму. Выступали и по радио и на телевидении, рассказывая, как надо жить людям в России. Печатали труды на ту же тему. А с появлением Интернета от подобных советчиков просто спасу не стало.

Те, кто не дорос до большого эфира, поучал «быдло» на различных сетевых форумах. Раздуваясь от спеси, они через губу объясняли «серой скотинке», что такое «истинная демократия». Рассказывая о достижениях Америки или той же Германии, эти «учителя» пыжились так, как будто в этом была их личная заслуга. Будто именно они денно и нощно, не покладая рук, вели Запад к процветанию и демократии. Хотя никакими их заслугами там, разумеется, и не пахло. Просто, приехав на все готовенькое, они ошалели от совершенного «героического» шага и моментально, по привычке, зачислили себя в интеллектуальную элиту общества. Но за бугром все места давно были заняты, и местные жители вовсе не спешили принимать в свой круг непонятных «рашей». Иностранцы приехавших считали вторым сортом и вровень с собой ставить совершенно не собирались. Это было очень оскорбительно, особенно для тех, кто всегда называл себя «солью земли». Подобное сильно угнетало их нежную психику. Поняв, что с коренными жителями они пролетели, а без нравоучений и взглядов свысока такие эмигранты жить просто не могли, то принялись поучать нас. Причем как умели – в лучших традициях советского «кухонного интеллигента». То есть в поучительно-презрительных тонах.

Правда, вольготно и безоблачно им жилось только в самом начале. Хватало времени и слегка поработать, и много пофлудить. А потом их коллеги, оставшиеся в России и получившие власть, сделали уехавшим невольную каку. Вообще демократам «совкового» разлива всегда очень нравилось в разговорах «опускать» свою страну, превознося при этом до небес импортные «общечеловеческие ценности». Но тут вышел косяк. Перестарались. Просто получилось так, что от огромного ума те, прорвавшиеся в политику, перенесли свои кухонные разговоры на иной уровень. И мир вздрогнул...

У каждой страны, помимо военных и государственных, есть такие секреты, которые она ни под каким видом никогда не придаст гласности. И это считается нормальным. То есть считается нормальным во всем мире, но только не у нас. Диссидентствующие интеллигенты, дорвавшись до власти, стали с улюлюканьем трясти грязным бельем, завывая при этом от восторга и ощущения собственной крутизны. Запад от ТАКОГО подхода к политике слегка обалдел, но потом быстренько сориентировался. Ведь если противник дурак и сам дает ТАКИЕ карты в руки, то отказываться просто грех. И пошло-поехало...

Подобная «тряска» ударила не только по престижу страны, но и по уехавшим эмигрантам. Те, которые нормальные, сцепили зубы и продолжали работать, а вот разные мелкие «учителя»... Им внезапно открылась горькая правда, что их совковая распальцовка на Западе постепенно стала немодной. Да и о России иностранцы начали говорить пренебрежительно и с презрением, как о банановой республике. В принципе говорили по праву – новые правители страны для этого сделали все. Но весь фокус в том, что и к самим эмигрантам отношение изменилось!

А это было очень обидно – ведь они же самые лучшие, самые демократичные «сливки общества», помогающие всему миру учить отсталую «Рашку» жизни, а с ними так несправедливо поступают, передвинув со второго даже не на третье, а на тридцать третье место!

А обидней всего было от осознания той мысли, что, оказывается, покинутая ими страна обеспечивала уехавшим мощнейший тыл и сама принадлежность, хоть и в прошлом, к грозному и сильному СССР внушала окружающим уважение. А теперь уважения не осталось и фраза «Я эмигрант из России» перестала быть пропуском в мир мечтаний и даже наоборот – низводила до состояния изгоя.

Осознавших это «учителей» начало переть, как сейчас Бляхина. Во всех своих неудачах и промахах они стали обвинять... Россию. Мол, потому что там народ тупой да ленивый, эта «окраина Европы» и упала в глубокую дупу, подорвав тем самым их личное благосостояние. И чем хуже становилось это благосостояние, тем сильнее они ненавидели оставшийся в

России народ, считая его виновным во всех своих неудачах. Логика в этом, конечно, напрочь отсутствовала, но кто и когда видел хоть зачатки логики в рассуждениях этих доморощенных диссидентов-демократов?

* * *

Вот и Бляхин сначала тоже мне втирал про грандиозные планы Петра Краснова по реформации, как он выразился, «России-матушки». Но потом, после моих реплик, постепенно потерял связь с реальностью и завелся не по-детски. В конце концов мне его брызги надоели, и я, рыкнув, задал провокационный вопрос:

– Послушайте, Блядин, а вы что, из дворян?

«Язык» на полуслове заткнулся и несколько секунд недоуменно смотрел на меня. А потом до него стало доходить, что он сейчас наговорил. Поблуднев, бывший преподаватель словесности даже не возмутился на переделку своей фамилии и отчаянно замотал головой:

– Нет-нет, гражданин капитан! Родители у меня мещане. Дворян ни в каком колене не было...

– А чего же тогда ты про порку рассуждаешь, как граф в пятнадцатом поколении?

– А... Эм... Эээ...

Предатель явно не знал, куда деться, и готов был отрезать свой язык собственноручно. Я же, глядя по-прежнему с ненавистью, спросил:

– И если ты, гнида, всех людей на конюшнях запороть хочешь, то с кем Россию возрождать собираешься? С подобными тебе? Или с недопоротыми? Но ведь таких и не будет, потому что вы народ свой ненавидите и хуже немцев себя ведете. Может, про Холодова напомнить из вашей веселой шайки? Которого даже фрицы за излишние зверства судили и шлепнули?

Бляхин, поняв, что этот так хорошо начавшийся допрос может закончиться фатально, прижав пухлые руки к груди, ответил:

– Что вы! Холодов – садист и получил по заслугам.

И даже если бы немцы его не осудили, то мы сами его подвергли бы обструкции. И народ русский я люблю. Вы мне можете не поверить, но я всегда радел о чаяниях народа. Заботился и поддерживал людей как мог. И с врагами его боролся по мере сил. Вот, например, в сороковом году к нам методист один из Минска приезжал и в нашей школе нововведение хотел устроить, не прислушавшись к мнению преподавательского состава. Явно антинародное нововведение. Я тогда не только против него на собрании выступил, но еще послал сигнал в районное управление НКВД. Там тоже признали задумку этого методиста вредительской и даже выяснили, что он скрывал в анкете свое прошлое. Представляете, этот человек при царе в Томском университете преподавал и после революции с Колчаком дела имел! А я, проявив бдительность и заботу о народе, вывел его на чистую воду!

Я, слушая последнюю тираду пропагандиста, полностью охренел. Блин, может, он просто с катушек съехал, от резкой перемены в жизни? Ведь еще вчера кофе с друзьями-фрицами вкушал, а сегодня его русские особисты трясут, вот и потекли нежные интеллигентские мозги? Ну не может нормальный человек с жаром говорить сначала одно, а через две минуты прямо противоположное, да при этом еще и в стукачестве признаваться? Хотя с другой стороны... та же Новодворская покруче фортели выкидывала. Вспомнив жабоподобную «московскую девственницу», только потряс головой. Нет, этот пример какой-то неудачный. Не зря ведь ее в психушке держали... Но, может, этот Бляхин – мужской вариант Новодворской? Такой же прибабахнутый на всю голову пациент психбольницы? Только ведь у немцев с этим строго – ненормальных они комиссуют. А тем более этот вообще пропагандист... Вдруг он на людей бросаться начнет, прямо посередине своей пламенной речи – конфуз, однако, получится...

РОАвец, не мигая, смотрел на меня, жадно пытаюсь увидеть на лице советского

капитана решение своей дальнейшей судьбы, а я вдруг понял – никакой он не псих! Просто падал, типа Ковалева, который в Грозном солдатам-новобранцам кричал – «Русские, сдавайтесь!» И все он прекрасно соображает, только вот в спеси своей его иногда заносит – видно, просто переключиться не успел. Но позже наверняка переключится. Подобные ему, как черви – хоть пополам режь, а всегда приспособятся и выживут. Не зря же он мне сейчас про методиста вспомнил. Наверняка на следующем допросе этот Бляхин уже будет рассказывать о своем активном сотрудничестве с нашими органами перед войной. А через неделю всем будет говорить, что к РОАвцам попал, желая разложить их армию изнутри, и возмущаться, почему его еще за это орденом не наградили. И позже, в лагере, обладая хорошо подвешенным языком, всем будет трепать, что его, героя-разведчика, несправедливо осудил кровавый сталинский суд. А когда война кончится и пройдут годы, в конце концов добьется своей полной реабилитации, но так как натуру не переделаешь, заделается ярым диссидентом и будет людей своей поганой философией дальше травить.

Отбросив желание пристрелить эту сволочь сразу, я, достав лист бумаги и чернильную ручку, стал писать приказ. М-да, редко приходится пользоваться привилегиями личного порученца Верховного, но сейчас это именно тот случай, когда ими воспользоваться надо. Нет, стрелять пропагандиста я не буду. Во-первых, это как жирного таракана голой рукой раздавить, а во-вторых, пуля в башку для подобного типа – слишком гуманно. И в лагерь он, разумеется, не пойдет. Там эта гнида будет иметь огромный шанс выжить.

Именно поэтому я своей властью направлял предателя, Бляхина Ипполита Аристарховича, в тридцать вторую отдельную штрафную роту. Через две недели эти штрафники, в ходе нашего будущего наступления, будут в первых рядах атаковать Штельский укрепрайон. А мужики в тридцать второй суровые, и ни сбежать, ни закосить этот Блядин не будет иметь никакой возможности. Так что поперет на укрепления своих бывших хозяев как миленький. А там и посмотрим, насколько Бог справедлив...

Написав помимо приказа еще и записку для ротного «тридцать два», я, вызвав охрану, передал им пропагандиста, а сам, закулив, устался в окно. Нет, ну надо же, какой привет из будущего мне достался. Попадавшие до этого РОАвцы шли служить немцам по разным причинам. Кто жизнь спасая, кто власть ненавидя, кто просто желая сытой и довольной жизни после немецкой победы. Только все они предварительно попадали в плен и лишь потом становились изменниками. Но вот гражданского человека, добровольно пришедшего в эту армию предателей, я еще не встречал. Так что теперь, пообщавшись с пропагандистом, ощущал себя, как после просмотра новостей НТВ разлива середины девяностых годов.

Блин! Откуда вообще эта сволочь выползла? Я теперь даже жалел, что Бляхин ко мне попал. Во всяком случае, допрашивая фрицев, такой гадливой брезгливости никогда не чувствовал. А сейчас ощущения были, как будто в холерном сортире неделю просидел.

Поэтому, с силой вдавив окуроченные папиросы в пепельницу, я вышел из комнаты и потопал искать Гриню, чтобы договориться с ним о приготовлении внеочередной бани, так как чувствовал нестерпимое желание помыться.

* * *

Наш старшина, глядя на мою белую физиономию, сначала заволновался, но потом, поняв, что Лисова просто от злости так трясет, пообещал сварганить баньку и, немного помявшись, предложил сто грамм для успокоения нервов:

– Илья, ну шо ты сэбе за каждую падлу так изводишь? Пийдем до менэ, я тоби стаканчик налью, усе як рукой сымет! А после бани еще раз налью!

– Нет, Гриня, спасибо. Ты ж знаешь – я не пью...

– Ото зря. Иногда горилка и полезна бывает. – Но, видя, что я не ведуся, добавил: – Як знаешь. Тогда я тоби на помывку мыла дам чешского. Духови-и-и-того...

Старшина покрутил носом, показывая пахучесть трофейного мыла, а я ехидно уточнил:

– Это не того, что мы у тебя еще полмесяца назад выпрашивали, а ты сказал, будто оно

давно закончилось? А?

На лице железного Грини не дрогнул ни один мускул, а все смущение выразилось в поправлении ремня. Он уже открыл рот, чтобы с негодованием отместить все мои подозрения, как на крыльце усадьбы появился Гусев и, увидев меня, спросил:

– Ты уже все закончил?

– Да.

– Тогда пойдем ко мне, кое-что интересное покажу.

* * *

– Да нет, Серега, «липа» это. Ну не могут же они в самом деле такими малохолдными быть? Ведь хоть и говенное, но все-таки правительство...

Я отложил листки бумаги, которые читал, и недоверчиво посмотрел на полковника, подозревая розыгрыш. Только вот, судя по кривой ухмылке Гусева, розыгрышем или «липой» здесь и не пахло.

– Блин! Неужели они всерьез ЭТО решение принимали?

– Ты ведь наши сводки сам слушал. И лондонское радио тоже. Помнишь, как англичане тогда пели?

М-да, действительно – когда в Кракове Армию Крайову фрицы раскатывали в блин, в Лондоне, просто захлебываясь от восторга, описывали массовый героизм бойцов Сопротивления. Я уже тогда сильно сомневаться начал. Просто давно заметил, как только в сводках начинают говорить о массовом героизме, значит, все – жопа. Да и общая задумка восстания мне была совершенно неясна. Чего поляки им хотели добиться, подняв несогласованную с нами бучу во вражеском тылу, – непонятно. Когда несколько тысяч человек, вооруженных только легким стрелковым оружием, начинают выступление против регулярных дивизий, это даже не глупость, а верх идиотизма. Ведь действовали они не как наши партизаны: ударил – отскочил, а внаглую вошли в город и расположились там, ожидая подхода основных немецких сил. Фрицы, наверное, очень удивились такому подарку, когда все бегающие по лесам АКовцы собрались в одном месте, и шанса своего не упустили.

Правда надо отдать должное – дрались пшечи отчаянно, но теперь Краков быстрее отстроить на новом месте, чтобы не возиться с вывозом щебня на старом. Да и гражданские жители этого города почти все погибли. Немцы, не разбираясь где кто, раскатали восставших в пыль, вместе с этим населенным пунктом.

Хм, про Краков-то давно стало известно, но тогда я мог только гадать о целях восстания, а теперь, при взгляде на бумаги, показанные командиром, все становилось на свои места. Ну то есть как становилось... Если что и было понятно, так это полная невменяемость польского эмиграционного правительства, загнавшего своих людей под колотушки.

Снова взяв в руки листки, начал перечитывать решение своры Миколайчика³. Первым пунктом там шел приказ о захвате Кракова своими силами. Ну это у Армии Крайовой даже слегка получилось. Фрицы, не ожидавшие подобной наглости, были довольно сильно потеснены на южной окраине города, только потом быстренько сориентировались и бои приняли позиционный характер. На этом все военные приказы польского правительства и заканчивались, и начинались политически-прожектерские. Читая их, я просто фуэл. Это ведь даже не дележ шкуры неубитого медведя, это было вообще что-то запредельное, потому что вторым пунктом шел приказ о том, что Краков становится временной столицей Польши и власть в нем переходит к делегатуре Лондонского правительства. Причем по отношению к войскам Красной Армии она выступает как полномочная хозяйка Польши и сразу выдвигает требования о том, что Государственный Корпус Безопасности АК интернирует членов

³ Все пункты требований польского правительства имели место быть, и я ничуть их не изменил, единственно перенес действие из Варшавы в Краков. (Прим. автора)

Армии Людовой, а также всех тех, кто не признает Лондонское правительство в эмиграции. Еще поляки хотели забрать себе обратно Львов и Вильно, что проходило отдельным пунктом – мол, демаркационную линию между Польшей и СССР необходимо проложить восточнее названных городов. Ну, разумеется, пункт про полное признание СССР эмиграционного правительства, а также суверенитета Польши. В случае отказа принять эти требования и попыток разоружить АК на баррикадах необходимо оказывать вооруженное сопротивление частям Красной Армии. Поляки надеялись, что «клятые москали» выбьют немцев из города, но с Армией Крайовой связываться побоятся и преподнесут ей страну на блюдецке. В противном случае правительство Миколайчика собиралось взывать к «совести мира» в расчете на то, что «Большая тройка» на фоне проблем Кракова распадется и что именно боязнь распада заставит СССР принять их условия.

А сами пшеки были полностью уверены в своей победе над немцами, потому что войска Красной Армии находились в 50 километрах от города. То есть, даже учитывая возросшее сопротивление гитлеровцев, русские части подошли бы к Кракову через три дня после начала восстания. Только, видно, Верховный то ли вовремя узнал о задумке хитромудрого Миколайчика, то ли план был такой с самого начала, но Первый Украинский фронт, успешно громящий фрицев в Польше, неожиданно ударил на Моравско-Оставу.

Вот тут-то и началось избиение шляхтичей! Англичане, разумеется, никакого десанта, как того требовал Миколайчик, в Краков не сбросили, и всех восставших фрицы положили через несколько дней после начала выступления. Причем это поражение было особенно наглядным на фоне победы в Варшаве, что приводило эмиграционное правительство в полное неистовство. Там Красная Армия сначала выделила в помощь повстанцам из гетто десантную бригаду, а еще через четыре дня, форсировав Вислу, полностью освободила город, развивая наступление на Лодзь, Познань и Быдгощ, создавая угрозу окружения группе армий «Северная Украина».

М-да... сказать, что я был удивлен дуростью Миколайчика со свитой, это не сказать ничего. Блин, похоже, «ясновельможным» очередной раз крупно не повезло с лидерами...

Сергей, видя, что я примолк, с интересом спросил:

– Ну что ты теперь про все это думаешь?

– А что тут думать? Скажу только две вещи, первое – эти лондонские поляки однозначно работают на нашей стороне, хотя сами того не осознают. Ведь около восьмидесяти процентов Армии Крайовой навсегда осталось в Кракове. Значит, после войны, да и сейчас, деятельность их подразделений против наших войск будет сведена к минимуму. Помнишь, я тебе рассказывал, сколько они нам крови попортили?

Гусев кивнул и решил уточнить:

– Ну а вторая?

– Вторая... так скажу – не фиг полякам выделяться, будто они – Европа. Азиопа, такая же, как и мы. Сермяжная посконная и домотканая. Во всяком случае, им тоже с правителями постоянно не везет, как самым настоящим славянам.

Командир при этом намеке слегка насупился:

– А когда это нам с правительством не везло?

– Проще сказать, когда везло. Наверное, когда по дремучим лесами бегали разные поляне, древляне, смоляне и прочая чужь белоглазая. Во всяком случае, про те времена никаких документов не сохранилось и нельзя с уверенностью сказать, что тогда правители были плохие. А начиная с варягов и появления летописей – уже можно... Ведь сам посуди – что ни царь, сука, то реформатор или наоборот, разрушитель реформ.

– Царей давно свергли.

– Серега, не трахай мне мозги. Пусть будет не царь, а просто правитель. Один строит, другой построенное – в распыл. И так чередуясь безостановочно. А народу ни тот ни другой никаких послаблений не делает. Когда попадается «строитель», то он сам своих людей в могилу пачками сгоняет, во имя будущего процветания. Когда «разрушитель», этим занимаются иностранные интервенты. То есть – те же яйца, только в профиль.

Гусев, выслушав этот монолог, помолчал, а потом спросил:

– Илюха, а что ты сейчас делал? Ну прежде чем я тебя позвал?

Удивившись такому неожиданному повороту, я настороженно ответил:

– Пленного допрашивал, а чего это ты интересуешься?

– Это который пропагандист? Тогда понятно. – Командир успокоенно откинулся на спинку кресла и, с удовольствием закурив, выдал: – Едрить твою мать, Лисов! Ведь сколько лет тебя знаю – железный мужик. И мозги на месте, и с людьми отлично ладишь. Про то, какой ты боец, я вообще молчу! Да и просто другом твоим считаться всегда за честь держал. Но почему как только тебе что-то напоминает о твоём прошлом, – тут Серега споткнулся и задумчиво исправился, – или будущем, так ты сразу с катушек съезжаешь? Вот ответ, кого этот мудила из РОА тебе напомнил? Хотя подожди, я сам угадаю – или Ковалева, или Ельцина, или этого, как его, ну богатея, который абреков поддерживал... Березинского?

– Память у тебя, Серега, девичья до безобразия! Не Березинского, а Березовского! Березовского, маму его так!

Гусев, увидев, что я наконец оттаял и начал улыбаться, тоже расплылся в улыбке и попытожил:

– Какая разница, как его фамилия! Да и всех остальных тоже... Пойми, Илья, не будет их в нашем будущем. Не будет и все. И само будущее совсем другим станет. Вот каким мы его сейчас сделаем, таким оно и получится! И только от нас зависеть будет, чтобы оно не стало подобным твоему! От меня, от тебя, от Лешки с Маратом, от Ивана Петровича. От ребят, что сейчас в окопах к наступлению готовятся или на заводах вкалывают. Так что хватит тебе параллели с вашими временами искать и дергаться каждый раз по этому поводу.

Подобный разговор у нас происходил не в первый раз, поэтому, махнув рукой, с досадой ответил:

– Да понимаю я все! Просто иногда такие типажи попадают, хоть стой, хоть падай...

Про типажи Серега выразился в духе киношного Чапаева, в смысле – наплевать и забыть, и заинтересованно спросил:

– А чего ты там возле крыльца с Ничипоренко шептался? Или опять где-то детишек нашел и нашей няньке подкинуть хочешь?

– Нет, про баню договаривался...

– Да ну! Неужели уболтал Гриню? Она ведь только послезавтра должна быть!?

– Уболтал. Он ведь ко мне и так нормально относится, а тут я ему позавчера слова «Розамунды» на русском дал, поэтому Григорий весь в восторге пребывает и вообще – благодарен до невозможности.

Гусев, выслушав, чем я купил старшину, начал хихикать:

– То-то я думаю – чего это он аккордеон странными мелодиями терзает! Ты бы ему еще ноты помимо слов подсказал, цены бы вам не было!

– Где я, где ноты... И вообще, не ругайте музыканта – он играет как умеет!

– Да как он умеет, лучше бы вообще не играл!

– Вот и сиди, критикан недоделанный, в грязном виде, а я сейчас пойду и попарюсь от души.

Серега на это моментально отреагировал:

– Я с тобой!

А потом, зайдя к старшине за обещанным чешским мылом, мы пообедали и ближе к вечеру устроили себе банно-прачечный день. Пока мылись, стирались и болтали, я попутно думал об одной интересной штуке, связанной с песнями. К примеру, эта самая «Розамунда» в последнее время стала очень популярна, причем по обе линии фронта. Старая чешская песенка обрела новую жизнь и с удовольствием распевалась как нашими, так и немцами.

Но мысль была не столько про нее, а про то, что в мире в последнее время все чаще и чаще стали петь наши песни. И американцы, и англичане крутили по радио шлягеры на русском языке. Да что там говорить – даже фрицы очень часто голосили русские песни, правда, по-немецки. Но на трофейных пластинках с удовольствием слушали и на русском.

Причем я бы еще понял, если бы это были хиты, принесенные мною из будущего. Фиг там! Нет, и их тоже исполняли вовсю, но ведь и обычные песни пользовались огромной популярностью. Даже в захваченных нами немецких городах, после нескольких дней испуганного затишья, из окон начинали доноситься знакомые мелодии. Причем гражданских-то никто не заставлял слушать наши песни! Может, прав был Луганский, который на мое недоумение по этому поводу, сказал:

– Видите ли, товарищ гм, гм... капитан, человеческая натура так устроена, что каждый из индивидуумов желает удовлетворить собственное эго. Пусть и неосознанно. Поэтому даже немцы с удовольствием слушают русские песни, подсознательно желая тем самым приобщиться к победителям... Я достаточно доступно объясняю? Может, вам непонятно значение слова «эго»?

– Все вполне понятно. Старика Фрейда я тоже читывал, но здесь что-то не так получается. Вот скажу честно – в сорок первом меня вовсе не тянуло петь «Хорста Веселя». Да и других, насколько я знаю, тоже...

Казимир Львович на это замечание, подняв палец, с улыбкой ответил:

– Вот видите! Просто это значит, что ни вы, ни остальные не могли допустить и мысли о победе фашистов. Даже в глубине души, даже в вашем подсознании была твердая уверенность в нашей победе. А у немцев ее нет, вот и поют нашу «Катюшу», «Проснись и пой» да «Песенку о хорошем настроении».

Тут Луганский почему-то замаялся и, нерешительно кашлянув, решил поинтересоваться:

– Извините, товарищ капитан, если уж разговор про песни пошел, я хотел у вас поинтересоваться – а к известному поэту Илье Лисову вы какое-нибудь отношение имеете?

– Даже не родственник.

Отмазавшись от своего авторства, я сбежал от слишком умного патологоанатома, по пути вспоминая англоязычную музыку, непрерывно льющуюся из каждого музыкального прибора в моем времени. Это что же получается? Выходит, тогда, в двадцать первом веке мы все в глубине души уже сдались и не верим в свою победу? Черт! Но ничего, как там Серега сказал – «Будущее станет совсем другим. Каким мы его сделаем, таким оно и будет»! Вот тогда и посмотрим, чьи песни будут петь в этом новом времени...

Глава 25

Еще три дня я практически ничего не делал и, занимаясь пузогрейством, только наблюдал, как Третьяков со своими людьми носятся по округе и во всех особых отделах демонстрируют фотографию покойного Горбуненко с протянутой, как для милостыни, рукой. Во всяком случае, после обрезки Жукова, при взгляде на фото, складывалось именно такое впечатление. Хотя сейчас я Сашку даже подкалывать опасался. По мере того, как в разных подразделениях СМЕРШа народ отказывался признавать, кому именно Филипп жмет руку, настроение главного мента ухудшалось все больше и больше. А вчера, когда мы с ним ездили к очередным контрикам, Третьяков на мои длинные рассуждения о неправильности выбранного направления расследования так вызверился, что мы чуть не подрались. Хотя насчет «чуть не подрались» это я загнул, просто поносили друг друга на матах, а потом, надувшись, сидели каждый в своем углу «УльЗиСа».

Поэтому сегодня я с ним не поехал, отправив сопровождающим старшего лейтенанта Шарафутдинова, а сам с Пучковым засел за изучение новинки вражеской техники – STG-44, которую в виде трофея притащили нам мужики из разведбата. Эта штурмовая винтовка под промежуточный патрон сильно внешне напоминала «Калашников» – переросток. Но только внешне. Все остальное отличалось от родного «калаша», как рояль от балалайки. Но, правда, бой у нее был – не сравнить с нашими пистолетами-пулеметами. Единственно – тяжелая сволочь, все руки отмотает, если с ней долго бегать.

Глядя, как Леха, сосредоточенно сопя, делает неполную разборку оружия, я с умилением вспоминал виденные мною АК-43. В войска они пока не пошли, дожидаясь

насыщения на складах боеприпасами под этот автомат, но через два месяца обещали сделать первую поставку. «Калашей» было две модели – обычная пехотная «лопата» и десантный вариант со складывающимся прикладом.

А особенно, конечно, радовал одноименный пулемет, который уже начал поступать в армию, благо не требовал никаких промежуточных патронов, а пользовал обычные, винтовочные. Вот чего нашей пехоте всегда не хватало!

А здесь – легкий, надежный, убойный ПК моментально показал фрицам, что может делать отличное оружие в умелых руках. Теперь с их хваленым MG-42 на равных может говорить станкач Калашникова. Горюновский, конечно, тоже неплох, но вот «калаш» – это совершенно другое дело! И БТР на базе ГАЗ-63, которые постепенно все больше появляются в войсках, вооружают в основном именно станковыми ПК. Владимирский «крупняк» пока слишком дорог в производстве, поэтому на каждый БТР его ставить накладно и он идет все больше зенитчикам, а вот творение Миши – в самый раз!

И самое главное – часть новых АК-43 будет оснащаться подствольниками! Пусть считанные единицы, но и это хлеб. Немцы, да и наши, очень давно пользуются насадками на ствол, из которых можно выстреливать маленькую гранату, но все эти насадки либо гробят оружие, либо малоэффективны из-за невозможности нормального прицеливания. Зато теперь под стволом АК-43 будет находиться полноценный аналог ГП-25, оснащаемый безгильзовыми гранатами трех типов. Правда, к сожалению, пехоту этим автоматом пока снабжать не планируется, все пойдет в десант и к спецуре. Заводы массово шлепали ПППШ и ППС, поэтому прекращать налаженное производство сочли нецелесообразным. Просто были выделены отдельные цеха для изготовления нового оружия, и из-за этого «калашей» было сравнительно мало. Но со временем и рядовой пехотный Ваня получит подобную игрушку в свое распоряжение, тем более что РПК сразу стали делать полноценно аж три завода, рассчитывая через полгода полностью заменить в передовых частях допотопный «дегтярь». Глядишь, постепенно и остальные заводы перестанут выпускать пистолеты-пулеметы и перейдут на более современное вооружение. Но, честно говоря, такая тормознутость мне несколько непонятна. Промежуточный патрон был принят еще в прошлом году. Схемы автомата, пулемета и подствольника я передал вообще в конце 42 года. Чего наверху так тянули? Хотя, с другой стороны, им виднее.

А может, просто – все должно идти своим чередом и каждая идея должна вызреть. Вон старший сержант Калашников, даже получив мои схемы с чертежами, пусть и очень неполные, девять месяцев рожал свой первый образец АК. Зато потом дело быстро пошло на лад... пулемет-то, например, уже в войсках; так, может, я зря бурчу?

Лешка, с щелчком загнав цевье на место, покрутил собранную винтовку в руках и с уважением сказал:

– Мощная штука. По убойности, наверное, к ручнику ближе. Только тяжеловата и патронов в магазине мало.

– Это по сравнению с чем мало?

– С ПППШ.

– Ну ты, Гек, даешь! Ты когда «шпагина» в последний раз в руках держал? Ведь везде с ППС ходим. А наш новый автомат, кстати, точно такую же емкость магазина иметь будет, что и STG-44. Только по надежности эта «штурмгевек» и рядом не стояла. Поверь, АК-43 еще в историю войдет как самое надежное оружие всех времен и народов.

– Когда же его нам дадут наконец! И вообще, Илья, расскажи еще про этот автомат.

Пучкову о творении конструктора Калашникова рассказывалось уже раз сто, но Лешка, как трехлетний ребенок сказку, был готов слушать снова и снова. Причем каждый раз как будто впервые. Он то недоверчиво щурился, то восторженно ахал, когда я говорил про виденные мною полигонные испытания.

– Вот прямо волокни по грязи и пыли за машиной, а потом сразу, без чистки начали стрелять? Обалдеть! Вот это оружие!

– Гек, блин! Ну ты ведь станковый пулемет уже видел и даже стрелял. Вся механика

автомата почти точно такая же. Во всяком случае, очень похожа, кроме механизма подачи патронов. И главное, никаких настроек и регулировок не надо. Теперь любой парень, из самой глубокой Тмутаракани, что с пулеметом, что с автоматом за полчаса досконально разберется.

Вообще именно простота обслуживания и были, по-моему, главным преимуществом АК-43. Простота и надежность. А то сколько раз уже было, что оружие просто не стреляло, оттого что с ним элементарно не могли разобраться. Артмастера целые курсы проводили, рассказывая тонкости настройки газового регулятора на «СВТ», но народ врубался слабо и шарахался от нее, как черт от ладана. То же и с «максимами», благо хоть в пулеметчики брали более-менее подготовленных людей. Даже считавшийся надежным ПППШ тоже иногда глючил. Начиная с того, что нельзя было полностью забивать диск во избежание перекоса патрона, и заканчивая его крайне отрицательным отношением к загрязнению. Зато сейчас, с новым оружием, будет одно удовольствие – бери да стреляй! Только нагар после работы чистить не забывай и все!

– А этот, «подствольник», им как работают?

Неугомонный Гек, подпрыгивая на стуле, был готов выслушивать мои измышления про новинки будущих вооружений дальше, но эту идиллию прервал стук в дверь, а потом сразу показалась голова посыльного. Скользя взглядом по столу с лежавшим на нем немецким автоматом, боец доложил:

– Тащ капитан, там вас опять «язык» дожидается. Его только сейчас привезли.

Поморщившись, уточнил у него:

– Надеюсь, хоть этот – немец.

– Никак нет! – Солдатик чему-то улыбнулся щербатой улыбкой и продолжил: – Наш, русский, с номером...

– С каким номером?

– Ну этот, на руке... С концлагеря, видно...

– Ладно. Сейчас иду.

Тяжело вздохнув, я потопал на улицу и, выйдя во двор, увидел знакомого старшину из дивизионного СМЕРШа. Метрах в двадцати от него, возле «виллиса», торчал конвойный, охраняющий длинного мужика в каком-то полупальто и драных армейских шароварах. Поздоровался с контриком, и когда он передал документы на пленного, я поинтересовался:

– Что, в РОА уже из концлагерей стали номерной народ грести?

– Нет, этот парень позавчера сам перешел линию фронта на участке Свиридова. Говорит, сбежал при перевозке, когда их с работ обратно в бараки везли. Там, мол, наши «пешки» с бомбежки возвращались, вот и прошли над колонной с охраной и пленными. Охрана сразу в кусты рванула, а под это дело он и сдернул.

– Врет?

– Вроде нет. Во всяком случае, летуны информацию подтвердили. Они ту колонну пулеметами слегка проредили, так что паника была дай боже.

– А почему к нам направили?

– Так он сначала на запад пошел, следы путая, и три дня недалеко от какого-то замка прятался. Только потом на восток двинул.

– Думаешь, возле Бальги был? Там же этих замков до черта!

Старшина на это ухмыльнулся, пожал плечами и ответил:

– Вот вы и выясняйте, какой он именно замок видел. Я-то эту Бальгу даже на фотографии не наблюдал. А у нас приказ – всех «языков» из того района к вам направлять. Замок ведь еще в глубоком немецком тылу, поэтому мы всех, кто недалеко от залива в последнее время был, сразу к вам доставляем.

– А чего мелочитесь? Тащите сюда сразу всю группировку! Ну а мы вместо «фильтра» работать будем!

Крыленко на этот наезд ничего не ответил, а я, расписавшись в получении и забрав сопроводилку на пленного, приказал вести его в комнату для допросов. Зайдя следом,

кивком отпустил охранника и предложил доставленному снять свой лапсердак и присаживаться.

Задержанный, оказавшийся одетым в сильно потрепанную советскую форму, осторожно уселся на табурет и, положив на колени огромные, лопатообразные ладони, простуженно сопел, не отрывая глаз от пола. Я же, раскрыв полученные от старшины документы, углубился в чтение. М-да... бросив быстрый взгляд на парня, только покачал головой. Двадцать третьего года рождения, а выглядит лет на тридцать, не меньше. Видно, досталось ему хорошо... Еще несколько секунд помолчав, я вздохнул и, достав из папки фотографию замка, спросил:

– Костров Иван Викторович?

– Так точно.

– Посмотрите внимательно, вы, когда от конвоя убежали, этот замок видели?

Парень наконец поднял глаза и, несколько секунд посмотрев на фото, отрицательно покачал головой.

– Нет, гражданин капитан. Тот, возле которого я прятался, только с двумя шпильями был. И вон тех деревьев не было...

– Ты внимательно посмотри, просто этот снимок делали лет десять назад, может деревья подросли?

– Никак нет, гражданин капитан. Там совсем другой замок стоял. Я ведь в артиллерийской разведке служил, поэтому такие вещи хорошо замечаю...

Лагерник отвечал спокойным, глуховатым голосом и, заметив, каким цепким взглядом он окинул фотку, я понял, что на этот раз СМЕРШевцы, похоже, промахнулись. Этот парень, наверное, километрах в тридцати южнее от Бальги был. Там тоже замок есть, но вот в нем фрицы никаких козней вроде не планировали делать, поэтому нас он не интересовал. Блин, жалко! До заброски меньше двух недель, а у нас сведений по объекту – кот наплакал. Сожалеюще вздохнув, я достал папиросу и, закулив, протянул пачку бывшему военнопленному:

– Куришь?

Тот помотал головой и ответил:

– Нет, благодарю, гражданин капитан.

– А тот замок, возле которого ты прятался... Что в тех местах интересного видел?

– Там пусто было. И людей почти не было – только два старикана, мужик средних лет да молодая девка из ворот выходили. То есть выезжали – на велосипедах.

И все – ни машин, ни людей. Хозяева, наверное, уже сбежали и только прислугу оставили за добром присматривать...

– Это все?

– Так точно, гражданин капитан!

– Епрст! Что ты меня постоянно «гражданином» обзываешь? Или ты – тертый зэчара и до войны на зоне чалился, оттуда привычка пошла?

Костров наконец посмотрел мне в глаза и, катнув желваки на щеках, выпалил:

– Никак нет, товарищ капитан! Просто тот лейтенант из особого отдела, когда я к нему «товарищ» обратился, орать начал, мол, товарищи его с оружием в руках немца бьют, а я, как добровольно сдавшийся врагу, на такое обращение прав не имею.

– Ну в общем-то правильно орал. А ты что, действительно – добровольно сдался?

– Угу – сейчас. – Лагерник опять уткнулся взглядом в пол и зло проговорил: – Гранат – нет, снарядов – нет, а эти суки, на мотоциклах да двух танкетках, нас, как баранов, в кучу сгонять начали. Комиссар-то умнее всех оказался – начал из «нагана» по мотоциклистам садить, вот его и переехали сразу. А я глянул, как его кишки на трак наматываются, и поплыл... Хотя если бы знал, что в будущем ожидает, то вперед комиссара бы сиганул... Тогда от дивизиона нас человек пятнадцать осталось, вот и подняли руки. А куда деваться?

Тут Иван надолго закашлялся и потом, успокоившись, поддернул рукав ветхой гимнастерки, вытер выступивший пот. А я, заметив в прорехе острохарактерный

полукруглый шрам, спросил:

– Что, приходилось от собачек бегать?

Костров, невесело усмехнувшись, ответил:

– Два раза. Это не считая последнего. Первый раз через неделю, после того как в плен взяли, в сентябре сорок первого. Нас тогда возле Томино держали, прямо в чистом поле. Там даже колючки толком не было. Немцы просто несколькими нитками на столбиках огородили квадрат и вышки небольшие поставили. Они вначале добреньких из себя корчили. Помню, в те времена много баб ходило вокруг лагеря – мужей искали. Так если находили – немцы мужей отпускали. Мне такое не светило, поэтому выбрал ночку потемней и с тремя друзьями рванул... Только недалеко – даже до леса не дошли, как нас сначала собаки, а потом мотоциклисты догнали... Побили, куда же без этого, и обратно вернули. Думал, расстреляют за побег, но обошлось – ребра поломали и успокоились... Только потом все стало гораздо хуже. Фрицы собрали огромную колонну и пешим ходом повели аж за Львов. Много тогда на той дороге ребят осталось, у нас ведь раненых было до черта... А в Сутонах был уже нормальный лагерь – с бараками, с колючкой. К лету сорок второго на фронте, видно, немцам стали давать прикурить, потому что к нам в лагерь вербовщики приходили. Какой-то полковник, с царскими крестами, все речи толкал, призывал Россию новую строить. Без жидов и Советов...

Иван замолк, видно вспоминая, а я заинтересованно спросил:

– И что, много народу пошло фрицам помогать?

– Куда там! В лагере шесть тысяч душ было, а к тому полковнику вышло двадцать девять человек. Двоих я лично знал – подлюги еще те. Все перед немцами выслуживались за лишнюю пайку. Мы их удавить хотели, да не успели...

– И что потом? Их сразу из лагеря увезли или они перед вами в новой форме покружались?

Бывший пленный на этот вопрос сжал кулаки и глухо сказал:

– Нет, товарищ капитан. Там по-другому было. Их не увезли и даже формы не дали. Видно, к приезду того полковника немчура расстаралась и вычислила семерых командиров и комиссаров, которые себя за рядовых выдавали. Стукачи у них хорошо работали, вот командиров эти, которые в РОА пошли, и повесили...

– Не понял? Командиров семеро, этих двадцать девять... как же они их делили?

– Фрицы хитро сделали – поставили наших на лавки, петлю на шею накиннули, а к ножкам лавок веревки привязали. Вот предатели на раз-два-три и дернули...

– Понятно... А в Восточную Пруссию как попал?

Костров, вздохнув, ответил:

– Лагерь туда эвакуировали, когда наши обратно, на запад двигаться начали. К тому времени от пленных хорошо если полторы тысячи человек оставалось. Так всех запихнули в теплушки и увезли в Коршен. А там кого загнали на строительство укрепрайона, а кого отдавали местным жителям.

– Как обычно – на ударный, безвозмездный труд?

– Так точно – днем под охраной работали у бюргеров, а вечером в лагерь. Но позже в лагерь даже возвращать перестали – загоняли на ночь в сарай и с утра опять на работу. Там мы хоть отъелись... После лагерной баланды и гнилая брюква за деликатес шла. Да и охрана совсем другая стала. До этого молодые охраняли, вот они зверствовали почем зря. А потом пожилые мужики появились, те нас не трогали, даже когда видели, что мы картошку с полей в карманы прячем. Так почти до зимы было, а потом нашу команду отправили противотанковые рвы да окопы копать. А неделю назад сбежать получилось – прямо над дорогой, по которой нас конвоировали, «пешки» прошли, и, пока охрана по кустам пряталась, я в лес ушел. Мы ведь до этого ИЛ-2 как-то видели, а они далеко в глубь немецкой территории не залетают. Посчитал, что фронт уже близко, вот и рванул.

– Про Ил-2 откуда знаешь? Ну что он в основном по ближним тылам работает? Да и Пе-2 появились уже после того, как ты в плен угодил.

– Я с бортстрелком в лагере сдружился. Он к нам в конце сорок второго попал, вот и рассказал много чего.

– А где сейчас твой друг?

– Этой зимой от горячки умер...

– Ясно... Жрать будешь?

Не дожидаясь кивка пленного, я свистнул конвоира и приказал принести банку тушенки и хлеба.

Пока бывший лагерник, стараясь не очень торопиться, уничтожал свинину, я курил и глядел в окно. Да уж... досталось пареньку нехило. Три года плена – это вам не цацки-пецки... Поэтому, когда он, доев и подчистив банку куском хлеба, осторожно спросил:

– Товарищ капитан, а куда теперь меня? В Сибирь?

Я только ухмыльнулся и ответил:

– Не понял, с чего это тебя в тыл потянуло?

– Так в лагере говорили, что нас если и освободят, так сразу прямым ходом на Колыму пошлют...

– Это кто такое говорил?

– Ну... – Иван помялся, а потом, решившись, ответил: – Немцы говорили и капо тоже... Да и некоторые наши. Дескать, товарищ Сталин приказ издал, что всех сдавшихся в плен в предатели записывают.

Ух ты! Так вот откуда пошла эта байка про то, что наших пленных эшелонами прямоком в сталинские лагеря гнали! От немцев да лагерных надзирателей. А я еще в те времена думал: интересно, как это происходило? При страшной загруженности железных дорог еще и находить места для перевозки сотен тысяч бывших военнопленных. Правда, с прошлого года, когда освобожденные хлынули потоком, понял, что наши «демократы» очередной раз всех по своему обычаю обманывали. А на самом деле все было взвешенно и логично. Бывших лагерников отправляли на ближайшие фильтры. Там их проверяли, попутно откармливая и оказывая медицинскую помощь. После проверки сразу отсеивали этих самых капо, стукачей и вообще тех, кто активно сотрудничал с немецкой лагерной администрацией. Сделать подобное было достаточно легко, так как на этом же фильтре находилась масса свидетелей из одного с ними концлагеря. Всех предателей, а таких набиралось обычно процентов десять от общего количества, достаточно быстро выявляли и после скорого суда отправляли по этапу. Остальным же светила медкомиссия и после проверки здоровья годные к службе отправлялись в запасные полки, а оттуда на фронт, продолжать службу. Негодных, здоровье которых было подорвано пребыванием в плену, отправляли по домам как комиссованных из армии по здоровью. То есть более семидесяти процентов бывших пленных опять становились в строй. Очередной раз вспомнив недобрым словом современных мне «общечеловеков», я раздраженно хмыкнул и ответил вопросительно глядевшему на меня Кострову:

– Приказ такой действительно был. Но касался он только добровольно сдавшихся или перешедших с оружием на сторону врага. И этот приказ был необходим – сам вспомни, тогда были времена, когда двое немецких мотоциклистов в плен советский батальон брали. Это же ни в какие ворота! А ты сдался не добровольно. То есть обстоятельства вынудили поднять руки. Так что светит тебе парень «фильтр» и через месяц отправка на фронт.

– На фронт?!

Иван обрадованно вытаращил глаза, но я, сделав вид, что не заметил его радости, сурово сказал:

– Конечно, на фронт. А ты что хотел – отпуск и талоны на усиленное питание? Нет уж – отпуск еще заслужить надо, так что пойдешь в маршевые роты. Был бы ты офицером, там, конечно, более строго – если не сможешь доказать, что в плен попал раненым, то определят в штрафбат. С офицеров завсегда спрос больше. Но к рядовому и сержантскому составу этот пункт приказа не относится. Поэтому вспоминай навыки артиллерийского разведчика, они тебе скоро опять понадобятся.

– Спасибо, товарищ капитан!

– Это тебе, парень, спасибо за то, что не сломался и себя сохранил.

Глядя на подозрительно блеснувшие глаза Кострова, добавил:

– Пойдем со мной. Сейчас твою рванину на нормальную форму сменим, а после обеда тебя ребята на фильтр отвезут. Я тут записку начальнику особого отдела написал, так что трясти там особенно не будут и в запасной полк после медкомиссии отправят первой партией.

Пока таскал Ивана с собой, одевая и добывая ему сухпай в дорогу, все вспоминал про тот изврат, что творился в моей башке перед попаданием в это время. Ведь даже не знал разницы между штрафным батальоном и штрафной ротой! Думал, это одно и то же. М-да... молодой был – глупый. Ведь штрафбат – это подразделение для провинившихся офицеров и только для них. На нашем фронте, например, он всего один. И штрафных рот для рядовых – четыре. А у Жукова аж три штрафбата на фронт приходится. М-да... Как там в фильме говорилось – «Совсем озверел Черный Абдулла»...

Но даже не это главное. Ведь в двадцать первом веке считалось, что горемычные штрафники шли в бой без оружия и ставили перед ними исключительно самоубийственные и невыполнимые задачи. Хрен нанась! Вооружение стандартное у каждого, а вся «прелесть» задачи заключается в том, что их суют на самый тяжелый участок фронта, где риск погибнуть наиболее высок. Вот и все. Где нет штрафников, такие же участки штурмует самая обычная пехота. Единственно, что пехота может остановиться и отступить, а осужденные трибуналом такой возможности не имеют...

Зато по выполнении задачи если ранен – тут же срок снимают. Можно даже обойтись без ранения – все зависит от глобальности выполненного задания. Бывает так, что трибунал освобождает все подразделение целиком. В прошлом году, например, так и было – за форсирование реки и удержание плацдарма роту штрафников досрочно освободили всем скопом. Кстати, еще и поэтому после допроса пропагандиста я ротному тридцать второй черканул, а то выживет Бляхин ненароком, а мне что, в Боге разочаровываться? Но теперь он за спинами остальных ребят-штрафников точно не спрячется – ротный за этим лично проследит.

В конце концов, переодев и затарив Ивана под завязку, лично усадил его в «газон» и, пожелав счастливого пути, отправил на фильтр. Сам же, находясь в приподнятом настроении, пошел было к Гусеву, но был перехвачен Геком, который, настрелявшись за нашим помещьем из STG, спешил поделиться впечатлениями о трофейном оружии. Выслушав Пучкова, я тоже не удержался и решил опять порезвиться со штурмовой винтовкой. Ну а потом у нас просто кончились патроны, да и прибежавший Мишка Северов начал скандалить – дескать, устроили стрельбище под его окнами. Дав щелбана упитанному начальнику связи, чтобы не очень выделялся, мы плавно переместились в расположение, попутно обсуждая достоинства и недостатки испытанного оружия. К достоинствам однозначно относились высокая убойность и дальность стрельбы. К недостаткам – слишком большой вес и чересчур высокие прицельные приспособления. Слишком высоко поднимая голову при стрельбе, можно было в эту самую голову и пулю схлопотать... Еще мне не понравилось хлипкое крепление приклада. Это ведь оружие пехоты, а в рукопашке таким прикладом бить страшно – отвалится и все. В общем, придя к выводу, что «штурмгеве» – автомат так себе, опять перешли к обсуждению вожаемого АК-43...

* * *

Два дня все было тихо, спокойно, но на третий, когда я, разложив свою коллекцию пистолетов на столе, насвистывая бодрый мотивчик «Чунга-Чанги», занимался смазкой оружия, в дверь влетел взъерошенный Третьяков. Увидев меня, он с какой-то ошарашенной улыбкой подскочил к столу и, одним движением сдвинув в сторону детали «браунинга», с размаху шлепнул на освободившееся место конверт:

– Вот! Смотри!

Осторожно приподняв двумя пальцами эту бумагу, поинтересовался:

– И что я должен здесь увидеть?

– Внутри смотри! Только руки сначала вытри.

Покорно стерев с пальцев смазку, я вытряхнул на ладонь знакомую фотографию Горбуненко. Только на этот раз протянутую руку Филиппа жал незнакомый мне лейтенант. Глядя на это, только и смог сказать:

– Оп-па!

– Вот и я про то же!

Через пару секунд, придя в себя, начал жадно выпытывать у Александра подробности. Оказывается, эту фотку они нашли в особом отделе одиннадцатой гвардейской армии. Ее владелец, лейтенант, который к этому времени получил еще одну звездочку на погон, рассказал, что снимок был сделан осенью прошлого года под Шалашино. Майор Горбуненко приезжал к ним в часть, и когда уже собирался убывать обратно, их и сфотографировали. Причем старшой отлично помнил, кто делал снимок – это была корреспондентка газеты «Известия» по фамилии Фильдман. Имени и отчества он не помнит, но фамилию назвал уверенно.

Еще раз покрутив обновленную фотографию в руках, я сказал:

– Блин, Сашка, поздравляю! Я ведь совсем не верил, что ты в правильном направлении роешь! А тут такое... То есть получается – Жуков ни при чем?

– В том-то и дело! Теперь это можно сказать с уверенностью. Кто-то хотел не только уничтожить Черняховского, но при этом бросить тень подозрения на Жукова. Только вот они перестарались – слишком много улик на месте преступления оставили. Да и фотография эта... Ты вот где дорогие тебе фото хранишь?

– В сейфе, чтобы не потерялись да не помялись.

– Вот видишь! А Горбуненко ведь тоже не окопник и свой сейф имеет! Зачем тогда он фото с маршалом в планшете таскал?

– Ага... думаешь, подкинули?

– Да, сейчас в этом уверен полностью. Его машину там, на дороге, остановили и, расстреляв майора с водителем, сунули эту фотографию в полевую сумку. Ну чтобы завершить общую картину.

– И кто, думаешь, все это делал? Кто заказчик?

– Еще не знаю, но я сейчас пошлю запрос по поводу Фильдман в Москву. Чтобы узнали и про нее и про круг ее знакомых.

– Считаешь, корреспондентка как-то с этим связана?

– Точно не скажу, но фотографию делала она и негативы были у нее. Может, она их кому-то передала, вот и надо выяснить – кому?

Действительно, это хороший ход. Просто так высококачественный монтаж, имея только одну фотографию, сделать невозможно. Тут негатив нужен. Так что журналистка вполне может продолжить цепочку дальше. Главное, чтобы сейчас не выяснилось, что и она тоже нежданно померла, тогда мы опять останемся ни с чем. Хотя... У нас есть три трупа и их физиономии. Не с Марса же эти гаврики появились, так что они тоже хороший след. Подумав об этом, тут же поинтересовался:

– А морды убитых никто не опознал?

– Здесь их не видели. А из архивов ответ еще не приходил...

Понятненько... В принципе, когда получил подтверждение, что фотография оказалась подделкой, буксовавшие у меня мозги включились сразу и на полную катушку. До этого я не очень верил в такие хитрые комбинации, зато сейчас все становилось на свои места. И кисет с газетами, и оружие, и заложенный фугас. Но как только стала понятна логика событий, мысль пошла еще дальше. Просто прикинул, кому выгодно устранение двух таких непохожих друг на друга людей? Они ведь у нас, образно выражаясь, не только с разных дворов, а вообще – с разных улиц!

Я уже знаю, что наше командование, так же как и Политбюро, активно делится на группы по интересам. Так эти военачальники были из антагонистических групп! А так как их хотели убрать обоих, то кому это надо было – непонятно. Третьей известной мне силы не существовало. Во всяком случае, достаточно уверенной в себе, чтобы пойти на подобное. В смысле не существовало в СССР. Значит, что остается? Остается иностранная разведка. Уничтожение Жукова с Черняховским очень выгодно немцам. То есть немцам в первую очередь. А еще, как ни странно, это выгодно союзникам. Англо-американские войска сейчас судорожно готовятся к открытию второго фронта. По туманным намекам Колычева я понял, что в начале лета он наконец может быть открыт. Вот только что им достанется от Европы, если Красная Армия будет продвигаться такими же темпами? О чем договорился Верховный с Рузвельтом и Черчиллем в Ялте в начале года, мне не докладывали, но похоже, что раздел будет идти несколько по иным границам, чем он происходил в мое время. Вклад союзников в победу оказался настолько мизерным, что я не удивлюсь, если Сталин отдаст им Францию, Италию и какие-нибудь Нидерланды, а остальное хапнет под крыло Союза. А самое главное, что союзники и слова в ответ сказать не смогут! Им бы хоть эти страны у немцев успеть отбить – уже хорошо. А то войска Красной Армии уже в Берлине драться будут, а амеры только в Нормандии к высадке готовиться начнут. То-то их правительствам будет невесело... Ведь пока из всех достижений союзников в Европе можно назвать лишь захват Сицилии в начале этого года. Предполагалось, что после этого они высадятся в Италии, но англо-американские войска так и остались торчать на мафиозном острове, не делая попыток прорваться к матерiku.

Так что резкое снижение темпов нашего наступления играет на руку как немцам, так и англичанам. И они все для этого будут делать! Вплоть до прямого убийства самых «быстроходных» советских командиров. Причем Жуков и Черняховский, возможно, не первые. Как говорил Гусев, слишком много несчастных случаев в последнее время с нашим командованием происходить начало.

Покрутив эту мысль в голове, озвучил ее Третьякову, опустив только момент с высадкой во Франции. Сашка сильно задумался, но потом, тряхнув головой, ответил, что это – большая политика, а он обычный опер и дело будет раскручивать исходя из существующих улик и фактов, стараясь при этом не влезать в заоблачные сферы. Хотя мою подсказку он, разумеется, мимо ушей не пропустит и будет иметь ее в виду. На том и порешили, после чего Третьяков ускакал делать очередной запрос, а я опять занялся чисткой своей коллекции, попутно обдумывая участие импортных разведок в этом покушении, крутя факты и так и эдак...

А еще через четыре дня наступил час икс. Помытые, сытые, экипированные, мы после напутственного слова Гусева катили в кузове ГАЗ-63 на аэродром. Все, что можно было учесть – учтено, все, что можно было сделать – сделано, поэтому мыслями я пребывал уже по ту сторону линии фронта. Летуны тоже не подвели, и поэтому к нашему приезду ЛИ-2 уже начал раскручивать винты. Шустро загрузившись в самолет, разведгруппа, надев парашюты, расселась по лавочкам, а «Толстый», взревев моторами и подскочив несколько раз на кочках, оторвался от земли и взял курс на запад. Высаживаться мы решили в районе Хайгенбайля, чтобы не морочиться с форсированием здорового канала, проходящего в приморской части Восточной Пруссии, с севера на юг. Вплавь его пересекать еще достаточно холодно, а на любом мосту советских разведчиков моментально засекут. Поэтому лучше сразу – ближе к побережью и километрах в тридцати от объекта. Поправив немецкую каску, я взглянул на часы. Вроде по времени должны уже подлетать. Как будто отвечая моим мыслям, дверь, ведущая в кабину пилотов, открылась, и появившийся человек показал один палец. Вот и все – минутная готовность. Мы встали со своих мест и, выстроившись по проходу самолета, стали в последний раз проверять оружие и снаряжение. В голове мелькнула мысль – «Жалко, покурить не успел», и тут выпускающий, который уже открыл дверь, откуда сильно задувал холодный воздух, хлопнув по плечу, проорал мне в ухо: – Первый – пошел!

И все мысли сразу исчезли, так как я вывалился из самолета и понесся навстречу непроглядно-черной земле.